

◆ ◆ ◆
концепции
и практики

◆ ◆ ◆
НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ДОСТОЯНИЕ

◆ ◆ ◆ НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ДОСТОЯНИЕ

◆ ◆ ◆
концепции
и практики

◆ ◆ ◆
◆ ◆ ◆

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ УРО РАН
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
РОССИЙСКИЙ ДОМ НАРОДНОГО
ТВОРЧЕСТВА ИМ. В. Д. ПОЛЕНОВА

НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ
ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ
ДОСТОЯНИЕ

концепции
и практики

издательство
МАМАТОВ®
www.mamatov.ru

С.-Петербург 2025

УДК 39(082)
ББК 63.52
Н50

Рецензенты:

Наталья Евгеньевна КОТЕЛЬНИКОВА,
кандидат филологических наук
(г. Москва),

Юлия Андреевна КРАШЕНИННИКОВА,
кандидат филологических наук
(г. Сыктывкар),

Наталья Борисовна КРЫЛАСОВА,
доктор исторических наук
(г. Пермь).

Н50

Нематериальное этнокультурное достояние: концепции и практики / авт. коллектив: М. С. Каменских, О. Э. Добжанская, В. Е. Добровольская [и др.]; под ред. А. В. Черных; Ин-т гуманитар. исслед. УрО РАН, Гос. Рос. Дом народ. творчества им. В. Д. Поленова. – С.-Петербург: Маматов, 2025. – 384 с.

ISBN 978-5-91076-301-6

В монографии рассматриваются вопросы, связанные с деятельностью в сфере нематериального этнокультурного достояния. В отдельных разделах исследования изучены основные подходы к пониманию нематериального этнокультурного достояния в Российской Федерации, проанализированы государственная политика и опыт российского федерального и регионального законодательства в данной сфере за последние десятилетия, рассмотрены проблемы и методы актуализации этнокультурного достояния, выявлены наиболее успешные практики. Особое внимание уделено дискуссионным вопросам, таким как наследие в регионах, заселенных в недавнем прошлом (пример Калининградской области), проблеме языка как объекта НЭД и сохранения нематериального достояния в условиях утраты родных языков и др. На примере Республики Беларусь и Китайской Народной Республики рассмотрен международный опыт деятельности.

Издание предназначено этнологам, фольклористам, культурологам, специалистам учреждений культуры, чья деятельность связана с нематериальным этнокультурным достоянием.

Рекомендовано к печати Объединенным Ученым советом Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН

Исследование выполнено в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023–2025 гг. (руководитель – академик РАН В. А. Тишков) в рамках проекта «Нематериальное этнокультурное достояние народов Российской Федерации как ресурс сохранения многообразия и формирования российской идентичности».

© Коллектив авторов, 2025

© ООО «Издательство «Маматов», 2025

Содержание

Предисловия **6**

Раздел 1. Общие вопросы и концепт «нематериальное этнокультурное достояние»

А. В. Черных
НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ
ДОСТОЯНИЕ РОССИИ:
ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К СОХРАНЕНИЮ
И ПРЕЗЕНТАЦИИ **10**

М. С. Каменских
РОССИЙСКОЕ ФЕДЕРАЛЬНОЕ
И РЕГИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО
В СФЕРЕ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО
ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ **48**

Ю. С. Чернышева, А. В. Черных
РЕЕСТРЫ ОБЪЕКТОВ
НЕМАТЕРИАЛЬНОГО
ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ:
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ **73**

Раздел 2. Дискуссионные вопросы нематериального этнокультурного достояния

А. В. Черных, В. Е. Добровольская
НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ
ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ДОСТОЯНИЕ
В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ **90**

М. С. Каменских
НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ
ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ДОСТОЯНИЕ
В ДИАСПОРАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВАХ:
ПРИМЕР РОССИЙСКИХ КОРЕЙЦЕВ **112**

О. Э. Добжанская
НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ
НАСЛЕДИЕ КОРЕННЫХ
МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА
И ПРОБЛЕМЫ ЕГО СОХРАНЕНИЯ **131**

М. С. Каменских, А. В. Черных
НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ
КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
В УСЛОВИЯХ ГОРОДА:
ПРИМЕР г. ПЕРМИ **166**

А. В. Черных, М. С. Каменских
ЯЗЫК КАК ОБЪЕКТ
НЕМАТЕРИАЛЬНОГО
ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ:
PRO END CONTRA **187**

В. Е. Добровольская
ОБЪЕКТЫ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО
ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ
В СИТУАЦИИ УТРАТЫ ЯЗЫКА:
ПРИМЕРЫ ИЖОРЫ И ЧУЛЫМЦЕВ **207**

Д. И. Вайман
НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ
ДОСТОЯНИЕ В ДИАСПОРАЛЬНЫХ
СООБЩЕСТВАХ:
ПРИМЕР РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ **231**

Раздел 3. Деятельность в сфере нематериального этнокультурного достояния

М. В. Русанова
НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ
ДОСТОЯНИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО РОССИЙСКОГО ДОМА
НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА
ИМ. В. Д. ПОЛЕНОВА **255**

А. В. Вострокнутов, А. В. Черных
ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ВЫЯВЛЕНИЮ И ИЗУЧЕНИЮ
ОБЪЕКТОВ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО
ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ:
МЕТОДИКА И ОСОБЕННОСТИ **274**

Т. М. Санникова, Н. Г. Кожанова
ПРОБЛЕМЫ И ПОДХОДЫ
К АКТУАЛИЗАЦИИ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО
ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ **292**

В. Е. Добровольская, Ю. С. Чернышева
РУССКОЕ СКАЗОЧНОЕ НАСЛЕДИЕ
КАК ОБЪЕКТ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО
ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ:
ПРОБЛЕМЫ АКТУАЛИЗАЦИИ
И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ **315**

**Раздел 4. Международный опыт
в области нематериального культурного
наследия**

Т. В. Володина
НАУЧНАЯ ЭКСПЕРТИЗА В ПРАКТИКАХ
ОХРАНЫ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ **333**

М. С. Каменских, В. Л. Кляус, А. В. Черных
ОПЫТ КИТАЯ В ПОЛИТИКЕ СОХРАНЕНИЯ
НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ **349**

Бай Гуйси, Ли Тэ
СОХРАНЕНИЕ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КИТАЯ
НА МЕСТНОМ УРОВНЕ:
ОПЫТ ПРОВИНЦИИ ХУБЭЙ
(кит. 中国非物质文化遗产保护工作的地方实践:
湖北省的经验) **360**

Сведения об авторах **382**

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Работа по сохранению нематериального культурного наследия сегодня является одним из самых популярных направлений деятельности в сфере традиционной народной культуры. Это обусловлено и многонациональностью населения страны, ростом интереса к своим «корням», активизировавшимся в демократической России, и вниманием государства к поддержке культуры всех народов, их языков и традиций. Эта задача обозначена в «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г.», «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года», «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» и других документах. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» также указывает на важное значение традиций, хранящих духовные ценности народа.

Главным документом для ведения деятельности по сохранению традиционной культуры, нематериального культурного наследия сегодня является ФЗ № 402 от 20.10.2022 «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» и Постановление Правительства РФ от 3 августа 2023 г. № 1277 «Об утверждении Положения о федеральном государственном реестре объектов нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации». Работа над созданием этих основных документов начиналась нами еще в первые годы нового века, и пережила разные этапы: от споров и дискуссий о понятийном аппарате – до методов и форм популяризации нематериального культурного наследия.

За четверть века мы смогли не только воплотить большинство планов в жизнь, нам удалось главное – достигнуть взаимопонимания между теоретиками и практиками, наладить координацию действий ученых, исследователей, методистов и организаторов фольклорного движения, творцов и артистов, всех, кому дорого наследие народной культуры и важно его сохранение и дальнейшая жизнь. Десятки форумов, конференций, сотни учебных семинаров,

конгрессы и съезды стали нашими рабочими площадками, помогая в этой объемной и непростой работе, начиная от привлечения к ней регионов, и заканчивая «рождением» нового термина «нематериальное этнокультурное достояние», заменившего привычный «нематериальное культурное наследие». Сегодня мы вышли на новый этап, когда ведущие научные силы страны стали нашими сподвижниками. Результат их изысканий и нашего сотрудничества представлен в этой книге.

Надеюсь, что она будет интересна самому широкому кругу читателей и принесет весомый вклад в работу по дальнейшему сохранению, изучению, исследованию и популяризации нематериального этнокультурного достояния нашей великой России!

Тамара Валентиновна ПУРТОВА,
директор Государственного Российского Дома
народного творчества им. В. Д. Поленова, заслуженный деятель
искусств Российской Федерации, кандидат искусствоведения,
профессор

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Настоящая монография посвящена изучению разных вопросов, связанных с нематериальным этнокультурным достоянием в Российской Федерации. Принятие Федерального закона от 20.10.2022 N 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» значительно активизировало деятельность, связанную с данной сферой и в то же время потребовало осмысления самого феномена, выработку концептуальных подходов, анализа существующих практик.

Именно такие цели: комплексный анализ содержания и деятельности в сфере нематериального этнокультурного достояния народов Российской Федерации, ее влияние на сохранение этнокультурного многообразия, ценностей и символов России и регионов, формирование региональной и общероссийской идентичности, и ставили участники научного исследования «Нематериальное этнокультурное достояние народов Российской Федерации как ресурс сохранения многообразия и формирования российской идентичности» (рук. А. В. Черных), реализованного в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023-2025 гг. (руководитель академик РАН В. А. Тишков).

Данная работа проводилась Институтом гуманитарных исследований УрО РАН (г. Пермь) совместно с Государственным Российским домом народного творчества им. В. Д. Поленова (г. Москва), которые объединил коллектив исследователей из разных регионов нашей страны и решал исследовательские задачи, связанные с разработкой концептуальных вопросов понимания содержания нематериального этнокультурного достояния, направлений деятельности и подходов к актуализации наследия, разных моделей и форм бытования объектов наследия и их научного изучения и презентации.

Тематика научных разделов монографии весьма разнообразна: от рассуждений о формировании концепта и содержания термина «нематериальное этнокультурное достояние» до становления системы работы в данном

направлении. В отдельных разделах и материалах освещаются вопросы федерального и регионального законодательства в данной сфере, опыт наполнения федеральных и региональных реестров, дискуссионные вопросы, связанные с нематериальным этнокультурным достоянием, опыт и подходы к актуализации наследия, а также опыт зарубежных коллег в данной сфере. Надеемся, что настоящее исследование внесет свой вклад в понимание нематериального этнокультурного достояния и деятельности, связанной с его сохранением, изучением и популяризацией.

Александр Васильевич ЧЕРНЫХ,
доктор исторических наук, член-корреспондент РАН,
директор Института гуманитарных исследований
УрО РАН

Общие вопросы и концепт «нематериальное этнокультурное достояние»

А. В. Черных

НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ДОСТОЯНИЕ РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К СОХРАНЕНИЮ И ПРЕЗЕНТАЦИИ

Нематериальное этнокультурное достояние – этот термин в последние годы чрезвычайно широко стал использоваться в научном дискурсе и в практиках работы учреждений культуры в нашей стране. Выявление, изучение, сохранение и актуализация объектов нематериального этнокультурного достояния (далее также НЭД) становятся одними из значимых задач культурной политики, стоящих перед Российской Федерацией.

Концепт «нематериальное культурное наследие» (далее также НКН) стал активно использоваться в мире и в России после принятия Конвенции о нематериальном культурном наследии ЮНЕСКО 17 октября 2003 г. [Конвенция 2003]. Сегодня более 200 стран мира ратифицировало Конвенцию. Определение, опубликованное и провозглашенное Конвенцией, стало основным, которым пользовались при обсуждении проблематики нематериального культурного наследия. С 2008 г. в Список шедевров нематериального культурного наследия ЮНЕСКО от России входят два объекта: якутский героический эпос «Олонхо» и «Культурное пространство и устное творчество семейских Забайкалья» [Russian Federation]. В настоящее время в Список шедевров нематериального культурного наследия ЮНЕСКО объекты от России не включаются, так как Россия не ратифицировала Конвенцию ЮНЕСКО [Нематериальное культурное наследие 2020: 8].

Можно выделить целый комплекс причин, по которым Российская Федерация отказалась от ратификации Конвенции. Следует указать, что в целом в области защиты культурного наследия общие подходы Российской Федерации и российское законодательство расходятся с некоторыми международными нормами, включая декларации и конвенции ООН и ЮНЕСКО. Как отмечает В. А. Тишков, «главные соображения неприсоединения для российских политиков – это доминирующая в мировом экспертном и общественно-политическом дискурсе внеэтническая трактовка культуры и культурного наследия как наследия прежде всего территориальных и страновых сообществ. В большинстве стран мира культурное достояние отдельных этнических общностей, как правило, определяется только в случаях с т. н. индигенными народами и этнорасовыми меньшинствами. Вызывают напряжение в случае ратификации Россией подобных международных документов также громоздкие, в том числе финансовые, обязательства, вытекающие из необходимости соблюдения данной конвенции» [Тишков 2023: 10]. Были и другие аргументы в пользу неприсоединения к Конвенции. С одной стороны, ее ратификация предусматривала бы и «мониторинг» выполнения, который зачастую субъективен и зависит от политической ситуации в мире. С другой стороны, сложность этнокультурного ландшафта нашей страны и многообразие явлений культуры создает сложности в определении приоритетов в создании того или иного объекта, что чревато рисками напряжения в межнациональных отношениях. На «внутреннем» уровне эти риски можно регулировать и избегать конфликтных ситуаций [Аристархов 2021: 2–6]. Таким образом, «с одной стороны, присоединение России к Конвенции ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия не принесет ей какой-либо ощутимой пользы; с другой стороны, такой шаг создает определенные риски как во внешней, так и во внутренней политике» [Аристархов 2021: 6].

Однако не следует считать, что отказ от ратификации Конвенции был предопределен. Российская Федерация с самого начала принимала активное участие в обсуждении документа. Но, как отмечает депутат Государственной Думы РФ Е. Г. Драпеко, «существенные поправки, которые были внесены нашей страной, не были приняты. Поэтому Россия приняла решение не ратифицировать эту конвенцию, а посмотреть, как она будет реализована другими странами» [Драпеко 2018]. Среди рисков депутат также отметила возможные сложности межэтнического взаимодействия, современной этической оценки ряда традиций и вопросов о необходимости их сохранения и другие.

Таким образом, в итоге, опираясь на тот факт, что в Российской Федерации сложились свои особенности охраны нематериального культурного наследия, было принято решение не ратифицировать документ,

а принять комплекс мер по сохранению культурного достояния народов нашей страны [Добровольская 2021: 25].

В то же время следует отметить, что публикация Конвенции и актуализация данной тематики в международном контексте стали основой для начала введения понятия «нематериального культурного наследия» в общественную сферу Российской Федерации, а также придали импульс деятельности по его сохранению.

Организационно-правовые основы деятельности в сфере НЭД

В октябре 2003 г. был создан Российский комитет по сохранению нематериального культурного наследия народов России [Нематериальное культурное наследие 2020: 8]. Важным шагом на пути сохранения НКН и организационного оформления стало заседание Государственного Совета Российской Федерации 26 декабря 2006 г. в Москве, на котором обсуждалась поддержка традиционной культуры, по результатам было дано поручение рассмотреть вопрос о разработке концепции и программы по сохранению нематериального культурного наследия Российской Федерации [Каргин, Костина 2008: 62–63]. В 2008 г. была принята Концепция сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Российской Федерации. В рамках программы реализации Концепции было решено создавать на территории Российской Федерации банк данных (каталог) объектов НКН [Пуртова 2018: 37]. Примером для данного каталога послужил список шедевров устного и нематериального Всемирного наследия ЮНЕСКО. Следует отметить, что Концепция была рассчитана на 2009–2015 гг. и не была продлена на следующий период.

Особенностью Российской Федерации является деятельность в сфере нематериального культурного наследия не только на федеральном уровне, но и в субъектах России. В нескольких субъектах Российской Федерации были приняты региональные законы о нематериальном культурном наследии, как, например, в республиках Татарстан, Тыва, Алтай, Хакасия, Дагестан, а также в Саратовской, Вологодской областях, Краснодарском крае, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономном округах и других [Пояснительная записка; Чулисова 2022]. Независимо от принятых законов во многих субъектах разрабатываются и наполняются региональные каталоги объектов НКН и уже накоплен значительный опыт по сохранению и презентации регионального нематериального культурного наследия.

Важным событием, связанным с нематериальным культурным наследием, можно считать создание в 2019 г. в рамках деятельности Российского Комитета по сохранению нематериального культурного наследия при Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО Экспертного совета по вопросам формирования реестра (каталога) объектов нематериального культурного наследия [Нематериальное культурное наследие 2020: 9]. Работа Совета продолжается в настоящее время и связана не только с экспертизой объектов НКН для включения в федеральный реестр, но и с научно-методической деятельностью с данной сфере, а также экспедиционной и исследовательской работой по выявлению и изучению объектов НКН. Экспертный совет объединил специалистов в областях этнологии, этномузыкологии, фольклористики, культурологии и искусствоведения из разных научных центров страны.

Следует отметить, что в разработке нормативной базы принимали активное участие эксперты Государственного Российского Дома народного творчества им. В. Д. Поленова и федерального Экспертного совета по вопросам формирования реестра (каталога) объектов нематериального культурного наследия из разных научных центров России. В настоящее время ГРДНТ им. В. Д. Поленова является организационным и методическим центром в сфере нематериального этнокультурного достояния.

Деятельность Экспертного совета в 2019–2024 гг. была направлена на разработку нормативных документов, среди которых положение об Экспертном совете, классификация и рубрикация реестра (каталога), разработка принципов описания и представления материалов, рецензирование поступающих заявок от регионов о размещении объектов в действующем реестре.

Значимые события в сфере поддержки нематериального культурного наследия произошли в 2022 г. Следует отметить, что 2022 г. был объявлен Годом культурного наследия народов России, что не только привлекло внимание к данной сфере и направлениям работы, но и активизировало проведение разных мероприятий, фестивалей, конкурсов, а также научных и научно-практических конференций, круглых столов, в центре внимания которых были подходы к работе и теоретическое осмысление нематериального культурного наследия народов России. Несколько важных площадок и форумов 2022 г. были непосредственно посвящены обсуждению вопросов, связанных с НКН. Круглый стол с участием ученых и практиков, посвященный региональным реестрам объектов нематериального культурного наследия, состоялся в рамках V Всероссийского Конгресса фольклористов, проходившего в Рязани с 16 по 20 марта 2022 г. Тематика НКН была одной из центральных на Конгрессе и затрагивалась в выступ-

лениях на пленарном и секционных заседаниях. Отдельная секция «Историко-культурное наследие народов Урала, Сибири и Дальнего Востока: концепции, стратегии, практики» работала в рамках IX Сибирского исторического форума в Красноярске 14–15 сентября 2022 г. Международный Конгресс «Российский опыт изучения нематериального культурного наследия в контексте мировой науки» 28 сентября – 2 октября 2022 г. прошел в Москве и Санкт-Петербурге. Организаторами Конгресса выступили Государственный институт искусствознания; Санкт-Петербургская государственная консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова при участии Государственного Российского Дома народного творчества им. В. Д. Поленова, Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси. В рамках Конгресса прошла международная научная конференция «Концепции нематериального культурного наследия: наука и практика». Завершающим мероприятием в цикле событий Года культурного наследия в сфере НКН явилась презентация 100 объектов нематериального культурного наследия России в Санкт-Петербурге 10–12 ноября 2022 г., организованная ГРДНТ им. В. Д. Поленова.

Весной 2022 г. рабочая группа завершила обсуждение проекта закона, а 20 октября 2022 г. был подписан принятый 4 октября 2022 г. Государственной Думой Федеральный закон от 20.10.2022 № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации». Принятие закона не только логично завершило предшествующую деятельность в сфере изучения, сохранения и актуализации нематериального культурного наследия, но и открыло новый период в организационной работе в данной сфере.

Важным подспорьем в этом деле стало также Постановление № 1277 от 03.08.2023 в рамках реализации норм упомянутого выше Федерального закона, утверждающее «Положение о федеральном государственном реестре объектов нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации». Стоит отметить, что работа с реестрами объектов в России проводилась уже в течение последних двух десятилетий, и с 2021 г. создан обновленный, действующий в настоящее время, реестр объектов [Реестр]. Но при этом Положение определяет более высокий статус реестра как государственной информационной системы. Положение закрепляет многолетний опыт, связанный с описанием и размещением объектов в каталог. В Приложениях к документу приводится разработанный и применяемый в настоящее время принцип описания объектов нематериального этнокультурного достояния (НЭД), основные сведения, необходимые для составления паспорта объекта в каталоге. Документ обязует Министерство культуры создать и утвердить новый состав экспертного совета.

С 2022 г. Министерством культуры РФ разрабатывался проект «Концепции сохранения и развития традиционной народной культуры и нематериального культурного наследия народов Российской Федерации». Документ обсуждался в Комитете Совета Федерации по науке, образованию и культуре на круглом столе. Концепция направлена на реализацию Федерального закона от 20.10.2022 № 402-ФЗ¹. Концепция была принята Распоряжением Правительства Российской Федерации от 2 февраля 2024 г. № 206-р «О Концепции сохранения и развития нематериального этнокультурного достояния РФ на период до 2030 года». Актуальной задачей является также разработка и принятие соответствующей Программы реализации концепции, которая позволила бы системно выстроить и финансировать работу в сфере НЭД, в том числе ведение федерального реестра.

Таким образом, в последние два года были приняты важные документы, как устанавливающие круг явлений культуры, определяемых в Российской Федерации как объекты НЭД, так и регламентирующие деятельность по ведению и наполнению реестра объектов НЭД. Несмотря на то, что принятие законодательных актов требует корректировки системы работы в сфере нематериального этнокультурного достояния, уже в настоящее время Государственным Российским Домом народного творчества им. В. Д. Поленова и экспертами федерального Экспертного совета по вопросам формирования реестра (каталога) объектов нематериального культурного наследия проводилась организационная и методическая работа в сфере нематериального этнокультурного достояния на федеральном уровне. Принятые документы определили основные направления работы в сфере нематериального культурного наследия.

В 2023 г. проблемы развития каталогов-реестров и актуализации нематериального этнокультурного достояния обсуждались на разных форумных и семинарских площадках. 14–17 сентября 2023 г. в Липецке проходил первый этап Всероссийского форума по вопросам деятельности в сфере нематериального этнокультурного достояния, на площадках которого презентовались объекты НЭД, региональные реестры, обсуждались итоги экспедиционной деятельности, методики работы с объектами и вопросы популяризации традиций. Второй этап форума прошел

¹ «О проекте концепции сохранения и развития традиционной народной культуры и нематериального культурного наследия народов Российской Федерации» // Совет Федерации Федерального Собрания РФ [Электронный ресурс]. – URL: <http://council.gov.ru/activity/activities/roundtables/142271/> (дата обращения: 01.12.2023).

в Красноярске 18–21 октября 2023 г.² 9–12 ноября 2023 г. в Воронеже состоялся Межрегиональный семинар-практикум по вопросам выявления, сохранения и популяризации нематериального этнокультурного достояния народов России для новых субъектов Российской Федерации³. Организаторами мероприятий выступили Государственный Российский Дом народного творчества им. В. Д. Поленова при поддержке Министерства культуры РФ и учреждения культуры принимающих регионов.

Отдельная панельная дискуссия «Наследие, завещанное предками. Этнокультурное достояние – путь к взаимопониманию народов» состоялась на Санкт-Петербургском культурном форуме (16–18 ноября 2023 г.), на которой российские и зарубежные (Китай, Таджикистан, Азербайджан) эксперты представили российский и международный опыт сохранения и актуализации культурного наследия, обсудили сложные вопросы, связанные с интеграцией НЭД в современный социокультурный контекст, в том числе: какой должна быть государственная поддержка данной сферы деятельности, а также как мотивировать молодое поколение к изучению и освоению традиций народной культуры⁴.

Цикл мероприятий на федеральном уровне был продолжен в 2024 г. 27–30 ноября состоялся Международный форум по вопросам сохранения нематериального этнокультурного достояния народов России, организатором которого выступил Государственный Российский Дом народного творчества им. В. Д. Поленова при поддержке Министерства культуры РФ. Участниками Форума стали более 160 человек из 67 регионов России, а также Белоруссии, Кыргызстана и Казахстана – это ученые, специалисты домов (центров) народного творчества, носители традиций, творческие коллективы регионов [В министерстве]. Значительное число мероприятий, связанных с нематериальным этнокультурным достоянием, в последние годы также проходят в регионах Российской Федерации.

² В Липецке проходит Форум по вопросам деятельности в сфере нематериального этнокультурного достояния [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rusfolk.ru/conferences/v-lipecke-prohodit-forum-po-voprosam-deatelnosti-v-sfere-nematerialnogo-etnokulturnogo-dostoania> (дата обращения: 12.01.2024); В Красноярске состоялся Всероссийский форум по вопросам деятельности в сфере нематериального этнокультурного достояния [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rusfolk.ru/conferences/v-krasnoarske-sostoalsa-vserossijskij-forum-po-voprosam-deatelnosti-v-sfere-nematerialnogo-etnokulturnogo-dostoania> (дата обращения: 12.01.2024).

³ Специалисты новых регионов познакомились с опытом сохранения нематериального этнокультурного достояния народов России [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rusfolk.ru/conferences/specialisty-novyh-regionov-poznakomilis-s-opytom-sohranenia-nematerialnogo-etnokulturnogo-dostoania-narodov-rossii> (дата обращения: 12.01.2024).

⁴ Сохранение традиций и развитие народного творчества стало одной из главных тем Санкт-Петербургского международного культурного форума [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rusfolk.ru/conferences/sohranenie-tradicij-i-razvitie-narodnogo-tvorcestva-stalo-odnoj-iz-glavnyh-tem-sankt-peterburgskogo-mezdunarodnogo-kulturnogo-foruma> (дата обращения: 12.01.2024).

Таким образом, целая серия мероприятий свидетельствует не только об актуализации темы, но и о выстраивании системы работы в данном направлении на федеральном уровне и вовлечении в нее регионов.

Такова общая канва правовой и организационной деятельности в последние десятилетия в сфере нематериального культурного наследия России.

Закон о нематериальном этнокультурном достоянии и его оценка

Несомненно, ключевым событием последнего времени в сфере нематериального этнокультурного достояния стало принятие Федерального закона от 20.10.2022 № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации». С одной стороны, закон подвел определенные итоги дискуссий о понятии нематериального культурного наследия и подходах к пониманию содержания, а также практической деятельности в данном направлении за последние два десятилетия. С другой стороны, закон определил новые задачи на перспективу и придал импульс деятельности в сфере сохранения НКН.

Закон имеет рамочный характер, однако он обладает важным значением для деятельности в сфере нематериального этнокультурного достояния. Он регулирует отношения в области выявления, изучения, использования, сохранения и популяризации нематериального наследия [Русанова 2023: 9–13]. Закон впервые вводит и закрепляет терминологию, связанную с НЭД, в том числе основное понятие «нематериальное этнокультурное достояние». Так как в основе российского подхода к НЭД законом заложен этнокультурный компонент, в законе приведено определение этнической общности, которое повторяет определение, характерное для других правовых документов. Хотя с точки зрения современной этнологии оно выглядит несколько устаревшим [Тишков 2023: 8]. Термин «носители» также определен в контексте этнокультурного содержания закона, в то же время номинация «хранители» определяет широкий круг физических и юридических лиц, которые ведут деятельность по выявлению, изучению, использованию, сохранению и популяризации объектов НЭД, в том числе дома народного творчества, учреждения культуры, творческие коллективы. Достаточно широко и емко сформулировано в законе и содержание государственной политики в области нематериального этнокультурного достояния. Она включает в себя такие направления деятельности: выявление, изучение, использование, актуализация, сохранение и популяризация объектов нематериального

этнокультурного достояния. Таким образом, кроме основных понятий, в законе также зафиксированы главные направления работы в сфере НЭД и введено понятие «объект нематериального этнокультурного достояния». Отдельная статья закона определяет основные категории явлений культуры, которые относятся к объектам НЭД. При всей сложности и многообразии культурных традиций народов России, многие явления культуры, относящиеся к наследию, сложно классифицировать в те или иные схемы, пункт «иные объекты нематериального этнокультурного достояния» снимает возможные сложности и противоречия. Закон выделяет три категории объектов НЭД – федеральные, региональные, муниципальные. Отдельные статьи закона определяют полномочия федеральных, региональных органов власти и органов местного самоуправления, права носителей и хранителей НЭД, права физических и юридических лиц в области НЭД. Так как основой для работы в сфере НЭД является ведение каталога – реестра объектов НЭД, законом определяется статус федерального реестра как информационной системы, прописано право субъектов вести собственные региональные реестры.

Вне рамок закона, к сожалению, остались некоторые важные, с нашей точки зрения, аспекты работы в сфере сохранения нематериального наследия, обсуждавшиеся во время рабочих встреч по подготовке закона, но не вошедшие в итоговый документ. Закон не закрепляет ответственности об архивном хранении, в том числе передаче в государственные архивы Российской Федерации материалов, относящихся к объектам нематериального этнокультурного достояния. Важность архивного хранения, с нашей точки зрения, обусловлена несколькими факторами. В реестрах размещается лишь незначительная часть материалов об объекте НЭД, а значительный объем собранного материала по объекту остается у хранителя, у которого формально нет обязательств сохранения этого материала и обеспечения доступа к нему ученых и практиков. При необходимости более детального изучения объекта также требуется обращение к дополнительным материалам, возможное местонахождение которых неизвестно и затрудняет их доступность. У домов народного творчества и других учреждений культуры, которые занимаются ведением регионального реестра и готовят объекты от региона для размещения в федеральный каталог, как правило, нет специализированных фольклорно-этнографических архивов, как и обязательств и нормативов хранения материалов по объекту. Опыт работы с информационными ресурсами, в том числе каталогами нематериального этнокультурного достояния, также показывает, что в случае смены платформы, оператора ресурса, технических сбоев возможны невосполнимые потери материалов.

Так или иначе, закон стал важным этапом работы в сфере нематериального этнокультурного достояния. В настоящее время в регионах России в соответствии с федеральным законом приводится региональная законодательная база. Не менее важным представляется выстраивание единой системы работы в сфере НЭД, организация работы федеральных и региональных экспертных советов, соответствие общим подходам федерального и региональных реестров (каталогов) объектов НКН. Принятие закона вносит изменения и в действующий федеральный реестр объектов НКН, так как в документах закона провозглашено, что «создание Реестра объектов нематериального культурного наследия (государственной информационной системы «Федеральный государственный реестр объектов этнокультурного достояния Российской Федерации») является одним из ключевых мероприятий, направленных на систематизацию накопленных данных об объектах нематериального культурного наследия народов России» [Пояснительная записка].

Определение и содержание термина в России

Одна из задач, которая стоит перед научным сообществом, – это теоретическое осмысление проблематики нематериального культурного наследия, в том числе концептуализация основных понятий и подходов к деятельности в данной сфере.

Закон «О нематериальном этнокультурном достоянии», как мы отмечали, ввел новое российское определение «нематериальное этнокультурное достояние»:

«...нематериальное этнокультурное достояние Российской Федерации (далее – нематериальное этнокультурное достояние) – нематериальное культурное наследие народов Российской Федерации как совокупность присущих этническим общностям Российской Федерации духовно-нравственных и культурных ценностей, передаваемых из поколения в поколение, формирующих у них чувство осознания идентичности и охватывающих образ жизни, традиции и формы их выражения, а также воссоздание и современные тенденции развития данного образа жизни, традиций и форм их выражения» [ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии»].

Введение нового определения завершило на определенном этапе дискуссию о круге явлений, которые рассматриваются в нашей стране в контексте нематериального культурного наследия, основываясь на этнокультурной составляющей, прежде всего, традиционной культуре и современных формах ее бытования и презентации.

Как известно, определение ЮНЕСКО достаточно широко трактует круг явлений НКН. Дискуссия по определению понятия НКН в России возникла и ведется с момента принятия и обсуждения первых документов в данной сфере. С одной стороны, предлагалось использовать международный термин в достаточно широком понимании НКН [Каргин, Костина 2008: 63]. С другой стороны, неоднократно предлагалось ввести свое, российское, определение нематериального культурного наследия, отражающее специфику развития фольклора народов России. Однако на протяжении последних десятилетий документы включали разные определения «НКН», что показывало остроту существующей дискуссии и сложность единого определения. Приведем лишь несколько примеров использования разных понятий НКН в российском дискурсе. В Концепции сохранения и развития нематериального культурного наследия 2008 г. воспроизводится определение, близкое к определению концепции ЮНЕСКО [Концепция 2008]. В модельном законе «Об охране нематериального культурного наследия» от 2013 г., принятом на пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ, дается более «узкое» определение, ориентирующее в первую очередь на этнокультурную сферу, так как в нем уточнен круг явлений через их перечисление: «...включая: язык, нормы и правила поведения, верования, обряды, обычаи, празднества, фольклор, технологии изготовления предметов народного декоративно-прикладного искусства, музыкальных инструментов, предметов быта и народные художественные каноны, реализующиеся в исторически сложившихся сюжетах и образах и стилистике их воплощения» [Модельный закон]. В утвержденных в 2014 г. Основах государственной культурной политики дано более расширенное определение «культурного наследия», включающее, кроме явлений народной культуры, также русскую литературу и литературу народов России, музыкальное, театральное и кинематографическое наследие, систему подготовки кадров [Основы государственной культурной политики 2014].

Используемые в приведенных документах определения явились основой и для применения их в региональном законодательстве, при этом законодательные акты в разных регионах, принятые до федерального закона, отсылают к разным определениям и подходам. В законе Республики Татарстан «О нематериальном культурном наследии в Республике Татарстан» определение соотносится с определением Модельного закона СНГ, а в Саратовской области – воспроизводит определение из Основ государственной культурной политики [О нематериальном культурном наследии в Республике Татарстан 2017; Об объектах нематериального культурного наследия Саратовской области 2017].

Таким образом, основная дискуссия заключается в определении круга явлений, которые включаются в совокупность нематериального культурного наследия, от его понимания как явлений этнической культуры, прежде всего, в ее традиционных формах, до предельно широкого круга явлений культуры общества, включающего такие явления, как профессиональное искусство, литература, самодеятельное, в том числе авторское, творчество, научные школы и педагогические системы подготовки кадров и многое другое. В этом круге определений между предельно «широким» и «узким» пониманием нематериального культурного наследия и в будущем возможны дискуссия и теоретическое осмысление всего комплекса явлений.

Следует констатировать, что несмотря на принятие закона и законодательное закрепление основных терминов и определений, по-прежнему содержание основных номинаций представляется дискуссионным. Обращение к исследованиям и публикациям последних лет также показывает остроту дискуссии и спектр мнений среди исследователей, от понимания нематериального культурного наследия как фольклора (или несколько шире – явлений традиционной культуры) до широкого спектра явлений, существующих в нематериальной форме [Каргин, Костина 2008; Энциклопедия 2022]. Сложность в определении понятия и его наполнения обусловлена и тем фактором, что нематериальное этнокультурное достояние является предметом изучения целого ряда научных дисциплин со своими подходами к пониманию данного явления – философии и культурологии, антропологии и этнологии, фольклористики и лингвистики, этномузыкологии и музееведения и ряда других.

К проблеме критериев объектов НЭД

При работе в сфере нематериального этнокультурного достояния важными представляются критерии, по которым то или иное явление культуры относится к объектам нематериального этнокультурного достояния разных порядков. В федеральном законе отсутствуют раздел и статьи о критериях объектов НЭД. Вопрос о критериях неоднократно поднимался при обсуждении закона, однако в ходе дискуссий было предложено отказаться от формулировки критериев в законе, чтобы не создавать определенных сложностей, рамок и ограничений при деятельности в сфере НЭД.

Вопрос о критериях объектов НЭД имеет несколько составляющих. Конвенция ЮНЕСКО и российское законодательство определяют

круг явлений, попадающих в сферу объектов НЭД. Конвенция ЮНЕСКО предлагает следующие формы нематериального культурного наследия: «а) устные традиции и формы выражения, включая язык в качестве носителя нематериального культурного наследия; б) исполнительские искусства; в) обычаи, обряды, празднества; г) знания и обычаи, относящиеся к природе и вселенной; д) знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами». Как видим, в данном перечне достаточно широко представлены возможные явления культуры, относящиеся к нематериальному наследию.

Федеральный закон Российской Федерации сужает, исходя из понимания и определения его авторами нематериального этнокультурного достояния, круг явлений культуры, подпадающий в сферу НЭД. К ним относятся: устное творчество, устные традиции и формы их выражения на русском языке, языках и диалектах народов Российской Федерации; формы традиционного исполнительского искусства (словесного, вокального, инструментального, хореографического); традиции, выраженные в обрядах, празднествах, обычаях, игрищах и других формах народной культуры; знания, выраженные в объективной форме, технологии, навыки и формы их представления, связанные с укладами жизни и традиционными ремеслами, реализующиеся в исторически сложившихся сюжетах и образах и стилистике их воплощения, существующих на определенной территории; иные объекты нематериального этнокультурного достояния [Закон 2022]. В данной классификации представлены лишь возможные сферы культуры, явления которых могут быть отнесены к объектам НЭД.

Признаки или критерии, которыми должны обладать явления нематериального этнокультурного наследия, содержатся в международных и российских документах. Это целый спектр положений.

В определении «нематериального культурного наследия» ЮНЕСКО можно выделить три важных положения, которые допустимо рассматривать как критерии. Во-первых, это признание самими сообществами данного явления как наследия: «...признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия». Во-вторых, передача традиции из поколения в поколение и воспроизведение сообществами и группами, а также формирование на основе данного культурного наследия идентичности, чувства самобытности и преемственности: «...передаваемое от поколения к поколению, постоянно воссоздается сообществами и группами в зависимости от окружающей их среды, их взаимодействия с природой и их истории и формирует у них чувство самобытности и преемственности, содействуя тем самым уважению культурного разнообразия и творчеству человека».

В-третьих, явления культурного наследия должны соответствовать общепринятым нормам прав человека и базироваться на взаимном уважении между сообществами: «Конвенцией принимается во внимание только то нематериальное культурное наследие, которое согласуется с существующими международно-правовыми актами по правам человека и требованиями взаимного уважения между сообществами, группами и отдельными лицами, а также устойчивого развития» [Конвенция 2003].

Российский закон о нематериальном этнокультурном достоянии также не содержит отдельных положений о критериях. Однако в определении термина «НЭД» и разделе о категориях объектов содержатся некоторые положения, которые определяют критерии объектов нематериального этнокультурного достояния. В определении российский закон вслед за международными документами также декларирует преемственность и передачу «из поколения в поколение» как важные признаки наследия, а также осознание сообществом данного наследия через формирование идентичности [Закон 2022]. В то же время российский закон вводит в определение такие важные критерии, как духовно-нравственные и культурные ценности, а при характеристике категорий объектов подчеркивает историческую, культурную и научную ценность явлений НЭД.

Положение о федеральном государственном реестре [Положение 2023] вводит дополнительные требования для объектов НЭД. Пункт «15. Обязательными характеристиками объекта для его включения в федеральный реестр являются: историческая, культурная и научная ценность, отражающая своеобразие культуры этнических общностей <...>; объект создан (возник) более 40 лет назад, и (или) дата связанного с объектом значимого события составляет более 40 лет». Дополнительными характеристиками объекта для его включения в федеральный реестр являются: «...воспроизведение объекта на территории 2 и более субъектов Российской Федерации не реже одного раза в год; б) риск (угроза) исчезновения объекта» [Положение 2023].

Так как вопрос о критериях объекта НЭД является важным для организации деятельности в сфере НЭД, региональные законодательные акты и нормативные документы большее внимание уделяют критериям. Так, например, в Законе Республики Татарстан «О нематериальном культурном наследии в Республике Татарстан» от 26.05.2017 № 34-ЗРТ отдельная статья содержит критерии отбора объектов нематериального культурного наследия, среди которых: 1) историческая и культурная значимость; 2) степень укоренения в культурной традиции или истории культуры этнической, социальной или конфессиональной группы; 3) ценность в качестве уникального свидетельства культурной традиции;

4) риск исчезновения. Эти же критерии были повторены в новой редакции закона от 23 марта 2023 г. Критерии в несколько иной формулировке приведены в законе Республики Башкортостан о нематериальном этнокультурном достоянии № 44 от 20.12.2023, которые включают: 1) длительное (не менее 20 лет) существование объектов нематериального этнокультурного достояния на территории Республики Башкортостан; 2) историческая и культурная значимость объектов нематериального этнокультурного достояния для населения или части населения Республики Башкортостан; 3) уникальность, неповторимая и художественная ценность объектов нематериального этнокультурного достояния; 4) самобытность, преемственность и распространенность объектов нематериального этнокультурного достояния среди населения (передача от поколения к поколению); 5) риск (угроза) исчезновения.

В некоторых других регионах критерии прописаны в методических рекомендациях по объектам нематериального этнокультурного достояния. В Республике Саха (Якутия), например, выделены: 1. Историческая и культурная значимость для населения, проживающего на территории Республики Саха (Якутия); 2. Уникальность; 3. Высокая востребованность ОНКН населением Республики Саха (Якутия) (в части своего функционального назначения); 4. Признание объектов НКН частью культурного наследия сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами; 5. Самобытность и преемственность (т. е. передача от поколения к поколению), содействующие развитию народного творчества и культурного разнообразия [Методические рекомендации]. Почти в таком же виде они включены в методические материалы Московской области: «Главные критерии при выявлении объектов нематериального этнокультурного достояния: 1. Историческая и культурная значимость для населения, проживающего на территории Московской области; 2. Уникальность; 3. Высокая востребованность ОНЭД населением Московской области (в части своего функционального назначения); 4. Признание объектов НЭД частью культурного наследия сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами; 5. Самобытность и преемственность (т. е. передача от поколения к поколению), содействующие развитию народного творчества и культурного разнообразия» [Критерии объектов].

Таким образом, следует констатировать, что в организационно-правовом поле законодательных актов и материалов, связанных со сферой нематериального этнокультурного достояния, присутствуют определенные критерии объектов нематериального этнокультурного достояния, но в большей части они формальны, слабо детализированы и осмыслены, их применение к анализу того или иного объекта не всегда продуктивно, а часто и спорно.

Остановимся на некоторых дискуссионных вопросах критериев объектов нематериального этнокультурного достояния из опыта практической деятельности в Российской Федерации и ее регионах.

Одними из наиболее важных и в меньшей степени дискуссионных представляются *хронологические критерии*, относящиеся к объектам нематериального этнокультурного достояния. Хронологические критерии предполагают историзм явления, причины и процессы его зарождения и развития. Любое явление культуры, в том числе нематериальное, имеет историческую основу и требует определенного исторического промежутка времени. Характерная для культурной традиции и признаваемая многими как один из критериев нематериального этнокультурного достояния передача традиций от поколения к поколению также предполагает период смены не менее двух поколений носителей. В этом контексте, с одной стороны, временные рамки весьма условны и могут включать как несколько десятилетий, так и столетий. А, с другой стороны, они вряд ли могут составлять менее полувека, что требуется для передачи традиции.

Территориальные критерии для большинства объектов представляются не менее значимыми. Локализация объектов на той или иной территории, формирование ареала распространения и бытования объекта являются его важными признаками. При этом размеры территории могут быть вариативны, от одного населенного пункта до всей территории расселения этнического сообщества или даже шире, включая и сопредельные территории в случае бытования объекта в нескольких этнических сообществах. В то же время для сетевых современных сообществ, а также этнодисперсных групп народов России территориальные критерии могут быть весьма условны. К такому характерному примеру можно отнести этнокультурное достояние российских немцев. Для одной из групп данного народа, поволжских немцев, имевших ареал расселения в регионах Поволжья с середины XX в., связь с территорией формирования и расселения группы весьма условна, так как при дисперсном расселении почти во всех регионах России этнокультурные традиции представлены вне территориальных рамок. Такой же пример можно привести в контексте этнокультурных традиций российских корейцев и ряда других народов и этнических групп.

Административные границы стран и регионов часто не служат границами бытования объектов, и в этом контексте даже в рамках Российской Федерации есть потребность в межрегиональных объектах. Однако это достаточно сложно сделать в рамках действующего регламента, так как заявку на один и тот же объект должен одновременно подать и

тот и другой регион. К дополнительным критериям для федерального реестра служит положение о «воспроизведении объекта на территории 2 и более субъектов Российской Федерации», что в целом ряде случаев также является невозможным, в силу привязки объекта к конкретному ареалу распространения. Особенно «условность» данного критерия можно увидеть на примере техник и технологий народных промыслов и ремесел, которые привязаны к конкретному селу или ряду сел и почти всегда соотнесены только с одним регионом. Это, например, касается и ювелирного промысла села Кубачи в Республике Дагестан, традициям вологодского кружевоплетения, техникам и технологиям оренбургского пухового платка и т. д.

Отдельную группу признаков можно условно обозначить как *критерии идентичности*. Именно на данных критериях, как основных, базируется Конвенция 2003. Они, действительно, имеют важное значение и включают несколько составляющих. Во-первых, этнические сообщества должны воспринимать и признавать то или иное культурное явления как свое наследие. Во-вторых, данное явление нематериального культурного наследия должно играть роль в формировании культурной самобытности, преемственности традиции и в итоге участвовать в локальной, региональной, этнической и национальной (гражданской) идентичности. В то же время для целого ряда явлений культуры, в том числе нематериального достояния, значительную роль в процессах восприятия наследия играют научная и творческая интеллигенция и экспертное сообщество, а в среде носителей данное явление может и не восприниматься как значимая часть наследия. Уже неоднократно упоминавшаяся былинная традиция, например, имеет общенациональное значение благодаря деятельности по собиранию, записи и публикации былинных текстов несколькими поколениями фольклористов. Именно благодаря данной деятельности былины стали частью современного культурного контекста, национальной идентичности и основой для современных проектов. Важным для рассмотрения данного критерия является и востребованность объекта в современном контексте, интерес к нему в обществе, деятельность в разных сферах, связанная с переосмыслением объекта.

В российском контексте важными критериями, отмеченными в ряде законодательных и нормативных документов, являются *критерии значимости и ценности* – исторической, культурной и научной, – которые в той или иной степени соотносятся с проанализированными ранее. Историческая ценность в случае нематериального этнокультурного достояния также определяется как событиями, связанными с возникновением явления, так и преемственностью в его передаче. Культурная

ценность также в первую очередь определяет значимость объекта для сообщества. Применение критерия исторической, культурной и научной значимости возможно при активном привлечении к оценке экспертного сообщества.

Критерии уникальности, также отмеченные в ряде нормативных документов, с нашей точки зрения, следует рассматривать в более широком контексте, выделяя две категории объектов – типичные и уникальные. Под уникальностью обычно понимается неповторимость, наличие своих характерных признаков явления. Несомненно, каждый объект уникален, но в то же время встроен в ряд типичных явлений культуры, характерных для целого ряда народов и (или) сопредельных регионов. Кроме того, вне контекста нематериального наследия не должны оказаться типичные, повседневные практики, распространенные на широкой территории, связанные с повседневными навыками и практиками, такими как хозяйственные занятия, приемы и способы освоения окружающей среды и природопользования, строительные технологии, которые не всегда могут рассматриваться в категориях «уникальности», но, несомненно, обладают исторической ценностью и играют роль в формировании самобытности того или иного сообщества.

В понимании нематериального этнокультурного достояния одним из дискутируемых является **критерий современного бытования явления**, живой культурной традиции. Однако данный критерий в российском контексте понимания этнокультурного наследия также часто представляется не вполне реализуемым. В российской практике работы с этнокультурным достоянием сложились представления об аутентичности явлений традиционной культуры, которые выступают определенным «идеалом» наследия и традиции. Другие формы народного творчества рассматриваются как вторичные. Такое понимание наследия и ориентация на «исторический», в большинстве уже не существующий в первоначальных формах, не позволяют целый пласт явлений народной культуры относить к живым традициям. К таковым относятся и былинная традиция, не сохранившаяся до настоящего времени в живом бытовании. Большинство песенных фольклорных традиций также не сохранены в аутентичной форме, они представлены в современных, как правило, вторичных фольклорных коллективах, а более интересные материалы представлены архивными источниками.

Несомненно, что общественное внимание и внесение в реестр объектов нематериального этнокультурного достояния является определенным стимулом для сохранения и поддержания того или иного явления культуры. В этом контексте приоритет объектов, которые попадают под критерий **риск исчезновения**, является одним из факторов

сохранения и развития явления и может быть применен при экспертизе объектов.

С точки зрения научного сообщества, важными представляются и *содержательные критерии* для объекта НЭД. Они обусловлены, в первую очередь, научными исследованиями, связанными с объектом, что предполагает научное изучение, связанное с историей того или иного явления, наличие архивных документальных, фотографических, аудио- и других материалов. Без наличия источниковой и научной базы невозможно адекватно подготовить требуемые содержательные материалы для реестра, как и провести экспертизу объекта.

Самым сложным и почти невозможным – при многообразии явлений нематериального этнокультурного достояния – представляется выявление жестких критериев отнесения явлений к объектам нематериального этнокультурного достояния, а также определение их статуса: локальный, региональный, федеральный. Проанализированные нами материалы показывают использование целого ряда требований (признаков, критериев), которые могут быть применены при оценке объекта нематериального этнокультурного достояния. В то же время все данные критерии имеют относительность в оценке того или иного явления. В этом контексте только комплексный подход, применение критериев в совокупности и оценка по тому или иному критерию в каждом конкретном случае дают адекватную оценку объектов НЭД; формальный подход здесь не может быть применен к оценке таких сложных и разнообразных явлений. Решение этих вопросов возможно индивидуально в каждом конкретном случае, что повышает, с одной стороны, значимость и востребованность научного экспертного сообщества, прежде всего, экспертных советов, а с другой, – требует от них взвешенного подхода и глубокой компетентности.

В вопросах выработки критериев важным является не только исторический контекст, художественная ценность, уникальность или типичность явления. Следует согласиться с академиком В. А. Тишковым, так высказавшимся о важности восприятия того или иного явления культуры прошлого современниками: «Однако к понятию наследия относится далеко не все, что может достаться современному населению от прошлых времен. Наследие – это то, что ныне живущее поколение считает для себя особо значимым и берет в качестве одной из референтных основ современного жизнеустройства <...>. Оно всегда конструируется как направленными усилиями элитной части общества (ученые, политики, пропагандисты, работники культуры, творческие личности), так и своего рода народной стихией, устно-фольклорной традицией» [Тишков 2023: 6–7].

Объект нематериального этнокультурного достояния: границы и содержание

Если сложным вопросам критериев НЭД уделено определенное внимание законодательных и нормативных документов, и эти проблемы обсуждаются экспертным сообществом, то вопрос о том, что выступает единицей НЭД, где границы объекта и его содержания, не получил еще освещения ни на дискуссионных площадках, ни в публикациях. Между тем эта проблема представляется не менее сложной и дискуссионной.

Обратимся к конкретным примерам и противоречиям, которые существуют в этой сфере, они характерны в настоящее время как для федерального, так и региональных реестров объектов НЭД. Одним из наиболее полных представляется Единый реестр объектов нематериального этнокультурного достояния Республики Башкортостан, на 12.04.2025 в нем размещено 302 объекта. Среди них, например, как равнозначные объекты включены: Традиционная кухня кряшен села Умирово Бакалинского района Башкортостана и в то же время как отдельные объекты: Традиционное блюдо *покров пироги* у кряшен села Умирово Бакалинского района Башкортостана; Традиционное блюдо *керәшен буткасы* (кряшенская каша) в селе Умирово Бакалинского района Башкортостана; Традиционное блюдо *тәбә* у кряшен села Умирово Бакалинского района Башкортостана; Традиционное блюдо *быламык* у кряшен села Умирово Бакалинского района Башкортостана. Как видим из данного примера, одной локальной традиции (одного населенного пункта) посвящено пять региональных объектов по традиционной кухне, при этом четыре из них являются составной частью первого объекта, посвященного кулинарной традиции в целом. Такой же подход применен к формированию объектов по кулинарной традиции белорусов села Балтика Иглинского района Башкортостана, который представлен как общим объектом – традиционная кухня белорусов села Балтика, так и отдельными объектами – традиционные блюда драники, бульбяники, колдуны. Наряду с этими примерами, в которых территориальным критерием выступает одно село, в каталоге представлены объекты, включающие отдельные части территории Республики Башкортостан и сопредельных регионов. Вызывает вопросы и возможность представления нескольких объектов, связанных с одним носителем традиции, например: изготовление русских народных инструментов гуслей, кугиклы, калюка, – но при этом Республика Башкортостан не относится к территориям аутентичного бытования данных инструментов [Единый реестр]. Таким образом, на примере данного каталога мы видим неразработанность подходов к объекту и его

единицам, невыстроенность системы соподчинения объектов и разные модели формирования объектов по территориальному, этническому и содержательным признакам.

В Каталоге объектов нематериального культурного наследия Краснодарского края на сайте Кубанского казачьего хора и в Реестре объектов нематериального этнокультурного достояния края, также достаточно наполненных материалами, можно отметить некоторые противоречия [Каталог Краснодарский край; Реестр Краснодарский край]. Так, есть два сопряженных объекта: Зимние Святки (символы и коды) Ленинградского района Краснодарского края и Зимнесвяточные поздравительные песни станицы Крыловской Ленинградского района Краснодарского края. Среди фольклорных объектов «Персонифицированная щедровка с сюжетом “Иван хочет убить орла” в двух станицах Краснодарского края: Темижбекской Кавказского района и Незамаевской Павловского района», с одной стороны, и Музыкальный фольклор станицы Новоплатнировской Ленинградского района Краснодарского края, а также Аутентичный фольклорный коллектив «Кубаночка» хутора Кубанского Пшехского с/п Белореченского района Краснодарского края – с другой. Наряду с объектами, имеющими локализацию в том или ином населенном пункте или районе, ряд объектов подан предельно обще: Погребальный обряд восточнославянского населения кубанских станиц.

В реестре Удмуртской Республики один из обрядовых или гостевых напевов той или иной деревни выступает самостоятельным объектом: *Куно өтен гур* (Гостевой напев) деревни Лолошур-Возжи Граховского района; *Акашка гур* (Напев обряда Акашка) деревни Карамас-Пельга Киясовского района [Реестр Удмуртская Республика]. В то же время в других регионах чаще представлена «Песенная традиция того или иного села» в комплексе.

Неразработанность границ и содержания объекта видна и на примере федерального реестра, в котором, с одной стороны, представлен как объект «Традиционная кухня кольских саамов», а с другой, – «Традиции и технологии приготовления многослойных блинов *команмелна* марийцев Поволжья». При представлении фольклорных объектов в действующем каталоге также существуют разные подходы к их локализации: от песенной традиции одного села – «Песенная традиция села (Беляковский) Катарач, деревень Нижний и Средний Катарач Талицкого района Свердловской области» до «Певческие традиции оренбургских казаков» [Реестр].

Приведенные здесь примеры, которые можно еще множить и анализировать на примере федерального и региональных каталогов, показы-

вают в целом существование разных подходов и моделей формирования границ и содержания объектов или их отсутствие и ситуативность в выборе объектов. С одной стороны, при существующем многообразии объектов нематериального этнокультурного достояния достаточно сложно выработать единые подходы к определению объекта, так же, как и определить жесткие критерии. В то же время существующая в настоящее время практика показывает необходимость обсуждения данной проблемы и выработки определенных позиций как для федерального, так и региональных уровней для выстраивания системы работы в сфере нематериального этнокультурного достояния.

Подходы к пониманию объектов нематериального этнокультурного достояния и формированию реестра объектов

Уникальность России с ее географическим, историческим и этнокультурным ландшафтом определила несколько основных базовых характеристик нематериального этнокультурного достояния нашей страны.

1. **Многообразие объектов НЭД** определяется не только разным укладом жизни на территории страны, но и уникальным многообразием явлений в разных сферах, которые становятся объектами НЭД. Предложенный и действующий в настоящее время в федеральном и региональных каталогах рубрикатор объектов НЭД уже позволяет говорить о многообразии материалов, среди которых песенные традиции сел и деревень, обрядовые традиции, технологии народных промыслов и ремесел, технологии традиционной кухни, наследие и репертуар отдельных исполнителей и мастеров народного творчества, хозяйственные традиции и многое другое. Среди таких примеров можно отметить разнообразие приемов и технологий традиционного природопользования и хозяйственной деятельности. Среди объектов, размещенных в каталоге, с традициями рыбной ловли, например, связаны: бытовавшие в прошлом *катешный лов* – технология ловли рыбы с помощью *катцы* у татар села Новые Булгары Икрянинского района Астраханской области; *Шыга-ятыу* – технология ловли рыбы на живца в Абзелиловском районе Республики Башкортостан [Нематериальное культурное наследие 2020: 54–59, 316–323].

В настоящее время рубрикатор каталога включает пять основных позиций: I. Народные знания; II. Обрядовые комплексы и праздники; III. Народное исполнительство; IV. Традиционные технологии и техники;

V. Народные игры, традиционные единоборства и состязания. Основные разделы каталога включают подрубрики, отражающие все многообразие этнокультурного наследия. В то же время эксперты осознают, что все явления традиционной культуры народов России сложно вписать в единую схему, поэтому данный рубрикатор представляется рабочим, уточнение которого возможно по мере наполнения федерального каталога конкретными объектами.

В настоящее время как в рубрикаторе, так и среди материалов федерального реестра нет объектов, раскрывающих уникальное языковое и диалектное разнообразие нашей страны, однако считаем, что подобные объекты нематериального этнокультурного достояния также требуют отдельной разработки и представленности в реестре.

2. Этнический состав и полиэтничность России. В Российской Федерации проживают, согласно материалам переписи населения 2010 г., представители 193 народов, языковая карта показывает еще более сложную картину: в стране представлено 277 языков и диалектов. Среди объектов НЭД – все этническое многообразие народов и этнических групп нашей страны. При этом подготовить объекты, отражающие этнокультурную палитру России, достаточно сложная задача, требующая многих лет работы.

Новый закон рассматривает нематериальное этнокультурное достояние сквозь призму этничности. Однако в целом ряде случаев определить этническую принадлежность явлений и образцов культуры достаточно сложно в силу их широкого распространения. Немало примеров, когда одно и то же явление является достоянием целой группы этнических сообществ того или иного региона. И в этом контексте также важно достаточно корректно использовать этнические категории. Для решения таких сложных вопросов в федеральном реестре предусмотрено указание не одного, а нескольких этнических сообществ, указание профессиональной и территориальной принадлежности данного явления, а в ряде случаев и указание конкретного локального сообщества – места бытования объекта НЭД.

И хотя концепт нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации имеет этническую основу, не менее важной задачей является формирование и размещение в реестре объектов, которые не ограничиваются этническими сообществами, а характеризуют в целом региональную традицию, как, например, техники и технологии изготовления оренбургских пуховых платков, которыми в регионе занимаются многие народы, приготовление юколы [заготовка сушеной рыбы] у народов Сахалина и Дальнего Востока, плетение из соснового корня, характерные для всех северных регионов России, русских, карел, коми,

коми-пермяков и других. Именно такие материалы показывают общность исторических судеб народов нашей страны и многовековые традиции межэтнического взаимодействия.

3. Локальность и вариативность. Нематериальное культурное наследие многообразно и взаимопроникаемо, что затрудняет составление единой и универсальной схемы и локализации объектов, а часто и привязку к одному из этнических сообществ и регионов. Достаточно много объектов, которые имеют межэтнический и межрегиональный характер. В то же время именно локусы бытования объекта и его распространение являются наиболее сложными и дискуссионными вопросами в работе с объектами нематериального культурного наследия. С нашей точки зрения, здесь следует руководствоваться основными постулатами термина и подходов к анализу «вариативности» и «локальной традиции», разрабатываемой в фольклористике и этнологии [Чистов 1986; Лапин 1995], которые должны стать главными принципами работы с объектами НЭД. С одной стороны, это очевидные вещи при изучении и анализе комплексов народной культуры. Например, в народной хореографии танец кадрили имеет широкое распространение не только среди русских, но и других народов, существует множество ее локальных вариантов. Во многих районах Урала, например, каждая деревня имела свой вариант кадрили с локальным названием села или деревни. В этом контексте логично было бы иметь в качестве самостоятельных объектов НЭД несколько описаний самобытных локальных вариантов традиции, которые по мере наполнения каталога, возможно, соберутся в единый комплекс. Такую же картину показывают многочисленные примеры праздничной культуры. Формирование единого объекта «Сабантуй» унифицирует праздник к общим формам, в ущерб самобытным локальным вариантам, которые, представленные как отдельные объекты, формировали бы многогранный и неповторимый образ «Сабантуя» у разных народов в разных районах России, по мере наполнения каталога формируясь в отдельный блок. Это относится и к празднику Троицы многих народов и регионов России. Предлагаемые принципы характерны для всех явлений народной культуры.

В то же время обсуждение «локальности», собственно «локуса» объекта – наиболее дискуссионная тема и в научном сообществе. В этом случае мы видим, что исследователи и практики, готовившие данные объекты для внесения в каталог, придерживаются разных подходов к пониманию локальности в традиции.

4. Памятники фольклора и живая традиция. Концепция и работа по сохранению нематериального культурного наследия ЮНЕСКО, прежде всего, ориентирована на действующую и сохраняющуюся тради-

цию, которой требуется определенный статус и поддержка. В то же время при реальной работе с нематериальным этнокультурным достоянием следует констатировать, что мы имеем дело с очень разными стадиями сохранения и развития традиции. С одной стороны, целый комплекс явлений народной культуры можно отнести к категории «памятников», как, например, былинную традицию Русского Севера, естественное бытование которой уже не фиксируется в настоящее время. В то же время былины как явление русского фольклора имеют важное значение и для современной идентичности и культуры русского народа. В архивных собраниях находится значительное число записей былинных текстов, реализуется проект публикации свода русских былин [Былины 2001–2015]. Можно отметить и несколько современных проектов и исполнителей, которые активно используют былинное наследие в своей исполнительской деятельности. Несомненно, былинная традиция, в том числе в основных центрах ее бытования, также достойна быть представленной среди объектов НЭД. Большинство явлений народной культуры можно отнести к «уходящим», сохраняется память об этих явлениях, носителями данной традиции выступает преимущественно старшее поколение, нарушены естественные механизмы передачи. К таким явлениям, например, можно отнести значительную часть песенных традиций русских сел и деревень. Именно «уходящие» явления требуют скорейшей фиксации, документирования, внимания к данным явлениям со стороны общественности, а в некоторых случаях – и проектов их актуализации. Редкими можно назвать объекты, которые сохраняют традиционные формы в живом естественном бытовании. Следует констатировать, что в настоящее время «живые» явления и комплексы традиционной культуры представлены лишь отдельными ареалами, очагами, даже те, которые в недавнем прошлом были распространены повсеместно. Примеры таких ареалов сохранения можно проследить по традиционному костюму: среди районов бытования русского костюма можно отметить русских Верхокамья – район в верховьях реки Камы на границе Пермского края и Удмуртской Республики, село Усть-Цильму и окрестные русские села и деревни в Республике Коми, село Никольское Лаишевского района Республики Татарстан и другие.

5. **Этика и наследие.** При обращении к тематике нематериального культурного наследия обычно не поднимаются этические проблемы, связанные с объектами. Между тем эти проблемы существуют и также требуют обсуждения. К этой работе активно подключаются не только исследователи, но и практики, и средства массовой информации, блогеры. Этические вопросы становятся все более актуальными. Традиционная культура, которая в настоящее время становится основным «полем»

нематериального этнокультурного достояния, при всем многообразии включает как открытые, публичные сферы, так и достаточно «закрытые», сакральные. Это в первую очередь относится к обрядовой традиции и не всегда может быть представлено для широкого обозрения, при том, что явление может быть уникальным и чрезвычайно интересным с точки зрения этнографии или фольклора. Интерпретация того или иного явления также может не совпадать у локального сообщества и отдельных групп вне его. Главным при изучении, публикации и другой публичной деятельности во главу угла должен быть поставлен принцип «не навреди!».

Сфера этики полевых исследований уже давно и неоднократно поднималась многими исследователями и выступает неким «кодексом» в среде фольклористов, этнологов и антропологов [Никитина 2001: 5–6; Этические проблемы 2006: 6–166], в то же время в публичном информационном пространстве в контексте нематериального культурного наследия данная проблема широко не обсуждалась. Вместе с тем факт публикации и размещение объекта в каталоге может серьезно повлиять как в положительном, так и негативном ключе на судьбу самого объекта, на его бытование и трансформацию. Нередки примеры, когда «внешнее» внимание к тому или иному явлению способствует переоценке его значимости локальным сообществом и тем самым дает импульс к его сохранению. Однако это может привести к негативному результату, есть примеры, когда повышенный интерес приводит к существенным трансформациям бытования явления и в конечном итоге способствует его разрушению.

Рассматривая нормативную базу Конвенции ЮНЕСКО, следует также отметить, что Межправительственным комитетом по охране нематериального культурного наследия на его 10-й сессии (Виндхук, Намибия, 3 ноября – 4 декабря 2016 г.) были приняты положения «Этические принципы охраны нематериального культурного наследия», содержащие 12 пунктов, провозглашающие принципы уважения культурного разнообразия и нематериального наследия стран и народов, определяющие ключевую роль сообществ, групп и отдельных лиц, носителей НКН, в деятельности и охране своего нематериального культурного наследия [Этические принципы].

Сложные вопросы и проблемы в деятельности в сфере нематериального этнокультурного достояния

С принятием федерального закона и ряда региональных нормативных актов в последние годы значительно увеличилась интенсивность деятельности в сфере нематериального этнокультурного достояния, но

по-прежнему остается достаточно много проблемных вопросов, требующих обсуждения и дискуссии. Эти вопросы можно разделить на две сферы – концептуальные и организационные.

Для большинства субъектов Российской Федерации не возникает вопроса о наличии и составе нематериального этнокультурного достояния, однако для целого ряда регионов вопрос «Есть ли у нас достояния, отвечающие критериям этничности, традиционности и историчности?» стоит достаточно остро. Одним из таких примеров может быть Калининградская область, формирование современного населения которой происходило лишь в послевоенное время за счет миграций из других регионов. В настоящее время регион не проявляет активности в сфере нематериального культурного наследия, нет регионального каталога. В то же время проведение экспедиции в этом регионе показало возможность выявления, изучения и подготовки уникальных объектов НЭД на данной территории и работы по их актуализации⁵.

Большая часть имеющихся в настоящее время объектов НЭД в федеральном и региональных каталогах относятся к явлениям традиционной культуры и презентуют наследие, сохраняющееся главным образом в сельской местности, при сельском расселении той или иной этнической группы. В этой связи также открытым остается вопрос: возможно ли наследие в городских центрах, в небольших городах и крупных мегаполисах? В настоящее время в федеральном каталоге почти нет размещенных объектов от городских центров. При многообразии и разности регионов России сложности с формированием реестра и объектов нематериального культурного наследия возникают и у субъектов Российской Федерации, представленных городами: Москвой, Санкт-Петербургом, Севастополем. В этом контексте вопрос о наследии таких территорий также требует обсуждения и осмысления.

Определенная часть народов России представлена диаспоральными сообществами, часто не имеющими районов традиционного и компактного расселения на территории нашей страны, это в значительной части городское население. Есть ли наследие в таких группах и как оно должно быть представлено в федеральном и региональных каталогах? Какой регион должны представлять такие группы? В качестве примера можно привести российских корейцев, объекты нематериального культурного

⁵ Вайман Д. И. Работа по выявлению и фиксации объектов нематериального культурного достояния на примере Калининградской области // Культурное наследие Сибири: изучение, музеефикация, презентация. К 30-летию Сибирского филиала Института Наследия: материалы всероссийской научно-практической конференции. Омск, 17–18 мая 2023 г. Омск: Институт Наследия, 2023. С. 38–39.

наследия которых в настоящее время не представлены ни в региональных, ни в федеральном каталоге.

Мы обозначили лишь незначительный круг вопросов, на которые в настоящее время нет однозначных ответов и которые требуют дискуссии, обсуждения и принятия решения для дальнейшей практической работы.

Работа в сфере нематериального культурного наследия решает важные задачи в реализации государственной национальной политики, прежде всего, выступая одним из механизмов сохранения этнокультурного многообразия. При этом важным концептуальным вопросом для всех направлений деятельности в контексте нематериального этнокультурного достояния является и общероссийское содержание этнокультурного достояния, использование богатейшего наследия для формирования гражданской общероссийской идентичности. Разнообразие и многообразие культур выступают важным ресурсом для выстраивания гражданской идентичности, служат платформой для знакомства и изучения наследия на региональном и общероссийском уровнях.

Особенностью федерального закона о нематериальном этнокультурном достоянии является рекомендательный характер многих его положений, он дает полномочия, но не закрепляет обязательства. И в этом контексте важная современная задача – добиться того, чтобы в данную работу были включены все субъекты Российской Федерации, были выстроены единые подходы к критериям объектов и их научному описанию. Для работы по выявлению, изучению и описанию явлений НЭД должно активно привлекаться экспертное научное сообщество, выстраиваться взаимодействие между федеральным экспертным советом и экспертными советами регионов. Необходимо организовать методическую работу в данном направлении, а также регулярно пополнять созданные реестры новым контентом. Назрела необходимость в единой информационной системе, включающей в себя федеральный реестр-каталог и региональные реестры, объединенные ссылками.

Деятельность в сфере нематериального этнокультурного достояния

Нематериальное этнокультурное достояние, как мы показали, достаточно сложная и многообразная сфера, деятельность в которой, несомненно, будет актуализирована в ближайшем будущем как на федеральном уровне, так и в регионах России. Одна из основных задач на современном этапе работы с объектами НКН – выявление, описание и

презентация. Как и в международном сообществе, одним из основных направлений в деле сохранения нематериального культурного наследия является учет и формирование реестра объектов.

Анализ материалов, размещенных в федеральном реестре, с одной стороны, показывает неравномерность количества объектов как по регионам России, так и по тематическим группам. Значительная часть материалов в настоящее время представляет фольклорные традиции и технологии народных промыслов и ремесел. Отчасти это объясняется тем, что именно в этих сферах накоплен значительный опыт работы учреждений культуры, а также активностью специалистов, занимающихся изучением фольклора в сфере нематериального культурного наследия, в то время как специалисты других профилей, например занимающиеся изучением хозяйственных традиций и материальной культуры, в меньшей степени соотносят себя с данным направлением деятельности. Многие явления культуры, которые, несомненно, составляют значительную часть этнокультурного наследия, в настоящее время слабо востребованы и не представлены в работе учреждений культуры и общественных институтов. Сложности, например, возникают при формировании объектов, характеризующих традиции хозяйственной деятельности народов России. Нет сомнения в том, что значительная часть хозяйственных традиций уникальна и достойна быть представлена в реестре, однако многие из приемов традиционного хозяйствования вышли из активного бытования, сохраняются лишь в памяти старшего поколения, и поэтому возникают сложности с возможностью их использования в рамках практической деятельности. Другой проблемой является противоречие между традициями и навыками хозяйствования, широко распространенными в прошлом, но ограниченными в настоящее время рядом законодательных актов, как, например, традиционные приемы рыболовства и т. д. Все эти сложности требуют целенаправленной исследовательской работы и широкого обсуждения в кругу специалистов.

Формирование федерального и региональных реестров в настоящее время непростая задача, даже с учетом того, что многие объекты нематериального культурного наследия изучены и по ним накоплены значительные научные исследования и материалы. Необходимы уточнения форм и особенностей современного бытования объектов, выполнение фото- и видеофиксации, что не всегда осуществлялось предшественниками.

Главными в выявлении и изучении НЭД остаются экспедиционные исследования, проводимые учеными и практиками. Другой канал формирования реестра объектов – описания местных организаций путем

непосредственного наблюдения сохраняющихся народных промыслов и ремесел, фольклорных коллективов, праздников и других форм НЭД. Несмотря на многолетнюю экспедиционную работу, в настоящее время при планировании экспедиций несколько по-иному расставляются акценты для выявления и документирования объектов НЭД. Проводится комплексная фиксация объекта, включающая не только сбор устных сведений, но и фото- и видеосъемку. Наиболее плодотворная деятельность по выявлению и актуализации объектов НЭД происходит там, где выстроено взаимодействие домов народного творчества, других учреждений культуры и научных организаций, экспертов.

Так как работа в данном направлении рассчитана на многие годы, важно выстраивание системы работы с объектами НЭД, которая включает такие направления деятельности, как:

- документирование (фиксация и сохранение в музейных и архивных собраниях);
- сохранение и развитие (создание условий для продолжения деятельности мастеров, фольклорных коллективов, проведения праздников и т. д.);
- изучение (научные исследования на основе полученных материалов);
- актуализация (использование в современных образовательных, экономических, туристических, культурных проектах и практиках).

Кроме формирования реестра объектов, одной из традиционных форм документирования и популяризации НЭД является публикация материалов, каталогов, научных исследований и научно-популярных изданий [Антология 2022]. В этом контексте можно отметить несколько интересных региональных проектов:

Каталоги объектов НКН Республики Коми [Усть-Цилемская горка 2019; Объекты нематериального культурного наследия Республики Коми 2020; 2021; 2021a].

Серии изданий «Нематериальное культурное наследие Республики Марий Эл» [Нематериальное культурное наследие Республики Марий Эл 2018].

Серия изданий «Фольклорный архив. Пермский край», представляющих объекты НЭД Пермского края [Русские сказки Пермского края 2020; Сказки Евдокии Никитичны Трящиной 2020; Песенная традиция русских сел Октябрьского района 2021; Песенная традиция деревни Суюрка 2021; Традиционная культура русских заводских поселений Урала 2021].

Нематериальное этнокультурное достояние народов Республики Башкортостан [Нематериальное этнокультурное достояние 2023].

Не менее сложны и дискуссионны современные подходы к актуализации нематериального этнокультурного достояния и практическая деятельность в этой сфере учреждений культуры и общественных институтов.

НЭД выступает основой для современных этнокультурных проектов в разных сферах и направлениях деятельности:

- как ресурс развития территории (брендинг, развитие экономической сферы, проекты в сфере культуры, туризм);
- как основа деятельности учреждений культуры (фестивали и праздники, методическая работа);
- как основа для разных форм практической деятельности (от фольклорных ансамблей до мастеров народного творчества);
- как основа для научных исследований (зафиксировать наиболее полно – проанализировать – опубликовать результаты);
- как материал для выставочных и других проектов в сфере культуры;
- как основа для научно-популярных материалов (кино-, видео-, интернет-ресурсы, деятельность блогеров).

Эффективность работы в сфере сохранения объектов НЭД зависит от выстраивания взаимодействия трех институтов: власти, экспертного сообщества и практиков. Наибольший эффект мы получаем там, где есть понимание общих задач и выстраивание партнерских отношений между различными институтами.

Самый сложный вопрос – включение объектов НЭД в современный культурный контекст. Работа с ними должна отвечать критериям: традиционный, но современный, архаичный, но модный, содержательный, но с новыми смыслами.

Хотя в настоящее время с нематериальным культурным наследием работает большое число ученых и практиков, следует констатировать, что значительная часть наследия остается известной преимущественно лишь узким специалистам: этнографам, фольклористам, этномузыковедам. В некоторых случаях следует констатировать, что на явления традиционной культуры и оценку их ценности и значимости присутствуют разные точки зрения у научного сообщества и у тех, кто занимается практической деятельностью в данной сфере.

Информационное сопровождение деятельности в сфере нематериального этнокультурного достояния

В контексте работы с нематериальным этнокультурным достоянием чрезвычайно актуальна информационная составляющая этой деятельности. «Мы сейчас все берем в интернете» – такую фразу мы часто слышим от работников культуры, когда речь заходит об источниках информации

по традиционной культуре. Существенной проблемой остается формирование научно-популярного знания. Наука проигрывает сегодня в сфере наполнения информационного контента по традиционной культуре и нематериальному культурному наследию, что приводит к мифотворчеству, квазипредставлениям о явлениях народной культуры. Интернет-ресурсы наполнены разнообразной, но далекой от научной объективности информацией, нередко – в русле современной неомифологии, связанной с народной культурой и ее интерпретацией. Для учреждений культуры часто также характерны отсутствие глубокого погружения в сферу традиционной культуры, недостаточная этнокультурная компетентность, восприятие и тиражирование стереотипов в отношении этнической культуры.

Работа в сфере нематериального этнокультурного достояния может стать тем направлением, которое «закроет» существующие проблемы с доступом к информации. В целом ряде регионов именно работа в сфере нематериального этнокультурного достояния привела к обработке фольклорных архивов и публикации для широкой аудитории аутентичных материалов. В учреждениях культуры России наблюдаются и интересные подходы к этой сфере деятельности [Санникова, Кожанова 2018: 237–251; Добжанская 2019; Завгарова 2012; Национальные культуры Урала 2022]. Создание и наполнение информационных ресурсов по-прежнему остается важной задачей в этой работе. В то же время в нашей стране нет такого всеобъемлющего ресурса, где были бы собраны библиотека по традиционной культуре, фильмы, аудиоматериалы. И в этом контексте работа по созданию реестра объектов нематериального этнокультурного достояния может стать той платформой, где будут аккумулированы огромный материал и источники по традиционной культуре народов России для того, чтобы использовать все это в качестве информационной базы для разных проектов в сфере культуры, и для того, чтобы ориентировать, в том числе молодое поколение, на пользование именно этими данными для образования и этнокультурных проектов.

Кадровый потенциал и этнокультурные компетенции

Активизация деятельности в сфере нематериального этнокультурного достояния поставила проблему ее кадровой обеспеченности. Сегодня с явлениями традиционной культуры работают специалисты разных на-

правлений – фольклористы, этномузыкологи, этнологи, культурологи и другие. Однако проблемы подготовки и обеспечения специалистами и этнокультурной компетенции сотрудников, работающих в сфере нематериального этнокультурного достояния, по-прежнему стоят остро. С одной стороны, подготовка специалистов в университетах, консерваториях ориентирована на глубокое погружение в материал, научный подход и научную деятельность. В то же время в учреждениях культуры нужны специалисты для решения совсем иных задач и с иными компетенциями: менеджмента, маркетинга, работы с персоналом. В учреждениях культуры в первую очередь нужны специалисты, которые понимают, не только как надо изучать, но и как общаться с людьми, как искать деньги на проекты и деятельность, как организовывать коллектив, среду и мероприятия, как проводить деятельность, сохраняя традицию, не разрушая, а презентуя ее. С другой стороны, институты культуры, которые в первую очередь готовят специалистов для данной сферы, ориентированы исключительно на прикладную деятельность, и часто лишь на вторичные сценические формы. Выпускники этих вузов нередко совершенно не имеют представления о реальной сфере традиционной культуры. Образование, к сожалению, сегодня не дает представления о многообразии форм работы с этнокультурным достоянием, ориентируясь лишь на устоявшиеся, а часто и устаревшие формы работы. Конечно, у каждого правила есть исключения, и открыты интересные направления, отдельные учреждения готовят высококлассных специалистов с широкой ориентацией на науку и практику, однако до системного подхода в сфере образования еще далеко. Следует констатировать, что на явления традиционной культуры и оценку их ценности и значимости сложились разные точки зрения у научного сообщества, а также у тех, кто занимается практической деятельностью в данной сфере. По-прежнему существует разрыв между наукой и практикой, между идеями глубокого погружения в народную культуру и первичные формы – с одной стороны – и современными запросами общества и требованиями к деятельности учреждений культуры – с другой стороны. Хотелось бы надеяться, что потребность в специалистах приведет к определенной перестройке парадигм образования в этой сфере. Отчасти кадровые вопросы решаются проведением курсов повышения квалификации, участием специалистов в совместных проектах, изучением и освоением имеющегося наиболее интересного опыта регионов и т. д.

Таким образом, при существующем в настоящее время целом комплексе проблем, обсуждение и решение которых предстоит в будущем, насущными общими задачами в сфере нематериального этнокультур-

ного достояния, с нашей точки зрения, являются формирование общественного запроса, активное наполнение федерального реестра и более широкого информационного контента научным знанием, системная совместная активная деятельность в сфере изучения, сохранения и актуализации нематериального культурного наследия. Опыт такой работы накоплен в последние годы многими учреждениями науки, культуры, образования и общественными институтами.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Russian Federation – Russian Federation [Электронный ресурс]. – URL: <https://ich.unesco.org/en/state/russian-federation-RU> (дата обращения: 01.11.2022).

Антология 2022 – Антология народной культуры. 100 объектов нематериального культурного наследия народов Российской Федерации. М.: ГРДНТ им. В. Д. Поленова, 2022. – 128 с.

Аристархов 2021 – Аристархов В. В. Россия в системе международного регулирования охраны нематериального культурного наследия // Культурологический журнал. 2021. № 4. С. 2–12.

Былины 2001–2015 – Былины. Свод русского фольклора [Текст]: в 25 т. / [Российская акад. наук, Ин-т русской литературы (Пушкинский дом)]; [редкол. Свода русского фольклора А. А. Горелов (гл. ред.) и др.]; [редкол. сер. «Былины» Б. Н. Путилов (гл. ред.) и др.]. СПб.: Наука; М.: Классика, 2001–2015. Т. 1–18.

В министерстве – [В министерстве] <https://www.rusfolk.ru/conferences/v-ministerstve-kultury-rossijskoj-federacii-obsudili-voprosy-sohraneniya-i-popularizacii-tradicionnoj-narodnoj-kultury>

Добжанская 2019 – Добжанская О. Э. Проблемы сохранения музыкального фольклора народов Арктики как части нематериального культурного наследия Российской Федерации (на материалах Таймыра) // Языки коренных народов как фактор устойчивого развития Арктики. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Якутск, 2019. С. 251–254.

Добровольская 2021 – Добровольская В. Е. О каталоге // Живая старина. 2021. № 4. С. 25.

Драпеко 2018 – Драпеко 2018: <https://www.pnp.ru/social/drapeko-rasskazala-pochemu-rf-ne-prinyala-konvenciyu-oon-ob-okhranematerialnogo-kulturnogo-naslediya.html>

◆ ◆ ◆ | ◆ ◆ ◆

**ОБЩИЕ ВОПРОСЫ И КОНЦЕПТ
«НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ДОСТОЯНИЕ»**

Единый реестр – Единый реестр объектов нематериального этнокультурного достояния народов Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. – URL: <https://nknrb.ru/> (дата обращения: 11.04.2025).

Завгарова 2012 – Завгарова Ф. Х. Вопросы сохранения объектов нематериального культурного наследия: проблемы, нормативно-правовая база, практики // Проблемы сохранения нематериального этнокультурного наследия в современных условиях: сб. докладов международного семинара / под ред. Ф. Х. Завгаровой. Казань: Ихлас, 2012. С. 9–17.

Закон 2022 – Федеральный закон от 20.10.2022 № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210200005?index=1&rangeSize=1> (дата обращения: 12.12.2022).

Каргин, Костина 2008 – Каргин А. С., Костина А. В. Сохранение нематериального культурного наследия народов РФ как приоритет культурной политики России в XXI веке // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 3. С. 59–71.

Каталог Краснодарский край – Каталог объектов нематериального культурного наследия Краснодарского края [Электронный ресурс]. – URL: https://kcx.ru/scince/?PAGEN_2=2 (дата обращения: 11.04.2025).

Конвенция 2003 – Конвенция об охране нематериального культурного наследия 17 октября 2003 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (дата обращения: 11.04.2025).

Концепция 2008 – Концепция сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Российской Федерации на 2009–2015 годы [Электронный ресурс]. – URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minkulturny-ot-17122008-n-267/#100011> (дата обращения: 11.12.2022).

Критерии объектов – Главные критерии при выявлении объектов нематериального этнокультурного достояния. Методические рекомендации по первичному выявлению, отбору и предоставлению сведений по объектам нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации // Комитет по культуре Администрации Одинцовского городского округа Московской области [Электронный ресурс]. – URL: <https://kdmks.ru/dokumenty/kulturnoe-nasledie> (дата обращения: 10.10.2025).

Лапин 1995 – Лапин В. Русский музыкальный фольклор и история (к феноменологии локальных традиций): Очерки и этюды. М.: Московский государственный фольклорный центр «Русская песня»; Российский Институт истории искусств, 1995. – 200 с.

Методические рекомендации – Методические рекомендации по первичному выявлению, отбору и предоставлению сведений по объектам нематериального культурного наследия Республики Саха (Якутия) [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1743837010&tid=ru&lang=ru&name=Методические-рекомендации-ОНКН.pdf&text=критерии%20объектов%20нематериального%20культурного%20наследия> (дата обращения: 11.04.2025).

**НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ДОСТОЯНИЕ РОССИИ:
ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К СОХРАНЕНИЮ И ПРЕЗЕНТАЦИИ**

Модельный закон – Модельный закон «Об охране нематериально-го культурного наследия» [Электронный ресурс]. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31526977&pos=6;-106#pos=6;-106 (дата обращения: 20.12.2022).

Национальные культуры Урала 2022 – Национальные культуры Урала. Нематериальное культурное наследие: вопросы сохранения и презентации. Сборник научных статей XVIII Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург: [б. и.], 2022. – 128 с.

Нематериальное культурное наследие 2020 – Нематериальное культурное наследие народов Российской Федерации: Иллюстрированный альманах / сост. В. Е. Добровольская, А. Б. Ипполитова, М. В. Русанова. М.: ООО «Сам Полиграфист», 2020. – 348 с.

Нематериальное культурное наследие Республики Марий Эл 2018 – Нематериальное культурное наследие Республики Марий Эл: информационно-методические материалы, объекты нематериального культурного наследия Республики Марий Эл. Вып. 3 / сост. Е. И. Тихонова. Йошкар-Ола, 2018. – 79 с.

Нематериальное этнокультурное достояние 2023 – Нематериальное этнокультурное достояние народов Республики Башкортостан. Научно-популярное издание. Уфа: Самрау, 2023. – 248 с.

Никитина 2001 – Никитина С. Е. О «нас» и о «них» (к теме «собираТЕЛЬ – информант/исполнитель») // Живая старина. 2001. № 1. С. 5–6.

О нематериальном культурном наследии в Республике Татарстан 2017 – Закон Республики Татарстан от 26.05.2017 № 34-ЗРТ «О нематериальном культурном наследии в Республике Татарстан» [Электронный ресурс]. – URL: https://kitaphane.tatarstan.ru/legal_info/zrt/nematercultnasl.htm (дата обращения: 10.12.2022).

Об объектах нематериального культурного наследия Саратовской области 2017 – Закон Саратовской области № 51-ЗСО от 28.06.2017 «Об объектах нематериального культурного наследия в Саратовской области» // Собрание законодательства Саратовской области. № 9 от 30.06.2017. С. 2294.

Объекты нематериального культурного наследия Республики Коми 2020 – Объекты нематериального культурного наследия Республики Коми: [в 3 т.]. Т. 1. Обрядовые, празднично-игровые и профессиональные традиции. Сыктывкар: Государственное автономное учреждение Республики Коми «Центр народного творчества и повышения квалификации», 2020. – 376 с.

Объекты нематериального культурного наследия Республики Коми 2021 – Объекты нематериального культурного наследия Республики Коми: [в 3 т.]. Т. 2. Народное декоративно-прикладное искусство, промыслы, ремесла, народное знание. Сыктывкар: Государственное автономное учреждение Республики Коми «Центр народного творчества и повышения квалификации», 2021. – 240 с.

Объекты нематериального культурного наследия Республики Коми 2021a – Объекты нематериального культурного наследия Республики Коми: [в 3 т.]. Т. 3. Народное исполнительство, эпические, песенно-музыкальные, инструментальные и танцевальные традиции. Сыктывкар: Государственное автономное учреждение

◆ ◆ ◆ I ◆ ◆ ◆

**ОБЩИЕ ВОПРОСЫ И КОНЦЕПТ
«НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ДОСТОЯНИЕ»**

Республики Коми «Центр народного творчества и повышения квалификации», 2021. – 180 с.

Основы государственной культурной политики 2014 – Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208> (дата обращения: 10.12.2022).

Песенная традиция деревни Суюрка 2021 – Песенная традиция деревни Суюрка Куединского района Пермского края: свадебный фольклор / А. В. Черных (отв. ред.), Г. Н. Мехнецова, А. А. Мехнецов, О. С. Сивков, И. И. Русинова, М. Е. Суханова (Серия «Фольклорный архив. Пермский край»). СПб.: Маматов, 2021. – 188 с.

Песенная традиция русских сел Октябрьского района 2021 – Песенная традиция русских сел Октябрьского района Пермского края в записях конца XX в. (под общ. ред. А. В. Черных) / А. В. Черных (отв. ред.), О. С. Сивков, И. И. Русинова, Ю. С. Чернышева, М. Е. Суханова, Е. Н. Свалова (Серия «Фольклорный архив. Пермский край»). СПб.: Маматов, 2021. – 456 с.

Положение 2023 – Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении Положения о федеральном государственном реестре объектов нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации» // Нематериальное этнокультурное достояние народов России. Региональный опыт: материалы Всероссийского форума по вопросам деятельности в сфере нематериального этнокультурного достояния / сост. И. М. Глинко, М. В. Русанова; отв. ред. Н. Е. Котельникова. М.: ГРДНТ им. В. Поленова, 2023. С. 105–121.

Пояснительная записка – Пояснительная записка к проекту федерального закона «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/102232-8> (дата обращения: 12.12.2022).

Пуртова 2018 – Пуртова Т. В. Нематериальное культурное наследие: проблемы терминологии // Традиционная культура. 2018. № 1. С. 37–39.

Реестр – Реестр объектов нематериального культурного наследия народов России [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rusfolknasledie.ru/#/main> (дата обращения: 01.11.2023).

Реестр Краснодарский край – Реестр объектов нематериального этнокультурного наследия Краснодарского края [Электронный ресурс]. – URL: <https://kultura.krasnodar.ru/serv/reestr-ONED/reestr-oned-kk> (дата обращения: 11.04.2025).

Реестр Удмуртская Республика – Реестр нематериального культурного наследия Удмуртской Республики [Электронный ресурс]. – URL: <https://rdntur.ru/reestr-obektoy-kulturnogo-naslediya/2018/> (дата обращения: 11.04.2025).

Русанова 2023 – Русанова М. В. Государственная поддержка деятельности по сохранению и популяризации традиционной народной культуры // Нематериальное этнокультурное достояние народов России. Региональный опыт: материалы Всероссийского форума по вопросам деятельности в сфере нематериального

А. В. Черных

НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ДОСТОЯНИЕ РОССИИ:
ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К СОХРАНЕНИЮ И ПРЕЗЕНТАЦИИ

этнокультурного достояния / сост. И. М. Глинко, М. В. Русанова; отв. ред. Н. Е. Котельникова. – М.: ГРДНТ им. В. Поленова, 2023. С. 9–13.

Русские сказки Пермского края 2020 – Русские сказки Пермского края в записях конца XX – начала XXI в. / А. В. Черных (отв. ред.), В. Е. Добровольская, И. И. Русинова, И. А. Подюков, М. Е. Суханова, О. С. Сивков, Е. Н. Свалова, С. В. Хоробрых, С. Ю. Королёва (Серия «Фольклорный архив. Пермский край»). СПб.: Маматов, 2020. – 240 с.

Санникова, Кожанова 2018 – Санникова Т. М., Кожанова Н. Г. К вопросу актуализации нематериального культурного наследия в деятельности учреждений культуры // Традиционная культура. 2018. Т. 19. № 5S. С. 237–251.

Сказки Евдокии Никитичны Трясциной 2020 – Сказки Евдокии Никитичны Трясциной / В. Е. Добровольская, Г. Н. Мехнецова, И. И. Русинова, О. С. Сивков, М. Е. Суханова, А. В. Черных (отв. ред.) (Серия «Фольклорный архив. Пермский край»). СПб.: Маматов, 2020. – 192 с.

Тишков 2023 – Тишков В. В. Предисловие // Культурное наследие: современные интерпретации культурного наследия народов России: Сб. ст. / под ред. В. А. Тишкова, С. В. Бааха; сост. Б. А. Синанов, В. В. Тишков. М.: ИЭА РАН, 2023. С. 6–7.

Традиционная культура русских заводских поселений Урала 2021 – Традиционная культура русских заводских поселений Урала: Курашимский завод: материалы и исследования: коллективная монография / А. В. Черных (отв. ред.), И. И. Русинова, Ю. А. Кашаева, А. В. Вострокнутов, Д. И. Вайман, С. Ю. Королёва, О. С. Сивков, М. А. Брюханова (Серия «Фольклорный архив. Пермский край»). СПб.: Маматов, 2021. – 484 с.

Усть-Цилемская горка 2019 – Усть-Цилемская горка – жемчужина Русского Севера. Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2019. – 136 с.

Чистов 1986 – Чистов К. В. Народные традиции и фольклор. Очерки теории. Л.: Наука, 1986. – 304 с.

Чулисова 2022 – Чулисова Ю. А. Конституционно-правовая охрана объектов нематериального культурного наследия в России: проблемы и перспективы развития // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22. № 1. С. 114–122.

Энциклопедия 2022 – Энциклопедия нематериального культурного наследия России. Посвящается Году культурного наследия народов России. М.: Институт Наследия, 2022. – 576 с.

Этические принципы – Этические принципы охраны нематериального культурного наследия [Электронный ресурс]. – URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1744537602&tld=ru&lang=ru&name=2003_Convention_Basic_Texts-2022_version-RU-3_149-153.pdf&text=Этические%20принципы%20охраны%20НКН%20 (дата обращения: 11.04.2025).

Этические проблемы 2006 – Этические проблемы полевых исследований // Антропологический форум. СПб., 2006. № 5. С. 6–166.

М. С. Каменских

РОССИЙСКОЕ ФЕДЕРАЛЬНОЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В СФЕРЕ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ

В последние годы в России предпринят ряд важных шагов в сфере выявления и фиксации объектов нематериального этнокультурного достояния (НЭД). В частности, принят Федеральный закон РФ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» [Федеральный закон 2022]. Документ обеспечивает реализацию конституционного права граждан РФ на доступ к культурным ценностям народов России. Для реализации положений этого закона 3 августа 2023 г. премьер-министр России подписал Постановление № 1277 «Об утверждении Положения о федеральном государственном реестре объектов нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации» [Об утверждении Положения 2023]. По мнению законодателя, создание общедоступного информационного ресурса позволит упростить изучение, использование, сохранение и популяризацию нематериального этнокультурного достояния. В документе дано определение «объекта» нематериального этнокультурного достояния, состав необходимых сведений для фиксации объекта, определены полномочия органов исполнительной власти в нормативном регулировании фиксации таких объектов. Оператором реестра определено Министерство культуры [Правительство утвердило 2023]. Также в 2024 г. распоряжением Правительства РФ утверждена «Концепция сохранения и развития нематериального этнокультурного достояния РФ на период до 2030 года» [Распоряжение Правительства 2024]. Все эти меры подтверждают намерения государства проводить эффективную и последовательную работу в области сохранения нематериального этнокультурного достояния.

В рамках данного раздела будет представлен обзор действующего российского и регионального законодательства на 1 сентября 2025 г. (см. таблицу).

Еще до принятия федерального закона работа в сфере нематериального культурного наследия проводилась не только на общероссийском, но и на региональном уровне. Первая законодательная инициатива принадлежит властям Ханты-Мансийского автономного округа, поскольку на этой территории этничность и этнокультурная уникальность составляют часть политического дискурса [Каменских 2022]. В 2003 г. власти ХМАО – Югры приняли закон «О фольклоре коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Ханты-Мансийского автономного округа». Под «фольклором» в документе понималось «нематериальное культурное наследие, представленное в различных формах, основанное на традиционных знаниях, передаваемое от поколения к поколению устно или путем имитации, не имеющее индивидуального авторства, отражающее этническую идентичность и культурную самобытность данных народов» [Закон ХМАО – ЮГРЫ 2003]. После принятия в 2013 г. Концепции сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Российской Федерации на уровне региона Постановлением Правительства округа от 26 сентября 2013 г. № 392-п было закреплено обязательство вести реестр объектов нематериального культурного наследия народов ХМАО – Югры [Приказ Департамента 2013]. Близкая по содержанию тематика была прописана в законе Краснодарского края «О государственной политике в сфере сохранения и развития традиционной народной культуры в Краснодарском крае». Документ вводил понятие «традиционной народной культуры» как «совокупности присущих социальной группе отличительных духовных, материальных, интеллектуальных и эмоциональных ценностей и признаков, являющихся отражением культурной и национальной самобытности общества» [Закон Краснодарского края 2009]. Как видно, формы традиционной культуры, прописанные в законе, во многом совпадают с понятием нематериального культурного наследия. Несмотря на принятие в этом регионе отдельного закона о НЭД в 2023 г., упомянутый выше закон продолжает действовать в Краснодарском крае и сегодня (см. Приложение).

Если говорить непосредственно о понятии «нематериальное культурное наследие», то одним из первых его сформулировал в России принятый в 2008 г. в Республике Алтай закон «О регулировании отношений в области развития нематериального культурного наследия» (с 2022 г. утратил силу). В этом документе под нематериальным культурным наследием понимались «обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, не имеющие индивидуального авторства, признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях,

отдельными лицами в качестве части их культурного наследия». Под видами объектов НКН понимались «традиции, исполнительские искусства, обычаи, обряды, народные праздники, знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами, являющиеся культурными ценностями народов Республики Алтай». Кроме этого, закон определял полномочия органов республиканской власти и возможность принятия специальных государственных программ Республики Алтай, направленных на выявление, развитие и поддержку талантов и носителей культурного наследия [Закон Республики Алтай 2008]. Основные понятия и формулировки закона взяты из русскоязычного перевода упомянутой выше Конвенции об охране нематериального культурного наследия ООН.

С 2013 г. аналогичный закон об охране нематериального культурного наследия был принят в Республике Тыва. Он также использовал формулировки Конвенции об охране нематериального культурного наследия ООН в части определения объектов нематериального культурного наследия и их видов. Однако в Республике Тыва впервые появилось понятие «регионального каталога» объектов НКН (Каталог объектов нематериального культурного наследия Республики Тыва). Следующим из региональных актов был принят Закон «О нематериальном культурном наследии в Республике Хакасия» № 31-ЗРХ 12.05.2016. В этом законе, а также в последующих актах понятие нематериального культурного наследия было расширено и сформулировано как «совокупность духовных, интеллектуальных и нравственно-этических ценностей, являющихся отражением культурной и национальной самобытности общества и охватывающих образ жизни, традиции и формы их представления и выражения, включая язык, нормы и правила поведения, верования, обряды, обычаи, празднества, фольклор, народные художественные каноны, знания и навыки, технологии изготовления предметов народного декоративно-прикладного искусства, музыкальных инструментов, предметов быта, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, признанные носителями нематериального культурного наследия» [Закон Республики Хакасия 2016]. Это определение уже было заимствовано из упомянутого выше модельного закона «Об охране нематериального культурного наследия» межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. С этого момента фиксируется новая волна принятия региональных законов, опирающихся уже на законодательство Российской Федерации. Примером здесь может послужить Республика Татарстан. Соответствующий закон в субъекте был принят в 2017 г. Видами объектов нематериального культурного наследия названы «народные знания, верования, обычаи, традиции, произведения фольклора, постоянно воспроизводимые на определенной территории

обряд или празднество; уникальные формы исполнительских искусств, в том числе словесного, вокального, инструментального и танцевального; технологии изготовления предметов народного декоративно-прикладного искусства, музыкальных инструментов, предметов быта; народные художественные каноны, реализующиеся в исторически сложившихся сюжетах, образах и стилистике их воплощения, существующие на конкретной территории» [Закон Республики Татарстан 2017]. Работа над составлением реестра НКН в Татарстане сопровождалась активной дискуссией, во многом отражающей настрой российского экспертного сообщества, поскольку отказ от ратификации Конвенции лишал Россию инструментов пополнения международного реестра собственными объектами. В 2017 г. председатель комитета Госсовета Татарстана по образованию, культуре, науке и национальным вопросам Разиль Валеев с сожалением отмечал, что пока Россия не ратифицирует Конвенцию ЮНЕСКО, Татарстан не сможет внести в ее список праздник Сабантуй, о чем ранее мечтал первый президент Республики Татарстан Минтимер Шаймиев [Пока Россия не ратифицирует... 2017]. Как видно, в 2013–2020 гг. законы принимались преимущественно в республиках или автономных округах. Особняком в этом перечне стоит Саратовская область, где закон о сохранении объектов НКН был принят в 2017 г. О мотивах этой законотворческой работы практически ничего неизвестно. Объектами нематериального культурного наследия в законе со ссылкой на федеральное законодательство названы «языки и диалекты, традиции, обычаи и верования, фольклор, традиционные уклады жизни и представления об устройстве мира народов, народностей, этнических групп, русская литература и литература народов России, музыкальное, театральное, кинематографическое наследие, уникальная система подготовки творческих кадров» [Закон Саратовской области 2017].

Начавшееся после 2018 г. обсуждение проекта федерального закона стимулировало работу в регионах. В 2018–2022 гг. соответствующие законы были приняты более чем в 10 субъектах РФ [Черных, Каменских 2024].

Принятие федерального закона не только завершило предшествующую деятельность в сфере изучения, сохранения и актуализации нематериального культурного наследия, но и открыло новый этап в организационной работе в данной сфере. Прежде всего, в законе введено новое понятие – «нематериальное этнокультурное достояние» (НЭД). Под этим термином в документе понимается «нематериальное культурное наследие народов Российской Федерации как совокупность присутствующих этническим общностям Российской Федерации духовно-нравственных и культурных ценностей, передаваемых из поколения в поколение,

формирующих у них чувство осознания идентичности и охватывающих образ жизни, традиции и формы их выражения, а также воссоздание и современные тенденции развития данного образа жизни, традиций и форм их выражения» [Федеральный закон 2022]. Основными видами этнокультурного достояния стали устное творчество, устные традиции и формы их выражения на русском языке, языках и диалектах народов Российской Федерации; формы традиционного исполнительского искусства (словесного, вокального, инструментального, хореографического); традиции, выраженные в обрядах, празднествах, обычаях, игрищах и других формах народной культуры; знания, выраженные в объективной форме, технологии, навыки и формы их представления, связанные с укладами жизни и традиционными ремеслами, реализующиеся в исторически сложившихся сюжетах и образах и стилистике их воплощения, существующих на определенной территории; иные объекты» [Федеральный закон 2022]. Как видно, понятие «этнокультурное достояние» напрямую коррелирует с существовавшим ранее термином «нематериальное культурное наследие», но при этом делает акцент именно на этнической составляющей культуры и ее объектов, которые подлежат сохранению. С нашей точки зрения, данный термин более корректно отражает задачи государственной национальной политики, поскольку фиксации и сохранению, в первую очередь, подлежат объекты с этнокультурной составляющей.

После принятия в 2022 г. федерального закона в большинство действующих региональных нормативных актов были внесены изменения. Первой соответствующий нормативный акт на уровне региона 19 декабря 2022 г. приняла Новгородская область [Закон Новгородской области 2022]. До конца 2022 г. то же самое сделали местные власти в Приморском крае, Омской области, Тыве, ХМАО – Югре, Мордовии и Адыгее. А за последние два года свыше 40 субъектов РФ приняли соответствующие нормативные акты (см. Приложение). Мониторинг законодательства показал, что после 2022 г. развитие нормотворчества в субъектах РФ шло по нескольким сценариям. В ряде случаев принятые ранее законы были признаны утратившими силу, а местные законодатели принимали новые законы, полностью опирающиеся на формулировки федерального законодателя 2022 г. Еще один вариант – внесение изменений в существующие нормативные акты с целью расширения полномочий действующих органов власти без принятия соответствующего закона. В некоторых субъектах сохранили силу принятые ранее законы. В республиках Ингушетии и Калмыкии закон не был обновлен и остается одним из немногих в России со старыми формулировками в названии, без соответствующих изменений. Использование разной терминологии

в региональном законодательстве (в том числе даже в рамках одного субъекта) – одна из ключевых проблем и текущих задач развития нормативной базы в сфере НЭД на современном этапе [Миннирес 2024]. Иногда местные власти после принятия закона в 2022 г. «понижали» статус собственных нормативных актов. Так, в Московской и Тульской областях до 2022 г. существовали собственные законы о нематериальном культурном наследии, но после принятия федерального закона власти ограничились внесением изменений в местные положения об уполномоченном органе в сфере культуры [Распоряжение министерства 2016]. В Оренбургской области принятие закона о нематериальном культурном наследии планировалось в 2022 г. в рамках концепции сохранения и развития нематериального культурного наследия на 2022–2030 гг., которая была утверждена постановлением правительства от 06.05.2022. Однако принятие федерального закона потребовало обновления нормативной базы, и в результате концепция была пересмотрена, а в 2025 г. вышел новый документ, также утвержденный постановлением областного правительства, который уже был приведен в соответствие с федеральным законом [Постановление правительства Оренбургской области 2022].

Постановление Правительства 2023 г. ввело понятия порядка формирования реестра и подачи заявок как отдельных процедур. В этой связи, независимо от принятых законов, во многих субъектах разрабатываются и наполняются региональные каталоги или реестры объектов НЭД, что подразумевает создание и работу экспертного совета, выявление объектов, определение порядка подачи заявок на включение в реестр, описание и ведение каталога. Содержательный аспект заполненных региональных каталогов также вызывает множество вопросов и критику. Отметим, что наличие или отсутствие регионального закона о НЭД связано с составлением реестров, но не является первопричиной этой работы. В современном российском региональном законодательстве, как правило, порядок формирования реестра и порядок подачи заявки на включение в реестр регулируются отдельными нормативными актами (Орловская и Саратовская области). В большинстве случаев обе процедуры регулируются одним документом либо прописаны в рамках одного нормативного акта. В Башкортостане порядок ведения реестра НЭД опирается на закон, принятый в 2012 г. Интересную практику демонстрирует правительство Республики Мордовия, где уполномоченный орган не только имеет отдельные нормативные акты о реестре НЭД и порядке их ведения, но и оформляет отдельным приказом каждое обращение в Министерство культуры РФ о рассмотрении объекта на предмет включения в федеральный реестр.

Отдельным направлением работы в формировании реестра объектов НЭД стала политика по созданию экспертных советов на уровне регионов. Такие советы создаются, как правило, при главах субъектов, а их деятельность регулируется отдельными нормативно-правовыми актами (Курская область, Краснодарский край). Интересный опыт показывает Ивановская область, где в Фурмановском муниципальном районе одним из первых был принят нормативный акт об объектах НЭД местного (муниципального) уровня. Документ предписывал органам местного самоуправления создать собственную рабочую группу для ведения реестра НЭД [Распоряжение администрации Фурмановского района 2023].

По итогам мониторинга можно сделать ряд обобщающих выводов. На сегодняшний день собственные законы обрели 26 регионов, в 29 субъектах внесены изменения в нормативные акты, касающиеся уполномоченных органов в сфере культуры, еще в 45 регионах действуют соответствующие нормативные акты о порядке ведения реестра объектов НЭД и правилах подачи заявок в них. При этом у 28 регионов вообще не получилось обнаружить какой-либо нормотворческой деятельности. Принятие федерального закона в 2022 г. определило развитие регионального законодательства по нескольким моделям: внесение изменений в существующие законы, принятие абсолютно новых законов, расширение полномочий органов власти субъекта в рамках действующих нормативных актов, использование исключительно федерального законодательства. Отметим, что все три сценария являются законными, поскольку наличие федерального закона не требует от местных властей принятия отдельного закона на местном уровне, достаточно ссылки на федеральный закон. Создание региональных реестров НЭД также не требует принятия внутреннего документа, достаточно ссылки на постановление Правительства РФ. В субъектах, где нет нормативной базы по НЭД, региональные каталоги формируются на основании федерального законодательства либо составляются уполномоченными органами без нормативного основания (например, Калининградская и Нижегородская области). Наличие собственного нормативного акта, его статус (отдельный закон или приказ внутри уполномоченного органа) является скорее политической акцией и свидетельствует лишь о том, насколько значима данная сфера для местных властей.

На сегодняшний день две трети регионов России сформировали собственную нормативную базу по нематериальному этнокультурному достоянию, опирающуюся на федеральные законы, которые выложены в открытых источниках. То есть у этих регионов есть собственная нормативная база в регулировании сферы НЭД. Собственный закон, изменения в местной нормативной базе и отдельные документы, касающиеся

порядка ведения реестра объектов НЭД, на данный момент есть у десяти субъектов РФ: в Курской, Рязанской, Архангельской, Саратовской, Волгоградской областях, Краснодарском и Приморском крае, в республиках Башкортостан, Татарстан и Мордовия (см. таблицу).

При этом проведенный мониторинг не позволил выявить специфику законодательства по отдельным федеральным округам, тем не менее очевидно, что в регионах со статусом республик практика принятия именно законов выше, чем в среднем среди регионов. Однако по-прежнему требуется приведение в соответствие с федеральным законом региональной законодательной базы, утверждение подходов к формированию государственного и региональных реестров (включая реестры местного значения), участие в работе по фиксации объектов экспертного сообщества.

Таблица

Нормативные акты в сфере НЭД по регионам России
(анализ на 01.09.2025)

№	Регион	Наличие собственного закона или нор- мативного акта до принятия ФЗ	Принятие собственного закона после принятия ФЗ	Изменения в существующем законе о культуре и уполномоченном органе	Отдельный приказ или распоряжение о реестре объектов НЭД
	ЦФО				
1	Белгородская область	-	-	-	-
2	Брянская область	-	-	-	-
3	Владимирская область	+	-	+	-
4	Воронежская область	-	-	-	-
5	Ивановская область	-	-	-	-
6	Калужская область	-	-	-	-
7	Костромская область	-	-	-	-
8	Курская область	-	+	-	+
9	Липецкая область	-	-	-	-
10	Московская область	+	-	+	-

◆ ◆ ◆ | ◆ ◆ ◆

**ОБЩИЕ ВОПРОСЫ И КОНЦЕПТ
«НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ДОСТОЯНИЕ»**

Продолжение табл.

№	Регион	Наличие собственного закона или нор- мативного акта до принятия ФЗ	Принятие собственного закона после принятия ФЗ	Изменения в существу- ющий закон о культуре и уполномо- ченном органе	Отдельный приказ или распо- ряжение о реестре объектов НЭД
11	Орловская область	-	+	-	+
12	Рязанская область	-	+	-	+
13	Смоленская область	-	-	-	-
14	Тамбовская область	-	-	-	-
15	Тверская область	-	-	-	-
16	Тульская область	-	+	-	+
17	Ярославская область	-	-	-	-
18	Москва	-	-	-	-
	СЗФО				
19	Архангельская область	-	+	+	+
20	Вологодская область	-	-	+	+
21	Калининградская область	-	-	-	-
22	Республика Карелия	+	-	-	+
23	Республика Коми	+	-	+	+
24	Ленинградская область	-	-	-	-
25	Мурманская область	-	-	-	-
26	Ненецкий автономный округ	-	-	+	-
27	Новгородская область	-	+	-	-
28	Псковская область	+	-	-	-
29	Санкт-Петербург	-	-	-	-

РОССИЙСКОЕ ФЕДЕРАЛЬНОЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО
В СФЕРЕ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ

Продолжение табл.

№	Регион	Наличие собственного закона или нор- мативного акта до принятия ФЗ	Принятие собственного закона после принятия ФЗ	Изменения в существу- ющий закон о культуре и уполномо- ченном органе	Отдельный приказ или распо- ряжение о реестре объектов НЭД
	ЮФО				
30	Республика Адыгея	-	+	-	-
31	Астраханская область	-	-	+	+
32	Волгоградская область	-	+	+	+
33	Республика Калмыкия	+	-	-	+
34	Краснодарский край	-	+	+	+
35	Ростовская область	-	-	-	+
36	Республика Крым	-	-	+	+
37	Севастополь	-	-	-	-
	СКФО				
38	Республика Дагестан	-	+	-	-
39	Республика Ингушетия	+	-	-	-
40	Кабардино- Балкарская Республика	-	-	-	-
41	Карачаево- Черкесская Республика	-	+	-	-
42	Республика Северная Осетия - Алания	-	-	+	+
43	Ставропольский край	-	-	+	+
44	Чеченская Республика	-	+	+	-

◆ ◆ ◆ | ◆ ◆ ◆

**ОБЩИЕ ВОПРОСЫ И КОНЦЕПТ
«НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ДОСТОЯНИЕ»**

Продолжение табл.

№	Регион	Наличие собственного закона или нор- мативного акта до принятия ФЗ	Принятие собственного закона после принятия ФЗ	Изменения в существу- ющий закон о культуре и уполномо- ченном органе	Отдельный приказ или распо- ряжение о реестре объектов НЭД
	ПФО				
45	Республика Башкортостан	+	-	+	+
46	Республика Марий Эл	-	-	-	-
47	Республика Мордовия	-	+	+	+
48	Республика Татарстан	+	+	+	+
49	Республика Удмуртия	+	-	+	-
50	Чувашская Республика	-	+	-	-
51	Кировская область	-	-	-	-
52	Нижегородская область	-	-	-	-
53	Оренбургская область	-	-	-	+
54	Пензенская область	-	-	-	+
55	Пермский край	-	+	-	-
56	Самарская область	-	+	-	-
57	Саратовская область	+	+	+	+
58	Ульяновская область	-	-	+	+
	УрФО				
59	Курганская область	-	+	-	+
60	Свердловская область	-	-	+	+
61	Тюменская область	-	-	-	+

РОССИЙСКОЕ ФЕДЕРАЛЬНОЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО
В СФЕРЕ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ

Продолжение табл.

№	Регион	Наличие собственного закона или нор- мативного акта до принятия ФЗ	Принятие собственного закона после принятия ФЗ	Изменения в существу- ющий закон о культуре и уполномо- ченном органе	Отдельный приказ или распо- ряжение о реестре объектов НЭД
62	Ханты- Мансийский автономный округ – Югра	+	+	-	-
63	Челябинская область	-	-	-	-
64	Ямало-Ненецкий автономный округ	+	-	-	-
	СФО				
65	Республика Алтай	+	+	-	+
66	Алтайский край	-	-	-	-
67	Республика Бурятия	-	-	+	-
68	Республика Тыва	+	+	-	-
69	Республика Хакасия	-	+	-	+
70	Иркутская область	-	-	-	+
71	Кемеровская область – Кузбасс	-	+	-	-
72	Красноярский край	-	-	-	-
73	Новосибирская область	-	-	-	-
74	Омская область	-	+	-	+
75	Томская область	-	-	+	+
76	Забайкальский край	-	-	+	+
	ДВФО				
77	Якутия	-	-	-	+
78	Камчатский край	-	-	-	+
79	Приморский край	-	+	+	+
80	Хабаровский край	+	-	-	+

◆ ◆ ◆ | ◆ ◆ ◆

**ОБЩИЕ ВОПРОСЫ И КОНЦЕПТ
«НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ДОСТОЯНИЕ»**

Продолжение табл.

№	Регион	Наличие собственного закона или нор- мативного акта до принятия ФЗ	Принятие собственного закона после принятия ФЗ	Изменения в существу- ющий закон о культуре и уполномо- ченном органе	Отдельный приказ или распо- ряжение о реестре объектов НЭД
81	Амурская область	-	-	-	+
82	Магаданская область	-	-	-	+
83	Сахалинская область	-	-	-	+
84	Еврейская автономная область	-	-	-	-
85	Чукотский автономный округ	-	-	-	-
	Новые территории				
86	Донецкая Народная Республика	-	-	-	-
87	Луганская Народная Республика	-	-	-	-
88	Запорожская область	-	-	-	-
89	Херсонская область	-	-	-	-
	Итого	15	26	29	45

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Закон Краснодарского края 2009 – Закон Краснодарского края «О государственной политике в сфере сохранения и развития традиционной культуры в Краснодарском крае от 23.07.2009 № 1820-КЗ [Электронный ресурс]: Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=140012887&backlink=1&&nd=140009457> (дата обращения: 25.08.2025).

Закон Новгородской области 2022 – Закон Новгородской области от 19.12.2022 № 240-ОЗ «О разграничении полномочий Новгородской областной Думы и Правительства Новгородской области в области нематериального этнокультурного достояния» [Электронный ресурс]: Новгородская областная Дума. – URL: https://novoblduma.ru/upload/iblock/01e/-240_OZ.pdf (дата обращения: 25.09.2025).

РОССИЙСКОЕ ФЕДЕРАЛЬНОЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО
В СФЕРЕ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ

Закон Республики Алтай 2008 – Закон Республики Алтай «О регулировании отношений в области развития нематериального культурного наследия Республики Алтай от 05.12.2008 № 120-РЗ [Электронный ресурс]: Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/819079142> (дата обращения: 25.09.2025).

Закон Республики Татарстан 2017 – Закон Республики Татарстан «О нематериальном культурном наследии в Республике Татарстан» от 26.05.2017 № 34-ЗРТ [Электронный ресурс]: Национальная библиотека Республики Татарстан. – URL: https://kitaphane.tatarstan.ru/legal_info/zrt/nematercultnasl.htm (дата обращения: 25.09.2025).

Закон Республики Хакасия 2016 – Закон Республики Хакасия «О нематериальном культурном наследии в Республике Хакасия от 12.05.2016 № 31-ЗРХ [Электронный ресурс]: Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/406541555> (дата обращения: 25.09.2025).

Закон Саратовской области 2017 – Закон Саратовской области от 22.06.2017 «Об объектах нематериального культурного наследия в Саратовской области» [Электронный ресурс]: Официальное опубликование правовых актов. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=157099041&page=1&rdk=0&link_id=11#10 (дата обращения: 25.08.2025).

Закон ХМАО – Югры 2003 – Закон Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 18 июня 2003 г. № 37-оз «О фольклоре коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» (с изм. от 28 мая 2015 г.) [Электронный ресурс]: Гарант. – URL: <https://base.garant.ru/18913842/> (дата обращения: 25.08.2025).

Каменских 2022 – Каменских М. С. Ханты-Мансийский автономный округ в системе российского федерализма (по материалам социологического исследования) // Вестник российской нации. 2022. № 4 (86). С. 101–114.

Конвенция 2003 – Конвенция об охране нематериального культурного наследия // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]: ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml#:~:text=1.%D0%BA%D0%B0%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%20%D1%87%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B8%20%D0%B8%D1%85%20%D0%BA%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D1%8F (дата обращения: 25.08.2025).

Минникес 2024 – Минникес И. В. К вопросу о правовой охране объектов нематериальной культуры в Российской Федерации // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. 2024. № 3 (43). С. 36–43.

Об утверждении Положения 2023 – Об утверждении Положения о федеральном государственном реестре объектов нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации [Электронный ресурс]: Правительство России. – URL: <http://static.government.ru/media/files/PN62sr9rAiL1LGwcJTbZzz6eRqmfy1wm.pdf> (дата обращения: 25.08.2025).

◆ ◆ ◆ | ◆ ◆ ◆

**ОБЩИЕ ВОПРОСЫ И КОНЦЕПТ
«НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ДОСТОЯНИЕ»**

Пока Россия не ратифицирует... 2017 – Пока Россия не ратифицирует конвенцию ЮНЕСКО, мы не сможем внести в ее список Сабантуй [Электронный ресурс]: Бизнес-газета. – URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/348147> (дата обращения: 25.08.2025).

Постановление правительства Оренбургской области 2022 – Постановление Правительства Оренбургской области от 06.05.2022 № 436 «Об утверждении концепции сохранения и развития нематериального культурного наследия Оренбургской области на 2022–2030 годы» [Электронный ресурс]: Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина. – URL: <https://www.prlib.ru/item/1353329> (дата обращения: 25.08.2025).

Правительство утвердило 2023 – Правительство утвердило положение о федеральном реестре объектов нематериального этнокультурного достояния России [Электронный ресурс]: Правительство России. – URL: <http://government.ru/news/49222/> (дата обращения: 25.08.2025).

Приказ Департамента 2013 – Приказ Департамента культуры Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «О создании Реестра объектов нематериального культурного наследия» // Администрация г. Нижневартовска [Электронный ресурс]: Официальный сайт ОМСУ Нижневартовска. – URL: <https://www.n-vartovsk.ru/upload/iblock/a4d/b5c46f6bdb063b922f7f706027324c17.pdf> (дата обращения: 25.08.2025).

Распоряжение администрации Фурмановского района 2023 – Распоряжение администрации Фурмановского муниципального района № 165-р от 31.07.2023 «О создании рабочей группы по выявлению, описи и ведению реестра объектов нематериального этнокультурного достояния местного (муниципального) значения Фурмановского муниципального района» [Электронный ресурс]: Отдел культуры администрации Фурмановского района. – URL: <https://kultura-furmanov.ru/%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%8F%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F/> (дата обращения: 25.08.2025).

Распоряжение министерства 2016 – Распоряжение Министерства культуры Московской области № 15PB-250 от 15.12.2016 «О формировании Единого реестра объектов нематериального культурного наследия народов Российской Федерации, проживающих в Московской области» [Электронный ресурс]: Правительство Московской области. – URL: https://mk.mosreg.ru/upload/iblock/53f/rasporyazhenie-15pv_250.pdf (дата обращения: 25.08.2025).

Распоряжение Правительства 2024 – Распоряжение Правительства РФ от 02.02.2024 № 206-р «Об утверждении Концепции сохранения и развития нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс]: Консультант плюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_469295/372f912d9be933f6514c707929c2e48a187d1fbb/ (дата обращения: 25.08.2025).

Федеральный закон 2022 – Федеральный закон от 20 октября 2022 г. № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» // Российская газета. 2022. 24 окт.

Черных, Каменских 2024 – Черных А. В., Каменских М. С. Нематериальное этнокультурное достояние народов России в федеральном и региональном законодательстве: история и основные тенденции (2003–2023 гг.) // Вестник Российской нации. 2024. № 1. С. 23–37.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Перечень нормативных актов субъектов РФ, размещенных в открытых источниках сети Интернет, использованных при мониторинге

Владимирская область

Приказ Министерства культуры Владимирской области № 7-н от 02.02.2024 «Об утверждении порядка рассмотрения заявки о включении объекта нематериального этнокультурного достояния в государственный реестр объектов нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации» // <http://publication.pravo.gov.ru/document/3301202402050001>

Воронежская область

Приказ Министерства культуры Воронежской области № 353 от 03.06.2024 «О региональном реестре объектов нематериального этнокультурного достояния Воронежской области» // <http://publication.pravo.gov.ru/document/3601202406240001>

Ивановская область

Распоряжение Департамента культуры и туризма Ивановской области № 310 от 28.12.2022 «О создании регионального реестра объектов нематериального этнокультурного достояния Ивановской области» (ред. от 16.01.2025 № 16) // <http://ivcult.ru/sp-cult/nematerialnoe-kulturnoe-nasledie/3767-rasporyazhenie-o-sozdanii-regionalnogo-reestra-obektov-nematerialnogo-etnokulturnogo-dostoyaniya-ivanovskoj-oblasti-2>

Распоряжение администрации Фурмановского муниципального района № 165-р от 31.07.2023 «О создании рабочей группы по выявлению, описи и ведению реестра объектов нематериального этнокультурного достояния местного (муниципального) значения Фурмановского муниципального района». Распоряжение-от-31.07.2023-№165-р-О-создании-рабочей-группы-по-выявлениюописи-и-ведению-реестра-немат-го-этнокул.достояния-.pdf

Калужская область

Приказ Министерства культуры и туризма Калужской области № 465 от 23.11.2023 «Об утверждении Порядка формирования и ведения регионального реестра объектов нематериального этнокультурного достояния Калужской области и принятии решения о включении объектов нематериального этнокультурного достояния в региональный реестр объектов нематериального этнокультурного достояния Калужской области» // <https://dntik.ru/storage/filemanager/documents/2024/prikaz-federalnyu-reestr-ned.pdf>

Курская область

Закон Курской области № 100 ЗК от 20.11.2023 «О нематериальном культурном достоянии РФ на территории Курской области» // chrome://mso.kursk.ru/upload/iblock/fc6/c1230noio2mkhrv7numth1rlhiy54vnk/100_zko.pdf

Приказ Министерства культуры Курской области № 05-05/239 от 22.07.2025 «Об утверждении Положения об экспертном совете по оценке объектов нематериального этнокультурного достояния на территории Курской области» // <http://publication.pravo.gov.ru/document/4601202507280011>

Постановление правительства Курской области № 216-пп от 20.03.2024 «О порядке рассмотрения заявки о включении объекта НЭД РФ на территории Курской области в федеральный государственный реестр объектов нематериального этнокультурного достояния РФ» // <https://mso.kursk.ru/deyatelnost/gosudarstvennyeprogrammy/realizatsiya-gosudarstvennoy-programmy-kurskoy-oblasti- obespechenie-dostupnosti-prioritetnykh-obekto/page-394111/>

Липецкая область

Приказ Министерства культуры Липецкой области № 263-Н от 18.07.2025 «Об утверждении порядка формирования, ведения и использования регионального реестра объектов нематериального этнокультурного достояния Липецкой области и Порядка принятия решения о включении объекта нематериального этнокультурного достояния в региональный реестр объектов нематериального этнокультурного достояния Липецкой области, внесения в него сведений об объекте и внесения изменений в данные сведения, исключения объекта из регионального реестра объектов нематериального этнокультурного достояния Липецкой области» // <https://base.garant.ru/412367786/>

Московская область

Распоряжение Министерства культуры Московской области от 15.12.2016 № 15РВ-250 «О формировании Единого реестра объектов нематериального культурного наследия народов Российской Федерации, проживающих в Московской области» // https://mk.mosreg.ru/upload/iblock/53f/rasporyazhenie-15rv_250.pdf

Орловская область

Закон Орловской области от 07.03.2023 № 2883-ОЗ «Об отдельных правоотношениях в области нематериального этнокультурного достояния РФ на территории Орловской области» // <http://publication.pravo.gov.ru/document/5700202303070034>

Приказ Департамента культуры Орловской области от 30.09.2024 № 339 «Об утверждении Порядка формирования и ведения регионального реестра объектов нематериального этнокультурного достояния Орловской области, Порядка принятия решения о включении объекта нематериального этнокультурного достояния в региональный реестр объектов нематериального этнокультурного достояния Орловской области, о внесении изменений в региональный реестр, об исключении объекта из регионального реестра» (с изменениями и дополнениями) // <https://base.garant.ru/410478418/>

Постановление Правительства Орловской области от 23.08.2024 № 548 «О принятии решения о создании регионального реестра объектов нематериального этнокультурного достояния Орловской области» // <http://publication.pravo.gov.ru/document/5700202408270004>

Рязанская область

Закон Рязанской области от 02.10.2023 № 97-ОЗ «О разграничении полномочий органов государственной власти Рязанской области в области нематериального этнокультурного достояния» // <https://base.garant.ru/407763402/>

Постановление Министерства культуры Рязанской области от 11.01.2024 № 1 «Об утверждении Положения о региональном реестре объектов нематериального этнокультурного достояния Рязанской области» // <https://base.garant.ru/408357767/>

Тамбовская область

Приказ Министерства культуры Тамбовской области от 15.03.2024 № 47 // cult.tmbreg.ru

Тверская область

Приказ Министерства культуры Тверской области от 27.02.2024 № 33 «Об утверждении положения о региональном реестре объектов нематериального этнокультурного достояния Тверской области» // <https://odnt-tver.ru/uploads/2024/10/%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D0%B7-33-%D0%BE%D1%82-27.02.2024.pdf>

Тульская область

Закон Тульской области от 01.02.2023 № 3-ЗТО «О регулировании отдельных отношений в области нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации на территории Тульской области» // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/7100202302010006>

Ярославская область

Приказ Министерства культуры Ярославской области от 05.12.2024 № 26 «Об утверждении Положения о региональном реестре объектов нематериального этнокультурного достояния Ярославской области, Порядка рассмотрения заявки на включение объекта нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации в федеральный государственный реестр объектов нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации» // <https://base.garant.ru/411091254/>

Республика Карелия

Приказ Министерства культуры Республики Карелия от 20.11.2024 № 424 «Об утверждении Порядка формирования и ведения регионального реестра объектов нематериального этнокультурного достояния Республики Карелия и принятия решения о включении объекта нематериального этнокультурного достояния в региональный реестр объектов нематериального этнокультурного достояния Республики Карелия» // <http://kodeks.karelia.ru/api/show/407509562>

Республика Коми

Приказ Министерства культуры и архивного дела Республики Коми от 14.02.2024 № 51 «Об утверждении Положения о региональном реестре объектов нематериального этнокультурного достояния Республики Коми» // <http://publication.pravo.gov.ru/document/1101202402160002?index=1>

Архангельская область

Закон Архангельской области от 21.01.1999 № 108-20-ОЗ «О политике в сфере культуры Архангельской области и в сфере нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации на территории Архангельской области» (с изм. на 07.07.2024) // <https://docs.cntd.ru/document/962002155>

Постановление Министерства культуры Архангельской области от 19.12.2024 № 15-п «О региональном реестре объектов нематериального этнокультурного достояния Архангельской области» // <http://publication.pravo.gov.ru/document/2901202412240004>

Ненецкий автономный округ

Закон Ненецкого автономного округа от 28.11.2002 № 388-оз «О государственной поддержке культуры в Ненецком автономном округе» (в ред. от 17.02.2023). docs.cntd.ru

Вологодская область

Приказ департамента культуры Вологодской области от 23.06.2023 № 65 «О региональном реестре объектов нематериального этнокультурного достояния в Вологодской области» // https://mincult.gov35.ru/dokumenty/normativnye-pravovye-akty/prikazy-i-rasporyazheniya-departamenta/2023_06_23_10_56_05%201.pdf

Мурманская область

Проект областного закона «О нематериальном этнокультурном достоянии Мурманской области» // <https://culture.gov-murman.ru/upload/iblock/b44/bgodxubreqfb6c527ar6tyi0t8c712nw/Zakonoproekt-O-nematerialnom-etnokulturnom-dostoyanii-Murmanskoy-oblasti.pdf>

Новгородская область

Закон Новгородской области от 19.12.2022 № 240-ОЗ «О разграничении полномочий Новгородской областной Думы и Правительства Новгородской области в области нематериального этнокультурного достояния» // https://novoblдума.ru/upload/iblock/01e/-240_OZ.pdf

Псковская область

Приказ комитета по культуре Псковской области от 17.01.2022 № 2-од «О едином реестре объектов нематериального культурного наследия Псковской области» // <https://pravo.pskov.ru/?view=441447411701202201>

Республика Адыгея

Закон Республики Адыгея от 29.12.2022 № 158 «О полномочиях органов государственной власти Республики Адыгея в области нематериального этнокультурного достояния» // <http://publication.pravo.gov.ru/document/0100202212300011>

Республика Дагестан

Закон Республики Дагестан от 05.05.2023 № 35 «О нематериальном этнокультурном достоянии Республики Дагестан» // <https://www.garant.ru/hotlaw/dagistan/1628770/>

Республика Ингушетия

Закон Республики Ингушетия от 06.09.2019 № 28-ПЗ «О нематериальном культурном наследии в Республике Ингушетия» (ред. от 02.11.2023 № 69-ПЗ) // <https://docs.cntd.ru/document/561517266/titles/2VEGC9P>

Республика Калмыкия

Закон Республики Калмыкия от 10.03.2022 № 211-VI-3 «О нематериальном культурном наследии в Республике Калмыкия» // <https://docs.cntd.ru/document/578151086>

Постановление Правительства Республики Калмыкия от 26.09.2022 № 365 «Об объектах нематериального культурного наследия в Республике Калмыкия» // <https://kalmregion.ru/upload/iblock/0b6/365-ot-26.09.2022-ob-obektakh-nemater.kult.naslediya.pdf>

Карачаево-Черкесская Республика

Закон Карачаево-Черкесской Республики от 13.06.2023 № 20-ПЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии в Карачаево-Черкесской Республике» // <http://publication.pravo.gov.ru/document/0900202306190002>

Республика Северная Осетия – Алания

Приказ Министерства культуры Республики Северная Осетия – Алания от 09.06.2025 № 57 «О работе по сохранению нематериального этнокультурного достояния в РСО – Алания» // <https://mk.alania.gov.ru/sites/mk/files/media/documents/files/2025-06/%D0%BD%D0%B5%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE-%D1%8D%D1%82%D0%BD%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D1%83%D1%80.%20%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5.pdf>

Чеченская Республика

Закон Чеченской Республики от 16.11.2023 № 47-ПЗ «О регулировании отдельных вопросов в области нематериального этнокультурного достояния на территории Чеченской Республики» // <https://www.garant.ru/hotlaw/chechnya/1663188/>

Краснодарский край

Закон Краснодарского края от 21.07.2023 № 4949-КЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии в Краснодарском крае» // <https://www.garant.ru/hotlaw/krasnodar/1639215/>

Приказ Министерства культуры Краснодарского края от 13.05.2024 № 187 «О создании экспертного совета в области нематериального этнокультурного достояния Краснодарского края, утверждении порядка формирования и ведения регионального реестра объектов нематериального этнокультурного достояния Краснодарского края и порядка принятия решения о включении объекта нематериального этнокультурного достояния Краснодарского края в региональный реестр объектов нематериального этнокультурного достояния Краснодарского края» // <https://adm.krai.krasnodar.ru/content/1291/show/743186/>

Постановление губернатора Краснодарского края от 22.02.2024 № 75 «Об экспертном совете в области нематериального этнокультурного достояния Краснодарского края» // <http://publication.pravo.gov.ru/document/2300202403010004>

Ставропольский край

Приказ Министерства культуры Ставропольского края от 24.03.2023 «О работе по сохранению нематериального этнокультурного достояния регионального и местного (муниципального) значения народов Ставропольского края» // http://stavnasledie.ru/documents/doc/Prikaz_o_poryadke_formirovaniya_i_vedeniya%20reestra_obektov_nematerialnogo_etnokulturnogo_dostoyaniya.pdf

Астраханская область

Постановление Министерства культуры Астраханской области от 30.10.2023 № 25-п «О порядке формирования и ведения регионального реестра объектов нематериального этнокультурного достояния Астраханской области, порядке принятия решения о включении объекта нематериального этнокультурного достояния в региональный реестр объектов нематериального этнокультурного достояния Астраханской области» // <https://minkult.astrobl.ru/poisk-dokumentov/document-16g9-8i6g4e-8i4e-56g>

Волгоградская область

Закон Волгоградской области от 10.01.2024 № 2-ОД «Об отдельных вопросах в сфере выявления, изучения, использования, актуализации, сохранения и популяризации объектов нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации на территории Волгоградской области» // <https://docs.cntd.ru/document/407060343>

Приказ комитета культуры Волгоградской области от 14.07.2025 № 01-20/201 «О региональном реестре объектов нематериального этнокультурного достояния Волгоградской области» // <http://publication.pravo.gov.ru/document/3401202507150009>

Ростовская область

Постановление Министерства культуры Ростовской области от 29.11.2023 № 9 «Об утверждении Порядка формирования и ведения регионального реестра объектов нематериального этнокультурного достояния Ростовской области и Порядка принятия решения о включении объекта в региональный реестр объектов нематериального этнокультурного достояния Ростовской области» // https://pravo.donland.ru/doc/view/id/%D0%9F%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_9_01122023_38050/page/1/

Республика Крым

Приказ Министерства культуры Республики Крым от 30.05.2024 № 123 «О нематериальном этнокультурном достоянии Республики Крым» // <http://publication.pravo.gov.ru/document/9101202406200002>

Республика Башкортостан

Закон Республики Башкортостан от 29.06.2020 № 290-з «О нематериальном культурном наследии в Республике Башкортостан» (в ред. от 20.12.2023 № 44-з) // <https://bash-pravo.ru/zakon/2023/12/20/n-44-z/>

Приказ Министерства культуры Республики Башкортостан от 24.10.2012 «О создании Единого Реестра объектов нематериального культурного наследия народов Республики Башкортостан» // https://drive.google.com/file/d/1hGPHuiax2nu5HWybWFrY3w0E0IW8a_OFm/view

Республика Мордовия

Закон Республики Мордовия от 30.12.2022 № 98-З «О регулировании отдельных вопросов в области нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации в Республике Мордовия» // <https://docs.cntd.ru/document/406419176>

Приказ Министерства культуры, национальной политики и архивного дела Республики Мордовия от 10.04.2024 № 169 «Об утверждении Порядка рассмотрения заявки на включение объекта нематериального этнокультурного достояния в федеральный государственный реестр объектов нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации» // <http://publication.pravo.gov.ru/document/1301202404120003>

Приказ Министерства культуры, национальной политики и архивного дела Республики Мордовия от 10.04.2024 № 408 «О направлении предложения в Министерство культуры Российской Федерации о включении объекта нематериального этнокультурного достояния “Многоголосие мордвы-мокши села Старая Теризморга Старошайговского района Республики Мордовия” в федеральный государственный реестр объектов нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации» // <https://e-mordovia.ru/otkrytye-dannye/normativnye-akty/normativnye-pravovye-akty/ministerstvo-kultury-i-turizma-rm/>

Приказ Министерства культуры и национальной политики и архивного дела Республики Мордовия от 19.12.2023 № 414 «О присвоении объекту нематериального этнокультурного достояния категории регионального значения и включении его в региональный реестр объектов нематериального этнокультурного достояния Республики Мордовия» // <https://e-mordovia.ru/otkrytye-dannye/normativnye-akty/normativnye-pravovye-akty/ministerstvo-kultury-i-turizma-rm/>

Республика Татарстан

Закон Республики Татарстан от 26.05.2017 № 34-ЗРТ «О регулировании отдельных вопросов в области нематериального этнокультурного достояния» (в ред. от 06.04.2023 № 30-ЗРТ) // <https://docs.cntd.ru/document/446457321>

Приказ Министерства культуры Республики Татарстан от 31.05.2023 № 388/10Д «Об утверждении Положения о Реестре объектов нематериального этнокультурного достояния Республики Татарстан» // https://mincult.tatarstan.ru/file/pub/pub_3831457.pdf

Удмуртская Республика

Закон Удмуртской Республики от 14.07.2021 № 78-ПЗ «О нематериальном культурном наследии в Удмуртской Республике» // <https://docs.cntd.ru/document/574809808>

Чувашская Республика

Закон Чувашской Республики от 26.05.2023 № 35 «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации в Чувашской Республике» // <https://www.garant.ru/hotlaw/chuvashia/1630524/>

Оренбургская область

Постановление Правительства Оренбургской области от 06.05.2022 № 436 «Об утверждении концепции сохранения и развития нематериального культурного наследия Оренбургской области на 2022–2030 годы» // <https://www.prlib.ru/item/1353329>

Пензенская область

Приказ Министерства культуры и туризма Пензенской области от 20.07.2025 № 14-04/51 «Об утверждении Порядка рассмотрения заявки о включении объекта нематериального этнокультурного достояния Пензенской области в федеральный государственный реестр объектов нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации» // https://minkult.pnzreg.ru/14-04_51.pdf

Пермский край

Закон Пермского края от 06.05.2025 № 421-ПК «О регулировании отдельных вопросов в области нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации на территории Пермского края» // <https://zakon.zspermu.ru/data/docs/2025/8810940/379977.pdf>

Самарская область

Закон Самарской области от 13.12.2023 № 108 ГД «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации в Самарской области» // <https://www.garant.ru/hotlaw/samara/1666794/>

Саратовская область

Закон Саратовской области от 26.12.2022 № 174-ЗСО «О нематериальном этнокультурном достоянии в Саратовской области» // <https://srd.ru/index.php/component/docs/?view=zak&id=892&menu=508&selmenu=510>

Приказ Министерства культуры Саратовской области от 14.04.2023 № 01-01-06/232 «О работе по сохранению нематериального этнокультурного достояния Саратовской области» // https://www.socnt.ru/images/NED_2024/prikaz_ONED.pdf

Приказ Министерства культуры Саратовской области от 15.11.2023 № 01-01-06/636 «Об утверждении Порядка рассмотрения заявки о включении объекта нематериального этнокультурного достояния в федеральный государственный реестр объектов нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации» // <https://base.garant.ru/408021605/>

Ульяновская область

Постановление Правительства Ульяновской области № 66-П от 06.02.2024 «Об утверждении Положения о порядке рассмотрения заявок на включение объектов нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации в федеральный государственный реестр объектов нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации» // <https://law.ulgov.ru/doc/19526>

Курганская область

Закон Курганской области от 29.06.2023 № 37 «О регулировании отдельных вопросов в области нематериального этнокультурного достояния на территории Курганской области» // <http://publication.pravo.gov.ru/document/4500202306300018>

Постановление правительства Курганской области от 09.10.2024 № 334 «Об утверждении порядка рассмотрения заявки о включении объектов нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации в федеральный государственный реестр объектов нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации» // https://www.kurganobl.ru/sites/default/files/imceFiles/user-05/Postanovlenie_Pravitelstva_Kurganskoy_oblasti_no334_ot_09.10.2024_Ob_utverzhdenii_Poryadka_rassmv12.pdf

Свердловская область

Приказ Министерства культуры Свердловской области от 16.09.2024 № 387 «Об обеспечении реализации полномочий министерства культуры Свердловской области по сохранению нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации» // <http://publication.pravo.gov.ru/document/6601202409230002>

Тюменская область

Приказ Департамента культуры Тюменской области от 27 января 2022 г. № 10 «О работе по сохранению нематериального этнокультурного достояния Тюменской области» (с изменениями и дополнениями) // <https://base.garant.ru/403507272/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/>

ХМАО – ЮГРА

Закон Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 30.12.2022 № 160-оз «О регулировании отдельных вопросов в области нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» // <https://docs.cntd.ru/document/406417027>

Республика Тыва

Закон Республики Тыва от 23.06.2023 № 957-ЗРТ «О нематериальном этнокультурном достоянии Республики Тыва» // <https://base.garant.ru/407086264/>

Республика Алтай

Закон Республики Алтай от 28.12.2022 № 113-РЗ «О регулировании некоторых вопросов в области нематериального этнокультурного достояния Республики Алтай и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Республики Алтай» // <http://publication.pravo.gov.ru/document/0400202212290010>

Приказ Министерства культуры Республики Алтай от 09.02.2023 № 33-п «О работе по сохранению нематериального этнокультурного достояния Республики Алтай» // <https://docs.cntd.ru/document/406515258>

Республика Хакасия

Закон Республики Хакасия от 14.03.2023 № 16-ЗРХ «О регулировании отдельных вопросов в области нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации на территории Республики Хакасия» // <https://docs.cntd.ru/document/406541555>

Приказ Министерства культуры Республики Хакасия от 13.06.2023 № 113 «О реализации Закона Республики Хакасия от 14 марта 2023 г. № 16-ЗРХ «О регулировании отдельных вопросов в области нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации на территории Республики Хакасия» // <https://culture19.ru/contents/141-nematerialnoe-kulturnoe-nasledie-dokumentyi.html>

Приказ Министерства культуры Республики Хакасия от 18.10.2024 № 155 «Об утверждении Порядка рассмотрения заявки на включение объектов нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации на территории Республики Хакасия в федеральный государственный реестр объектов нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации» // <https://culture19.ru/contents/141-nematerialnoe-kulturnoe-nasledie-dokumentyi.html>

Иркутская область

Приказ Министерства культуры Иркутской области от 13.12.2023 № 56-67-мпр «Об организации деятельности министерства культуры Иркутской области по формированию и ведению регионального реестра объектов нематериального этнокультурного достояния Иркутской области» // <http://publication.pravo.gov.ru/document/3801202312210005>

Кемеровская область

Закон Кемеровской области от 31.05.2023 № 39-ОЗ «О разграничении полномочий между органами государственной власти Кемеровской области – Кузбасса в области нематериального этнокультурного достояния» // <https://kemer-gov.ru/doc/114668>

Омская область

Закон Омской области от 22.12.2022 № 2539-ОЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии и народных художественных промыслах в Омской области» (в ред. от 27.06.2025 № 2860-ОЗ) // <http://publication.pravo.gov.ru/document/5500202212260006>

Приказ Министерства культуры Омской области от 17 мая 2023 г. № 40 «О мерах по сохранению объектов нематериального этнокультурного достояния Омской области» (с изменениями и дополнениями) // <https://base.garant.ru/406887784/>

Томская область

Приказ Департамента по культуре Томской области от 13.05.2025 № 033/01-09 «Об организации деятельности Департамента по культуре Томской области в сфере нематериального этнокультурного достояния Томской области» // <http://publication.pravo.gov.ru/document/7001202505190006>

Забайкальский край

Приказ Министерства культуры Забайкальского края от 10.01.2025 № 3-НПА «Об организации деятельности по формированию и ведению регионального реестра объектов нематериального этнокультурного достояния Забайкальского края» // <http://publication.pravo.gov.ru/document/7501202501140002>

Якутия

Приказ Министерства культуры и духовного развития Республики Саха (Якутия) от 19.04.2024 № 165-ОД «О Реестре объектов нематериального этнокультурного достояния Республики Саха (Якутия)» // <https://rdnt-ykt.ru/wp-content/uploads/165-%D0%9E%D0%94-%D0%9E-%D1%80%D0%B5%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B5-%D0%9E%D0%9D%D0%AD%D0%94-%D0%A0%D0%A1%D0%AF-2024.pdf>

Камчатский край

Приказ Министерства культуры Камчатского края от 22.01.2025 № 2-Н «О региональном реестре объектов нематериального этнокультурного достояния Камчатского края» // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/4101202501230003>

Приморский край

Закон Приморского края от 23.12.2022 № 275-КЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации на территории Приморского края» // <http://publication.pravo.gov.ru/document/2500202212260009>

Приказ Министерства культуры и архивного дела Приморского края от 10.07.2023 № 36ПР-172 «Об организации работы по выявлению, изучению, учету, сохранению, актуализации и популяризации объектов нематериального этнокультурного достояния Приморского края» // <http://publication.pravo.gov.ru/document/2501202307130001?index=3>

Хабаровский край

Постановление Правительства Хабаровского края от 13.01.2022 № 4-пр «Об утверждении Положения о реестре объектов нематериального культурного наследия Хабаровского края» // <https://www.garant.ru/hotlaw/xabar/1525736/>

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ И КОНЦЕПТ
«НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ДОСТОЯНИЕ»

Амурская область

Постановление Правительства Амурской области от 12.03.2024 № 169 «Об утверждении порядка рассмотрения заявки о включении объекта нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации в государственный реестр объектов нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации» // <https://www.garant.ru/hotlaw/amur/1693235/>

Магаданская область

Распоряжение Правительства Магаданской области от 26.12.2024 № 251-рп «Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2024–2026 годах Концепции сохранения и развития нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации на период до 2030 года на территории Магаданской области» // <http://publication.pravo.gov.ru/document/4900202412280032>

Сахалинская область

Закон Сахалинской области от 22.06.2023 № 53-3О «О регулировании отдельных вопросов в области нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации на территории Сахалинской области» // <https://www.sakhalin-gov.ru/doc/77611>

Ю. С. Чернышева, А. В. Черных

**РЕЕСТРЫ ОБЪЕКТОВ
НЕМАТЕРИАЛЬНОГО
ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ:
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ**

Одно из основных направлений работы с нематериальным культурным наследием в России – формирование и ведение реестра объектов. В российском законе говорится: «Создание Реестра объектов нематериального культурного наследия (государственной информационной системы «Федеральный государственный реестр объектов этнокультурного достояния Российской Федерации») является одним из ключевых мероприятий, направленных на систематизацию накопленных данных об объектах нематериального этнокультурного достояния народов России» [ФЗ № 402].

Реестр объектов нематериального этнокультурного достояния (НЭД) – современный информационный ресурс, содержащий научную информацию с аудиовизуальным сопровождением. Этот ресурс – важная часть работы в сфере документирования, изучения, сохранения и актуализации нематериального этнокультурного достояния. Реестр выступает важным образовательным ресурсом, основой для формирования научно-популярного контента в сфере нематериального этнокультурного достояния, а также реализации культурных проектов и инициатив.

Главные задачи такого ресурса – презентация и популяризация этнокультурного достояния народов России, доступность материалов и возможность их использования в сфере научных исследований, образовательных практик и культурных проектов. Как отмечено на сайте Правительства РФ, «развитие такого ресурса позволит упростить изучение, использование, сохранение и популяризацию нематериального этнокультурного достояния» [Правительство утвердило].

Федеральный реестр объектов нематериального этнокультурного достояния

Работа по формированию реестров объектов нематериального этнокультурного достояния в Российской Федерации ведется с начала 2000-х, за это время разрабатывались несколько пилотных каталогов. Первый электронный каталог объектов нематериального культурного наследия¹ (НКН) был создан в 2008 г. рамках программы реализации Концепции сохранения и развития нематериального культурного наследия народов РФ [Пуртова 2018: 37] и представлял собой реестр примеров работы с нематериальным культурным наследием, его выявления и фиксации, и, прежде всего, использования в деятельности учреждений культуры страны [Добровольская 2021: 25]. При его разработке «основные усилия были направлены на привлечение к этой деятельности региональных домов и центров народного творчества, создание ее организационно-правовой основы» [Котельникова 2023: 14]. Деятельность по формированию реестра вызвала изначальные методологические трудности, но при этом и понимание необходимости тесного сотрудничества с научными центрами. В то же время формировался банк информации об объектах, разрабатывались принципы их систематизации и структура описания [Русанова 2023: 6; Котельникова 2023: 14], этот опыт был применен и при работе над следующими каталогами.

В 2012 г. был разработан новый вариант каталога – раздел «Нематериальное культурное наследие» на портале «Культура. РФ». Наполнением этого ресурса занимались Государственный Институт искусствознания (г. Москва) и Государственный республиканский центр русского фольклора (г. Москва, с 2017 г. – структурное подразделение Государственного Российского Дома народного творчества им. В. Д. Поленова) [НКН 2020: 9]. Составленный научным сообществом, новый вариант каталога был направлен на популяризацию наследия и использование представленных материалов в учебной и просветительской работе [Добровольская 2021: 25]. Особенность данного ресурса в том, что в подготовке его материалов активное участие принимали фольклористы, этномузкологи, этнологи, что определило большое число использованных материалов из фольклорных архивов и экспедиционных записей. Достоинство этого каталога – его ориентация на широкую аудиторию, у материалов

¹ До принятия в 2022 г. Федерального закона нематериальное этнокультурное достояние именовалось нематериальным культурным наследием.

хорошая навигация и мультимедийный ресурс, который представлен фото-, аудио- и видеоматериалами, большая часть которых основана на результатах фольклорных экспедиций. Всего на сайте «Культура. РФ» представлено 447 объектов, а его наполнение датировано с 2014 по 2021 г. [Культура. РФ]. В то же время материалы каталога показывают неравномерность фольклорно-этнографического изучения регионов России, так как в некоторых субъектах представлено более 20 объектов НКН, в других же они полностью отсутствуют.

Другой ресурс, на котором размещены данные материалы, – это список «Объекты нематериального культурного наследия» на портале открытых данных Министерства культуры Российской Федерации [Портал]. Здесь содержится информация о 449 объектах, и этот ресурс по материалам не полностью совпадает с объектами, размещенными на сайте «Культура. РФ», так как содержит только текстовую информацию об объекте.

В 2021 г. был запущен новый реестр объектов нематериального культурного наследия народов России [Реестр объектов НКН], в него в настоящее время внесено 169 объектов, представляющих 74 субъекта Российской Федерации, от которых размещено от 1 до 8 объектов от региона. В данный момент в каталоге также представлены далеко не все этнические общности России.

В настоящее время актуальными, открытыми для свободного доступа, представляются два каталога: это список объектов НКН, размещенный на сайте «Культура. РФ» в разделе «Традиции» под рубрикой «Нематериальное культурное наследие» и «Реестр объектов нематериального культурного наследия народов России». Создание нескольких каталогов (реестров) выявило некоторые проблемы. Прежде всего, существование разных подходов к пониманию нематериального культурного наследия, целей и задач каталога, его целевой аудитории, а также разных учреждений, готовых к участию в наполнении ресурса. Актуальным сейчас представляется интеграция двух вариантов каталога и создание единого с общими подходами каталога (реестра) объектов нематериального культурного наследия России, и решение этой задачи – перспектива ближайшего будущего.

С 2022 г., с принятием Федерального закона № 402 «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации», начались работы по созданию специализированного портала «Федеральный государственный реестр объектов нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации», наполнением и работой которого занимается Министерство культуры РФ [Наследие в наших сердцах]. В сентябре 2025 г. состоялось первое заседание экспертного совета, посвященное

вопросам формирования Федерального государственного реестра НЭД РФ [В реестр]. По результатам заседания первые объекты были включены в реестр. В ближайшее время Государственная информационная система «Федеральный государственный реестр объектов нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации» (ГИС Федеральный государственный реестр ОНЭД РФ) будет доступен широкому кругу пользователей.

Подходы к наполнению и содержанию федерального реестра – это результат длительной совместной работы ученых и практиков, сотрудников Государственного Российского Дома народного творчества им. В. Д. Поленова и ученых-экспертов Экспертного совета по вопросам формирования реестра (каталога) объектов нематериального культурного наследия. Определены высокие требования к составу и качеству материала об объекте, которые должны включать научное описание объекта, в том числе с использованием родных языков, а также аудио- и визуальный контент, представляющий объект – архивные записи, музейные и архивные фотографии, документальные фильмы и хроники, а также современные визуальные материалы.

Важная задача – продолжение наполнения реестра, с учетом отражения в нем этнического многообразия России и представленности разных субъектов Российской Федерации. Деятельность в данном направлении возможна как через реализацию проекта фольклорно-этнографических экспедиций [Цикл фольклорных экспедиций], так и активизацию деятельности регионов по выдвижению региональных объектов НКН.

Принятие федерального закона ставит новые задачи в деятельности в сфере сохранения нематериального этнокультурного достояния. Требуется приведение в соответствии с федеральным законом региональной законодательной базы. Не менее важным представляется выстраивание единой системы работы федеральных и региональных экспертных советов, соответствие общим подходам федерального и региональных реестров (каталогов) объектов НЭД. Это «является одним из ключевых мероприятий, направленных на систематизацию накопленных данных об объектах нематериального культурного наследия народов России» [Пояснительная записка].

Для выстраивания успешной работы в сфере НЭД и наполнения федерального и регионального реестров объектов НЭД необходимо определиться с несколькими основными положениями: Какие задачи решает каталог? Какое информационное наполнение требуется для федерального реестра? Подходов к наполнению федерального реестра и ответов на данные вопросы может быть несколько.

В основе создания реестра – уже существующий опыт подобных ресурсов ЮНЕСКО, других стран. В то же время реестр объектов НЭД Российской Федерации имеет и свою специфику, соответствующую нашим особенностям и задачам сохранения наследия, и отличается от подобных ресурсов как в концепции, так и в наполнении. Какие возможные варианты концептуальных подходов к федеральному реестру? Одним из них для широкого круга пользователей может стать ориентация на всем известную «Красную книгу» об уникальных и находящихся на грани исчезновения представителях флоры и фауны. В этом ключе «Красная книга» нематериального этнокультурного достояния также призвана в первую очередь обратить внимание на существующие явления, уникальность которых требует их сохранения. В таком случае при наполнении каталога требуется предельно общая, с меньшей степенью детализации, информация об объекте. Другой подход предполагает формирование на основе реестра уникального информационного, образовательного и просветительного ресурса. В этом случае размещение значительного по объему научного текста, визуальных источников, других материалов, связанных с тем или иным объектом, делает реестр уникальной энциклопедией этнокультурных традиций России. Иной подход может быть выстроен, если рассматривать реестр исключительно как ресурс презентационных материалов, соотнесенных с наследием и регионами России. Осмысление концепции реестра и его наполнения – важна задача для выстраивания продуктивной и системной работы в этом направлении. Обсуждать концептуальные подходы нужно применительно и к региональным реестрам, так как в настоящее время они существенно разнятся и по наполнению, и по качеству размещенного материала.

Анализ материалов, размещенных в федеральном реестре, показывает неравномерность количества объектов как по регионам России, так и по тематическим группам. Значительная часть объектов представляет собой фольклорные традиции и технологии народных промыслов и ремесел. Отчасти это объясняется тем, что именно в данных сферах накоплен значительный опыт работы учреждений культуры, а также активностью специалистов, занимающихся изучением фольклора в сфере нематериального культурного наследия, – в то время как специалисты других профилей, например изучающие хозяйственные традиции и материальную культуру, в меньшей степени соотносят себя с данным направлением деятельности. Многие явления культуры, составляющие неотъемлемую часть этнокультурного наследия, в настоящее время слабо востребованы и не представлены в деятельности учреждений культуры и общественных институтов. Сложности возникают при формировании объектов, характеризующих традиции хозяйственной деятельности на-

родов России. Нет сомнения в том, что значительная часть этих традиций уникальна и достойна быть представлена в реестре, однако многие из приемов хозяйствования вышли из активного бытования, сохраняются лишь в памяти старшего поколения, отсюда появляются трудности с возможностью их использования на практике. Другая проблема – противоречие между традициями и навыками хозяйствования, широко распространенными в прошлом, но ограниченными в настоящее время рядом законодательных актов, как, например, традиционные приемы рыболовства и т. д.

При многообразии и разности регионов России сложности с формированием реестра и объектов нематериального культурного наследия возникают у городов федерального значения – Москвы, Санкт-Петербурга, Севастополя. Требуется обсуждения и этнокультурное достояние Калининградской и Сахалинской областей, представленное, как правило, традициями поздних переселенцев из разных регионов России, презентующих разные этнические сообщества.

Формирование как федерального, так и региональных реестров – непростая задача, даже с учетом того, что многие объекты нематериального культурного наследия изучены и по ним имеются значительные научные исследования и материалы. Однако необходимы уточнения форм и особенностей современного бытования объектов, выполнение фото- и видеофиксации, что не всегда делали предшественники.

Проведение экспедиционных исследований остается главным каналом изучения и выявления объектов НЭД. Другим каналом формирования реестра объектов являются описания местных организаций сохраняющихся народных промыслов и ремесел, деятельности фольклорных коллективов, проведения праздников и других форм НЭД. Несмотря на многолетнюю экспедиционную работу, в настоящее время при планировании экспедиций несколько по-иному расставляются акценты для выявления и документирования объектов НЭД. Проводится комплексная фиксация объекта, включающая не только сбор устных сведений, но и фото- и видеосъемку. Наиболее плодотворная деятельность по выявлению и актуализации объектов НЭД происходит там, где выстроено взаимодействие домов народного творчества, других учреждений культуры и научных организаций, экспертов.

Региональные каталоги

Одной из особенностей России является формирование не только федерального, но и региональных реестров (каталогов) объектов нематериального этнокультурного достояния. Многие регионы уже на

протяжении нескольких десятилетий ведут работу по наполнению данных информационных ресурсов. В то же время следует констатировать, что далеко не все регионы ведут активную деятельность в данном направлении, что подразумевает создание и работу Экспертного совета, выявление объектов, описание и ведение каталога. Содержательный аспект заполненных региональных каталогов также вызывает множество вопросов и критики. В настоящее время разные формы региональных каталогов представлены в 71 субъекте РФ, и ежегодно эта цифра увеличивается.

По ситуации на 2025 г. каталоги (реестры) не представлены в Кабардино-Балкарской Республике, Пензенской области, Еврейской автономной области, Чукотском автономном округе, а также в указанных регионах отсутствуют региональные нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность в сфере НЭД. Однако в Чукотском АО, по заявлению главы региона [Первый Всероссийский], такой закон об Окружном реестре НЭД появится до конца 2025 г. Приняты региональные законы о НЭД, но отсутствуют каталоги (реестры) еще в шести регионах – Карачаево-Черкесской Республике и Республике Калмыкия, Приморском крае, Кемеровской, Новгородской, Самарской областях.

Цели и задачи формирования региональных каталогов объектов НЭД сформулированы в нормативно-правовых актах федерального и регионального уровней. В федеральном законе заложены понятия объекта НЭД федерального, регионального и местного (муниципального) уровней. В настоящее время ведение муниципальных (районных) реестров ОНЭД не получило широкого распространения, однако такие примеры встречаются в некоторых регионах – республиках Татарстан, Мордовия, Хакасия, Удмуртской Республике, Свердловской области и других. При этом в большинстве из обозначенных регионов муниципальных каталогов нет в открытом доступе, информацию из них можно почерпнуть из сообщений региональных центров (домов) народного творчества. Пример районного (муниципального) реестра ОНЭД размещен на сайте Библиотечно-культурного центра Муниципального образования «Муниципальный округ Воткинский район Удмуртской Республики» [Реестр], на котором опубликована информация о четырех объектах в период 2024–2025 гг.

Интересен случай Пермского края – здесь работают два реестра. Первый – региональный – представлен в виде раздела «Нематериальное этнокультурное достояние Пермского края» на сайте Пермского дома народного творчества «Губерния» [Нематериальное этнокультурное достояние Пермского края]. Второй реестр включает объекты нематериального наследия коми-пермяцкого народа и размещен на сайте

Коми-Пермяцкого этнокультурного центра [Нематериальное наследие Коми-Пермяцкого округа]. Ведение второго реестра обусловлено историческими и административными особенностями – Пермский край был образован в 2005 г. путем объединения Коми-Пермяцкого автономного округа и Пермской области, в настоящее время Коми-Пермяцкий округ – административно-территориальная единица с особым статусом в составе Пермского края. Сохранение, возрождение и передача материального и духовного культурного наследия коми-пермяков является основной миссией Коми-Пермяцкого этнокультурного центра, чему и служит реестр.

В разных регионах подходы и к форме, и к содержанию региональных каталогов различаются. С появлением федерального закона, регулирующего деятельность в сфере НЭД, региональные реестры стали приводиться к единому образцу. При этом вопрос формата остается актуальным. Основная форма ведения региональных реестров – отдельные сайты или разделы на сайтах домов народного творчества и региональных министерств. Подробный анализ региональных каталогов предпринят омским исследователем М. Л. Бережновой [Бережнова 2022], отметим лишь несколько моментов. Несомненный плюс такого формата – в доступности материалов для широкой общественности. При этом возможность копирования и скачивания материалов имеется не на всех платформах, а ведь именно это и есть основа для популяризации и актуализации культурного наследия, поскольку позволяет использовать материалы учреждениям культуры, образования, некоммерческим организациям и любым заинтересованным лицам. Например, в региональном каталоге Забайкальского края [Региональный каталог объектов ОНЭД], Республики Алтай [Государственный реестр объектов НКН Республики Алтай] и ряда других регионов представлены только текстовые описания без аудиовизуального сопровождения. Хотя в целом для большинства региональных каталогов такой формат не характерен.

В регионах существует практика составления интерактивной карты, на которой размещены объекты НЭД. Так, в Архангельской области функционирует «Фольклорная карта» [Фольклорная карта], в республиках Башкортостан [Единый Реестр объектов НЭД народов Республики Башкортостан] и Татарстан [Реестр ОНЭД РТ] доступны реестры с привязкой объектов на карте. Такая форма позволяет визуализировать объекты НЭД на карте региона и отметить несколько важных моментов. Во-первых, удобство для исследователей, поскольку легко определяются районы, в которых работа с НЭД требует особого внимания и экспедиционных исследований. Во-вторых, для жителей и гостей региона карта может служить навигатором туристических маршрутов,

поскольку у каждого объекта, как правило, указывается способ сохранения в деятельности учреждений культуры и даже приводится список конкретных ансамблей, творческих групп и тематических мероприятий, фестивалей. Такие карты вполне могут быть использованы и местными органами власти для развития туристического потенциала региона – например, в Пермском крае организаторы фестиваля сказок «Ореховая веточка» подчеркивают, что сказки Е. Н. Трясциной, в память о которой проходит данное событие, внесены в реестр ОНЭД России [Ореховая веточка].

Анализируя региональные реестры в виде электронных баз данных и сайтов, стоит отметить еще одно важное качество – возможность оперативного внесения необходимых изменений и пополнения каталога. В то время как издательская работа требует большого количества времени и затрат, ведение сайта (или даже просто базы в Excel-формате, как, например, в Белгородской области [Единый реестр объектов НКН Белгородской области]) проще и позволяет представлять самую актуальную информацию.

Анализ форм каталогов объектов нематериального этнокультурного достояния в разных регионах страны показывает, что универсального формата не существует. Каждая из форм – сайт, книжное издание или электронная база данных – имеет свои достоинства и недостатки. При этом стоит отметить, что наиболее эффективен комплексный подход к работе с нематериальным этнокультурным достоянием, когда в регионе работают сразу в нескольких форматах. Так, можно отметить положительный опыт Республики Марий Эл, где, помимо ведения реестра в электронном виде и проведения ежегодных конкурсов на лучшее оформление объектов нематериального культурного наследия «Наследие предков – наше достояние», с 2016 г. осуществляется издательская деятельность в рамках работы с НЭД. В период 2016–2023 гг. были изданы семь сборников с описанием объектов НЭД, в том числе с аудиовизуальным приложением на DVD-дисках [Наследие предков 2021; 2023; Легенды 2022; Легенды и предания 2020; НКН Республики Марий Эл 2016; 2018; 2020].

Комплексный подход к работе с НЭД можно отметить и в Вологодской области. Прежде всего стоит сказать о нормативно-правовом обеспечении данной сферы в регионе: еще в 2019 г. вступил в силу закон Вологодской области от 15 января 2019 г. № 4483-ОЗ «О традиционной народной культуре Вологодской области», который регулирует отношения в сфере традиционной народной культуры области и направлен на создание условий для сохранения традиционной народной культуры; отдельное внимание уделено сохранению нематериальных объектов

традиционной народной культуры области. В 2023 г. Департаментом культуры Вологодской области были приняты приказ от 23 июня 2023 г. № 65 «О Региональном реестре объектов нематериального этнокультурного достояния Вологодской области» и Положение о региональном реестре, которым определяется порядок его формирования, ведения и использования. Хотя законотворческая деятельность в данном направлении в Вологодской области берет свое начало еще в прошлом веке – постановлением губернатора Вологодской области от 09.01.1996 № 11 «О концепции развития культуры и искусства в Вологодской области», постановлением Коллегии департамента культуры Вологодской области от 28.04.1999 «О работе по сохранению, изучению, развитию народной культуры: социальные образовательные аспекты деятельности» были определены приоритетные направления развития культуры и искусства в области с учетом уникального богатства, самобытности и разнообразия историко-культурного наследия, а также перспективы дальнейшего развития и формирования единого культурного пространства. Законодательное обеспечение деятельности в сфере НЭД в регионе – один из показателей заинтересованности органов законодательной власти в этой сфере, демонстрирующий комплексность подхода.

В регионе также действует портал «Фолквологда» [Фолквологда], который посвящен сохранению, изучению, актуализации и поддержке нематериального этнокультурного достояния Вологодской области и создан для обеспечения свободного доступа к аудио- и видеозаписям, собранным в ходе фольклорно-этнографических экспедиций по районам Вологодчины. Авторы отмечают: «На сайте вы найдете достоверную информацию о традиционной культуре для научных исследований, публикаций и образовательных программ. Наши ресурсы могут быть полезны при подготовке и проведении этнокультурных мероприятий, а также в деятельности фольклорно-этнографических коллективов» [Фолквологда]. На портале представлены два основных раздела – Реестр нематериального этнокультурного достояния Вологодской области и Фонд традиционной народной культуры области. Проект реализуют специалисты Центра народной культуры Вологодской области, и, нужно заметить, проделанная работа вызывает высокие оценки – авторам удастся не только систематизировать и представлять сведения о нематериальной культуре области на едином ресурсе, но и собирать их из разных архивов: в настоящее время на портале представлены 8959 объектов из собраний трех учреждений региона. Помимо этого, в регионе ведется научно-исследовательская и издательская работа с НЭД. Так, в 2020 г. вышел сборник «Нематериальные объекты традиционной народной культуры Вологодской области: современное состояние и вопросы сохранения» [Нематериальные объекты 2020], регулярно выходят издания,

посвященные методической работе с НЭД, все они представлены на официальном сайте Центра народной культуры города Вологды [Издания].

Примеры комплексного подхода можно найти и в других регионах России – республиках Татарстан, Башкортостан, Воронежской области, Пермском крае и т. п. В целом в регионах работа с нематериальным этнокультурным достоянием ведется планомерно и регулярно, о чем свидетельствуют и различные форматы представления объектов НЭД регионального уровня – электронные каталоги и базы данных, книжные издания, интерактивные карты, и разнообразие форм работы по сохранению, актуализации и популяризации этих объектов – конкурсы, проекты и т. д. В большинстве регионов страны эта работа ведется не один десяток лет, в других – получила толчок к развитию с 2022 г., после появления нового федерального закона.

Кроме формирования реестра объектов, одной из традиционных форм документирования и популяризации НЭД служит публикация материалов, каталогов, научных исследований и научно-популярных изданий. В таком формате работает не один регион страны. Например, реестры объектов нематериального культурного наследия в Белгородской [Единый реестр объектов 2010], Воронежской [Традиции Воронежского края 2013; Каталог 2014], Кировской [Каталог объектов НКН Кировской области 2020] областях, Красноярском крае [Каталог объектов НКН Красноярского края 2020; 2021; Каталог объектов НЭД 2024]. В этом контексте также можно отметить несколько интересных региональных проектов:

Каталоги объектов НКН Республики Коми [Усть-Цилемская горка 2019; Объекты нематериального культурного наследия Республики Коми 2020; 2021; 2021a].

Серии изданий «Нематериальное культурное наследие Республики Марий Эл» [Наследие предков 2021; 2023; Легенды 2022; Легенды и предания 2020; НКН Республики Марий Эл 2016; 2018; 2020].

Серия изданий «Фольклорный архив. Пермский край», представляющих объекты НКН Пермского края [Русские сказки Пермского края 2020; 2022; Сказки Евдокии Никитичны Трясциной 2020; Песенная традиция 2021; Песенная традиция деревни Суюрка 2021; Традиционная культура русских заводских поселений Урала 2021].

Однако презентация каталогов в виде изданий имеет ряд недостатков, среди которых нужно отметить ограниченность ресурса (тиража) и отсутствие аудиовизуального сопровождения (видео- и аудиоприложения, в первую очередь). Хотя в некоторых регионах эту проблему решили. Так, в Пермском крае один из объектов нематериального культурного наследия (входит в региональный и федеральный реестры) «Творческое наследие сказочницы Евдокии Никитичны Трясциной из села Русский Сарс Октябрьского района Пермского края» представлен и в виде само-

стоятельного научного издания [Сказки Евдокии Никитичны Трясциной 2020], имеющего аудио- и видеоприложение на флеш-накопителе. Разумеется, готовить монографии для каждого объекта НЭД – задача сложная и не всегда необходимая. В случае Пермского края сыграло роль многолетнее сотрудничество академического института и краевого учреждения культуры, о котором подробно в следующих разделах данной книги. Сотрудничество такого же формата известно и в Республике Коми, где в 2021 г. вышло трехтомное издание «Объекты нематериального культурного наследия Республики Коми» [Усть-Цилемская горка 2019; Объекты нематериального культурного наследия Республики Коми 2020; 2021; 2021a], подготовленное совместными усилиями специалистов Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина и Центра народного творчества и повышения квалификации Республики Коми. Это не единственные примеры, однако есть смысл развивать такое сотрудничество науки и культуры в работе с НЭД и в других регионах страны.

Нестандартный подход к работе с НЭД в Челябинской области – уже в пятый раз ОГБУК «Челябинский государственный центр народного творчества» проводит Областной конкурс фольклорно-этнографических материалов, полевых исследований и фиксации традиционных ремесленных технологий «Хранители памяти», одной из задач которого является пополнение Единого реестра объектов нематериального культурного наследия Челябинской области [Областной конкурс]. По результатам конкурса прошлых лет (2021–2024) были изданы сборники «Каталог объектов нематериального культурного наследия Челябинской области “Хранители памяти”» [Каталог НКН Челябинской области 2021–2024], в которых приводится описание объектов НЭД, зафиксированных в ходе фольклорно-этнографических экспедиций в рамках конкурса. Такой подход позволяет не только выявить объекты, но и привлечь к работе с НКН местных специалистов. Подобный конкурс проводился и Республиканским научно-методическим центром народного творчества и культурно-досуговой деятельности Марий Эл [Положение о проведении].

Заключение

В последние два десятилетия в России проводилась активная работа по выявлению, описанию и каталогизации объектов нематериального этнокультурного достояния. За этот период был собран значительный комплекс материалов, началась разработка теоретических и методологических подходов к пониманию концепта «нематериальное этнокультурное наследие», описанию объектов, выработке критериев и практической

работе с реестром (каталогом) объектов. Особенно активизировалась данная деятельность в последние несколько лет, импульс чему был придан принятием закона и других нормативно-правовых актов.

Особенность Российской Федерации – двухуровневая деятельность в данном направлении: практика создания и функционирования федерального и региональных каталогов. В настоящее время ведется активная работа по наполнению федерального реестра, разработка и наполнение региональных каталогов. Эта работа носит новаторский характер, и поэтому возникает множество вопросов теоретического и методологического плана. По-прежнему существует различие в подходах к наполнению и содержанию реестров в разных регионах страны.

Реестры объектов нематериального этнокультурного наследия в настоящее время являются важным ресурсом информации о фольклоре и этнографии народов России – и для специалистов, и для всех желающих. При отмеченных недостатках нет других столь массовых ресурсов с подобного рода аутентичным контентом, где представлены материалы фольклорных архивов, видеофильмы и другие сведения. В сложной современной ситуации с фольклорными и этнографическими архивами, которые в большинстве своем недоступны для широкого круга пользователей, эти реестры решают задачи доступности материалов и популяризации наследия.

В настоящее время идет активная работа по наполнению и продвижению данных реестров. От того, как будет выстроена эта работа, зависит, превратится ли данный ресурс или система ресурсов в значительную научную базу по фольклору и этнографии страны. При этом успех данного начинания во многом обусловлен системной работой нескольких институтов – учреждений культуры и практиков, научных и вузовских центров при активной заинтересованности органов власти. При системном и качественном выстраивании дальнейшей работы с федеральными и региональными реестрами эта система информационных ресурсов может стать масштабным проектом, решающим целый комплекс задач документирования, сохранения, презентации и популяризации этнокультурного достояния.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бережнова 2022 – Бережнова М. Л. Системы сохранения и использования нематериального культурного наследия в Российской Федерации // Энциклопедия нематериального культурного наследия России. Посвящается Году культурного наследия народов России. М.: Институт Наследия, 2022. С. 41–63.

В реестр – В реестр нематериального этнокультурного достояния вошел 31 объект [Электронный ресурс]. – URL: https://culture.gov.ru/press/news/v_reestr_nematerialnogo_etnokulturnogo_dostoyaniya_voshel_31_obekt/ (дата обращения: 22.10.2025).

Государственный реестр объектов НКН Республики Алтай – Государственный реестр объектов нематериального культурного наследия Республики

◆ ◆ ◆ | ◆ ◆ ◆

**ОБЩИЕ ВОПРОСЫ И КОНЦЕПТ
«НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ДОСТОЯНИЕ»**

Алтай [Электронный ресурс]. – URL: <https://rcnt04.ru/wp-content/uploads/2018/05/Госреестр-объектов-нематериального-культурного-наследия-Республики-Алтай.pdf> (дата обращения: 21.10.2025).

Добровольская 2021 – Добровольская В. Е. О Каталоге объектов нематериального культурного наследия народов РФ // Живая старина. 2021. № 4 (112). С. 25.

Единый реестр объектов 2010 – Единый реестр объектов нематериального культурного наследия Белгородской области: Издание первое / сост. и науч. ред. В. А. Котеля. Белгород: ГБУК «БГЦНТ», 2010. – 182 с.

Единый реестр объектов НКН Белгородской области – Единый реестр объектов нематериального культурного наследия Белгородской области [Электронный ресурс]. – URL: https://old.bgcnt.ru/assets/files/CULTURAL_HERITAGE/EDITIONS/REGISTER/20_REGISTER-3_KOT-F4.xls (дата обращения: 21.10.2025).

Единый Реестр объектов НЭД народов Республики Башкортостан – Единый Реестр объектов нематериального этнокультурного достояния народов Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. – URL: <https://nknrb.ru/> (дата обращения: 21.10.2025).

Издания – Издания, выпущенные Областным научно-методическим центром культуры в 2000–2021 гг. [Электронный ресурс]. – URL: <https://onmck.ru/resources/publication/> (дата обращения: 21.10.2025).

Каталог 2014 – Каталог объектов нематериального культурного наследия Воронежской области. ВОЦНТик, 2014. – 20 с.

Каталог НКН Челябинской области 2021–2024 – Каталог объектов нематериального культурного наследия Челябинской области «Хранители памяти». 2021–2024 гг. Вып. 1, 2, 3, 4 / отв. за вып. Е. И. Артюшкина; сост. Е. В. Саттарова.

Каталог объектов НКН Кировской области 2020 – Каталог объектов нематериального культурного наследия Кировской области: методическое пособие / О. Н. Чепурная, В. А. Поздеев, М. А. Валова, Т. А. Шулепова, Л. В. Пятакова, В. П. Повышева / под ред. О. Н. Чепурной. Киров: КОГАУК «Областной Дом народного творчества», 2020. Вып. 8. – 171 с.

Каталог объектов НКН Красноярского края 2020 – Каталог объектов нематериального культурного наследия Красноярского края / сост. С. В. Калинина; ГЦНТ. Красноярск: ООО «Типография КАСС», 2020. – 56 с.

Каталог объектов НКН Красноярского края 2021 – Каталог объектов нематериального культурного наследия Красноярского края. Вып. 2 / сост. С. В. Калинина; отв. за вып. Л. Н. Романова; ГЦНТ. Красноярск: ООО «Типография КАСС», 2021. – 56 с.

Каталог объектов НЭД 2024 – Каталог объектов нематериального этнокультурного достояния Красноярского края. Вып. 3 // сост. С. В. Калинина; отв. за вып. И. В. Моисеенко; ГЦНТ. Красноярск: ООО «Типография КАСС», 2024. – 92 с.

Котельникова 2023 – Котельникова Н. Е. Система категорий в реестре объектов нематериального этнокультурного достояния народов России // Методика работы с объектами нематериального этнокультурного достояния народов России: Материалы межрегионального семинара-практикума по выявлению, сохранению, популяризации объектов нематериального этнокультурного достояния народов Российской Федерации (Воронеж, 9–12 ноября 2023 г.) / сост. И. М. Глинко, М. В. Русанова. М.: ГРДНТ им. В. Д. Поленова, 2023. С. 14–19.

Ю. С. Чернышева, А. В. Черных
**РЕЕСТРЫ ОБЪЕКТОВ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО
ДОСТОЯНИЯ: ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ**

Культура. РФ – Культура. РФ [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.culture.ru/> (дата обращения: 21.10.2025).

Легенды 2022 – Легенды, заговоры, религиозные традиции земли марийской / ГБУК РМЭ «РНМЦ НТ и КДД»; сост. Б. А. Дмитриев. Йошкар-Ола, 2022. – 48 с.

Легенды и предания 2020 – Легенды и предания земли марийской / ГБУК РМЭ «РНМЦ НТ и КДД»; сост. Б. А. Дмитриев. Йошкар-Ола, 2020. – 52 с.

Наследие в наших сердцах – Наследие в наших сердцах и... базе данных: зачем в России создают этнореестр [Электронный ресурс]. – URL: <https://объясняем.pf/articles/useful/nasledie-v-nashikh-serdtsakh-i-baze-dannykh-zachem-v-rossii-sozdayut-etnoreestr/> (дата обращения: 22.10.2025).

Наследие предков 2021 – Наследие предков – наше достояние: Объекты нематериального культурного наследия Республики Марий Эл. Вып. 5 / ГБУК РМЭ «РНМЦ НТ и КДД»; сост. А. Ю. Романова. Йошкар-Ола, 2021. – 92 с.

Наследие предков 2023 – Наследие предков – наше достояние: Объекты нематериального культурного наследия Республики Марий Эл. Вып. 6 / ГБУК РМЭ «РНМЦ НТ и КДД»; сост. А. Ю. Романова. Йошкар-Ола, 2023. – 51 с.

Нематериальное наследие Коми-Пермяцкого округа – Нематериальное наследие Коми-Пермяцкого округа [Электронный ресурс]. – URL: <https://etnokpro.ru/traditions> (дата обращения: 22.10.2025).

Нематериальное этнокультурное достояние Пермского края – Нематериальное этнокультурное достояние Пермского края [Электронный ресурс]. – URL: <https://domgubernia.ru/nematerialnoe-kulturnoe-nasledie/> (дата обращения: 22.10.2025).

Нематериальные объекты 2020 – Нематериальные объекты традиционной народной культуры Вологодской области: современное состояние и вопросы сохранения: материалы областной научно-практической конференции / Департамент культуры и туризма Вологодской области, Центр народной культуры Вологодской области; научн. ред., сост. С. Р. Кулева. Вологда: ЦНК, 2020. – 95 с.

НКН 2020 – Нематериальное культурное наследие народов Российской Федерации: Иллюстрированный альманах / сост. В. Е. Добровольская, А. Б. Ипполитова, М. В. Русанова. М.: ООО «Сам Полиграфист», 2020. – 348 с.

НКН Республики Марий Эл 2016 – Нематериальное культурное наследие Республики Марий Эл: Информационно-методические материалы, объекты нематериального культурного наследия Республики Марий Эл. Вып. 2 / ГБУК РМЭ «РНМЦ НТ и КДД». Йошкар-Ола, 2016. – 124 с. (DVD-диск).

НКН Республики Марий Эл 2018 – Нематериальное культурное наследие Республики Марий Эл: информационно-методические материалы, объекты нематериального культурного наследия Республики Марий Эл. Вып. 3 / сост. Е. И. Тихонова. Йошкар-Ола, 2018. – 79 с.

НКН Республики Марий Эл 2020 – Нематериальное культурное наследие Республики Марий Эл: Объекты нематериального культурного наследия Республики Марий Эл. Вып. 4 / ГБУК РМЭ «РНМЦ НТ и КДД»; сост. Е. И. Тихонова. Йошкар-Ола, 2020. – 108 с.

Областной конкурс – Областной конкурс «Хранители памяти – 2025» [Электронный ресурс]. – URL: https://vk.com/wall-84917292_33941 (дата обращения: 21.10.2025).

Объекты нематериального культурного наследия Республики Коми 2020 – Объекты нематериального культурного наследия Республики Коми: в 3 т. Т. 1. Обрядовые, празднично-игровые и конфессиональные традиции. Сыктывкар:

◆ ◆ ◆ | ◆ ◆ ◆

**ОБЩИЕ ВОПРОСЫ И КОНЦЕПТ
«НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ДОСТОЯНИЕ»**

Государственное автономное учреждение Республики Коми «Центр народного творчества и повышения квалификации», 2020. – 376 с.

Объекты нематериального культурного наследия Республики Коми 2021 – Объекты нематериального культурного наследия Республики Коми: в 3 т. Т. 2. Народное декоративно-прикладное искусство, промыслы, ремесла, народное знание. Сыктывкар: Государственное автономное учреждение Республики Коми «Центр народного творчества и повышения квалификации», 2021. – 240 с.

Объекты нематериального культурного наследия Республики Коми 2021а – Объекты нематериального культурного наследия Республики Коми: в 3 т. Т. 3. Народное исполнительство, эпические, песенно-музыкальные, инструментальные и танцевальные традиции. Сыктывкар: Государственное автономное учреждение Республики Коми «Центр народного творчества и повышения квалификации», 2021. – 180 с.

Ореховая веточка – Ореховая веточка [Электронный ресурс]. – URL: <https://fest59.ru/orehovaya-vetochka-2025/> (дата обращения: 21.10.2025).

Первый Всероссийский – Первый Всероссийский культурный форум коренных малочисленных народов России проходит в Анадыре [Электронный ресурс]. – URL: https://t.me/vladislav_kuznesov/3536 (дата обращения: 21.10.2025).

Песенная традиция 2021 – Песенная традиция русских сел Октябрьского района Пермского края в записях конца XX в. (под общ. ред. А. В. Черных) / А. В. Черных (отв. ред.), О. С. Сивков, И. И. Русинова, Ю. С. Чернышева, М. Е. Суханова, Е. Н. Свалова (Серия «Фольклорный архив. Пермский край»). СПб.: Маматов, 2021. – 456 с.

Песенная традиция деревни Суюрка 2021 – Песенная традиция деревни Суюрка Куединского района Пермского края: свадебный фольклор / А. В. Черных (отв. ред.), Г. Н. Мехнецова, А. А. Мехнецов, О. С. Сивков, И. И. Русинова, М. Е. Суханова (Серия «Фольклорный архив. Пермский край»). СПб.: Маматов, 2021. – 188 с.

Положение о проведении – Положение о проведении III республиканского конкурса на лучшее оформление объектов нематериального культурного наследия «Наследие предков – наше достояние» [Электронный ресурс]. – URL: <https://rnmс-rme.ru/meropriyatiya/show-jumping/docs/2022/Nasledie%20predkov%20-%20nashe%20dostoyanie.pdf> (дата обращения: 21.10.2025).

Портал – Портал открытых данных Министерства культуры РФ [Электронный ресурс]. – URL: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-folklore#a:eyJ0YWliOiJidWlsZF9wYXNzcG9ydCJ9> (дата обращения: 21.10.2025).

Пояснительная записка – Пояснительная записка к проекту федерального закона «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/102232-8> (дата обращения: 21.10.2025).

Правительство утвердило – Правительство утвердило положение о федеральном реестре объектов НЭД народов России [Электронный ресурс]. – URL: <http://government.ru/docs/49222/> (дата обращения: 21.10.2025).

Пуртова 2018 – Пуртова Т. В. Нематериальное культурное наследие: проблемы терминологии // Традиционная культура. 2018. № 1. С. 37–39.

Региональный каталог объектов ОНЭД – Региональный каталог объектов ОНЭД Забайкальского края [Электронный ресурс]. – URL: <https://umckchita.ru/category/традиционная-культура/региональный-каталог-объектов-онэд/> (дата обращения: 21.10.2025).

Реестр – Реестр объектов нематериального культурного наследия [Электронный ресурс]. – URL: <https://votray-bkc.ru/category/reestr-obektov-nematerialnogo-kulturnogo-naslediya/> (дата обращения: 21.10.2025).

Ю. С. Чернышева, А. В. Черных
**РЕЕСТРЫ ОБЪЕКТОВ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО
ДОСТОЯНИЯ: ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ**

Реестр объектов НКН – Реестр объектов нематериального культурного наследия народов России [Электронный ресурс]. – URL: <https://rusfolk.nasledie.ru/#/main> (дата обращения: 21.10.2025).

Реестр ОНЭД РТ – Реестр ОНЭД Республики Татарстан [Электронный ресурс]. – URL: <https://tatcultresurs.ru/onkn/table> (дата обращения: 21.10.2025).

Русанова 2023 – Русанова М. В. Государственная поддержка деятельности по сохранению и популяризации традиционной народной культуры // Нематериальное этнокультурное достояние народов России. Региональный опыт: материалы Всероссийского форума по вопросам деятельности в сфере нематериального этнокультурного достояния / сост. И. М. Глинко, М. В. Русанова; отв. ред. Н. Е. Котельникова. М.: ГРДНТ им. В. Поленова, 2023. С. 9–13.

Русские сказки Пермского края 2020 – Русские сказки Пермского края в записях конца XX – начала XXI в. / А. В. Черных (отв. ред.), В. Е. Добровольская, И. И. Русинова, И. А. Подюков, М. Е. Суханова, О. С. Сивков, Е. Н. Свалова, С. В. Хоробрых, С. Ю. Королева (Серия «Фольклорный архив. Пермский край»). СПб.: Маматов, 2020. – 240 с.

Русские сказки Пермского края 2022 – Русские сказки Пермского края из рукописных собраний XX века / А. В. Черных [и др.]; под общ. ред. А. В. Черных; Администрация губернатора Перм. края, Департ. внутр. политики [и др.] (Серия «Фольклорный архив. Пермский край»). СПб.: Маматов, 2022. – 332 с.

Сказки Евдокии Никитичны Трясциной 2020 – Сказки Евдокии Никитичны Трясциной / В. Е. Добровольская, Г. Н. Мехнецова, И. И. Русинова, О. С. Сивков, М. Е. Суханова, А. В. Черных (отв. ред.). СПб.: Маматов, 2020. – 192 с.

Традиции Воронежского края 2013 – Традиции Воронежского края. Материалы II областного конкурса собирателей фольклорно-этнографического наследия «Живая нить традиций». ВОЦНТиК, 2013. – 96 с.

Традиционная культура русских заводских поселений Урала 2021 – Традиционная культура русских заводских поселений Урала: Курашимский завод: материалы и исследования: коллективная монография / А. В. Черных (отв. ред.), И. И. Русинова, Ю. А. Кашаева, А. В. Вострокнутов, Д. И. Вайман, С. Ю. Королёва, О. С. Сивков, М. А. Брюханова (Серия «Фольклорный архив. Пермский край»). СПб.: Маматов, 2021. – 484 с.

Усть-Цилемская горка 2019 – Усть-Цилемская горка – жемчужина Русского Севера. Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2019. – 136 с.

ФЗ № 402 – Федеральный закон от 20.10.2022 № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации».

Фолквологда – Фолквологда [Электронный ресурс]. – URL: <https://folkvologda.ru/about/reg/> (дата обращения: 21.10.2025).

Фольклорная карта – Фольклорная карта Архангельской области [Электронный ресурс]. – URL: <https://folkarh.ru/> (дата обращения: 21.10.2025).

Цикл фольклорных экспедиций – Цикл фольклорных экспедиций [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rusfolk.ru/projects/aktsiya> (дата обращения: 21.10.2025).

Дискуссионные вопросы нематериального этнокультурного достояния

А. В. Черных, В. Е. Добровольская

НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ДОСТОЯНИЕ В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В последние годы в Российской Федерации актуализировались вопросы, связанные с деятельностью в сфере нематериального культурного наследия. Проведение Года культурного наследия народов России с целым циклом конференций, мероприятий, фестивалей по данной тематике (2022) и принятие Федерального закона «О нематериальном этнокультурном достоянии» (2022), – все это значительно повысило интерес и внимание к работе по выявлению, изучению и популяризации нематериального этнокультурного достояния как в стране в целом, так и в регионах России [Черных 2023].

Однако при общих подходах к определению и пониманию содержания феномена, критериев отнесения тех или иных объектов к НЭД в федеральном законе, регламентации деятельности по формированию реестров объектов НЭД следует отметить, что каждый регион Российской Федерации имеет свою специфику, связанную с особенностями

формирования населения, его расселения, этнического, языкового и конфессионального состава. К одному из таких сложных регионов следует отнести и Калининградскую область. Без дискуссии и обсуждения разных вопросов специфики Калининградской области, особенностей этнокультурных традиций ее населения сложно ответить на вопрос: «А есть ли объекты этнокультурного достояния в Калининградской области?». И в зависимости от ответа на него определяются и возможности работы в данном направлении, решения задач выявления, документирования, сохранения и актуализации. Таким образом, целями и задачами настоящего исследования является обсуждение возможных подходов к пониманию специфики региона и его этнокультурного наследия.

В основе настоящей статьи лежат материалы экспедиционных исследований авторов в 2022 г. по изучению и фиксации объектов нематериального культурного наследия в Калининградской области. Это была одна из серии экспедиций, целями которых были консолидация научно-практических задач в области нематериального этнокультурного достояния народов России, выявление и поддержка носителей традиционной народной культуры. Ее организаторами стали Министерство культуры Российской Федерации совместно с Государственным Российским Домом народного творчества им. В. Д. Поленова, а также АНО «Центр развития творческой инициативы “Разноцветье”» (г. Москва, Московская область), а работы в Калининградской области проходили при поддержке ГБУК Калининградской области «Областной Дом народного творчества» (г. Калининград). Участниками экспедиции были научные сотрудники Института гуманитарных исследований УрО РАН (филиал Пермского ФИЦ УрО РАН, г. Пермь).

Маршрут экспедиции включал работу в городах Калининграде, Советске, поселке городского типа Янтарном, а также в сельских населенных пунктах области – поселках Озерки Гвардейского района, Канаш Неманского района, Бабушкино Нестеровского района, Заливино Полесского района. Работа проводилась среди разных этнических сообществ региона: русских, литовцев, немцев, белорусов [Вайман 2023].

Калининградская область как особый субъект Российской Федерации

Калининградская область занимает особое место на этнокультурной карте России. Уникальность региона в том, что его население полностью сформировалось в результате послевоенной миграции [Григорьева, Мартынова 2017: 5]. История формирования современного калининградского социума начинается после завершения Великой Отечественной войны. На Потсдамской конференции было принято решение о передаче Советскому Союзу Кёнигсберга и части Восточной Пруссии, и 7 апреля 1946 г. на этой территории была образована Кёнигсбергская (с 4 июля 1946 г. – Калининградская) область в составе РСФСР [Григорьева, Мартынова 2017: 5].

Миграционные процессы и формирование населения области начались сразу после завершения военных действий. Исследователи выделяют несколько периодов миграции. С апреля 1945-го до августа 1946 г. ведущую роль в формировании советского населения играли военнослужащие, в том числе демобилизованные, репатрианты, а также советские и партийные работники, направленные министерствами и ведомствами. Второй этап (август 1946-го – 1954 г.) отличался наиболее высокими темпами миграции, прежде всего за счет планового переселения на новые территории, особенно активно проходившего в 1946–1949 гг. На третьем этапе, во второй половине 1950-х гг., миграционные процессы заметно сократились и начали уступать место естественному приросту населения области [Маслов 2002: 17–19; Манкевич 2020: 89].

Начало массового заселения новых для России территорий связывается с Постановлением Совета Министров СССР от 9 июля 1946 г. [Костяшов 1996: 82]. Переселенцев в Калининградскую область дали все республики СССР, однако наибольшими по численности, по данным 1948–1950 гг., были РСФСР (74,6%), Белорусская ССР (12,4%), Украинская ССР (7,2%), Литовская ССР (4,3%) [Костяшов 1996: 86]. В организации сельского расселения реализовывался принцип компактного размещения выходцев из одних и тех же областей. Например, население шести районов Калининградской области формировалось в основном за счет выходцев одной области. В Черняховский район в 1946–1949 гг. прибыло 14 326 чел., в том числе из Курской области – 7114 чел., из Калужской – 4775 чел., из Белоруссии – 1392 чел., что составило в сельском населении района 50%, 33% и 10%. На выходцев из остальных регионов страны приходилось 7% [Костяшов 2009: 133–142; Григорьева, Мартынова 2017: 9]. 1950 г. можно считать рубежом в формировании современного населения региона.

К этому времени была закончена депортация основной части оставшихся немцев в Германию, и население стало однородно переселенческим и советским. С этого момента резко сокращается иммиграционный приток из других регионов [Костяшов 1996: 86]. В последующие годы, вплоть до 1990-х гг., естественный прирост был основным в демографических процессах, хотя сохранялись и миграционные [Григорьева, Мартынова 2017: 10].

Регион также отличался и полиэтничным составом населения. Полиэтничность при значительном преобладании русских характерна и для современной этнической карты региона. Согласно данным последней Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг., из 1 029 966 жителей области 886 706 указали свою этническую принадлежность, при этом в списке Калининградской области около 120 народов. Согласно данным переписи, наиболее многочисленным этническим сообществом региона являются русские (809 546 человек, то есть 91,3% от всех лиц, указавших этническую принадлежность), далее следуют украинцы – 12 515 (1,4%), а также: 11 360 (1,3%) – белорусы, 8379 – армяне, 2555 – азербайджанцы, 1015 – таджики, 3250 – татары, 2581 – узбеки, 989 – цыгане, 1402 – поляки, 4118 – немцы, 4279 – литовцы и другие [Национальный состав].

Спецификой Калининградской области является то, что переселенцы из разных регионов приносили свои традиции, которые адаптировались к новым природно-климатическому и этнокультурному ландшафтам, новой социальной среде региона. При общности основных тенденций, которые выражались в нивелировании этнических и региональных особенностей, преобладающем влиянии русского языка, русской культуры и русского уклада жизни [Григорьева, Мартынова 2017: 11], следует отметить, что эти процессы по-разному происходили в условиях городской среды, в сельских поселениях и у разных этнических групп. Условиями для сохранения ряда этнокультурных особенностей и этнической идентичности в сельской местности явились компактность проживания выходцев из одной территории, связи с родиной выхода переселенцев, особенно среди групп, переселившихся из сопредельных регионов Белорусской и Литовской ССР. На традиции переселенцев оказали влияние и традиции немецкого населения, что проявилось не только в сохранении планировки поселений, немецкой архитектуры, в том числе и жилищ, но в восприятии техники и навыков хозяйственной деятельности, поскольку в первые годы переселенцы взаимодействовали с коренным немецким населением. Все эти процессы в целом определили специфику культурного ландшафта Калининградской области и стали значимыми при выявлении и изучении особенностей нематериального культурного наследия региона.

Историческая память и устная историческая проза

Поздний характер формирования современного населения Калининградской области обусловил закрепившийся в семейных преданиях и исторических нарративах особый характер исторической памяти в регионе. Так как начало миграционных процессов в Калининградской области пришлось на вторую половину 1940-х гг., то есть более 70 лет назад, в памяти многих и по сей день сохраняются семейные рассказы о местах выхода родителей, обстоятельствах и особенностях переезда на новые земли. При этом тексты записывались как от первого, так и от второго и третьего поколений переселенцев, не являвшихся непосредственными участниками описываемых событий. Сохранились таким образом, при передаче от поколения к поколению, из уст в уста, сведения, что также важно для бытования исторических знаний и формирования их как фольклорного жанра.

Во время полевых исследований мы целенаправленно задавали эти вопросы о миграции, записали значительный массив исторических нарративов о переселении, о родине выхода переселенцев. Для иллюстрации приведем лишь несколько текстов из разных населенных пунктов области:

«Я родилась в Калининграде. Моя мама приехала из Кировской области, вятские корни. А папа из Кировоградской области, Украина. Мама приехала в 1954 г. Ее пригласила ее односельчанка, ее муж строил мост эстакадный, он был инженером. Она говорит: “Приезжай, здесь хорошо, есть работа”. Фаленский район, д. Верхосунье. Одна приехала. Очень сложно было из деревни уехать. <...> И она получила паспорт, она уехала. Отец здесь служил и остался. Село Владимиро-Ильинка, Бобренецкий район Кировоградской области» (г. Калининград).

«Я волжанка. Родилась на берегу Волги, на самом берегу, 1947 года. И с самого дня рождения, в два месяца переехала в Калининградскую область, благодаря родителям. В два месяца меня привезли сюда, я одна из первых переселенцев. Это Горьковская область, село Опалиха. Это сложные те времена послевоенные. Отец пришел, вернулся с войны в 1946-м, еще служил на Дальнем Востоке. В 1947-м я родилась, а так как он вернулся и пошел работать в город, а дом, построенный перед войной, был построен в сельской местности, ему обрезали весь огород, ты не работаешь в колхозе, не имеешь права сажать. Он обиженный. Он был здесь в Кенигсберге, в Калининградской области, воевал. Знал, как здесь. Но он сперва завербовался на Сахалин.

Пока собирались, пока мама плакала горькими слезами, дом бросать только построенный. Приехали в Москву, и поезд ушел на Сахалин с переселенцами, а на перроне стоял поезд в Кенигсберг, переселенцы в Калининградскую область. Так я попала сюда. Около Янтарного поселок Синявино» (пос. Янтарный).

«Я уроженка Калининградской области. Мама с Пензенской области, переселенка с 1947 г. А я здесь родилась и живу. Они жили в Пензенской области, какой же район, Терновский район, пос. Красный Икрин. Приехали они сюда после войны, то, что там сильная голодовка была, она рассказывала, продуктов совсем не было, сильно голодали. И, видимо, вербовали сюда, и они приехали с семьей, с семьей детьми. Так и остались здесь. А отец с Калужской области, точно так же мама ихняя с детьми приехала. Дедушка погиб. Мама одна осталась и приехала сюда» (пос. Канаш).

«Родина моя, Гомельская область, Ветковский район, родилась я в поселке Репище. Мы приехали, когда взорвался Чернобыль. Мы еще жили там 32 года и приехали мы в 1988 году, 25 апреля. Сюда почему, здесь уже жила сестра моя и двоюродный брат. И посоветовали в больнице, нужно ехать туда с моим здоровьем, где сырая местность. И дети, четверо деток. Но нам и переселенческий билет дали» (пос. Канаш).

«Я родилась на той стороне, в Литве, но выросла с 2 лет здесь. Родители сюда переехали. По маме украинские корни и польские, по папе – немецкие. И так мы тут выросли. Папа по-немецки говорил. Мама родилась в Литве. У мамы в давние времена родители, когда на Украине голод был, дед, отец переехали в Литву, а бабушка польских корней» (г. Советск).

Работа и фиксация нарративов о переселении и особенностях обустройства на новых землях проводились и калининградскими историками, часть массива воспоминаний опубликована [Восточная Пруссия 2003].

Данные тексты семейных преданий раскрывают особенности переселения; в то же время помимо этих мотивов, в устной исторической прозе, записанной в Калининградской области, устойчивы мотивы обустройства на новом месте, особенности и характер восприятия «чужого» пространства, немецкого наследия Восточной Пруссии в первые годы переселения, сложности и специфика взаимоотношений с оставшимся коренным населением [Добровольская, Вайман 2023], причины выбора нового названия для населенного пункта и другие.

Эти исторические тексты можно рассматривать и как формирующуюся историческую прозу, и как нарративы, связанные с концептом исторической памяти. Исследователи неоднократно отмечали, что устная проза, хранящая исторические воспоминания, является популярным жанром в народной среде и представляет интерес для изучения истории края и традиционной культуры народа [Приказчикова 2009: 5]. Среди жанров фольклорной прозы исследователи выделяют предания – устные прозаические рассказы, повествующие о разных исторических событиях и лицах прошлого, претендующие на достоверность [Азбелев 1993: 275; Феоктистова 2003: 75]. Часто для определения жанра употребляется термин «устная историческая проза» [Криничная 1993: 5; Приказчикова 2009: 5]. Для преданий характерны своя специфика, сюжеты и мотивы. Имеет их и историческая устная проза Калининградской области. Для нее характерны сюжеты и мотивы, которые не свойственны для старожильческих территорий России. В последние десятилетия, с нашей точки зрения, происходит активная фольклоризация данных нарративов, и в них, наряду с реальной исторической основой, появляются такие особенности их как фольклорного жанра, как идеализация и мифологизация произошедших событий.

Историческую прозу в Калининградской области можно рассматривать как часть устной исторической фольклорной прозы, так и как важный компонент исторической памяти. В том и другом случае данные нарративы играют существенную роль в формировании региональной идентичности калининградцев и в сохранении исторических связей с другими регионами России, а также другими странами постсоветского пространства.

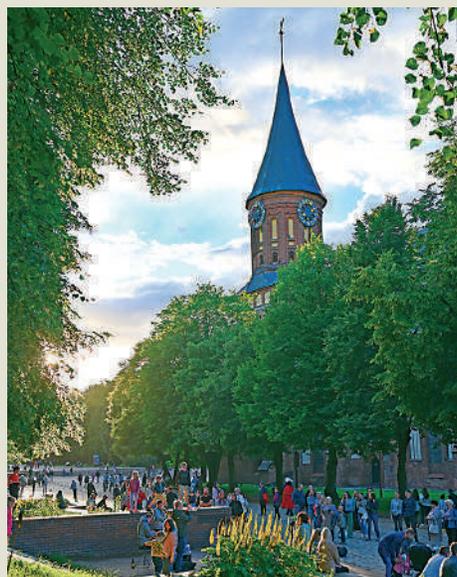
В контексте настоящего исследования следует утверждать, что историческая устная проза Калининградской области вполне может выступить объектом нематериального этнокультурного достояния. Значительное число текстов и их активное бытование, важность и значимость данных нарративов для исторической памяти и идентичности жителей региона, особенности в сюжетах и мотивах, раскрывающие специфику данного региона, и выявление типических сюжетных схем выступают основными критериями для отнесения данного объекта к нематериальному этнокультурному достоянию. А для учреждений образования и культуры важной представляется работа по актуализации данного наследия – документирование устных исторических рассказов, проведение мероприятий, в центре внимания которых будет данный объект НЭД.

◆ ◆ ◆ II ◆ ◆ ◆
НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ДОСТОЯНИЕ
В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

*Вид на комплекс «Рыбная деревня» в г. Калининграде
Калининградской области, 2022*

Фото Д. И. Ваймана

*Вид на Кафедральный собор
на острове Канта в г. Калининграде
Калининградской области, 2022*

Фото Д. И. Ваймана

*Церковь Входа Господня
в Иерусалим в пос. Новокolkхозное
Калининградской области, 2022*

Фото Д. И. Ваймана

НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ДОСТОЯНИЕ
В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

*Интервью с жителями пос. Заливино Полесского района
Калининградской области, 2022*

Фото А. В. Черных

*В. И. Семенов
рассказывает
о рыболовецких снастях.
пос. Заливино Полесского района
Калининградской области, 2022*

Фото Д. И. Ваймана

*Г. А. Каминкас
демонстрирует, как плетут
и ремонтируют сети.
пос. Заливино Полесского района
Калининградской области, 2022*

Фото Д. И. Ваймана

НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ДОСТОЯНИЕ
В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

*Рыболовецкие снасти в музее «Дом рыбака».
пос. Заливино Полесского района Калининградской области, 2022*

Фото Д. И. Ваймана

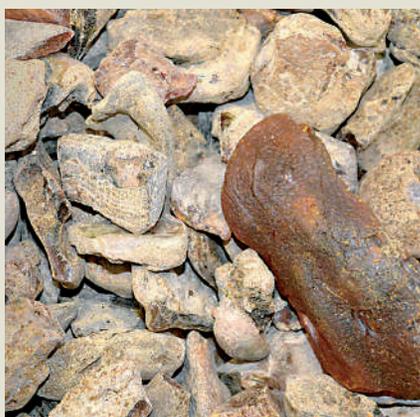

НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ДОСТОЯНИЕ
В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Балтийское море в пос. Янтарном Калининградской области, 2022

Фото Д. И. Ваймана

*Балтийский янтарь
до обработки*

Фото Д. И. Ваймана

*Балтийский янтарь
после обработки*

Фото Д. И. Ваймана

НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ДОСТОЯНИЕ
В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Янтарь балтийский. Вид янтаря и обработки – «пейзажный»

Фото Д. И. Ваймана

*Янтарь балтийский.
Вид янтаря и обработки:
«закаленный»,
или «жареный» янтарь*

Фото Д. И. Ваймана

*Янтарь балтийский.
Вид янтаря и обработки – «чай»*

Фото Д. И. Ваймана

Необработанные куски янтаря

Фото Д. И. Ваймана

НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ДОСТОЯНИЕ
В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

*Украшения из янтаря.
Мастер – Л. Н. Высоцкая.*

- 1. «Свадебные бусы», 2020. Материал – янтарь.*
- 2. Колье «Зубы дракона», 2021. Материал – янтарь, дерево.*
- 3. Колье «Колье Клеопатры», 2021. Материал – янтарь, дерево.*
- 4. Колье «Бумеранг», 2022. Материал – янтарь, дерево*

Фото Д. И. Ваймана

◆ ◆ ◆ II ◆ ◆ ◆
НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ДОСТОЯНИЕ
В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Украшения из янтаря.

- 1. Колье «Натasha Ростова», 2022. Материал – янтарь, дерево. Мастер – Л. Н. Высоцкая.*
- 2. «Рыбка». Материал – янтарь. Мастер – Ж. А. Лопаткина.*
- 3. Подвеска. Материал – янтарь. Мастер – Ж. А. Лопаткина*

Фото Д. И. Ваймана

Картины из янтаря. Мозаика.

Мастер – Г. Ф. Лосев, 1942 г. р., заслуженный художник России

Фото Д. И. Ваймана

НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ДОСТОЯНИЕ
В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

*Встреча участников экспедиции
с ансамблем белорусской песни «Крыница».
пос. Озерки Гвардейского района Калининградской области, 2022*

Фото А. В. Черных

*Участницы
народного
вокального коллектива.
пос. Канаш
Неманского района
Калининградской области, 2022*

Фото Д. И. Ваймана

*Н. И. Белоус показывает блюдо
традиционной белорусской кухни –
шарики из теста в сметане.
пос. Канаш
Неманского района
Калининградской области, 2022*

Фото Д. И. Ваймана

Янтарное «наследие»

Самым известным и узнаваемым брендом и символом Калининградской области является янтарь. Эти представления характерны как для «внутреннего», калининградского мифа, так и для восприятия региона извне, из других субъектов России и мира. Очевидно, что интерес к янтарю на протяжении многих столетий и развитие янтарного промысла на этой территории обусловлены наличием в регионе самого большого в мире месторождения сукцинита – балтийского янтаря.

Добыча и обработка его на территории современной Калининградской области развиваются с глубокой древности. Первоначально янтарь собирали на морском берегу, обычно после шторма, и рассматривали как некий дар морских божеств. Добыча янтаря в тот момент не была промыслом. В раннем Средневековье прусские племена, населявшие Самбийский полуостров, были основными поставщиками янтаря на мировые рынки Евразии. Постепенно начали формироваться технологии его добычи, основной из которых становится вылавливание янтаря сачками, сначала с берега, а потом и с лодок. С XIII в., после покорения Самбийского полуострова Тевтонским орденом, добыча и реализация янтаря становится монополией Ордена [Новиков 2007: 33]. В дальнейшем государство всегда оставляло за собой монополию на добычу янтаря, в разные периоды предоставляя ее в аренду купцам, промышленникам и предпринимателям. С течением времени изменялись и способы добычи янтаря. Помимо сбора и ловли его сачком появляется добыча янтаря в шахтах. Первые примитивные шахты у поселка Янтарный известны с XVI в., позднее стала практиковаться добыча в открытых карьерах. Однако при Тевтонском орденом сложилась достаточно интересная ситуация. Местному населению было разрешено собирать янтарь, но его нельзя было хранить, а главное – запрещалось обрабатывать на территории Ордена. Это привело к тому, что на территории добычи янтаря несколько столетий отсутствовал промысел по его обработке. И только в XVI в. в Кёнигсберге начинают возникать частные производства по изготовлению ювелирных изделий из янтаря. К 1860-м гг. относят историю возникновения янтарной промышленности в Восточной Пруссии [Костяшова 2007].

В 1926 г. была создана Государственная янтарная мануфактура (Staatliche Bernstein-Manufaktur GmbH Königsberg i Pr.), которая включала производства по добыче и фабрику по обработке янтаря и изготовлению из него как ювелирных изделий (прежде всего знаменитых янтарных бус и брошей), так и галантерейных товаров (мундштуков, пуговиц и т. п.).

Становление российского художественного промысла начинается в послевоенное время, после включения Калининградской области

в состав СССР. С 1947 г. в поселке Янтарный воссоздается комбинат по добыче и художественной обработке янтаря, разрушенный в период Великой Отечественной войны. Еще одно предприятие – Янтарный завод – действовало в поселке Приморье, в 1953 г. оно было объединено с Янтарным комбинатом [Костяшова 2007: 29]. Как отмечают исследователи, в первые годы на комбинате создавали довольно простую продукцию: бусы, кулоны, браслеты, мундштуки, пуговицы [Лебедев, Смирнов 2019: 37–38]. Из особенностей становления художественного промысла стоит отметить несколько факторов. Во-первых, использование немецкого наследия. И хотя немецкие ювелиры покинули территорию Восточной Пруссии, сохранились их изделия, служившие основой для копирования и формирования собственной производственной линейки. В первые послевоенные годы на комбинате еще работали местные немцы, что позволяло перенимать технологические навыки обработки материала [Костяшова 2007: 20]. Во-вторых, на территории СССР, в Литовской и Латвийской ССР, исторически также развивалась обработка янтаря. И хотя не было механического переноса прибалтийских традиций и массового переезда мастеров с берегов Балтики, определенное влияние тамошних ювелиров может быть отмечено в калининградской школе. В-третьих, с самого начала художники калининградского янтарного промысла пытались создать свой стиль. Важную роль в этом сыграли мастера-камнерезы из других центров художественных промыслов, прежде всего уральских, художники Москвы и Санкт-Петербурга. Важным для становления местной школы стало постановление Калининградского совнархоза 1959 г. об улучшении ассортимента, качества и художественного оформления янтарных изделий [Костяшова 2007: 70]. С начала 1960-х гг. исследователи отмечают формирование калининградской школы художественной обработки янтаря [Лебедев, Смирнов 2019: 37–38]. И в настоящее время специалисты признают формирование собственных художественных традиций у калининградских «янтарщиков», отмечая особый «калининградский» стиль в художественной обработке «солнечного камня» [Никифорова 2020]. Говоря об особенностях «калининградского стиля», обычно отмечают, что он «творчески соединял декоративность прусских изделий и естественность “солнечного камня” в работах прибалтийских мастеров» [Лебедев, Смирнов 2019: 37–38]. В настоящее время, по данным на 2019 г., переработкой янтаря в Калининградской области занимается 150 предприятий, на которых работает свыше 300 человек [Лебедев, Смирнов 2019: 37–38]. Дополнением к этому списку можно назвать художников и мастеров, которые работают в системе образования и культуры, а также тех, кто трудится индивидуально.

Таким образом, мы можем утверждать, что в Калининградской области сложились особенности, характеризующие обработку янтаря

как художественный промысел, существующий наряду с целым рядом других художественных промыслов в регионах России – косторезным, камнерезным, росписи по дереву и металлу и т. д. Художественная обработка янтаря развивается как на предприятиях, так и частными и индивидуальными организациями и мастерами. К настоящему времени сложились и система подготовки кадров, и художественные особенности «калининградского стиля» в сравнении с работами мастеров Польши, Прибалтики, Москвы и Санкт-Петербурга.

Дискуссионным представляется вопрос об отнесении традиций и технологий обработки янтаря к объектам нематериального этнокультурного достояния народов России. Противники, как правило, отмечают «немецкий» характер наследия, на основе которого, собственно, и происходило становление современной техники и технологии данного промысла. Однако с этим можно не согласиться.

Янтарь является природным ресурсом территории современной Калининградской области. Соответственно, любое население, оказавшись в этом регионе, вправе использовать данный ресурс. В этом контексте развитие добычи и обработки янтаря в этом российском регионе представляется вполне закономерным. Важным для отнесения того или иного явления к этнокультурному наследию представляется история его существования и развития. В настоящее время, если начинать отсчет с 1947 г., развитию обработки янтаря в регионе насчитывается более 70 лет. Этот срок вполне приемлем для формирования художественных традиций промысла, а также преемственности в передаче традиций, поскольку за этот период сменилось несколько поколений мастеров. Были не только переосмыслены техники обработки янтаря, характерные для немецких и литовских мастеров прошлого, но и появились новые технологии его обработки, как, например, работа с прессованным материалом, с «каленным» янтарем и другие. Значимо, как мы отмечали, и формирование собственных художественных традиций и «калининградского стиля». Отметим также, что вкусовые пристрастия немецких и советских, а затем и российских потребителей существенно различались, что, соответственно, меняло формы ювелирных изделий и их цветовые решения.

Не менее важным является и формирование комплекса лексики, касающейся янтаря. При беседах с мастерами для обозначения разного янтаря нами фиксировались такие лексемы, как «мыло», «чай», «пейзажный», «слойка», «шлам», «костяной», «молочный», «королевский» и т. д. Среди легенд и других фольклорных текстов, объясняющих происхождение янтаря, на территории Калининградской области чаще всего фиксируются сюжеты, которые заимствованы из литовской мифологии, согласно которой богиня Юрате, жившая на дне Балтийского моря в своем

А. В. Черных беседует с мастерами по обработке янтаря Ф. А. Красовцевой и Л. Н. Высоцкой. пос. Янтарный Калининградской области, 2022

Фото Д. И. Ваймана

янтарном дворце, разгневалась на молодого рыбака Каститиса за то, что он наловил слишком много рыбы. Юрате поднялась на поверхность, чтобы наказать юношу, но влюбилась в него и забрала юношу к себе во дворец. Они счастливо жили там, пока о любви богини и смертного не узнал громовержец Перкунас. Он разбил своей молнией янтарный дворец на множество кусочков, приковал Юрате к скале на морском дне, а Каститиса убил. И по сей день, гласит легенда, во время шторма кусочки янтарного дворца море выкидывает на берег, напоминая людям о любви богини и смертного. По другой версии, Перкунас убил Каститиса, и Юрате оплакивает его до сих пор, а слезы богини превращаются в янтарь.

Обработка янтаря, действительно, характеризуется целым рядом особенностей в сравнении с другими художественными промыслами России. Однако считаем вполне возможным рассматривать традиции и техники обработки янтаря в Калининградской области как объект этнокультурного наследия России. Следует отметить, что критерии отнесения того или иного явления к объектам нематериального наследия до настоящего времени не разработаны в полной мере, и на примере дискуссии с обработкой янтаря решаются и важные методологические вопросы.

Мифы и легенды Калининградской области

Мифологические рассказы в Калининградской области – это особое фольклорное и художественное явление, которое во многом определяет самобытность этого региона и является одним из факторов формирования региональной идентичности как региона, так и отдельных его населенных пунктов.

Особенность основного пласта мифологических текстов Калининградской области в том, что их основные сюжеты и персонажи связаны с немецкой историей региона. Эти нарративы являются составляющей образа прошлого региона, важным способом его осмысления и переживания. Наличие значительного пласта таких текстов объясняется историей Калининградской области. Во-первых, длительной по времени досоветской историей этого региона – Восточной Пруссии, наличием значительного числа замков, храмов, других архитектурных сооружений Средневековья и Нового времени. Во-вторых, сменой местного населения в послевоенный период. По этой причине происходит мифологизация многих явлений, так как прервалась естественная передача фольклорной традиции местного населения, однако остались и сохранились многие артефакты и памятники, которые подлежат осмыслению в контексте фольклорной традиции.

Можно привести несколько характерных сюжетов мифологических рассказов региона. В Калининграде таким мифом являются нарративы о подземном Кёнигсберге – целой системе подземелий, ходов, бункеров, тоннелей и помещений другого назначения. Предполагается, что частично эти сооружения были затоплены и забаррикадированы немцами при наступлении Советской армии. Гуляют предания о немецких кладах, оставленных прежними жителями. Отчасти такие рассказы подкрепляются реальными находками кладов посуды, другой утвари и бытовых предметов. Однако происходит фольклоризация таких историй, появление разных устных народных мотивов в этих текстах и их активное бытование.

С фортом № 5 «Король Фридрих Вильгельм III» города Калининграда связана целая серия рассказов о появлении призраков в белых одеждах. В подобных текстах повествуется также о значительном числе замков, расположенных в разных районах Калининградской области. Если говорить о преданиях и сюжетах, связанных с историческими личностями, в качестве примера можно привести нарративы о липе, посаженной Наполеоном Бонапартом в бытность его пребывания в городе Советске (Тильзит).

В последние десятилетия произошла значительная актуализация этого пласта устной прозы. Это обусловлено несколькими причинами. С одной стороны, изменением вектора отношения к прусской истории

Городская набережная г. Зеленоградска Калининградской области, 2024

Фото Д. И. Ваймана

и повышением интереса к прошлому региона [Григорьева, Мартынова 2017: 14–16]. С другой стороны, мифология выступает важным источником формирования неповторимого и привлекательного образа региона, важным ресурсом для развития туризма. Активный приток путешественников и отдыхающих в эти места, развитие области как российского туристического кластера обусловило также актуализацию фольклорного наследия, интерес к нему. Следует отметить, что источниками для мифов и легенд городов и поселков региона служит не только современная устная традиция. В последние десятилетия появилась возможность познакомиться и использовать тексты мифологических рассказов, легенд и преданий Восточной Пруссии, собранных и опубликованных в XIX – первой половине XX в. немецкими фольклористами [Reusch 1838; Pohl 1994]. Популяризации этого регионального культурного пласта способствует и тот факт, что в настоящее время данный комплекс текстов и представлений является не только фактом устной традиции, но и литературного творчества [Маленькие легенды 1995; Каштанов 1996; Храппа 2010; Кулаков 2022 и др.]. По числу опубликованных работ можно утверждать, что регион занимает одно из первых мест в России.

Отнесение данного пласта устной прозы к нематериальному культурному наследию данного региона может быть вполне закономерным. Эти нарративы в настоящее время играют важную роль в местном социуме, будучи не только фактом устной прозы, но и основой для формирования региональной идентичности. В общем контексте деятельности в сфере нематериального этнокультурного достояния в других регионах России известны примеры, когда комплекс текстов и представлений мифологического и исторического характера рассматривается как объект нематериального этнокультурного достояния [Антология 2022: 63].

Этнокультурные традиции в Калининградской области

Экспедиционная работа в Калининградской области включала также исследование этнических сообществ в условиях городского (города Калининград, Советск) и сельского расселения (поселки Канащ, Озерки, Заливино, Бабушкино). В период работы экспедиции было организовано изучение четырех этнических сообществ – русских, белорусов, немцев и литовцев. В контексте нашего исследования нематериального этнокультурного достояния можно было предполагать, что именно этнокультурная составляющая будет, возможно, основной в плане выявления объектов наследия. Однако следует согласиться и с другими исследователями этнокультурной ситуации в Калининградской области: «В силу исторических причин на этой земле быстрее, чем в целом по стране, шел процесс нивелирования этнокультурных отличий. Этому способствовал не только тяжелый послевоенный быт на новом месте. Здесь ускоренными темпами происходило естественное смешение выходцев из разных областей и республик страны. Старшее поколение, которое обычно является носителем традиций, во многих случаях находилось далеко, поэтому популярным был современный образ жизни. <...> Быстро шел процесс нивелирования этнических и региональных особенностей» [Мартынова, Григорьева 2017: 11–12]. Сохранение языка и этнокультурных традиций в большей степени зависело от семейных коллективов и выбора индивидуальных стратегий, даже компактность проживания выходцев из одного района и этнической группы не обеспечивала сохранение и воспроизводство комплексов этнической культуры. В этом контексте в изучаемых этнических сообществах этнокультурные особенности можно характеризовать как развивающиеся по диаспоральному типу, для которых свойственны скорее этнокультурные символические маркеры, символические универсальные культурные формы, нежели возникшие переселенческие собственные варианты локальных традиций. По этой причине особенности этнокультурных традиций в данном случае не могут выступать нематериальным этнокультурным достоянием.

В то же время в Калининградской области мы имеем и другие примеры, когда на основе привнесенных при переселении традиций и усвоенных «местных» формируется новый вариант культурных традиций. Такую особенность экспедиционные исследования зафиксировали в поселке Заливино Полесского района, расположенном на берегу Куршского залива. После окончания войны в поселок приехали переселенцы из

Новгородской области, преимущественно из сельских территорий, разоренных в ходе немецкой оккупации. Задача, которая была поставлена организовавшемуся коллективному хозяйству, – наладить рыболовный промысел и специализацию колхоза. Однако новгородцы ничего не знали не только о местных принципах рыболовства, но и вообще о данном типе хозяйственной деятельности, и продолжали ориентироваться на выращивание зерновых и овощей. Тем не менее рыболовством нельзя было не заниматься как по географическому расположению поселка, так и учитывая поставленные задачи. В первые годы новгородцы занимались им совместно с оставшимся немногочисленным местным немецким населением, перенимали их навыки. Однако после переселения тех в Германию прибывшие из Новгородской области столкнулись с недостатком опыта в рыболовстве на Куршском заливе. Они попробовали ориентироваться на литовских рыбаков, но строение лодок у русских переселенцев и литовцев было различным, что не позволяло новгородцам использовать литовские техники ловли сетями. В итоге для усиления колхоза и развития рыболовства в поселок были направлены семьи потомственных рыбаков-азовцев из поселений по берегам Азовского моря. Азовцы принесли в том числе и свои, традиционные способы морского рыболовства, которые были адаптированы к местным реалиям. В итоге синтеза местных традиций и традиций, привнесенных азовцами, сложился новый вариант традиций рыболовного промысла в поселке.

Для сформировавшегося локального варианта рыболовного промысла характерен целый культурный комплекс, связанный с технологиями изготовления сетей, бытованием разных вариантов рыболовных снастей и способов их установки и использования. Отметим также, что сформировался местный комплекс лексики, связанный с рыболовством. Производством сетей и переработкой рыбы жители побережья занимались не только в колхозах, но и в своих домашних хозяйствах. Наличие большого количества рыбы обусловило и развитие традиций, связанных с ее переработкой и включением рыбных блюд в повседневный и праздничный рацион. Мы не будем в настоящей статье останавливаться на особенностях рыболовства в данном районе, характеризовать лексику рыболовства, сложившиеся традиции изготовления снастей и их использования. (Подробнее об этом см.: [Добровольская, Вайман 2023]). Однако следует констатировать, что на основе синтеза местных немецких традиций, новгородских северных и азовских южных сформировался новый вариант культурных традиций, который можно рассматривать как объект нематериального этнокультурного достояния.

А. В. Черных, В. Е. Добровольская
НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ДОСТОЯНИЕ
В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

*На рыболовном промысле.
Фотографии 1970-х гг.
из коллекции музея «Дом рыбака»,
повествующие о рыбаковском
промысле в пос. Заливино
Полесского района
Калининградской области*

◆ ◆ ◆ II ◆ ◆ ◆
ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ
НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ

*На рыболовном промысле. Фотографии 1970-х гг.
из коллекции музея «Дом рыбака», повествующие о рыболовецком
промысле в пос. Заливино Полесского района
Калининградской области*

А. В. Черных, В. Е. Добровольская
НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ДОСТОЯНИЕ
В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

*На рыболовном промысле. Фотографии 1970-х гг.
из коллекции музея «Дом рыбака», повествующие о рыболовецком
промысле в пос. Заливино Полесского района
Калининградской области*

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ
НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ

*На рыболовном промысле. Фотографии 1970-х гг.
из коллекции музея «Дома рыбака», повествующие о рыбацком
промысле в пос. Заливино Полесского района
Калининградской области*

Выводы:

Таким образом, на примере Калининградской области мы видим некоторые методологические проблемы в понимании наследия и критериев отнесения к этому тех или иных явлений. Особенность данной ситуации обусловлена двумя факторами. Во-первых, спецификой Калининградской области и ее истории. Во-вторых, в целом слабой разработанностью критериев, по которым то или иное явление относится к объектам нематериального этнокультурного достояния. С нашей точки зрения, проанализированный пласт явлений духовной культуры, включающий устную прозу (как в рамках семейных преданий и нарративов, так и текстов мифологических рассказов, легенд и преданий), техники и технологии обработки янтаря, вполне может претендовать на явления, выступающие на региональном и федеральном уровнях объектами нематериального этнокультурного достояния. Более дискуссионным представляется вопрос об отнесении к данным объектам сложившихся региональных этнокультурных традиций. Экспедиционные исследования показали, что, с одной стороны, развитие этнокультурных традиций в Калининградской области в силу ряда причин шло не по пути формирования местного локального варианта переселенческой традиции с появлением характерных особенностей, а по модели диаспорального типа, когда воспроизводимые традиции больше носят презентационный и символический характер, а большую роль в их развитии играет взаимодействие с метрополией. В то же время ряд сложившихся явлений в системе хозяйствования, других этнокультурных комплексах приобрели региональную специфику и могут рассматриваться в контексте объекта нематериального этнокультурного достояния регионального уровня, а в некоторых случаях и презентовать регион на федеральном. Мы рассмотрели данный пример на материалах развития рыболовства в поселках на берегу Куршского залива, однако дальнейшее проведение полевых фольклорно-этнографических исследований в области, несомненно, позволит выявить и другие, не менее интересные и уникальные комплексы. Данные материалы могут не только стать основой для формирования регионального реестра объектов нематериального этнокультурного достояния, представлять регион на федеральном уровне, но и служить основанием работы по актуализации наследия в современной социокультурной деятельности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Pohl 1994 – Pohl E. Die Volkssagen Ostpreussens. Hildesheim – New York: Georg Olms Verlag, 1994. – 299 p.

Reusch 1838 – Reusch R. Fr. Sagen des Preussisches Samlandes aus dem Munde des Volkserzählt. Königsberg: Druck und Verlag der Hartungschen Hofbuchdruckerei, 1838. – 108 p.

Азбелев 1993 – Азбелев С. Н. Предание // Восточно-славянский фольклор. Словарь научной и народной терминологии. Минск: Навука і тэхніка, 1993. С. 275.

Вайман 2023 – Вайман Д. И. Работа по выявлению и фиксации объектов нематериального культурного достояния на примере Калининградской области // Культурное наследие Сибири: изучение, музеефикация, презентация. К 30-летию Сибирского филиала Института Наследия: материалы всероссийской научно-практической конференции, Омск, 17–18 мая 2023 г. Омск: Институт Наследия, 2023. С. 38–39.

Восточная Пруссия 2003 – Восточная Пруссия глазами советских переселенцев / Ю. В. Костяшов, С. П. Гальцова, А. Н. Гедима и др. Калининград: Изд-во Калинингр. гос. ун-та, 2003. – 333 с.

Григорьева, Мартынова 2017 – Григорьева Р. А., Мартынова М. Ю. Молодежь в городах Калининградской области // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: ИЭА РАН, 2017. Вып. 260. – 132 с.

Добровольская, Вайман 2023 – Добровольская В. Е., Вайман Д. И. «Свои люди» на «чужой земле»: культура Восточной Пруссии глазами советских переселенцев // Славянская традиционная культура и современный мир: Фольклор в современном обществе: Коллективная монография / В. Е. Добровольская (отв. ред.), А. В. Черных (отв. ред.). Казань: ООО «Фолиант», 2023. С. 21–30.

Каштанов 1996 – Каштанов О. Древние и современные легенды Пруссии: Вольный пересказ хроник, саг, преданий // Запад России. 1996. № 2 (16). С. 146–149.

Костяшов 1996 – Костяшов Ю. В. Заселение Калининградской области после Второй мировой войны // Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты. М.: Международный научный фонд, 1996. Т. 2. История. Археология. Культурная антропология и этнография. С. 82–88.

Костяшов 2009 – Костяшов Ю. В. Секретная история Калининградской области. 1945–1956. Калининград: Терра Балтика, 2009. – 352 с.

Костяшова 2007 – Костяшова З. В. История Калининградского янтарного комбината. 1947–2007. Калининград: Бизнес-контакт, 2007. – 126 с.

Криничная 1993 – Криничная Н. А. Предания о заселении и освоении края // Восточно-славянский фольклор. Словарь научной и народной терминологии. Минск: Навука і тэхніка, 1993. С. 277.

Кулаков 2022 – Кулаков В. И. Сказания Куршской косы // Проблемы межрегиональных связей. 2022. № 17. С. 6–9.

Лебедев, Смирнов 2019 – Лебедев С. В., Смирнов В. И. Исторический аспект становления художественного промысла в индустриаль-

А. В. Черных, В. Е. Добровольская
НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ДОСТОЯНИЕ
В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

ную эпоху и особенности развития профессионального образования (на примере художественной обработка янтаря в Калининградской области) // Традиционное прикладное искусство и образование. 2019. № 3. С. 33–41.

Маленькие легенды 1995 – Маленькие легенды Королевской горы. Кенигсбергские тайны / сост. С. Трифонов; ред. А. Семенов. Калининград: Тип. ИПО, 1995. – 16 с.

Манкевич 2020 – Манкевич Д. В. Население Калининградской области во второй половине 1940-х – 1950-х гг.: формирование и демографические процессы: дисс. ... канд. ист. наук. Калининград, 2020. – 217 с.

Маслов 2002 – Маслов Е. А. Заселение Калининградской области и формирование религиозной структуры ее населения // Балтийские исследования: Сборник научных трудов / И. О. Дементьев (отв. ред.). Калининград, 2002. Вып. 1. С. 17–33.

Национальный состав – Национальный состав и владение языками [Электронный ресурс]: Росстат. – URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladienie_yazykami (дата обращения: 20.10.2024).

Никифорова 2020 – Никифорова А. А. Янтарное искусство: сохранение наследия и развитие новых возможностей // Культурное наследие России. 2020. № 2 (29). С. 53–58.

Новиков 2007 – Новиков А. С. Становление «Янтарной регалии» Тевтонского ордена в Пруссии (XIII–XIV вв.) // Балтийский янтарь: Наука. Культура. Экономика. Научный сборник. Вып. 1 / сост. и ред. З. В. Костяшова. Калининград: Калининградский областной музей янтаря, 2007. С. 30–33.

Приказчикова 2009 – Приказчикова Ю. В. Устная историческая проза Вятского края: материалы и исследования. Ижевск: Уд. ИИЯЛ, 2009. – 392 с.

Феоктистова 2003 – Феоктистова И. К. Предания и легенды русских сибиряков // Традиционная культура русских Западной Сибири XIX–XX веков. Очерки истории и быта. Омск: ООО Издательский дом «Наука», 2003. С. 75–85.

Храппа 2010 – Храппа В. В. Страна аистов: Саги, сказки и хроники Пруссии. М.: ЭНАС, 2010. – 224 с.

Черных 2023 – Черных А. В. Нематериальное культурное наследие России: проблемы сохранения и презентации // Культурное наследие: современные интерпретации культурного наследия народов России: Сб. ст. / под ред. В. А. Тишкова, С. В. Бааха; сост. Б. А. Синанов, В. В. Тишков. М.: ИЭА РАН, 2023. С. 11–30.

М. С. Каменских

**НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ
ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ДОСТОЯНИЕ
В ДИАСПОРАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВАХ:
ПРИМЕР РОССИЙСКИХ КОРЕЙЦЕВ**

Сегодня перед научным сообществом актуализируется проблематика определения понятия «нематериальное этнокультурное достояние» (НЭД), в частности – критериев отнесения тех или иных явлений к объектам НЭД. Одно из направлений исследований – изучение специфики НЭД в диаспоральных сообществах. Ведь, оказываясь в иноэтнокультурном окружении, этническое сообщество остается носителем определенных традиций, не являющихся частью культуры локуса проживания. В связи с чем возникает теоретический вопрос о правомерности отнесения объектов НЭД диаспоры к месту проживания [Черных 2023]. Отметим, что новая культурная среда может сформировать особые черты и специфику отдельных объектов НЭД внутри диаспоры, которые могли и не фиксироваться в местах исхода. Этничность диаспор также имеет ряд специфических черт. Диаспоральные сообщества, как правило, формируются институционально в городской среде, где этнические и культурные границы традиции подвержены серьезным изменениям, эрозии и рассеиванию в силу влияния поликультурного пространства. Поэтому внутри диаспоральных образований сохранение даже бытовых традиций воспринимается как символически ценная деятельность, наполненная особым смыслом, связанным с необходимостью сбережения идентичности и этнической культуры. Сама по себе культурная традиция как источник нематериального этнокультурного достояния имеет ряд отличий от большого количества также передающихся из поколения в поколение повседневных практик. Традицию отличает особый символический смысл, который закладывает в нее передающий, и то значение, которое она имеет для принимающего [Шилз 1998: 240–245]. Наследие не существует само по себе, оно конструируется

либо элитами, либо фольклорной традицией [Тишков 2023: 6]. Другими словами, обычные повседневные практики, не столь значимые в локусе с компактным расселением народа, в условиях диаспоры могут обрести важное символическое значение для носителя традиции. Примеры диаспоральных сообществ показывают, что в некоторых ситуациях воспроизводство традиции оказывается существенным или даже более масштабным, чем ее же бытование в компактных ареалах. Это происходит потому, что традиция воспринимается не только как практика, но и как база для сохранения этничности в условиях поликультурного пространства.

Включение диаспоральных сообществ в сферу исследовательского интереса антропологов и исследователей нематериального этнокультурного достояния позволяет привлечь новые ресурсы для интерпретации форм бытования традиции, расширить представления о понимании самого феномена этничности и его соотношения с понятием традиции. В данной статье механизмы сохранения и межпоколенческой передачи этнокультурного достояния, а также их символическое значение будут рассмотрены на примере сообщества российских корейцев. На основании полевых исследований, проведенных автором в 2013–2024 гг., определены особенности бытования комплексов традиционной культуры российских корейцев в условиях городских диаспоральных сообществ. Все опрошенные респонденты были жителями крупных городов, представителями городской интеллигенции, чья повседневная жизнь и работа не были связаны с традиционным бытом в сельской местности.

*Пермские корейцы на съемках передачи
«Национальный хоровод». г. Пермь Пермского края, 2016*

Фото А. В. Черных

Российские корейцы как этническое сообщество

Идентичность российских корейцев как особого этнического сообщества, отличного от нероссийских корейцев, формировалась в результате массовой миграции корейского населения с территории Китая на территорию Российской империи в конце XIX в. К началу XX в. их численность на Дальнем Востоке России превысила 100 тысяч человек. Принадлежность к новому государству, отдаленное проживание сконструировали идентичность для этого сообщества. Ее маркерами стали переход в православие, утрата корейского языка и переход на русский, отказ от традиционной антропониимии. «Для них переход в русскую православную веру, принятие русского образа жизни было согласием на полный переход на русское подданство, отказом от их прошлых конфуцианских, буддийских и языческих верований», – пишут Н. Ф. Бугай и Б. Д. Пак [Бугай, Пак 2004: 138]. Полевые исследования, проведенные автором среди корейцев, показали, что российские корейцы на уровне семейных преданий ведут свое происхождение именно с Дальнего Востока России, а не из Кореи [Каменских 2014: 36]. Между тем, переезжая в Россию, корейцы приносили с собой и комплексы традиционной культуры, выражавшиеся в технологиях строительства, производства, культуре питания, календарной обрядности и обрядах жизненного цикла. Все эти традиции продолжали бытовать в среде корейцев и после появления новой локальной идентичности.

Во второй половине XX в. корейцы полностью интегрировались в систему трудовых отношений, расселившись дисперсно по территории всего Российского государства [Хан, Сим 2014: 109]. Однако и полной ассимиляции в рамках позднего СССР они смогли избежать. В условиях утраты языка и смены религии, институциональной инкорпорации базой для сохранения и поддержания этничности стали традиционная культура, родственные и земляческие связи, эмоциональная связь с этническим сообществом. При дисперсной форме расселения эти традиции обрели дополнительный смысл как форма сохранения идентичности. Эти особенности в итоге позволили корейцам сохранить ресурс для этнически мотивированной мобильности через ощущение принадлежности к корейскому этническому сообществу.

В 1990-е гг. практически во всех крупных региональных центрах России были созданы и институированы сообщества российских корейцев. В 2002 г. была создана общероссийская организация – Всероссийское объединение корейцев (ООК)¹. Объединение регулярно проводило об-

¹ Официальный сайт организации размещен в сети Интернет: <http://www.ook-rus.ru>.

щероссийские съезды, реализовало культурные проекты, связанные с корейской традицией. Важным и наделенным символическим смыслом мероприятием стало масштабное празднование 150-летия переселения корейцев в Россию, отмечавшееся в 2014 г. Это внесло существенный вклад в оформление идентичности российских корейцев. На таких мероприятиях подчеркивается особенность и уникальность культуры российских корейцев, отличающихся как от россиян в целом, так и от самих «корейских» корейцев. Само сообщество русскоязычных корейцев, проживающих в настоящее время в основном на территории России, Узбекистана и Казахстана, насчитывает около 150 тыс. человек и позиционирует себя как «Корё сарам» [Хан 2010]. Сегодня российские корейцы представляют преимущественно дисперсно расселенные городские сообщества, обладающие внутренними институтами и идентичностью, построенной на символической связи с корейской культурой и традициями. В условиях диаспоральных образований и иноэтнокультурного окружения российские корейцы продолжают сохранять культурные традиции, адаптируя их к условиям городской среды. Автором выделен ряд особенностей этнической культуры российских корейцев, которые воспроизводятся ими в условиях города: традиционная кухня и приготовление блюд *тяй*, *кимчхи* и *морковь-ча*, календарные праздники и обряды жизненного цикла *хвенгаб*, *толь* и Новый год *Сольлаль*, о которых ниже и пойдет речь.

Календарные праздники и обряды жизненного цикла

Корейцы относятся к народам, у которых традиционно использовались лунный и сельскохозяйственный календари [Ионова 1982: 19–20]. Поэтому многие праздники, которые они сохраняют, живя в России, высчитываются именно по этой традиции. Даже живя в депортации в Средней Азии, они смогли наладить отсчет времени согласно своим традициям: «У мамы всегда календарь был, она сама день считала. По этому лунному календарю отсчет шел четко, даже все даты, дни рождения» [ПМА. Ким А. Х. 2013].

В настоящее время корейцы уже полностью перешли на официальный (григорианский) календарь, и подавляющее большинство пользуется лунным календарем только для определения по нему даты первого дня Нового года (*соль*, *сольлаль*, *сольлар*). В корейской традиционной культуре этот праздник был семейным и начинался с жертвоприношений,

посещения и уборки могил предков, чтения молитв и ряда ритуальных церемоний [Джарылгасимова, Крюков 1985]. Сегодня эта составляющая праздника уже утрачена. Во второй половине XX в. он стал скорее ассоциироваться с российским Новым годом. Полевые опросы показали, что Сольлал в советский период корейцы продолжали встречать только на семейном уровне, а послевоенное поколение, рожденное уже в депортации и переехавшее в РСФСР, эту традицию утратило. *«Я даже не знал, что такой праздник есть – Новый год. Однажды мне позволил Миша (Михаил Данилович Пак – председатель первого корейского общества Прикамья «Ариран» – авт.), пригласил на праздник. Я спросил его, зачем это мне нужно, национализм какой-то. Но мне понравилось»* [ПМА. Ким А. А. 2012]; *«В советские времена Новый год по восточному календарю – это был пустой звук. Это последние лет двадцать опять началось»* [ПМА. Ли В. А. 2021].

А в 1990-е гг., с началом национально-культурного возрождения российских корейцев, праздник пережил «возрождение», окончательно превратившись в застолье с большим количеством приглашенных гостей, напоминая по форме скорее российский праздник Новый год. Это событие пермские корейцы, как правило, встречали в кафе большими компаниями. Узнавая о таких мероприятиях, в общество вступали и другие корейцы [ПМА. Ким А. А. 2023]. В этой ситуации мероприятие стало одним из этномобилизующих ресурсов, имеющих символическое значение для тех, кто относил себя к российским корейцам. На примере Пермского края можно отметить, что праздник не только организуется, но его пытаются обогатить традиционными для корейцев ритуалами и обычаями, такими как чествование старших, поклоны и т. д. В таком виде праздник сохраняется и сегодня. И современные российские корейцы называют его по-русски «Новым годом», иногда добавляя к нему слово «корейский», «восточный» или «лунный». Именно на этот праздник в первую очередь указывали респонденты, когда речь заходила о национальных праздниках, которые они «сохраняют», живя в России. На «свой» Новый год корейцы, как правило, собираются в одном из местных кафе или ресторанов, готовят блюда корейской кухни, поют корейские песни, общаются между собой. Однако сложно согласиться, что возрожденная традиция Нового года стала частью наследия или традицией российских корейцев. Сегодня это новая традиция со своей спецификой, но подготовка праздника опирается не на межпоколенческие предания и традиции, а на опубликованную информацию или интернет-ресурсы.

М. С. Каменских
НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ДОСТОЯНИЕ
В ДИАСПОРАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВАХ: ПРИМЕР РОССИЙСКИХ КОРЕЙЦЕВ

Пермские корейцы на празднике Сольлаль. г. Пермь Пермского края, 2022

Фото Н. Ю. Шелеховой

Обычаи и ритуалы семейного цикла

Помимо календарного Нового года, корейцы сохраняют и традиционные представления об особенностях обрядов жизненного цикла человека. Это привязывается к традиционному календарю и системе летоисчисления. Кроме обязательной встречи Нового года по лунному календарю, российские корейцы передают традицию «трех столов», связанную с обрядами жизненного цикла в традиционной корейской культуре. Согласно этой концепции, каждый человек в жизни должен «принять три стола»: в год после рождения (обряд «толь»), в день свадьбы и в день 60-летия (*хвангаб, хвегаб, хангаби*). В интервью об этой традиции рассказывали все респонденты: *«Корейцы говорят, что человек в жизни должен “принять три стола”: стол на один год, на свадьбу и на юбилей 60 лет»* [ПМА. Ким Г. Г. 2012]. По традиции первые два стола готовят родители, а третий стол уже накрывают дети, и это свидетельствует о том, насколько успешен человек был в жизни. *«Первый стол накрывают родители, свадьбу они делают. А вот сам юбилей – обязанность детей. Это у нас так испокон веков. Даже если денег нет, стол обязательно накрывается»* [ПМА. Ким П. А. 2013]. Если у человека нет детей или они не способны организовать мероприятие, то юбилей не проводится, а человек, не принявший «третьего стола», подвергается общественному порицанию, как и его потомки в будущих поколениях. *«Если ты родишься и три стола не получишь, то, когда умрешь, – чертом не будешь и в рай не попадешь. Так бабушки говорили»* [ПМА. Хан М. П. 2013].

Каждый из «трех столов» имеет собственную обрядовую составляющую. Первый связан с рождением ребенка. К этому событию приурочен обряд *толь*, который проводится, когда ребенку исполняется год после рождения. Об этом событии как об одном из трех важнейших жизненных этапов говорили все респонденты. Обряд связан с процедурой определения судьбы будущего младенца. *«Если ребенок год прожил, то дальше уже о нем можно говорить, что он “прижился” в этом мире. И в год его славят, что он прожил в мире год»* [ПМА. Ким Л. Х. 2017]. В этот день в гости к семье приглашаются все родные и близкие, малыша наряжают в национальный костюм, специально сшитый по этому случаю. После этого перед ним на специальном столе в равном отдалении выкладываются предметы, символизирующие те или иные профессии. Считается, что тот предмет, к которому малыш потянется, определит его будущее. Если порядок и суть этого обряда всем известны, то в том, что именно класть перед ребенком, единого мнения нет. Ю. В. Ионова,

ссылаясь на свои наблюдения в Средней Азии 1960-х гг., называла следующие предметы: ножницы, бритву, книгу, кисточку для туши, чашку с отбивным рисом. Если ребенок тянулся к рису, это означало, что он будет плохо жить и даже может умереть, поэтому рис ставили подальше [Ионова 1982: 155]. В интервью выявлена высокая вариативность, обусловленная современным развитием общества и влиянием городской среды. В ходе интервью пермскими корейцами назывались следующие предметы: ножницы (парикмахер или мастер), нитки (портной), деньги (богач), карандаш (ученый), вода (пьяница), битый хлеб, рис или фасоль (крестьянин, рис также мог означать плохую жизнь и скорую смерть), нож или стрела (военный) и др. *«Родился ребенок, в год обязательно стол для него. На стол деньги, ножницы, карандаши, тетради. Если деньги выберет – богатый будет, карандаш – умный, ножницы – мастер»* [ПМА. Ким В. И. 2012]; *«Обычно в год на стол кладут деньги, карандаш, книгу, воду ставят. Мне еще отец мужа это говорил. Если к хлебу тянется – будет жизнь сытая, деньги – богатство. Возьмет карандаш – будет ученым, если воду – пьяница»* [ПМА. Пак Ф. С. 2012]; *«Что кладем? Обычно риса одну чашку, хлеба чашку, фасоль, книжку, ручку, деньги доллары, тетрадь, карандаш, ножницы»* [ПМА. Хан М. П. 2012]. Различающийся перечень предметов для обряда свидетельствует о его постоянном изменении и приспособлении к реалиям современности. Так, сегодня перед маленькими корейцами могут также положить компьютерную мышь (программист) или косметику (парфюмерная индустрия).

Еще одним специфическим обрядом жизненного цикла, выделенным автором в рамках данной статьи, является празднование 60-летнего юбилея *хвангаб* (*хангаби*, *хвегаб*). Сама традиция справлять его связана с лунным календарем, который в Восточной Азии имел 60-летний цикл (12 знаков зодиака ежегодно воплощаются в пяти стихиях, создавая, таким образом, 60-летний цикл). В традиционном лунном календаре летоисчисления 60-летний цикл был равен понятию «век» в западной традиции [Ионова 1982: 20]. Следует отметить, что по корейским обычаям справлять *хвангаб* нужно в 59 лет, поскольку жизнь человека начинается за девять месяцев до рождения. Этот возраст считается важнейшей вехой в жизни корейца, «третий стол» в жизни, который он уже должен принять от своих детей. Праздник является символом «сыновней почтительности», которую заслужил юбиляр своей жизнью, поэтому его принято отмечать особо пышно, с приглашением большого количества гостей [Ланьков]. Человек имеет право справлять *хвангаб* только в том случае, если принял до этого «два стола». Соответственно, 60 лет не могут праздновать одинокие и те, кому не проводили *толь*. Сами корейцы называют 60-летний юбилей главным рубежом и итогом в жизни: *«Либо*

как некая граница между двумя частями жизни. 60 лет – это считается как граница между старостью и зрелым возрастом. Это самый оптимальный возраст. В 50 еще молодой, в 70 уже старый, не все доживут» [ПМА. Ким П. А. 2012]; «Раньше ведь немного жили, считалось, что если дожил до 60 лет, то уже прожил жизнь» [ПМА. Ким А. А. 2012]; «В Китае заповедь есть, что в 60 лет человек должен умереть, потому что считалось, что в 60 лет мозги уже не соображают. Поэтому 60 лет – самый грандиозный праздник» [ПМА. Дон Э. В. 2012].

Однако в народной интерпретации этой символической дате давались разные объяснения. В ходе исследования выявлено влияние на этот обряд советской традиции, когда человека было принято в 60 лет провожать на пенсию. Некоторые респонденты откровенно затруднялись объяснить символику и происхождение праздника, другие отмечали, что российские корейцы представления об истоках этой традиции сильно изменили: *«Мы по-русски уже празднуем 60 лет. Почему? Не знаю, наверно, исторически так считается» [ПМА. Дон Э. В. 2023]; «Это независимо от корейцев. Русские 60 лет празднуют, это же с пенсией связано, мужчины на пенсию выходят в 60 лет. Мы же все в СССР жили» [ПМА. Пак В. Д. 2012].* Сам по себе праздник уже не имеет каких-то особенностей. Например, на 60-летний юбилей по корейской традиции нужно готовить пирамиды из рисовых печений и разных сладостей, которые символизируют богатство и процветание [Лим 2015: 41–42]. Но в интервью упоминаний о них выявить не удалось. Современные корейцы на этот праздник, как правило, просто приглашают всех близких и дальних родственников, накрывают столы, чествуют юбиляра. Определен лишь порядок выступающих, обязательным элементом праздника является обряд чествования родителей, когда дети поочередно делают длительные поклоны. Начать поздравления должны дети и внуки (если есть – родители), потом родственники со стороны отца, а потом со стороны матери: *«Бабушке в 1957 году делали юбилей (хангаби называется). В небольшом селении столов нет, досок не было тоже. Со всех домов собирали столы, стелили на пол солому, потом клали ковры. Накрывали столы бумагой. Посуды тоже нет, резали отварное мясо на кусочки и делали дощечки из полен. На них бумагу клали, а сверху – мясо. Вилки не хватает, детей посылали. Ходили, ветки рубили ивовые. Корку снимешь, палочка такая беленькая, ими ели вместо вилок. Ну это же из-за того, что ничего не было. А сейчас в ресторанах, в кафе. Такие столы накрывают. У всех трудности были» [ПМА. Дон Э. В. 2023].*

Говоря о хвангаб, прикамские корейцы отмечают, что этот праздник в последнее время очень видоизменился и многие его особенности

утрачены. Между тем празднование юбилея родителей в условиях города стало одним из признаков статуса и достатка для корейских сообществ, поэтому ему придается особое значение. Примеры «восточного» Нового года, обряда *толь* и юбилея *хвангаб* показывают, что даже в условиях городской среды у российских корейцев продолжают бытовать традиции, связанные с традиционным календарем и обрядами жизненного цикла. Они подвержены влиянию российской традиции, но тем не менее сохраняются, в том числе и потому, что имеют большое символическое значение и выступают маркером этничности. Однако эти традиции связаны с наследием корейской культуры скорее символически, чем содержательно. Внутреннее наполнение этих событий определяется влиянием современной культуры.

◆ ◆ ◆
Мастер-класс по корейской культуре для корейской общины Перми. г. Пермь Пермского края, 2021

Фото Н. Ю. Шелеховой

◆ ◆ ◆
Кореец Андрей Мун играет на традиционном музыкальном инструменте. г. Пермь Пермского края, 2024

Фото Н. Ю. Шелеховой

Традиционная кухня

Важный компонент наследия любой общности – кухня, культура питания, часто выступающие и в роли маркера идентичности сообщества [Murcott 2005]. Как было сказано выше, переселяясь в Россию, корейцы принесли с собой и комплексы традиционной культуры, включая традиции приготовления еды и культуру питания. Стоит отметить, что традиционная корейская кухня по рациону, рецептуре сильно отличается от кухонь российских народов. Корейская кухня практически не знает жиров и сахара, в ней мало мяса. Среди особенностей можно назвать доминирующее положение риса как основы рациона, потребление соевой пасты *тяй*, большое количество овощей, острый вкус. Поскольку рис, несмотря на питательность, довольно пресная пища, в Корее исторически сложилась традиция использования большого количества приправ с ярко выраженными вкусовыми качествами. И вторым по значимости для корейцев продуктом можно назвать красный перец, хотя он проник в их рацион только в XVIII–XIX вв. [Джарылгасинова, Загорулько, Осетрова 2017: 675]. При приготовлении пищи используется много красного перца, отчего большинство блюд даже принимают красноватый оттенок. С ним готовится основная масса наиболее популярных блюд [Dae, Kim и др. 2023]. В силу перечисленных особенностей корейской кухне было сложно «раствориться» и на Дальнем Востоке, и в Средней Азии. Корейцы не могли отказаться от привычного рациона: *«Я воспитывался в духе корейского уклада, куда тут денешься? Еду я, допустим, люблю корейскую. Мне обязательно раз в день нужно есть кашу рисовую. Не как в столовой, а чтоб был зернышко к зернышку»* [ПМА. Ким В. И. 2012].

В условиях смены климата и повседневного рациона советские/российские корейцы вынуждены были искать способы воспроизводства своей кулинарной культуры. *«У нас очень много отличий от корейской кухни. Особенно в салатах, мы используем многие продукты, которые в Корее не используются»* [ПМА. Шелехова 2024]. Судя по всему, традиции питания и технологии приготовления пищи у корейцев имеют высокую степень сохранности. На первый же вопрос о кухне каждый из респондентов смог назвать несколько рецептов, которые не характерны для России, но сохраняются в семьях корейцев. Даже в советское время, живя далеко от родных в городской среде, они находили возможность приобрести соевый соус, красный перец и другие ингредиенты, необходимые для приготовления пищи. Исходя из наблюдений, у российских корейцев сохранились и бытуют такие блюда, как *кимчи* (квашеная

*Корейская кухня в домашних условиях.
г. Чайковский Пермского края, 2023*

Фото М. С. Каменских

капуста), *кукси* (суп-лапша), *морковь-ча* (известная как морковь по-корейски), мясо *хе*, а также различные виды салатов. Большая часть блюд заправляется соевой пастой *тйя* или уксусом: «*В кухне корейцы очень консервативны. Они как ели сою густую, так и до сих пор без этого обойтись не могут*» [ПМА. Пак 2012]. Корейцы выращивали сою на Дальнем Востоке и после депортации и смогли наладить посадку этой культуры в Узбекистане. Однако в Казахстане и РСФСР климат выращивать сою уже не позволял, поэтому при приготовлении пасты использовали горох: «*Климат же в России другой. У меня мама приехала когда в Россию, выращивала сою, но потом стала использовать горох. Технология приготовления такая же*» [ПМА. Пак 2024]; «*Насколько я*

помню, бабушка делала ее из колотого гороха, вываривала его, перемалывала это все, делала катышки и сушила на солнце, потом это все должно было перебродить, должна была ферментация пройти, потом добавляла туда воды» [ПМА. Шелехова 2024]. Сегодня соевая паста продолжает играть большую роль в повседневном рационе, но ее, как правило, уже покупают в готовом виде, поскольку процесс ее приготовления очень трудоемкий: «Сейчас ее уже никто не готовит, в Пермском крае точно. Ее заказывают в Корее или Китае. У нас родители уже покупали пасту, мы не научились ее готовить» [Хан 2024].

Наиболее известна у корейцев квашеная капуста с красным перцем *кимчи*. Следует сказать, что это блюдо сегодня является одним из символов корейской идентичности. Рассуждая о явлении гастрономизма, исследователь М. Е. Осетрова обратила внимание, что еще в середине XX в. корейцы стеснялись своей кухни за запах и специфический вкус, который не ассоциировался с современной европейской кухней, был признаком отсталости. Однако в следующие 30 лет ситуация изменилась. В 1986 г. в Сеуле был открыт музей этого блюда, а во время Олимпийских игр в Сеуле в 1988 г. *кимчи* стало одним из символов главного спортивного состязания планеты [Осетрова 2014: 252]. В 2013 г. *кимчи* было включено в список нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО [Наследие квашеной капусты 2013].

Опрос российских корейцев также показал, что рецептура и технологии приготовления этого блюда хранятся практически в каждой семье. Более того, умение готовить *кимчи* – это один из признаков умелой и опытной хозяйки. Существует до 200 различных способов приготовления этого блюда. В КНДР и Республике Корея *кимчи* готовят только из пекинской капусты. В России для приготовления *кимчи* корейцы стали использовать не только пекинскую капусту, но и белокочанную. Рецептура блюда описывается интервьюерами без особых сложностей. «*Кимчи – это закуска. Я готовлю каждый день. Берешь пекинскую капусту, делишь на части, замачиваешь в соленой воде. Потом нужно ее оставить на сутки. Потом добавляешь красный перец, через мясорубку крутишь и добавляешь в рассол. Затем все это нужно залить горячей водой, перемешать, добавить кинзу и чеснок. Можно добавить уксус и сахар» [ПМА. Ким П. А. 2013]; «Мы и сейчас делаем – по две бочки. Солишь дня два-три, оно засаливается чуть-чуть, как бы вянет. Потом промываешь в воде и начинаешь перцем, чесноком. Между листьями можно положить кинзу, горох. После этого заливают водой. В Средней Азии по 300–400 кг делали, когда маленький был» [ПМА. Дон Э. В. 2023]. В России, особенно в советский период, корейцы активно стали использовать белокочанную капусту: «Белокочанную мы немного по-другому делаем.*

М. С. Каменских
НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ДОСТОЯНИЕ
В ДИАСПОРАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВАХ: ПРИМЕР РОССИЙСКИХ КОРЕЙЦЕВ

*Корейская белокочанная
капуста кимчи. г. Чайковский
Пермского края, 2023*

Фото М. С. Каменских

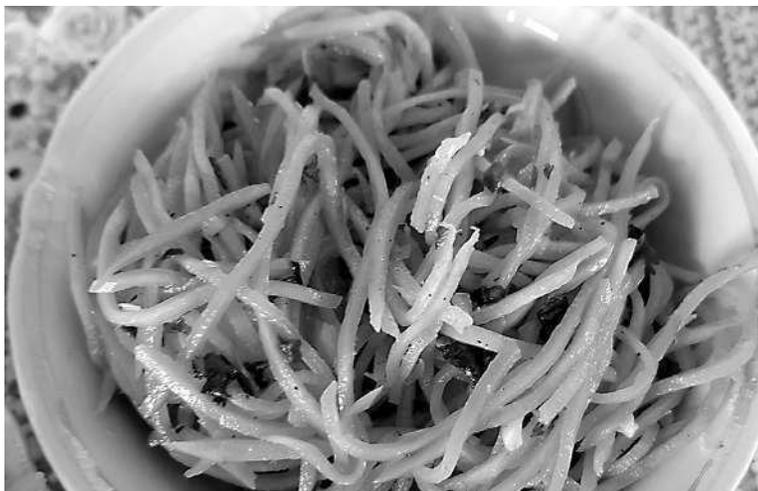

*Капуста кимчи, заготовленная
на зиму. г. Чайковский
Пермского края, 2023*

Фото М. С. Каменских

Я ее не очень люблю, если на скорую руку только. Нарезают и заправляют перцем, солью уксусом и чесноком. Вообще наш соус отличается от корейского. У нас в основе соуса – красный стручковый перец. Мы его сушим, перемалываем, добавляем чеснок и соль. Наша заправка готова. А южные корейцы используют молотый сухой перец, туда еще добавляют соус анчоуса, разные приправы, имбирь. Там вкус совсем другой, чем у нас» [ПМА. Шелехова Н. Ю. 2024]. Сегодня практически в каждой корейской семье, даже смешанной, ведется заготовка капусты на зиму. Бочки или цистерны с капустой хранятся в подсобных помещениях или у родственников, имеющих частный дом. Также кимчи могут хранить на балконах.

Некоторые рецепты у корейцев появились уже после приезда в Россию, когда они готовили выращиваемые в местной климатической зоне продукты с использованием своих традиционных технологий. Яркий пример – салат *морковь-ча*, более известная в России как морковь по-корейски. Это блюдо сегодня уже можно считать национальным российским достоянием, поскольку оно не только готовится в корейских семьях, но и продается в любом крупном продуктовом магазине. *Морковь-ча* по технологии приготовления соответствует корейским представлениям о нормах питания, при этом морковь не была распространена долгое время в Корее и не входила в повседневный рацион. Сами корейцы помнят историю этого блюда.

*Корейская кухня в домашних условиях.
г. Чайковский Пермского края, 2023*

Фото М. С. Каменских

Во многих интервью нашел отражение четко сформированный нарратив о его появлении. Якобы после депортации 1937 года корейцы, оказавшиеся в Средней Азии, стали искать себе пропитание. А осенью того года был богатый урожай моркови. И корейцы стали готовить салаты из моркови, используя привычные для себя технологии приготовления [Ли 2008: 160]. Поэтому местное население и назвало блюдо «морковь по-корейски». *«Есть легенда, как это случилось. Когда приехали в Узбекистан – осень, ноябрь. Из еды была только морковка. Но так просто ее есть было невкусно. Тогда мелко ее нарезали, приправили уксусом. И после стало возможно есть»* [ПМА. Пак В. Д. 2012]. При этом блюдо также несет в себе и важную символическую ценность как способ идентификации и наследия именно российских корейцев: *«В Южной и Северной Корее морковку не делают. Это просто в Узбекистане морковки было очень много. У нас немножко по-другому кухня»* [ПМА. Ким А. Х. 2013]; *«Многие блюда, которые готовят здесь корейцы, в Корее их нет. Все это придумали здесь. Морковка по-корейски, кабачки маринованные. Это все придумали здесь»* [ПМА. Дон Э. В. 2012]. Появившись в Средней Азии в 1960-е гг., это блюдо через корейцев распространилось по всей стране и сегодня, безусловно, является одним из наиболее узнаваемых. Хотя в корейских государствах оно почти неизвестно.

М. С. Каменских
НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ДОСТОЯНИЕ
В ДИАСПОРАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВАХ: ПРИМЕР РОССИЙСКИХ КОРЕЙЦЕВ

◆
◆
◆ *Угощение из «битого риса»
на Новый год сольлаль.
г. Пермь Пермского края, 2024*

Фото М. С. Каменских

◆ *Рыба «хе».
г. Пермь
Пермского края, 2023*

Фото М. С. Каменских

Таким образом, традиции приготовления еды у российских корейцев сохранились почти без изменений. Долгое проживание в условиях Дальнего Востока и позже Средней Азии существенно изменило повседневный рацион. И привело к появлению новых блюд с сохранением традиционной корейской технологии. Например, использование белокочанной капусты вместо пекинской для приготовления блюда *кимчхи*, гороха для приготовления пасты *тяй*. А использование неизвестной ранее моркови для приготовления традиционных салатов привело к появлению блюда *морковь-ча*. Все эти технологии составили фонд этнокультурных особенностей этнической общности российских корейцев.

*Пермский кореец Эдуард Дон показывает,
как осуществлять переработку риса. г. Чайковский Пермского края, 2024*

Фото М. С. Каменских

Пермские корейцы на празднике Сольлаль. г. Пермь Пермского края, 2022

Фото Н. Ю. Шелеховой

В целом данные примеры показывают, что в условиях диаспорального образования российские корейцы продолжают сохранять и воспроизводить традиции своей культуры. Наиболее ярко это можно проследить на примере традиционной кухни и обрядов жизненного цикла. Помимо приведенных выше примеров, у корейцев фрагментарно сохраняются обряды, связанные со свадьбой, похоронами, поминовением усопших, однако они во многом утрачены или замещены схожими российскими традициями. Такие явления культуры, как ношение традиционного наряда, устройство жилища, – также утрачены под влиянием городской среды. Однако некоторые из этих традиций продолжают бытовать и функционировать и даже принимают новые формы и смыслы именно в условиях диаспоральных образований, будучи частью этнокультурного достояния российских корейцев. Особенностью диаспоральных сообществ является также символический национализм, когда определенные традиции, утрачивая форму и содержание, сохраняются как символические ритуалы, имеющие этномобилизирующий ресурс, как это случилось с праздником *Сольлаль*, объединившим корейцев вокруг общественных организаций в 1990-е гг. Все это позволяет вернуться к дискуссии о расширении понятия нематериального этнокультурного достояния путем включения в исследовательскую область диаспоральных сообществ и их наследия, передаваемого на межпоколенческом уровне.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Dae, Kim и др. 2023 – Dae Young Kwon, Kim Soon-Hee, Kyung Rhan Chung, James W. Daily & Sunmin Park. Science and philosophy of Korea traditional foods (K-food) // Journal of Ethnic Foods. 2023. Volume 10 [Электронный ресурс]: Journal of Ethnic Foods. – URL: <https://journalofethnicfoods.biomedcentral.com/articles/10.1186/s42779-023-00194-3> (дата обращения: 11.09.2024).

Murcott 2005 – Murcott A. Food as an Expression of Identity // The Future of the Nation State: Essays on cultural pluralism and political integration. Ed. by S. Gustavsson and L. Lewin. London: Routledge, 2005. С. 31–59.

Бугай, Пак 2004 – Бугай Н. Ф., Пак Б. Д. 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев. М.: Институт востоковедения РАН, 2004. – 464 с.

Джарылгасимова, Крюков 1985 – Джарылгасимова Р. Ж., Крюков М. В. Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии: Новый год. М.: Наука, 1985. – 264 с.

Джарылгасимова, Загорулько, Осетрова 2017 – Джарылгасимова Р. Ш., Загорулько А. В., Осетрова М. Е. Корейская кухня – прошлое и настоящее // Праздничная и обрядовая пища народов мира. М.: Наука, 2017. С. 667–682.

Ионова 1982 – Ионова Ю. В. Обряды, обычаи и их социальные функции в Корее. Середина XIX – начало XX в. М.: Наука, 1982. – 232 с.

Каменских 2014 – Каменских М. С. Корейцы Пермского края: очерки истории и этнографии. СПб.: Маматов, 2014. – 189 с.

Ланьков – Ланьков А. Корейцы СНГ: страницы истории [Электронный ресурс]: Восточный портал Oriental.ru. – URL: <http://lankov.oriental.ru/d25.shtml> (дата обращения: 10.01.2024).

Ли 2008 – Ли Б. В. Познай богатство корейских традиций. Алматы: Историко-познавательное издание, 2008. – 234 с.

Лим 2015 – Лим Э. Х. Традиционная культура корейцев в обрядах жизненного цикла. Южно-Сахалинск: СахГУ, 2015. – 92 с.

Наследие квашеной капусты 2013 – Наследие квашеной капусты Как ЮНЕСКО бережет идею национальной кулинарии: Еда: Из жизни: Lenta.ru

Наследие квашеной капусты 2015 – Наследие квашеной капусты. Как ЮНЕСКО бережет идею национальной кулинарии [Электронный ресурс]: Лента.ру – URL: <https://lenta.ru/articles/2013/12/03/food/> (дата обращения: 20.12.2024).

Осетрова 2014 – Осетрова М. Е. Национальная кухня и корейский национализм // Россия и Корея в меняющемся мире. М.: ИДВ РАН, 2014. С. 252–264.

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ
НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ

Тишков 2023 – Тишков В. А. Предисловие // Культурное наследие: современные интерпретации культурного наследия народов России: Сб. ст. / под ред. В. А. Тишкова, С. В. Бааха. М.: ИЭА РАН, 2023. С. 6–10.

Хан 2010 – Хан В. С. «Корё сарам: кто мы?» // Корё сарам. Записки о корейцах [Электронный ресурс]. 22.01.2014. <https://koryo-saram.site/han-v-s-koryo-saram-kto-my/> (дата обращения: 20.01.2024).

Хан 2024 – Хан В. С. «Корё сарам: кто мы?» [Электронный ресурс]: Корё сарам. – URL: <https://koryo-saram.site/han-v-s-koryo-saram-kto-my/> (дата обращения: 20.01.2024).

Хан, Сим 2014 – Хан В. С., Сим Хон Ёнг. Корейцы Центральной Азии: прошлое и настоящее. М.: Изд-во МБА, 2014. – 256 с.

Черных 2023 – Черных А. В. Нематериальное культурное наследие России: проблемы сохранения и презентации // Культурное наследие: современные интерпретации культурного наследия народов России: Сб. ст. / под ред. В. А. Тишкова, С. В. Бааха. М.: ИЭА РАН, 2023. С. 11–30.

Шилз 1998 – Шилз Э. О содержании термина «традиция» // Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 240–245.

Полевые материалы автора (ПМА). Дон Эдуард Владимирович, 2012, 2013, 2022; Ким Анна Харитоновна, г. Пермь, 2013; Ким Агей Александрович, 1941 г. р., г. Пермь, 2012; Ли Владимир Александрович, г. Чайковский, 2012; Ким Георгий Геннадьевич, г. Пермь, 2012; Ким Павлина Алексеевна, г. Пермь, 2013; Хан Марта Петровна, г. Пермь, 2012; Ким Людмила Хаксеновна, 2014, 2017; Дон Эдуард Владимирович, 2013, 2022; Пак Владимир Владимирович, г. Пермь, 2021, 2024; Пак Викентий Данилович, г. Пермь, 2012, 2017; Ким Валентин Игнатьевич, г. Чайковский, 2012; Пак Фавзия Сунгатовна, г. Пермь, 2012; Шелехова Наталья Юрьевна, г. Пермь, 2021, 2024; Хан Зина Петровна, 2024.

О. Э. Добжанская

НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА И ПРОБЛЕМЫ ЕГО СОХРАНЕНИЯ

В наши дни необходимо говорить и писать о сохранении богатого нематериального этнокультурного достояния народов Арктики. Культурные ценности народов Севера – это не только составная часть культуры многонациональной России, – они во многом обуславливают уникальность социально-культурного потенциала нашей страны. Критическая ситуация, сложившаяся в системе существования языков и культуры практически всех без исключения народов Севера, обостряет актуальность заявленной проблематики.

В наши дни Арктика – это не только важнейший ресурс социально-экономического развития отдельных стран и целых континентов, но и кладезь новых мировоззренческих концептов, стратегий культурного развития, деятельностных практик [Геокультуры Арктики 2017]. Традиционная культура живущих здесь народов, сформировавшаяся во взаимодействии с северной природой, уникальна и до сих пор остается малоизученным феноменом.

Российская Арктика – обширное пространство, раскинувшееся между Северным полюсом и полярным кругом и охватывающее регионы севера Европейской части России, Сибири, Дальнего Востока. Оно населено коренными народами, которые имеют значительные культурные, языковые, религиозные, хозяйственные различия. Классифицируя коренные народы Севера по лингвистическим признакам, отметим наличие языковых групп: чукотско-камчатская (чукчи, коряки, кереки, ительмены), эскимосско-алеутская (эскимосы), тунгусо-манчжурская (эвенки, эвены), тюркская (северные саха, долганы), финно-угорская (ханты, манси, коми, карелы, саамы), самодийская (нганасаны, ненцы, энцы, селькупы), енисейская (кеты), «изолированные» языки (юкагиры, нивхи) [Лингвистический энциклопедический словарь].

Не забудем причислить к народам Арктики и русских старожилов Севера (жителей села Русское Устье на реке Индигирка, старожилов Нижней Колымы, жителей села Марково на реке Анадырь и др.). Ученые признают, что уникальная культура и языки коренных народов Севера сегодня находятся в критической ситуации: «Ситуация с родными языками народов Севера однозначно оценивается как кризисная и может служить индикатором общего социально-экономического неблагополучия малочисленных народов Севера» [Север и северяне 2012: 51]. Критическое состояние языков и культуры народов Арктики во многом обусловлено малочисленностью этих народов (само название «коренные малочисленные народы Севера» (КМНС) – указывает на то, что численность этих народов не достигает 50 тысяч человек). Более конкретные данные о численности КМНС можно посмотреть в результатах Всероссийской переписи населения 2010 года [Перепись 2010].

В силу естественных преград, отделявших Северную Азию от Китая и Монголии (горы Алтая и Саян, степи Монголии и горы Манчжурии), Средней Азии (горы Тянь-Шань и Памир, казахстанская степь), Европы (Уральский хребет), живущие здесь народы на протяжении столетий сохраняли уклад жизни и традиции, не подвергаясь ассимиляции и прямому воздействию восточной и западной цивилизаций. Эти факторы обусловили сохранение многочисленных уникальных культурных традиций, связанных с особенностями религии и обрядовых практик (шаманизмом, анимистическими культами, родоплеменными ритуалами и др.), эпическим сказительством, личными напевами-импровизациями, песне-танцами, музицированием на архаичных фоноинструментах.

Нельзя не согласиться с мнением авторитетного исследователя музыки сибирских народов Ю. И. Шейкина: «Сибирь – северная часть Азии или азиатская часть России – является своеобразной хранильницей архаики, реликтовых и уникальных традиций в сфере культуры» [Шейкин 2002: 3]. Традиционная культура народов Сибири на протяжении веков существовала в бесписьменной форме – в виде фольклора. Устная фольклорная культура коренных народов передавалась путем повторения/претворения наработанного предыдущими поколениями культурного опыта повседневной и ритуальной жизни, праздничных традиций, форм проведения досуга.

Фольклорный (устный) механизм трансляции культурных традиций коренных народов Северной Азии, обуславливавший их сохранность на протяжении столетий, в XX–XXI вв. стал недостаточным в связи с экономическими, социальными и культурными изменениями, произошедшими в СССР и постсоветской России. Культура коренных малочисленных

*Гонка на оленях. Праздник «День оленевода»,
г. Дудинка Красноярского края, 2025*

Фото О. Э. Добжанской

народов к концу XX в. оказалась в критическом состоянии, подобно языкам народов Севера, многие из которых признаны исчезающими и входят в Красную книгу языков народов России [Красная книга языков 1994]. Фундаментальными социально-экономическими факторами, обусловившими критическое состояние культуры народов Севера, стали интенсивное социально-экономическое освоение сибирских территорий, усиление процессов ассимиляции и глобализации, которые принципиальным образом изменили традиционную жизнь коренных малочисленных народов. В частности, эти факторы обусловили утрату традиционного образа жизни, снижение соотношения численности представителей коренной национальности к постоянно растущему количеству пришлого русскоязычного/иноязычного населения, доминирование на территориях проживания коренных малочисленных народов Севера русского языка как средства межнационального общения, интернатную систему воспитания детей, разрушившую естественный механизм передачи языка и традиционной культуры от старшего поколения к младшему [Добжанская 2003: 50]. Некоторые явления культуры не смогли сохраниться в силу советского идеологического давления (в СССР были запрещены или забыты многие связанные с традиционными религиозными

верованиями народные праздники и обряды, например шаманские ритуалы, связанные со встречей солнца после поляной ночи, праздники Чистого чума у нганасан и энцев, праздник летнего солнцестояния *Ысыах* у якутов и многие другие). В критическом состоянии оказались не только образ жизни и языки малых народов. Значительно трансформировалась сфера устного народного творчества, празднично-обрядовой деятельности, творческих практик, народного целительства и другие. К сожалению, в связи с уходом из жизни пожилых носителей традиционной культуры многие ее сокровища (отдельные произведения и даже целые жанры фольклора, музыкальные инструменты, ритуальные практики) оказались забытыми или значительно редуцированными.

Из истории становления методологии описания объектов НКН

Ключевое понятие «нематериальное культурное наследие» (в России с 2022 г. это понятие сформулировано как «нематериальное этнокультурное достояние») нуждается в особом разъяснении. Понятие было введено международной организацией ЮНЕСКО в 2003 г. в Конвенции об охране нематериального культурного наследия [Конвенция ЮНЕСКО 2003]. Нематериальное культурное наследие – это «живое наследие» (все то, что не может быть представлено в виде коллекции материальных объектов). Оно включает живущие традиции, унаследованные от предков и передаваемые будущим поколениям (устное народное творчество, исполнительские искусства, народные практики, ритуалы, праздничные события, знания и практики, касающиеся Природы и Вселенной, а также сведения и навыки по народным ремеслам) [Нематериальное культурное наследие ЮНЕСКО].

Позитивное значение нематериального культурного наследия в жизни общества и человека не подлежит сомнению, так как оно формирует у общин чувство самобытности и преемственности, содействует развитию творчества и социальному благополучию, вносит вклад в управление окружающей природной и социальной средой и получение дохода. К нематериальному культурному наследию относятся так называемые традиционные знания (знания коренных народов) – это существующие в устной форме знания в области народной медицины, экологии, астрономии, географии, искусства и др. Традиционные знания могут успешно применяться в различных областях, например в здравоохранении, образовании, управлении природными ресурсами

и др. ЮНЕСКО обращает внимание на то, что нематериальное культурное наследие, связанное с традиционным образом жизни народов, весьма хрупко и нуждается в специальных мерах для его сохранения, поддержания жизнеспособности, а также в создании условий для полного раскрытия его потенциала в интересах устойчивого развития [Нематериальное культурное наследие ЮНЕСКО]. Этому призвана содействовать принятая в 2003 г. Конвенция ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия.

Программа сохранения нематериального наследия была начата ЮНЕСКО в 1997 г., когда на 29-й сессии Генеральной конференции этой организации было принято решение о создании международного знака отличия «Шедевр устного и нематериального наследия человечества». В Список нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО (Intangible Cultural Heritage List) от нашей страны вошли два объекта: 1) «Культурное пространство и устное творчество семейских» (2001, 2008) о староверах Забайкалья; 2) «Олонхо, якутский героический эпос» (2005, 2008) [Список ЮНЕСКО]. Данный список призван привлечь внимание современного общества к уникальному нематериальному культурному наследию разных стран и народов мира. Объекты, в него включенные, представляют собой исключительную ценность с исторической, художественной, этнологической, социологической, антропологической, лингвистической или литературной точек зрения.

Отметим, что оба объекта в данном списке представляют культуру народов сибирского региона. Включение якутского героического эпоса олонхо в Список шедевров имело огромное значение для Республики Саха (Якутия), в которой благодаря этому знаковому событию не только значительно усилился интерес к изучению и сохранению эпического наследия, но были совершены институциональные преобразования в сфере культуры. В частности, Указами Президента республики был принят ряд нормативно-правовых актов, среди которых – закон «О защите и сохранении эпического наследия коренных народов Республики Саха (Якутия)» от 19 февраля 2009 г. № 219, государственная целевая программа «Сохранение, изучение и распространение якутского героического эпоса Олонхо на 2006–2015 гг.». Установлен 25 ноября День Олонхо; были назначены пожизненные стипендии носителям фольклора, традиционным олонхосутам; организованы специальные учреждения и институты (научно-исследовательский Институт Олонхо при Северо-Восточном Федеральном Университете им. М. К. Аммосова в 2010 г., Театр Олонхо в 2008 г.). Кроме того, стартовали государственные целевые программы

(«Сохранение, изучение и распространение якутского героического эпоса Олонхо на 2006–2015 гг.»), выходили серийные издания (научный журнал «Эпосоведение», книжная серия «Сказители земли Олонхо» и др.). Большим вниманием пользовались праздники и фестивали (Национальный праздник *Ысыах олонхо*, который ежегодно проводится поочередно в разных районах Якутии, детский фестиваль-конкурс юных исполнителей олонхо «Я – дитя Земли Олонхо») и т. д. [Якутский героический эпос в современном культурном пространстве].

Обратимся к научной составляющей вопросов нематериального культурного наследия / нематериального этнокультурного достояния (НКН/НЭД) в отечественной литературе. Научная дискуссия российских специалистов в области народной культуры по нематериальному культурному наследию началась в 2000-е гг. и осуществляется на площадках ведущих отечественных научных журналов. Как одну из первых работ в данной области, отметим статью А. С. Каргина «Сохранение нематериального культурного наследия народов РФ как приоритет культурной политики России в XXI веке» [Каргин, Костина 2008].

Одной из площадок активного обсуждения данной проблематики служит научный альманах «Традиционная культура», в котором регулярно публикуются статьи и материалы по вопросам нематериального культурного наследия. В частности, отметим материалы Международного круглого стола «Запад – Восток: стратегии сохранения нематериального культурного наследия», в котором приняли участие исследователи из России и Китая [Международный круглый стол 2018]. Живое обсуждение проблем нематериального этнокультурного достояния в формате докладов проходит на крупных научных мероприятиях. На V Всероссийском конгрессе фольклористов, который состоялся в марте 2022 г. в Рязани, вопросам НКН была посвящена работа специальной секции № 1 «Традиция: государственные и общественные институции» [Пятый Всероссийский конгресс фольклористов]. Отдельным крупным научным мероприятием международного уровня стал Международный конгресс «Российский опыт изучения нематериального культурного наследия в контексте мировой науки» (Москва – Санкт-Петербург, 28 сентября – 2 октября 2022 г.). Проблематика изучения и сохранения нематериального культурного наследия коренных малочисленных народов Сибири поднималась в статьях автора данной публикации [Добжанская 2019; Добжанская, Крашенинникова 2024 и др.].

Отдельный вопрос – выработка и совершенствование методики описания объектов НЭД. Если в 2010-е гг. фольклористы опирались на существующие апробированные научные методики описания явлений

устного народного творчества, то после включения в начале 2020-х гг. работников культуры регионов в процесс выявления и описания объектов НЭД назрела необходимость в специальных методических руководствах. Как первый шаг в данном направлении, отметим сборник «Методика работы с объектами нематериального культурного достояния народов России» [Методика работы 2023], в котором помещены научные статьи, разъясняющие понятийно-категориальный аппарат и основные требования к документированию объектов НЭД, а также нормативно-правовые документы. В сборнике «Нематериальное этнокультурное достояние народов России. Региональный опыт» [Нематериальное этнокультурное достояние 2023] продолжена публикация статей, имеющих методологическое значение для совершенствования практики описания объектов НЭД.

К изучению современного состояния нематериального культурного наследия народов Севера и Арктики приступили в начале 2000-х гг. В 2001 г. в Якутске состоялся международный Семинар по выполнению Рекомендации ЮНЕСКО (1989) о сохранении традиционной культуры и фольклора в регионе Сибири Российской Федерации. В семинаре приняли участие ведущие этнографы, фольклористы, лингвисты из России и зарубежных стран, представители республик и автономных округов нашей страны (Чукотского АО, Ханты-Мансийского АО, Бурятии, Тувы, Хакасии, Хабаровского и Приморского краев, Сахалинской области, Алтайского края, Новосибирской области, Республики Саха (Якутия)). Участие в этом семинаре директора Отдела нематериального наследия ЮНЕСКО Норико Айкава, Представителя Российской комиссии по делам ЮНЕСКО Ф. Г. Сайфуллиной, членов Правительства и Государственного Собрания Республики Саха (Якутия) Ил Тумэн способствовало практической направленности мероприятия и выработке определенных организационных решений для актуальных проблем. Организаторами научной программы семинара был доктор искусствоведения Ю. И. Шейкин и представители его научной школы В. С. Никифорова и Т. И. Игнатьева. В докладах участников семинара обсуждались проблемы сохранения НКН сибирских народов РФ, были даны оценки работы учреждений и организаций, действующих в области сохранения традиционной культуры, были определены приоритетные области деятельности по сохранению НКН, международного сотрудничества в сфере сохранения НКН и т. д. [Семинар 2003]. Основные рекомендации семинара были опубликованы [Отчет семинара 2002: 27–31]. В целом семинар оказал положительное влияние на становление работы по изучению нематериального культурного наследия коренных народов Сибири в области фольклора.

Объекты нематериального этнокультурного достояния народов Арктики и Сибири в электронных реестрах

Результаты работы по фиксации объектов НКН и НЭД можно увидеть на специально предназначенных электронных ресурсах (в разделе «Традиции. Нематериальное культурное наследие» на интернет-портале «Культура.ру», на портале «Реестр объектов нематериального культурного наследия» и др.). Мы рассмотрим, как на данных электронных ресурсах отражены объекты нематериального этнокультурного достояния народов Сибири.

Работа по выявлению объектов нематериального наследия народов РФ была инициирована созданным в 2003 г. Российским комитетом по сохранению нематериального культурного наследия, председателем которого является директор Государственного Российского Дома народного творчества Т. В. Пуртова. Целью Комитета была заявлена «активизация согласованной работы по своевременному выявлению и защите объектов нематериального культурного наследия, находящихся под угрозой исчезновения, подлинных мастеров – носителей народной культуры, а также сохранению и развитию культурного разнообразия народов России» [Пуртова 2018: 37].

В 2015 г. на портале Культура.ру началась работа по созданию Всероссийского электронного каталога объектов нематериального культурного наследия [Интернет-портал Культура]. Авторами описаний были профессиональные фольклористы, этнографы, этномузыкологи и др. специалисты в сфере народной культуры. За пять лет на данном портале было размещено 447 объектов нематериального культурного наследия народов России. Представленность в данном каталоге объектов НКН малочисленных народов Севера была сравнительно небольшой, однако весьма информативной. В частности, в каталоге размещены объекты исполнительского искусства, которые представляют устное народное творчество коренных народов Арктики. Это нганасаны (семь объектов: шаманский обряд, личные, детские, иносказательные песни, эпические жанры, персоналии сказителей), таймырские ненцы (четыре объекта), коми-ижемцы (один объект). Однако из-за обилия информации на портале Культура.ру представленный на нем каталог объектов НЭД постепенно оказался «в тени», что вызвало необходимость создания отдельного электронного ресурса.

В 2021 г. был запущен в работу электронный Реестр объектов нематериального культурного наследия народов России [Реестр объектов НКН]. Он создан специально для размещения объектов НКН, имеющих

всероссийское значение. На нем в данное время представлен более широкий список объектов НКН народов Севера (ительмены, карелы северные и южные, коми, коряки, нанайцы, русские старожилы, саха, удэге, ханты), реестр объектов постоянно пополняется новыми описаниями. Постепенно прорабатывается вопрос о переносе объектов с портала Культура.ру в данный Реестр (эта процедура должна быть выполнена с согласия правообладателей описаний).

Размещение объектов в Реестре объектов нематериального культурного наследия народов России курирует специально созданный экспертный совет, в компетенцию которого входят вопросы отбора объектов НКН для размещения в данном Реестре, а также соблюдения требований к научному уровню описания объектов, требований к публикации медиафайлов в сети Интернет (авторских прав, согласий на публикацию изображений и др.). Председателем совета является Александр Васильевич Черных – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Института гуманитарных исследований УрО РАН [Состав Федерального экспертного совета].

В Реестре объектов нематериального культурного наследия народов России [Реестр объектов НКН] размещено 28 объектов НЭД народов Сибири, Дальнего Востока и Арктики¹. Культура народов Дальневосточного федерального округа охарактеризована следующими объектами НЭД: буряты (три объекта, представляющих обрядовые и песенные традиции), саха (два объекта по традициям исполнительского искусства: «Традиции музицирования на якутском металлическом варгане *хомус*», «Традиция исполнения кругового танца *осуохай*»), ительменов (обрядовый праздник «*Алхалалалай*»), коряков и коряков-алюторцев (праздники «День первой рыбы», «*Аюангыт* – праздник миролюбия»), удэ (праздник «*Сагди Дава*» (Большая рыба)), нивхов (праздник обновления природы «*П'итул*»); объект «Технология обработки рыбьей кожи» (представленный от Хабаровского края) характерен для нескольких тунгусо-манчжурских народов Амура.

Культура коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Сибирского федерального округа, представлена объектами НЭД алтай-кижи (четыре объекта, представляющих обрядовые традиции, технологию изготовления музыкального инструмента – флейты *шор*, народно-песенную и эпическую традиции), тувинцев (два объекта, один из которых посвящен традиционным технологиям выплавки железной руды для добычи булата, другой – горловому пению *хоомей*),

¹ По состоянию на 28 июня 2024 г.

хакасов (технология изготовления женского нагрудного украшения *пого*), телеутов (три объекта, посвященных праздничным традициям Дня села Беково, погребальному обряду, технологии изготовления национального блюда *тутмаш*), селькупов (три объекта, посвященных музыкальным традициям нарымских селькупов, технологии изготовления кукол-полешек, традиционным технологиям охотников-селькупов Верхнего Прикетья), обских чатов (песенная традиция); объект «Технология изготовления остроконечной лодки-долбленки» характерен для нескольких этносов Нарымского Приобья.

По Уральскому федеральному округу в реестре размещены объекты НЭД, представляющие обрядовые традиции северных хантов (медвежья игрища), ямальских ненцев (традиционная свадьба). Особо хочется отметить связанные с музыкальными исполнительскими традициями народов Севера содержательные объекты бурят («Песни хори-бурят Республики Бурятия», авторы описания – А. С. Дылгырова, О. В. Новикова), якутов («Традиции музицирования на якутском металлическом варгане хомус», автор описания – В. Е. Дьяконова), алтай-кижи («Технология изготовления шора у алтай-кижи Республики Алтай», автор описания – Г. Б. Сыченко). Все они представляют традиционные исполнительские искусства с ориентацией на вершинные достижения в традициях, снабжены богатым иллюстративным материалом – аудиозаписями аутентичных фольклорных исполнителей. Уникальный полевой материал представлен в описаниях объектов обрядовых праздников народов Камчатки («Праздник “Аюангыт” у коряков-алюторцев», «Обрядовый праздник “День первой рыбы” у коряков», автор описаний – М. Е. Беляева), национальной кухни телеутов (праздничное блюдо *тутмаш*, автор описания – Ю. А. Крашенинникова). Аутентичность представленных иллюстративных материалов усиливает ценность указанных объектов.

Описания некоторых других объектов, напротив, напоминают сценарии праздников и обрядов, которые проводят учреждения культуры в качестве массовых мероприятий по национальной культуре коренных народов. Эти объекты – описание возрожденных праздников и обрядов, традиции которых были слабо сохранены и возобновлены усилиями работников культуры, опиравшихся на информацию в научной и краеведческой литературе и на воспоминания пожилых носителей традиции. Таковы объекты «Нивхский праздник *Путул*» (Сахалинская область, автор описания – О. Ю. Хурьюн), «Ительменский обрядовый праздник *Алхалалалай*» (Камчатский край, авторы описания – М. Е. Беляева, А. А. Гончарова), «Праздник народа удэге “*Сагди дава*” (Большая рыба)» (Приморский край, В. В. Андрейцев, В. Е. Добровольская), «Тюва – традиционная ненецкая свадьба» (Ямало-Ненецкий АО, авторы описания –

О. В. Гизатуллина, А. В. Верещагин) и некоторые другие. Эти и подобные описания – это примеры актуализации традиций, забытых или полузабытых ко времени начала работы над восстановлением праздников.

Кроме коренных малочисленных народов Севера, в каталоге представлены содержательные описания объектов НЭД русских старожилов Сибири. В Дальневосточном округе – это русские старожилы Колымы (один объект), русские старообрядцы Забайкалья (два объекта); в Сибирском – представлены восемь объектов НЭД русских старожилов. Особенно хотелось бы отметить объект «Традиция исполнения андыльщин (песни-импровизации) у русских Колымы», который описывает уникальный песенный феномен, возникший на стыке русской и юкагирской музыкальных традиций (автор описания – Т. С. Шенталинская). Интереснейшее описание объекта Омской области «Вечерочные традиции русских старожилов – чалдонов» (автор – В. Ю. Багринцева) насыщено богатым иллюстративным материалом (аутентичными песенными мелодиями), а также историческими и фольклористическими сведениями об истории изучения вечеров.

Отдельный вопрос – создание региональных каталогов объектов НКН. Ведь в каждом субъекте РФ (автономных республиках, округах, краях и областях) существует множество живых народных традиций, которые нуждаются в изучении, фиксации, выработке мер по их сохранению на уровне регионов. Куратор процесса по созданию региональных каталогов объектов НКН – ГРДНТ имени В. Д. Поленова, а организаторы и исполнители – головные учреждения культуры в субъектах РФ (дома и центры народного творчества). То есть формирование региональных реестров объектов НКН становится задачей и делом для работников культуры региона. А наиболее значимые и качественно описанные объекты, рекомендованные регионами, на основании экспертных заключений включаются во Всероссийский реестр нематериального этнокультурного достояния.

Среди созданных региональных каталогов северных территорий хотелось бы отметить несколько наиболее значимых и интересных. Один из самых крупных – региональный каталог Ханты-Мансийского АО, который включает более 50 объектов по всем известным категориям НКН [Региональный каталог ХМАО]. Региональный реестр объектов НКН Республики Саха (Якутия), расположенный на сайте Республиканского Дома народного творчества, включает развернутый перечень объектов НКН населяющих республику народов (среди которых 10 народных праздников и обрядов саха, эвенков, юкагиров, русских старожилов, длинный список видов исполнительского искусства – эпического, вокального, инструментального, хореографического, традиционных технологий изготовления одежды, обуви, жилища и т. д.) [Реестр объектов

НКН Республики Саха (Якутия)] (к сожалению, сами объекты с подробными описаниями и иллюстрациями пока не размещены на электронном ресурсе, возможно, это произойдет в дальнейшем). Электронный каталог объектов НКН Камчатского края включает 13 объектов НКН в категориях: обрядовые комплексы и праздники (многочисленные обрядовые традиции коряков, ительменов, эвенов, современный праздник День оленевода), народное исполнительство (Корякское горловое пение (горлохрипение), Сюжетный подражательный танец «Чайка», мифологические сказки о Вороне), ремесла (ительменское плетение из травы, корякское плетение из растительных материалов) [Региональный каталог объектов НКН Камчатского края]. Особенность данного каталога – акцент на богатом иллюстративном материале (фото, аудио- и видеозаписи), относящемся к сохранившимся до сих пор живым культурным традициям народов Камчатки. В качестве описаний приведены содержательные статьи исследователей, комментарии специалистов к собранным материалам, дипломные работы и т. п.

Создание реестров нематериального этнокультурного достояния в регионах, безусловно, имеет позитивное значение для территорий. Этот процесс «пробуждает» в регионах сотрудничество работников культуры и науки, а также общественные инициативы. В частности, проводятся научно-практические конференции, связанные с проблематикой нематериального этнокультурного достояния. Участвуют в этих конференциях, наряду с учеными, работники учреждений культуры. 6 апреля 2023 г. в Якутске была проведена Всероссийская научная конференция с международным участием «Якутский традиционный круговой танец осуохай как объект нематериального культурного наследия народов Российской Федерации: вопросы сохранения и укрепления традиций» [Круговые танцы народов Евразии 2024]. Побудительным мотивом к проведению данной конференции стало включение танца осуохай во Всероссийский реестр объектов НКН.

Министерство культуры и архивного дела Сахалинской области 29 марта 2022 г. провело Региональную научно-практическую конференцию «Народное искусство и сохранение культурных традиций: проблемы и перспективы развития». В декабре того же года в Южно-Сахалинске в рамках IV Международной научной конференции «Фольклор палеоазиатских народов» состоялся круглый стол «Нематериальное культурное наследие народов Сибири и Дальнего Востока», на котором обсуждались вопросы сохранения НКН народов Дальнего Востока [Фольклор палеоазиатских народов 2023].

Главная проблема, тормозящая процесс создания региональных каталогов – кадровая. К сожалению, работники культуры в большинстве своем не обладают достаточными компетенциями, чтобы составлять соответствующие современным требованиям описания объектов нема-

териального культурного наследия. Ведь методика описания объектов НКН должна отвечать критериям научности (документирование объекта; точность и полнота описания; комплексность описания; ссылки на публикации текстов и материалов), также должны соблюдаться современные требования к публикации медиафайлов (техническое качество; соблюдение авторских прав, согласий на публикацию и т. д.).

Путем решения данной проблемы служит проведение специальных обучающих семинаров, курсов для работников Центров традиционной культуры и Домов народного творчества в регионах, эту работу регулярно организует ГРДНТ им. В. Поленова. Результатом стали публикации [Методика работы 2023; НЭД народов России 2023], не только имеющие общее методологическое значение, но и выполняющие роль конкретных методических руководств.

Упомянем работу в данном направлении, которая ведется кафедрой искусствоведения Арктического государственного института культуры и искусств (Якутск). Эта работа проводится на основе базы данных по музыкальному фольклору народов Сибири и Дальнего Востока, накопленной профессором АГИКИ, доктором искусствоведения Ю. И. Шейкиным и преподавателями кафедры (оцифрованная коллекция музыкального фольклора представлена на сайте «Электронный фонограммархив», в специальной аудитории оборудован Музей музыкальных инструментов народов Северной Азии. Коллекция Юрия Шейкина) [Музей музыкальных инструментов Северной Азии]. Достойное научное обеспечение позволяет регулярно проводить для работников культуры из северных регионов онлайн-курсы повышения квалификации, где обучают методике описания объектов нематериального культурного наследия в области музыкального народного творчества народов Арктики. В частности, в апреле и ноябре 2021 г., а также в апреле 2022 г. на базе АГИКИ в онлайн-формате были проведены курсы повышения квалификации «Нематериальное культурное наследие народов России: принципы, методики выявления и описания объектов НКН в области народного музыкального творчества», слушателями которых были в общей сложности 30 человек – специалисты из Республики Саха (Якутия), Чукотского АО, Камчатского края, Сахалинской области, Санкт-Петербурга.

В настоящее время Арктический государственный институт культуры и искусств (на базе кафедры искусствоведения) производит лицензирование магистерской программы 53.04.06 по профилю «Музыкально-компьютерные технологии в сохранении и развитии культурного наследия». Мы очень надеемся, что внедрение в учебный процесс института данной программы в какой-то мере позволит решить проблеме «кадрового голода» в сфере описания музыкальных объектов нематериального этнокультурного достояния народов Арктики.

Проблемы сохранения музыкального фольклора народов Арктики как части нематериального культурного наследия Российской Федерации (на материалах Таймыра)

Таймыр – самый северный полуостров Евразийского континента, территория которого почти полностью лежит за полярным кругом. Здесь находится самая северная точка Евразийского материка – мыс Челюскина. Таймырская тундра, переходящая в лесотундру на юге и в арктические пустыни на севере полуострова, издавна была обитаемым местом, несмотря на холодный климат. История заселения полуострова начинается с V тысячелетия до н. э. (мезолит), о чем свидетельствуют археологические находки: первое поселение древних людей на реке Тагенар (притоке реки Волочанка) датируется 4070 + 75 г. до н. э. [Хлобыстин 1998]. Этническая история народов, населяющих Таймыр, исследовалась в трудах Б. О. Долгих, Ю. Б. Симченко, В. В. Васильева, Г. Н. Грачевой, К. И. Лабанаускаса и др., однако до сих пор не сформировалось единого мнения по вопросам происхождения, миграций, культурных взаимовлияний этносов.

Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район является самым многонациональным из северных территориальных образований России. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., численность коренных народов на Таймыре такова: долган – 5393 человека; ненцев – 3494 человека; нганасан – 747 человек; эвенков – 266 человек; энцев – 204 человека [Перепись 2010]. В целом коренные малочисленные народы составляют около 30% населения муниципального района, остальную часть формирует прибывшее в разное время пришлое население (начиная с XVII в. на Таймыре оседали приезжие русские купцы, рыбаки, казаки, которые сформировали небольшие этнические группы *затундренских крестьян* – на востоке Таймыра, и так называемых *сельдюков* – рыбаков в устье Енисея; в XX в. пришлое население стало доминировать по количеству на территории). Традиционными занятиями коренных жителей Таймыра издревле являются оленеводство, охота, рыбная ловля [Добжанская 2017: 328–329]. Самобытная культура этих народов – один из главных факторов, определяющих своеобразие Таймыра. Название полуострову дал в 1843 г. Ф. Миддендорф, от эвенкийского *тамура* – «дорогой, ценный» [Барболина 2006: 18].

НКН КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА
И ПРОБЛЕМЫ ЕГО СОХРАНЕНИЯ

Ненецкий чум. г. Салехард ЯНАО, 2025

Фото О. Э. Добжанской

Тынзян (аркан для ловли оленей). г. Салехард ЯНАО, 2025

Фото О. Э. Добжанской

НКН КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА
И ПРОБЛЕМЫ ЕГО СОХРАНЕНИЯ

*Гонка на оленях. Праздник «День оленевода».
г. Дудинка Красноярского края, 2025*

Фото О. Э. Добжанской

*Участники
гонки на оленях.
Праздник «День оленевода».
г. Дудинка Красноярского края, 2025*

Фото О. Э. Добжанской

*Ненецкие женщины
со щенками собак-оленегинок.
Праздник «День оленевода».
г. Дудинка Красноярского края, 2025*

Фото О. Э. Добжанской

*Нухуко –
традиционная ненецкая игрушка
из клюва птицы
(вид снаружи, вид изнутри).
г. Салехард ЯНАО, 2025*

Фото О. Э. Добжанской

*Нухуко – традиционная ненецкая игрушка
из клюва птицы (современная интерпретация
мастера С. Л. Вэнго). г. Салехард ЯНАО, 2025*

Фото О. Э. Добжанской

*Наши респонденты Т. Б. Колесова, С. Е. Черноградская и Г. А. Соловьева
(слева направо). г. Благовещенск Амурской области, 2025*

Фото Д. И. Ваймана

*Образцы эвенкийской вышивки подшейным волосом оленя.
г. Благовещенск Амурской области, 2025*

Фото Д. И. Ваймана

НКН КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА
И ПРОБЛЕМЫ ЕГО СОХРАНЕНИЯ

*Т. Б. Колесова за вышивкой.
г. Благовещенск
Амурской области, 2025*

Фото Д. И. Ваймана

*Г. А. Соловьева за вышивкой.
г. Благовещенск
Амурской области, 2025*

Фото Д. И. Ваймана

*Образцы эвенкийской вышивки подшейным волосом оленя.
г. Благовещенск Амурской области, 2025*

Фото Д. И. Ваймана

*А. Саменко на рыбалке.
пгт. Ноглики
Ногликского ГО
Сахалинской области, 2024*

Фото Д. И. Ваймана

*Ю. А. Иванова демонстрирует
заготовку сырья для изготовления
традиционного музыкального
инструмента кални, 2024*

Фото Д. И. Ваймана

*В. В. Левкун за изготовлением
традиционного музыкального
инструмента тын-рын.
пгт. Ноглики Ногликского ГО
Сахалинской области, 2024*

Фото Д. И. Ваймана

*Е. Н. Иванова
за изготовлением
тряпичных кукол.
с. Чир-Унвд Тымовского ГО
Сахалинской области, 2024*

Фото Д. И. Ваймана

НКН КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА
И ПРОБЛЕМЫ ЕГО СОХРАНЕНИЯ

*В. В. Осипова, художник, мастер
по художественной обработке рыбьей кожи.
пгт. Ноглики Ногликского ГО Сахалинской области, 2024*

Фото Д. И. Ваймана

*Картины из рыбьей кожи. Мастер – В. В. Осипова.
пгт. Ноглики Ногликского ГО Сахалинской области, 2024*

Фото Д. И. Ваймана

НКН КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА
И ПРОБЛЕМЫ ЕГО СОХРАНЕНИЯ

*Е. В. Толстенко с блюдами
традиционной саамской кухни.
пос. Лопарская Кольского района
Мурманской области, 2023*

Фото Д. И. Ваймана

*И. С. Сыса в саамском костюме.
пос. Лопарская
Кольского района Мурманской
области, 2023*

Фото Д. И. Ваймана

*А. В. Черных беседует с Н. Е. Афанасьевой.
г. Мурманск Мурманской области, 2025*

Фото Ю. С. Чернышевой

Устное народное творчество коренных народов Таймыра представляет собой уникальную сокровищницу народных знаний и мудрости, сложившуюся на протяжении столетий усилиями многих поколений северян, живших в экстремальных условиях Заполярья. При отсутствии письменности именно фольклор был энциклопедией знаний о природе и истории, мифологии и религиозных верованиях, руководством по социальным отношениям и этике, и просто источником житейской мудрости. Исполнение обрядовых и эпических жанров фольклора, ввиду их содержательной сложности (мифологических, эзотерических, других специальных знаний) и протяженности по времени, требовало появления своего рода специалистов устного народного творчества – шаманов и сказителей. Но даже самый обычный человек обладал творческим даром – должен был уметь импровизировать личную песню, придумать для детей детские (ласкательные) песни, петь колыбельные, рассказывать сказки. Имена известных сказителей, песенников, знатоков народного творчества прошлого хорошо известны их потомкам. Многие (к большому сожалению, далеко не все) произведения фольклорного репертуара были спасены от забвения исследователями – этнографами, фольклористами, музыковедами.

Фольклорное наследие народов Таймыра описывалось в XVIII–XIX вв. путешественниками и учеными (П. С. Паллас, А. Ф. Миддендорф, М. А. Кастрен), в начале XX в. и в советский период этнографами и филологами (К. Доннер, Т. Лехтисало, А. А. Попов, А. В. Головнев, Г. Н. Грачева, Б. О. Долгих, Г. Н. Прокофьев и Е. Д. Прокофьева, Ю. Б. Симченко, Л. В. Хомич). Во второй половине XX в. таймырское наследие стало объектом внимания фольклористов, музыковедов и хореографов.

С начала 1980-х гг. музыку живущих на Таймыре самодийских, тюркских, тунгусо-манчжурских народов плодотворно изучали российские музыковеды А. М. Айзенштадт, Г. Г. Алексеева, И. А. Богданов (Бродский), О. Э. Добжанская, Н. М. Скворцова, Ю. И. Шейкин и др. Хореографическое творчество описывали М. Я. Жорницкая, А. Г. Лукина, В. Н. Нилов и др.

Благодаря скрупулезным исследованиям фольклористов и музыковедов, жанровое многообразие традиций музыкального фольклора оказалось достаточно хорошо описано. Ниже мы приведем их краткую характеристику, а затем остановимся на публикациях.

Фольклор нганасан подразделяется на несколько жанровых традиций: эпическую (сказания героического содержания *ситабы*, исторические предания *дюрымы*), обрядовую (шаманский ритуал, сохранявшийся в бытовой практике вплоть до конца 80-х гг. XX в.), лирико-бытовую (личные и иносказательные песни, краткие сказки и предания, короткие

жанры фольклора – загадки, пословицы и др.). Кульминационным достижением традиционной культуры нганасан являются, безусловно, эпические сказания *ситабы* (крупные музыкально-поэтические произведения, исполняемые сказителем сольно, без сопровождения инструмента). Разнообразие тематики сюжетов, мелодики *ситабы*, разработанная в них образно-стилистическая система, повсеместное распространение и признаваемое самими нганасанами главенство жанра – все это позволяет считать эпос безусловным центром фольклорной культуры нганасан. Шаманский ритуал нганасан, помимо выполняемой им ритуальной функции, считается уникальным феноменом фольклора и в этом качестве представляет собой высокоорганизованную жанрово-стилистическую систему, синкретически сочетающую музыкальное, поэтическое, танцевальное искусства с традиционными верованиями, мифологией и ритуальными процедурами. Уникальным жанром нганасанского фольклора являются также иносказательные песни – *кэйнгэйрся*, текст которых зашифровывается на нескольких уровнях, и вследствие этого исполнение и понимание этих произведений требует специальных знаний.

Запись нганасанского фольклора началась в 1930-е гг., продолжилась в 1950–1960-е, но наиболее активное собирание устного народного творчества началось с конца 1970-х гг. и продолжается по настоящее время. В связи с отсутствием письменности, публикации фольклорных произведений на национальном языке появились только в конце 1980-х – 1990-е гг. До сих пор обработана и опубликована сравнительно малая часть из собранного материала. В настоящее время в связи с уходом из жизни выдающихся сказителей и шаманов Т. Д. Костеркина, Д. Д. Костеркина, Н. Х. Турдагина, Н. Б. Яроцкого и др. эпос и шаманский обряд как фольклорные традиции становятся артефактами прошлого. Так, современные исполнители *ситабы* чаще всего ограничиваются трансляцией эпизода или сокращенного варианта сказания, не владеют всем арсеналом исполнительских приемов, музыкально-поэтической лексикой *ситабы*. Исполнители шаманских песен не претендуют на проведение обряда по полному ритуалу и не используют технику экстаза. Сохраняется исполнение лирических песен, небольших прозаических жанров (сказок и рассказов), коротких жанров фольклора (пословицы, загадки).

Фольклор энцев требует наибольшего внимания научной общественности не только в силу катастрофического демографического положения этого народа, но также по причине малой изученности. Энецкий фольклор подразделяется на две большие категории – *сюдобичу* (эпос), и *дёречу* (мифы, сказки, бытовые рассказы). Существовали также наговоры, заклинания, молитвы-обращения к духам, загадки. Шаманские камлания и песни-импровизации исполнялись на празднике *Мэдодэ*

(Чистого чума). Однако обрядовая сфера фольклора до наших дней не сохранилась. Известные жанры энецкого музыкального фольклора – *сюдобичу* (эпические или сказочные повествования с песенными вставками), *барэ* (песни) – представлены единичными образцами.

Тундровые энцы (сомату) проживают компактно в поселке Воронцово, но многие живут в других поселках Усть-Енисейского района, а также среди нганасан в поселках Усть-Авам и Волочанка. Близкие соседи и родственники по языку нганасанам, энцы сомату как культурно-историческая общность в настоящее время практически исчезли. Лесные энцы (бай, муггади) компактно проживают в поселке Потапово Таймырского муниципального района, и сохранность традиционной культуры у этой этнической группы несколько лучше. В связи с уходом из жизни знатоков фольклора старшего поколения – Н. И. Пальчина, В. Н. Болиной, М. Н. Силкиной – обширный репертуар сказок, личных и бытовых песен, преданий оказался практически забытым. Однако современные исполнители фольклора З. Н. Болина, В. Н. Пальчин активно сохраняют музыкальный фольклор энцев, не только исполняют традиционные мелодии, но и сочиняют современные песни на энецком языке. Фольклорная культура как тундровых, так и лесных энцев нуждается в скорейшем собирании оставшихся крупиц, их широкой публикации и всестороннем изучении.

Фольклор долган до настоящего времени активно бытует среди народа саха, являясь феноменом живой этнической культуры. Наиболее благоприятна культурно-языковая среда в сельском поселении Хатанга, где в некоторых поселках сохраняются оленеводческие хозяйства и долганский язык является основным языком общения. Однако носителями фольклора здесь, как и у других народов, выступают преимущественно долганы старшего поколения. Центральным, устойчивым жанром долганского фольклора являются *олонгко* (эпические и сказочные произведения) в двух разновидностях: *ырыалаах олонгко* (сказания с песенными фрагментами) и *һатыы олонгко* (олонхо без пения). Первая разновидность – сказания с песнями – сейчас встречается чрезвычайно редко и сохраняется единичными исполнителями старшего поколения (Е. Т. Укусуникова), но хорошо известна по записям, сделанным от А. А. Аксенова, П. П. Михайлова, Е. А. Поротова, Н. П. Христофорова и др.

Популярны и широко распространены рассказы (бытовые, рассказы о шаманах), исторические предания, сказки, загадки и пословицы. На всей территории расселения долган широко бытуют песни *ырыа*: песни отдельных людей (*уол ырыата, кыыс ырыата*), женские песни за шитьем, песни о жизни, хмельные и любовные песни. Исполнение традиционных долганских песен на старинные мотивы в специфической манере

с богатой вокальной орнаментикой (вибрато, форшлаги) становится прерогативой певцов старшего поколения. Молодые долганы-исполнители редко владеют техникой традиционного вокального стиля, и основное место в их репертуаре занимают песни якутско-долганских мелодистов. Собираением и популяризацией фольклора долган занимается Центр народного творчества сельского поселения Хатанга, Таймырский Дом народного творчества.

Фольклор енисейских ненцев, проживающих на Таймыре и говорящих на восточном – таймырском говоре тундрового диалекта ненецкого языка, менее изучен, чем устное народное творчество их западных соплеменников. Таймырские ненцы старшего поколения сохраняют традицию сказочно-эпических повествований *сюдбаби*, исполняющихся сказителем сольно-вокально. Другое ответвление эпической традиции – песни-плачи *яраби*, – на Таймыре не сохранилось. Популярным и устойчивым жанром ненецкого фольклора являются лирические песни *сё*, детские песни-ласкания *нюкуби*, повествовательные жанры – сказки, мифы, предания, загадки, пословицы, наставления и др. Шаманство енисейских ненцев до настоящего времени не сохранилось, не выявлено также имитационных исполнителей шаманских песен. Фактически предметом фольклористического изучения таймырские ненцы стали лишь с конца 1970-х гг., и публикации фольклорных произведений осуществлены благодаря подвижническому труду фольклориста К. И. Лабанаускаса, журналиста Л. П. Ненянг. Персоналии носителей фольклора из числа коренных малочисленных народов Таймыра опубликованы [Сказители Таймыра 2013].

Необходимо остановиться на публикации произведений фольклора, которая производилась и на языках народов Таймыра, и на русском языке. Устное народное творчество долган собирали и публиковали А. А. Попов, Е. Е. Аксенова, Н. А. Попов, М. И. Попова, Л. Д. Бетту, А. А. Барболина, Н. С. Кудрякова и др. Сборники ненецкого фольклора опубликованы Л. П. Ненянг, К. И. Лабанаускасом, Р. П. Яптунэ и др. Нганасанские фольклорные тексты изучались Б. О. Долгих, Н. Т. Костеркиной, К. И. Лабанаускасом, Е. А. Хелимским, А. Ч. Момде, В. С. Момде, С. Н. Жовницкой, О. Э. Добжанской, В. Ю. Гусевым, М. М. Брыкиной и др. Произведения устного творчества энцев были опубликованы Б. О. Долгих, К. И. Лабанаускасом, З. Н. Болиной. Фольклорные тексты таймырских эвенков собраны Т. В. Болиной. Вкладу учреждений культуры в сохранение устного народного творчества народов Таймыра посвящена статья [Добжанская 2016: 174–176].

Среди мероприятий интеллектуального характера, поддерживающих интерес к национальной культуре и фольклору народов Таймыра, необходимо назвать Международный конкурс-семинар «Таймырские чтения», который ежегодно проводился в Норильском индустриальном

институте (теперь Заполярный государственный университет им. Н. М. Федоровского), материалы его опубликованы в сборниках конференции. Доклады в Секции 1 «Этнокультурные аспекты развития народов Сибири, России и мира» конкурса-семинара обычно освещали традиционную культуру и фольклор народов Таймыра, их готовили школьники и студенты Таймырского муниципального района, работники культуры и образования.

Основное зрелищное событие, знакомящее зрителей с богатым нематериальным этнокультурным достоянием коренных народов Таймыра – региональный фестиваль «Фольклорная классика Таймыра», который начиная с 1994 г. регулярно проводился в Дудинке поначалу каждые два года (биеннале), а с 2010-х гг. превратился в триеннале. Организаторы фестиваля – Таймырский Дом народного творчества и Министерство культуры Красноярского края.

На фестивале фольклорные коллективы из поселков представляют народное творчество коренных малочисленных народов Таймыра как в его традиционных формах (краткие фрагменты эпических и песенных произведений, сценический показ отрывков из обрядов), так и в инновационных: в последние годы в фестиваль включаются инсценировки сказок и легенд, коллективное исполнение новых (авторских) песен на языках народов Таймыра и др. В фестивалях 2012, 2015 гг. принимали участие нганасанские этнофольклорные группы «Дентэдиэ» («Северное сияние»), «Ня танса» («Нганасанская семья») из города Дудинка, «Хендир» («Бубен») из поселка Волочанка, энецкая этно-фольклорная группа «Татуй» (г. Дудинка, п. Потапово), эвенкийские этно-фольклорные группы «Юктэ» (г. Дудинка) и «Кэргэн» (п. Хантайское Озеро), долганские коллективы – детский фольклорный ансамбль «Таммак» (п. Сындасско), студия юных барганистов «Чоргуйачыы» и вокальная студия «Алгыс» (г. Дудинка), ненецкая фольклорная группа «Синюко» (п. Носок), семейный ненецкий клуб «Май”ма» (г. Дудинка). Сольные выступления певцов и сказителей, как правило, включаются в сюжетную канву выступлений фольклорных ансамблей. Помимо фестивалей, краткие произведения фольклора народов Таймыра звучат на различных массовых мероприятиях, где используются в символической роли «бренда территории» (наряду с элементами материальной, обрядовой культуры) при встрече почетных гостей и т. д.

Остановимся на характеристике новых тенденций, появившихся в конце XX в. и присущих устному народному творчеству и танцевально-музыкальной культуре народов Таймыра. В динамике социально-экономических изменений XX–XXI вв. музыкальное творчество коренных малочисленных народов Сибири как часть традиционной культуры

подверглось многочисленным инновационным влияниям, основным фактором, подействовавшим на изменение стилистики музыкально-фольклорной традиции, было влияние профессиональной музыкальной культуры. С 1950–1970-х гг. через киноискусство и средства массовой информации (в первую очередь, радиопередачи) в музыкальную жизнь поселков проникали популярные песни из кинофильмов, русские народные песни, классическая музыка. В сельских клубах были организованы коллективы художественной самодеятельности (хоры, вокальные и танцевальные ансамбли), с которыми работали подготовленные в системе профессиональной музыкальной культуры хормейстеры, хореографы, аккомпаниаторы-баянисты и др. В 1980-е гг. появились профессиональные и самодеятельные авторы, пишущие песни на языках народов Таймыра: поэты Е. Аксенова и Л. Ненянг, композитор А. Корюков, самодеятельные авторы М. Чарду, В. Чарду, А. Рудинская, О. Уксусников и др.

Под влиянием этих и других факторов развитие устного народного творчества коренных народов Таймыра в 2000-е гг. перешло в новую фазу, которую можно определить как инновационный фольклор [Шейкин 2002: 11–12]. Главную роль в нем играют самодеятельные формы фольклора (в исполнении фольклорных ансамблей), которые реализуются в сценическом показе. К сожалению, произведения собственно музыкального фольклора занимают все меньшее место в репертуаре самодеятельных коллективов, причина этому одна: знатоков музыкальных традиций коренных народов Таймыра становится с каждым днем все меньше. Однако желание выразить свою национальную самобытность публично реализуется в сценических формах инновационного фольклора, среди которых доминируют: авторские песни на языках народов Таймыра, танцы и хореографические композиции по мотивам фольклора, фольклорный спектакль, кавер-версии популярных песен [Добжанская 2017б: 121].

Несмотря на то, что современная фестивальная и музыкальная жизнь характеризуется вниманием к музыкальным традициям населяющих Таймыр коренных народов, а выступления национальных коллективов художественной самодеятельности востребованы на музыкальных фестивалях, концертах, массовых мероприятиях, необходимо указать на ряд проблем по сохранению аутентичного музыкального фольклора. В качестве серьезной проблемы выявлено нарушение (или отсутствие) музыкально-стилевой аутентичности в выступлениях современных молодых солистов и коллективов художественной самодеятельности. В качестве путей решения данной проблемы можно предложить следующее. Певцам-солистам и участникам коллективов художественной самодеятельности необходимо рекомендовать изучение национального языка и

особенностей распеваемого текста, освоение традиционной манеры исполнения, особенных типов интонирования, тембровых приемов пения и других, свойственных национальным культурам, уникальных особенностей музыкальной выразительности.

Для изучения и сохранения аутентичных фольклорных традиций учреждения культуры необходимо вести планомерную фольклорно-этнографическую работу, включающую следующие мероприятия:

1. Планирование экспедиций и полевых сборов.
2. Атрибуция собранных материалов (документирование, паспортизация).
3. Хранение собранных материалов (музеи, комнаты народного быта в учреждениях культуры, создание архивов видео-, фото-, аудиоматериалов в головных учреждениях культуры).
4. Описание объектов нематериального этнокультурного достояния:
 - на муниципальном уровне (в музеях, учреждениях культуры);
 - на региональном уровне (создание Регионального каталога объектов нематериального этнокультурного достояния, регионального Экспертного совета по вопросам формирования каталога, Положений и др.);
 - на всероссийском уровне – включение объектов во Всероссийский реестр объектов НКН.

Песенно-танцевальные традиции коренных народов Арктики как нематериальное этнокультурное достояние России

К песенно-танцевальному искусству народов Сибири необходимо отнести жанры, в которых танцоры одновременно являются певцами. В этих песенно-танцевальных жанрах движения танцоров сопровождаются их голосовыми манифестациями (пением, возгласами и сигналами, горлохрипением на вдох и выдох и др. формами голосового интонирования без применения музыкальных инструментов). Наиболее важная черта песенно-танцевальных жанров – синкретизм² (неразрывное соединение нескольких видов искусства – песни, танца, поэтического слова). На примере музыкального фольклора эвенков Ю. И. Шейкин конкретизирует: «Жанр кругового танца эвенков относится к мистериальной музыке, сочетающей сольное и хоровое пение с кинематикой и

² Термин «синкретизм» здесь применяется в значении, традиционном для русскоязычного литературоведения, искусствоведения и фольклористики, и данном в словаре С. И. Ожегова: «Слитность, нерасчлененность, характерная для первоначального состояния в развитии чего-н. *Синкретизм первобытного искусства*» [Ожегов 1988: 586].

поэтической импровизацией» [Шейкин, Добжанская 2014: 51]. Для эвенкийских круговых танцев исследователь ввел специальный термин «песня-пляска», чтобы подчеркнуть неразрывность соединения этих видов искусства [Шейкин, Добжанская 2014: 52]. У народов Сибири к песенно-танцевальному искусству можно отнести круговые танцы в культуре эвенков, эвенов, саха, бурят, юкагиров, нганасан, энцев и др., систему пластико-кинематического поведения эскимосов, сидячие и стоячие танцы чукчей и подобные явления.

Групповые песенно-танцевальные жанры чаще всего практикуются в контексте общественных обрядов. Круговые танцы нганасан и энцев приурочены к празднику Встречи Солнца после полярной ночи [Добжанская 2023]. На примере эвенков об этом пишет Ю. И. Шейкин: «Песенно-танцевальная традиция эвенкийской музыки обладает жанровой самостоятельностью и функционирует в системе общезтнических, семейных и даже шаманских празднеств» [Шейкин 1996: 37].

Песенно-танцевальное искусство как НЭД необходимо рассматривать согласно Федеральному закону № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» – основному нормативно-правовому акту федерального значения, регламентирующему на законодательном уровне работу в области НЭД [Федеральный закон 2022].

В статье 5 перечислены объекты нематериального этнокультурного достояния, к ним отнесены:

- 1) устное творчество, устные традиции и формы их выражения на русском языке, языках и диалектах народов Российской Федерации;
- 2) формы традиционного исполнительского искусства (словесного, вокального, инструментального, хореографического);
- 3) традиции, выраженные в обрядах, празднествах, обычаях, играх и других формах народной культуры;
- 4) знания, выраженные в объективной форме, технологии, навыки и формы их представления, связанные с укладами жизни и традиционными ремеслами, реализующиеся в исторически сложившихся сюжетах и образах и стилистике их воплощения, существующих на определенной территории;
- 5) иные объекты нематериального этнокультурного достояния [Федеральный закон 2022].

Песенно-музыкальные традиции народов Севера, Сибири и Дальнего Востока могут быть отнесены как к указанным в п. 2 формам традиционного исполнительского искусства (хореографического), так и к указанным в п. 3 традициям, выраженным «в обрядах, празднествах, обычаях, играх и других формах народной культуры». Отнесение

к формам исполнительского искусства необходимо производить, если для песенно-танцевальной традиции важно высокое хореографическое мастерство, рисунок танца и др. аспекты хореографического искусства. Если же танцы тесно связаны с праздничным контекстом и имеют обрядовую предназначенность – они должны быть отнесены к традициям, указанным в п. 3.

В статье 6 установлены категории объектов нематериального этнокультурного достояния. Это:

1) объекты нематериального этнокультурного достояния федерального значения, представляющие особую историческую, культурную и научную ценность для истории и культуры Российской Федерации;

2) объекты нематериального этнокультурного достояния регионального значения, представляющие историческую, культурную и научную ценность для истории и культуры субъектов Российской Федерации;

3) объекты нематериального этнокультурного достояния местного (муниципального) значения, представляющие историческую, культурную и научную ценность для истории и культуры муниципальных образований [Федеральный закон 2022].

Различение этих категорий важно для того, чтобы помещать описания объектов нематериального этнокультурного достояния в соответствующие электронные реестры (каталоги). Так, описания объектов песенно-танцевального искусства, имеющих федеральное значение, должны быть помещены в соответствующем федеральном реестре [Реестр объектов НКН], описания объектов регионального значения – в региональных каталогах.

В целом Федеральный закон от 20.10.2022 № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» служит важнейшим инструментом для формирования государственной политики в области сохранения нематериального этнокультурного достояния. Принципиальная «разомкнутость» некоторых статей закона (например, указание в статье 5 на «иные объекты нематериального этнокультурного достояния») учитывает изменчивый характер фольклорной культуры, а также допускает существенное увеличение объема знаний в данной области. В частности, песенно-танцевальные традиции отдельных локальных групп кочевых народов (эвенков, эвенов, коряков, чукчей и др.) в настоящее время описаны слабо либо вовсе не изучены, в силу труднодоступности мест обитания этих народов. Появление новых публикаций, видеозаписей танцевальных традиций, аудиозаписей танцевальных напевов и других материалов позволит вносить коррективы в существующие представления о песне-плясках этих народов.

Трудность изучения и описания песенно-танцевального искусства народов Севера как объектов НЭД обусловлена фольклорной природой данного феномена. Известно, что специфическими чертами фольклора служат следующие признаки: устная природа бытования, вариативность как множественного воплощения, анонимность, полистадиальность, традиционность [Народное музыкальное творчество: 52–62].

Обратимся к конкретным примерам песенно-танцевальных традиций. Круговые песне-пляски эвенков поражают воображение разнообразием темпов, кинематики, мелодий, запевных слов. Широкое географическое распространение эвенков – оленеводов тайги – обусловлено кочевым способом жизни этого народа, локальные группы его расселены практически по всей территории Сибири (от Енисея на западе до Камчатки на востоке, от Байкала на юге до Таймыра на севере). В регионах расселения эвенков исторически сложились традиции напевов круговых песне-плясок на определенные запевные слова: хоровые припевы *икэл-икэл* или *йохарьйо-йохарьйо* характерны для западных групп эвенков, припевы *хэдьо-хэдзо-хэдзэв-хэдзэнэк-сэдзэ* встречаются у амуро-охотских эвенков, припевы *одзо-одзорай, дэрёдэ, мончо-мончо-мончоракан, осорай, эгэлэй-оголай, дэвэйдэ, гэсугор-гэсигор-гэсугур* распространены у витимо-олёкминских, алдано-зейских, северобайкальских и енисейских эвенков [Шейкин, Добжанская 2014: 51–63]. Присущие локальным группам эвенков запевы круговых танцев необходимо соблюдать и в современном исполнении танцев, в противном случае это вызовет неодобрение у представителей старшего поколения либо упреки в «нетрадиционности» у профессионалов.

Самодийские народы полуострова Таймыр – нганасаны и энцы – обладают уникальными ритуальными традициями, важную роль в которых играют круговые танцы. Появление Солнца жители Таймыра воспринимали как большое событие, символизировавшее начало нового года (светлой поры) и начало новой жизни. С восходом светила связывались надежды на хорошую жизнь, удачу в промыслах и благополучие рода и племени. Появление Солнца нганасаны и энцы отмечали празднеством «Чистого чума», главную роль в котором играл шаман. Круговые танцы являлись особым ритуалом, входившим в обрядовый комплекс праздника «Чистый чум» [Добжанская 2007]. А. А. Попов в 1930-е гг. описал нганасанский праздник *Мазуся* ‘Чистый чум’, который длился 7 дней (с 25 по 31 января) и представлял собой последовательность путешествий шамана к главным божествам нганасан с целью испросить у них благополучие для сородичей на весь будущий год: «Ежегодно, после полярной ночи, когда солнце начнет показываться из-за опушки северного редколесья, тавгийцы устраивают празднество “чистого чума” – мазуся,

на котором шаманы испрашивают благополучие, счастье и удачу в промыслах наступающего года» [Попов 1936: 61].

Попов подробно описал многодневный шаманский ритуал, а также уделил внимание секулярному слою праздника: «В то время как внутри “чистого чума” происходило камлание, молодежь большую часть времени проводила на открытом воздухе в плясках, заходя в чум только в наиболее интересные моменты камлания. Пляска происходила следующим образом: мужчина и женщина брались рукой за палку или трубку и в то же время свободной рукой соединялись с стоявшими рядом парами. Таким образом составлялся круг. <...>. При этом участники танцев “хоркали” по-оленьи: мужчины грубым голосом, подражая самцам оленя, женщины – более нежным голосом, подражая важенкам» [Попов 1936: 79].

Согласно полевым материалам автора, полученным в 1994 г. от семейной пары из поселка Волочанка – Салиры Мыдовича и Нелютаси Фоминичны Порбиных, танец *бетырся* танцевали на льду замерзшего озера, во время *Мазуся* (праздника Чистого чума). В кругу чередовались мужчины и женщины, держась за руки определенным образом (мужчина держит женщину за большой палец руки, накрывая своей рукой ее руку сверху). Танцоры могли держаться также за палочки или за курительные трубки *баса хуа* («железная палка»). Хоровод двигался по солнцу (*дялы дийку* – «солнца поворот»). Если танцующих было очень много, образывалось несколько кругов [ПМА 1994].

Исследователь хореографии народов Севера М. Я. Жорницкая, основываясь на собственных полевых материалах, в специальной статье описала кинематику нганасанских танцев. Она зафиксировала в 1980 и 1981 гг. в поселках Усть-Авам и Новая парный танец, который, по сообщению информанта исследовательницы М. Турдагина, назывался «*Нарка бэтэрэски*» («Медвежий танец») и имел своим источником следующую легенду: «Предки нганасан когда-то давно видели на берегу р. Авам восемь медведей, которые перед тем, как залечь на зиму в берлогу, стали ходить по кругу на задних лапах и рычать, и с того времени будто бы нганасаны и стали им подражать в своем танце» [Жорницкая 1986: 153]. Исследовательница подробно описывает движения парного танца и заключает, что в процессе пляски возникает образ медведя: «Парка своеобразного покроя, женские шапки, отороченные мехом с длинным ворсом, надетые на ноги бакари, напоминавшие медвежьи лапы, рукавицы – все это создавало образ, отдаленно похожий на медведя. Если еще учесть пластику движений и воспроизводимое исполнителями рычание, то становилось очевидным, что в этом танце нганасаны действительно подражали медведю» [Жорницкая 1986: 154].

Звуковое сопровождение танца *бетырся* – это горлохрипение на вдох и выдох, издаваемое танцорами во время пляски. Этот необычный стиль звукового сопровождения нганасанского танца упоминали в своих работах П. С. Паллас, А. Ф. Миддендорф, А. А. Попов, Ю. Б. Симченко. Информанты старшего поколения Евдокия Демнимеевна Порбина (1938–2022) и Нина Демнимеевна Логвинова (1946–2002) дали детальное объяснение горлохрипению в танцах [ПМА 1989]. Этот «танца голос» (нганасан. *бетыре кунты*) иногда синонимично называют «медведя голос» (*нгарка кунты*), указывая этим на звуковое соответствие горлохрипения рычанию медведя. Действительно, танцоры подражают медведю не только голосом, но и движениями – медленно двигаясь по кругу, они имитируют размеренную раскачивающуюся «походку» этого зверя. Знаток музыкальной культуры народов Сибири Ю. И. Шейкин указывает, что горлохрипение на вдох и выдох олицетворяет голос медведя [Шейкин 1996: 28].

Одежда для танцев на празднике была специальной, отличной от повседневного нганасанского костюма. Несколько видов этой одежды описывает Г. Н. Грачева: 1) праздничная *тосодя лу* («одежда из шкурок пыжиков») с богатой опознавательной орнаментацией, вставками из красного сукна, металлическими полосками *хенсу* с колокольчиками *санку*; 2) *тангака лу* (суконная одежда), *латуся лу* («приготовленная одежда») без опознавательного орнамента. Второй вид одежды использовался только для танцев (один раз в году), а также для облачения покойника после смерти. Его шили из сукна красного, желтого и черного цветов, обильно украшали на спинке металлическими круглыми подвесками *дялы* [Грачева 1983: 79–83].

Танцы энцев, к сожалению, до нашего времени не сохранились, как не дошел до наших дней праздник *Мэдодэ* (энецк. «Чистый чум»). Однако некоторое представление о них можно составить по работам Б. О. Долгих [Бытовые рассказы энцев 1962]. В частности, записанные этнографом в 1930-е гг. воспоминания энца Романа Силкина включают фрагмент описания танца: «Каждый день во время праздника вокруг хорея играют, ходят кругом. Только и слышно, как играют. Выпустили девок. Девки сидят на санках на берегу озера. Девки заняли почти полберега озера, так растянулись, сидя на своих санках. Из круга выходят ребята, выбирают девок, за руки ведут в круг» [Бытовые рассказы энцев 1962: 100]. Известно, что в кругу во время танца юноши и девушки чередовались. Движения их были медленными и размеренными, в такт звуковому сопровождению – возгласному напеву «Хии ой! Хии ой!» на вдох и выдох. Особое звуковое сопровождение танца – горлохрипение – сближает энецкий и нганасанский круговые танцы. Сходство празднования

Встречи Солнца у нганасан и энцев (путем устройства шаманского «Чистого чума» и молодежных плясок-игр) является важным доказательством родственности культуры этих народов.

Как видим, круговые танцы играли в праздновании Чистого чума важнейшую ритуально-мифологическую роль. Движение круга по ходу солнца (нган. *дялы дийку* 'солнца поворот') имело ритуальное значение и символизировало движение солнца по небу.

Современное исполнение танцев нганасан можно увидеть у танцевальных коллективов Таймыра: ансамбля песни и танца народов Севера «Хэйро», детского хореографического ансамбля «Таймыр» (г. Дудинка), ансамбля «Харп» (п. Караул), самодеятельных танцевальных коллективов из поселков. Как правило, танцевальные коллективы сопровождают танец музыкой под специально созданную музыкальную фонограмму (часто – в эстрадном стиле). На фольклорных фестивалях или концертных репрезентациях, где выступают носители культуры, можно увидеть круговой танец *бетырся* в сопровождении горлохрипения на вдох и выдох. При этом зачастую в программе его указывают как «нганасанский медвежий танец», иногда заводилой танца в центре круга выступает человек в костюме шамана (например, при выступлении нганасанской группы «Дентадиэ» на фестивале «Фольклорная классика Таймыра»). Нужно сказать, что на фестивальной эстраде танец *бетырся* исполняют в значительно редуцированном виде (его длительность составляет всего 1–2 минуты). Это обстоятельство вызвано требованиями современного зрителя к зрелищному компоненту фестивальных программ: из-за повторяемости одних и тех же звуковых и кинематических формул танец воспринимается как «однообразный» и поэтому при воспроизведении на сцене укорачивается.

Традиционная культура нганасан и энцев сейчас находится в критическом состоянии, что связано в первую очередь с состоянием языка (носителями которого являются представители старшего поколения). Тем не менее богатые праздничные традиции нганасан и энцев могут быть сохранены путем специальных усилий общин коренных малочисленных народов, учреждений культуры, специалистов.

Для описания песенно-танцевальных традиций народов Севера как объектов нематериального этнокультурного достояния важно знакомство с этнографией; перевод названия данной науки (от др.-греч. ἔθνος – народ и γράφω – пишу) означает «описание народов». Для работников культуры ценны отдельные аспекты этнографической работы: описание материальной и духовной культуры разных народов, традиций, обрядов, праздников, устного народного творчества, ремесла, традиционных видов хозяйства и др. Качественно выполненное изучение различных

аспектов материальной и духовной культуры народа способствует сохранению народных традиций (вспомним, что для традиции как комплексного понятия важны как текст, так и контекст). В частности, сохранение традиций песенно-танцевального искусства народов Сибири должно подразумевать опору на этнографические реалии жизни народа (этнографически точный костюм, оправданное место и время исполнения танца, соблюдение существующих в народе запретов и предписаний для участников, если необходимо – воспроизведение обрядовой ситуации и т. д.).

Методика описания образцов песенно-танцевального искусства как объектов нематериального этнокультурного достояния должна отвечать критериям научности. Укажем некоторые из этих критериев. 1) Документирование объекта – состоит в точной фиксации необходимых фактических данных (место, время, обстоятельства исполнения образца песенно-танцевальной традиции, перечисление всех участников события, включая Ф. И. О., год и место рождения). 2) Точность и полнота описания образца (которая напрямую зависит от профессионального уровня авторов описания), на этом этапе работы рекомендуется привлекать к сотрудничеству исследователей. 3) Комплексность описания обусловлена синкретическим характером народного искусства, в котором нерасторжимо связаны слово, музыка, жест, танец, декоративно-прикладное искусство, ритуал, мировоззрение народа. Особенно важно делать комплексные описания для танцевальных традиций, имеющих ритуальное значение. 4) Ссылки на опубликованные тексты и материалы по данному объекту (формирование списка литературы и источников, ссылок на имеющиеся в архивах фото- и видеоматериалы, на музейные коллекции и т. д.).

Правильно описанные объекты песенно-танцевального искусства могут быть включены в соответствующие реестры и каталоги объектов нематериального культурного наследия (региональные, всероссийский).

Подводя итоги, хочется подчеркнуть актуальность работы по описанию песенно-танцевальных традиций как объектов нематериального этнокультурного достояния народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. В силу критического состояния языков и культуры малочисленных народов представители молодого поколения коренных народов зачастую знают родной язык лишь на уровне бытового общения, но не владеют в совершенстве художественной лексикой эпоса и сказки. Поэтому для проявления своей национальной идентичности, самовыражения в качестве носителя культуры они зачастую избирают танцевальные традиции, в которых слово играет подчиненную роль. Эта тенденция проявляется в обилии этнических клубных формирований хореографической направленности, существующих в учреждениях клубного типа.

С другой стороны, доминирование танцевального искусства в глобальной культуре в настоящее время неоспоримо, что проявляется в массовом увлечении людей танцами в клубах, студиях, на танцполах, дискотеках и др. В современном мире танец – один из самых популярных видов искусства, все люди любят танцевать на досуге. Клубные танцы, балльные, латиноамериканские, народные... В этой пестрой палитре танцы народов Севера должны занять свое особое место. Круговые танцы народов Севера способствуют общению и единению людей, обмену положительной энергетикой, снятию стрессов и проблем психического характера. Радостное музыкально-танцевальное искусство народов Севера может стать своего рода лекарством для современного социума с его проблемами индивидуализма, стрессом и напряженностью.

Выводы

Нематериальное этнокультурное достояние народов Севера, Сибири и Дальнего Востока обладает богатейшими традициями в различных сферах народного творчества, связанных с религиозными верованиями и обрядами, традиционными и современными праздниками, различными видами искусств, народных знаний и технологий. К сожалению, самобытные уникальные традиции народов Арктики изучены и описаны пока не в полной мере. А критическое состояние языков и культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока ставит под угрозу возможность дальнейшего существования их самобытных традиций. Работа по сохранению и актуализации традиций нематериального этнокультурного достояния народов Арктики очень важна для сбережения национальной и культурной идентичности северян, она должна осуществляться без промедления. Предотвратить исчезновение уникальных объектов НЭД возможно путем их описания и включения в каталоги объектов различного уровня (муниципальные, региональные, федеральный).

Одним из наиболее серьезных затруднений, тормозящим данный процесс, является кадровый дефицит – нехватка на местах профессионально обученных специалистов, способных фиксировать объекты НЭД.

Учитывая гигантскую протяженность Сибири, большое количество живущих здесь коренных народов, говорящих на разных языках (а иногда на одном языке, однако на далеко отстоящих друг от друга его диалектах) и имеющих серьезные культурные различия, подготовка специалистов в сфере описания и сохранения объектов НЭД народов Арктики превращается в весьма сложную задачу. Решение ее требует

специальных усилий, она вряд ли может быть выполнена на местных (муниципальных или региональных) уровнях и требует более серьезного подхода. Проблема подготовки кадров в области сохранения НЭД должна решаться централизованно в вузах культуры и искусства, на филологических факультетах университетов, где необходимо открывать специализированные направления подготовки бакалавров и магистров в области сохранения НЭД.

Одним из решений кадровой проблемы может быть активное сотрудничество с профессиональными исследователями (фольклористами, лингвистами, этнографами, искусствоведами, религиоведами и т. д.) высокой квалификации, вовлечение авторитетных специалистов науки в процесс описания объектов НЭД. Сотрудничество с учеными, с одной стороны, поможет описывать на должном уровне объекты НЭД, а с другой стороны, может помогать повышать квалификацию работников культуры (которые путем общения и практического сотрудничества с исследователями смогут учиться и совершенствовать свои компетенции).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Барболина 2006 – Барболина А. А. Топонимика Таймыра. Красноярск: ООО «Издательский дом “КП Плюс”», 2006. – 96 с.

Бытовые рассказы энцев 1962 – Бытовые рассказы энцев / записи, введение и комментарии Б. О. Долгих // Труды института этнографии. Новая серия. Т. 75. М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 244 с.

Геокультуры Арктики 2017 – Геокультуры Арктики: методология анализа и прикладные исследования. Монография / отв. ред. Д. Н. Замятин, Е. Н. Романова. М.: Изд-во «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2017. – 504 с.

Грачева 1983 – Грачева Г. Н. Традиционное мировоззрение охотников Таймыра. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1983. – 173 с.

Добжанская 2003 – Добжанская О. Э. Современное состояние фольклора коренных народов Таймыра // Семинар по выполнению рекомендации ЮНЕСКО (1989) о сохранении традиционной культуры и фольклора в регионе Сибири Российской Федерации. г. Якутск. Республика Саха (Якутия), 19–22 августа 2002 г.: сборник выступлений участников семинара / ред. М. И. Егорова. Якутск, 2003. С. 50–52.

Добжанская 2007 – Добжанская О. Э. Встреча Солнца: календарные обряды таймырских самодийцев // Народное творчество. 2007. № 1. С. 6–8.

Добжанская 2016 – Добжанская О. Э. Проблемы сохранения фольклора коренных народов Таймыра на современном этапе (по материалам деятельности учреждений культуры и образования Таймыра) // I Сибирский форум фольклористов. Тезисы докладов. Новосибирск, 2016. С. 174–176.

Добжанская 2017 – Добжанская О. Э. Геокультурные образы в традиционной и современной культуре таймырских ненцев // Геокультуры Арктики: методология анализа и прикладные исследования. Монография / под общ. ред. Д. Н. Замятина и Е. Н. Романовой. М.: Изд-во «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2017. С. 328–357.

Добжанская 2017б – Добжанская О. Э. Тренды современного музыкального творчества коренных народов Таймыра в свете культурных традиций самодийских этносов (на примере самодельных коллективов нганасан, ненцев, энцев) // Проблемы и перспективы социально-экономического и этнокультурного развития коренных малочисленных народов Севера: сборник статей по итогам науч.-практ. конференции с междунар. участием, посвященной 25-летию Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (25 ноября 2016 г., Ханты-Мансийск). Ч. 2: Исторические и социологические исследования. Тюмень: ООО «Формат», 2017. С. 105–124.

Добжанская 2018 – Добжанская О. Э. Основные тенденции музыкально-театрального воплощения произведений фольклора народов Таймыра // Проблемы сохранения и развития фольклорного наследия в современном театре: материалы Всероссийской научно-практической конференции (5 апреля 2018 г., г. Якутск). М-во науки Рос. Федерации, М-во культуры и духов. развития Респ. Саха (Якутия), Аркт. гос. ин-т культуры и искусств, Нац. театр танца Респ. Саха (Якутия) им. С. А. Зверева – Кыыл Уола / ред.-сост. В. Е. Дьяконова. Якутск: ИЦ АГИКИ, 2018. С. 111–119.

Добжанская 2019 – Добжанская О. Э. Нематериальное культурное наследие народов Севера и Арктики: проблемы изучения и сохранения // Научный вестник Арктики. 2019. № 6. С. 85–91.

Добжанская 2023 – Добжанская О. Э. Круговые танцы коренных народов Таймыра как обрядовая песенно-танцевальная традиция // Фольклорные традиции народов Севера: Проблемы и перспективы развития: Сборник материалов и методических рекомендаций / сост. С. Л. Чернышова. СПб.: Алмаз-Граф, 2023. С. 41–52.

Добжанская, Крашенинникова 2024 – Добжанская О. Э., Крашенинникова Ю. А. Изучение нематериального культурного достояния тюрков южной Сибири: экспедиция к бачатским телеутам Кемеровской области – Кузбасса // Живая старина. 2024. № 1 (121). С. 55–59.

Жорницкая 1986 – Жорницкая М. Я. Традиционные танцы нгансан // Полевые исследования института этнографии в 1982 г. М., 1986. С. 149–156.

Интернет-портал Культура – Интернет-портал «Культура» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.culture.ru/objects/tradition/>.

Каргин, Костина 2008 – Каргин А. С., Костина А. В. Сохранение нематериального культурного наследия народов РФ как приоритет культурной политики России в XXI веке // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 3. С. 59–71.

Конвенция ЮНЕСКО 2003 – Конвенция об охране нематериального культурного наследия [Электронный ресурс]: ЮНЕСКО. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (дата обращения: 30.06.2024).

Красная книга языков 1994 – Красная книга языков народов России: Энциклопедический словарь-справочник / гл. ред. В. П. Нерознак. М.: Академия, 1994. – 119 с.

Круговые танцы народов Евразии 2024 – Круговые танцы народов Евразии: актуальные вопросы изучения, сохранения, укрепления традиций: сборник научных статей / ред. колл.: Н. И. Попова (отв. ред.), Р. И. Бравина, Н. И. Данилова и др.; сост. С. Д. Мухомлева. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2024. – 321 с.

Лингвистический энциклопедический словарь – Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.

Международный круглый стол 2018 – Международный круглый стол «Запад – Восток: стратегии сохранения нематериального культурного наследия» (27 февраля 2018 г.) // Научный альманах «Традиционная культура». 2018. Т. 19. № 3. С. 11–19.

Методика работы 2023 – Методика работы с объектами нематериального этнокультурного достояния народов России: материалы межрегионального семинара-практикума по выявлению, сохранению, популяризации объектов нематериального этнокультурного достояния народов Российской Федерации (Воронеж, 9–12 ноября 2023 г.) / сост. И. М. Глинко, М. В. Русанова. М.: ГРДНТ им. В. Д. Поленова, 2023. – 124 с.

Музей музыкальных инструментов Северной Азии – Музей музыкальных инструментов Северной Азии. Коллекция Юрия Шейкина [Электронный ресурс]: Арктический государственный институт культуры и искусств. – URL: <https://agiki.ru/life/muzey-muzykalnykh-instrumentov-narodov-severnoy-azii-kollektsiya-yuriya-sheykina.php> (дата обращения: 30.06.2024).

Народное музыкальное творчество – Народное музыкальное творчество: Учебник / отв. ред. О. А. Пашина; Гос. ин-т искусствознания. СПб.: Композитор, 2009. – 568 с.

Нематериальное культурное наследие ЮНЕСКО – Нематериальное культурное наследие ЮНЕСКО – Intangible Cultural Heritage [Электронный ресурс]: UNESCO – intangible cultural heritage. – URL: <https://ich.unesco.org/en/what-is-intangible-heritage-00003> (дата обращения: 28.06.2024).

Нематериальное этнокультурное достояние 2023 – Нематериальное этнокультурное достояние народов России. Региональный опыт: материалы Всероссийского форума по вопросам деятельности в сфере нематериального этнокультурного достояния / сост. И. М. Глинко, М. В. Русанова; отв. ред. Н. Е. Котельникова. М.: ГРДНТ им. В. Д. Поленова, 2023. – 160 с.

НЭД народов России 2023 – Нематериальное этнокультурное достояние народов России. Региональный опыт: Материалы Всероссийского форума по вопросам деятельности в сфере нематериального этнокультурного достояния / сост. И. М. Глинко, М. В. Русанова; отв. ред. Н. Е. Котельникова. М.: ГРДНТ им. В. Д. Поленова, 2023. – 160 с.: ил.

Ожегов 1988 – Ожегов С. И. Словарь русского языка.: изд. 20 / С. И. Ожегов; под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1988. – 750 с.

Отчет семинара 2002 – Отчет семинара по выполнению Рекомендации ЮНЕСКО (1989) о сохранении традиционной культуры и фольклора в регионе Сибири Российской Федерации. Якутск: Сахаполиграфиздат, 2002. – 72 с.

Перепись 2010 – Перепись 2010 [Электронный ресурс]: Росстат. – URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 28.06.2024).

ПМА 1994 – Полевые материалы автора (ПМА), 1989. Таймырский АО, п. Усть-Авам, август 1989 г. Интервью с Е. Д. Порбиной и Н. Д. Логвиновой (полевой дневник); Таймырский АО, п. Волочанка, сентябрь 1994 г. Интервью с С. М. Порбиным и Н. Ф. Порбиной (полевой дневник).

Попов 1936 – Попов А. А. Тавгийцы: материалы по этнографии авамских и вадеевских тавгийцев. М.; Л., 1936. (Труды Института антропологии и этнографии. Т. 1. Вып. 5). – 112 с.

Пуртова 2018 – Пуртова Т. В. Нематериальное культурное наследие: проблемы терминологии // Научный альманах «Традиционная культура». 2018. № 1. С. 37–39.

Пятый Всероссийский конгресс фольклористов – Пятый Всероссийский конгресс фольклористов, 16–20 марта 2022 г. Программа [Электронный ресурс]: Российский дом народного творчества. – URL: <http://www.rusfolk.ru/files/news/6232e633f0da6.pdf> (дата обращения: 28.06.2024).

◆ ◆ ◆ II ◆ ◆ ◆
ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ
НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ

Региональный каталог объектов НКН Камчатского края – Региональный каталог объектов НКН Камчатского края [Электронный ресурс]: Камчатский центр народного творчества. – URL: http://www.kamcnt.ru/heritage/elektronnyu_katalog_obektov_nematerialnogo_kulturnogo_naslediya_kamchatskogo_kraya/ (дата обращения: 05.12.2023).

Региональный каталог ХМАО – Региональный каталог Ханты-Мансийского АО [Электронный ресурс]: Реестр объектов НЭД народов ХМАО – ЮГРы. – URL: <https://ugra-dostoyanie.ru/> (дата обращения: 30.06.2024).

Реестр объектов НКН – Реестр объектов нематериального культурного наследия народов России [Электронный ресурс]: РДНТ им. В. Д. Поленова. – URL: <http://www.rusfolknasledie.ru/> (дата обращения: 30.06.2024).

Реестр объектов НКН Республики Саха (Якутия) – Реестр объектов нематериального культурного наследия Республики Саха (Якутия) [Электронный ресурс]: Якутский дом народного творчества. – URL: <http://rdnt.ykt.ru/reestr-obektov-nematerialnogo-kulturnogo-naslediya-respubliki-saxa-yakutiya/> (дата обращения: 30.06.2024).

Север и северяне 2012 – Север и северяне. Современное положение коренных малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока / отв. ред. Н. И. Новикова, Д. А. Функ. М.: ИЭА РАН, 2012. – 204 с.

Семинар 2003 – Семинар по выполнению Рекомендации ЮНЕСКО (1989) о сохранении традиционной культуры и фольклора в регионе Сибири Российской Федерации: Сб. выступлений участников междунар. семинара // Нац. ком. Респ. Саха (Якутия) по делам ЮНЕСКО. Якутск, 19–22 августа 2001 г. Якутск, 2003. – 204 с.

Сказители Таймыра 2013 – Сказители Таймыра / сост. Н. С. Кудрякова, А. А. Барболина, З. Н. Болина, Т. В. Болина, С. Н. Жовницкая, Р. П. Яптунэ; Таймырский Дом народного творчества. Дудинка, 2013. – 272 с.

Состав Федерального экспертного совета – Состав Федерального экспертного совета [Электронный ресурс]: РДНТ им. В. Д. Поленова. – URL: <http://www.rusfolknasledie.ru/#/council> (дата обращения: 30.06.2024).

Список ЮНЕСКО – Browse the Lists of Intangible Cultural Heritage and the Register of good safeguarding practices // UNESCO Intangible Cultural Heritage [Электронный ресурс]. – URL: [https://ich.unesco.org/en/lists?text=&country\[\]=00184&multinational=3#tabs](https://ich.unesco.org/en/lists?text=&country[]=00184&multinational=3#tabs) (дата обращения: 01.11.2025).

Intangible Cultural Heritage List – Intangible Cultural Heritage List [Электронный ресурс]: ЮНЕСКО. – URL: <https://ich.unesco.org/en/lists#2008> (дата обращения: 28.06.2024).

Федеральный закон 2022 – Федеральный закон «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» от 20.10.2022

О. Э. Добжанская
НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ
НАРОДОВ СЕВЕРА И ПРОБЛЕМЫ ЕГО СОХРАНЕНИЯ

№ 402-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]: Официальное опубликование правовых актов. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210200005> (дата обращения: 05.12.2023).

Фольклор палеоазиатских народов 2023 – Фольклор палеоазиатских народов: IV Международная научно-практическая конференция, 8–11 ноября 2022 г.: сб. материалов // ГБУК «Сахалинский областной центр народного творчества» / сост. О. Ю. Хурьюн. Южно-Сахалинск: Островная библиотека, 2023. – 228 с.

Хлобыстин 1998 – Хлобыстин Л. П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур севера Евразии / под ред. В. В. Питулько, В. Я. Шумкина. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. – 431 с.

Шейкин 1996 – Шейкин Ю. И. Музыкальная культура народов Северной Азии. Якутск: РДНТ, 1996. – 123 с.

Шейкин 2002 – Шейкин Ю. И. История музыкальной культуры народов Сибири. М.: Восточная литература, 2002. – 718 с.

Шейкин, Добжанская 2014 – Шейкин Ю. И., Добжанская О. Э. Обрядовые песнопения и лирические песни эвенков // Обрядовая поэзия и песни эвенков. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 32.) Новосибирск: Академическое издательство «Гео», 2014. С. 42–78.

Якутский героический эпос в современном культурном пространстве – Якутский героический эпос олонхо в современном культурном пространстве [Электронный ресурс]: ИЛИН. – URL: <https://ilin-yakutsk.narod.ru/2012-4/18.htm> (дата обращения: 28.06.2024).

М. С. Каменских, А. В. Черных

**НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ
КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
В УСЛОВИЯХ ГОРОДА:
ПРИМЕР г. ПЕРМИ**

Один из критериев понимания нематериального этнокультурного достояния – это локальность. Как правило, уникальные традиции бытуют в ареалах компактного расселения этнических сообществ. Сложное культурное пространство города нарушает локальность традиции, ее уникальность, а дисперсный характер расселения носителей препятствует ее воспроизводству. В связи с этим городская среда, как правило, не рассматривается как среда для исследования бытования объектов.

В России значительная часть современных городских поселений не обладают длительной и устоявшейся этнокультурной традицией, и этому есть историческое объяснение. Большая часть российских городов обрели свой облик в середине XX в. в рамках модернизационных преобразований, и культурное пространство, как и формирование среды бытования объектов, не завершилось в полной мере и поныне. Но стоит отметить, что немало городов сформировались уже несколько сот лет назад, и сегодня они обладают собственной непрерывной культурной традицией, например Москва, Псков, Санкт-Петербург и другие [Синдаловский 2024]. Аналогичные традиции существуют и в других исторических российских городах, но сегодня это является лишь частью городского исторического и фольклорного городского «текста», краеведческого «поля» и не воспринимается сквозь призму нематериального этнокультурного достояния.

Однако город также выступает местом традиции. С одной стороны, ряд традиций вместе с носителями «мигрируют» в города, где традиции бытуют вне материнского локуса. С другой стороны, как будет показано ниже, некоторые объекты нематериального наследия, с учетом этнокультурной специфики России, могут по-

явиться только в условиях городской среды. Все это создает основания для общих подходов к изучению в городе объектов нематериального этнокультурного достояния.

Авторы убеждены, что город как культурное пространство также может выступать в качестве поля для исследования нематериального этнокультурного достояния. Проведение полевых исследований в городе Перми в 2023–2024 гг. показало, что такими объектами могут быть: городская топонимика; городские предания и легенды; региональные традиции городской кухни; специфические для городской этнокультурной среды хозяйственные практики; бытование и развитие традиций городских этнических сообществ; обрядовые практики и городской фольклор. Расширение представлений о нематериальном этнокультурном достоянии и объектах, которые могут быть к нему отнесены в городской среде, позволит внести вклад и в особенности развития современной России, способствовать научному анализу социокультурных явлений городов.

Пермь в этом контексте представляется одним из городов России, культурный текст которого, благодаря исследованиям историков, лингвистов, этнологов и антропологов, является достаточно исследованным и актуальным [Абашев 2008; Корчагин 2009; Полякова 2013; Корчагин, Черных 2013; Вайман 2016; Черных 2015; Черных, Каменских, Подюков 2015].

Городские предания и легенды

Мифологические нарративы, чаще всего в широком общественном дискурсе обозначаемые как «городские легенды», как отдельный пласт устной прозы, представляют немалый интерес. Появившиеся в разные исторические периоды и в связи с различными историческими событиями, они бытуют в городском пространстве среди местных жителей, устойчиво передаваясь от поколения к поколению, часто являясь основой для формирования городской идентичности. Учитывая особенности формирования городской среды, нарративы Перми можно условно разделить на легенды Перми губернской и Перми советской. Складываются и современные городские легенды, однако говорить о них как отдельном явлении культуры пока рано. Городские легенды губернской Перми появились в период, когда Пермь была центром одноименной губернии, – с 1796 по 1923 г. Одними из наиболее известных являются предания и легенды о подземных ходах, о могиле проклятой дочери, о доме с кикиморой.

◆ ◆ ◆ II ◆ ◆ ◆

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ

**НАИМЕНОВАНИЕ УЛИЦ
г. ПЕРМИ**

Восток наименования.	Старые наименования.
Ул. Трудовая	В. Монастырская
„ Союзная	„ Турецкая
„ Коммунистическая	„ Петропавловская
„ Лесная	„ Парковая
„ Пролетарская	„ Екатеринбургская
„ Луначарского	„ Новониколаевская
„ Свободная	„ Ильянская
„ Ткацкая	„ Славянская
„ Красноармейская	„ Соколовская
„ Промышленная	„ Мещанская
„ Толкачевская	„ Кривопольская
„ Свердловская	„ Екатеринбургская
„ Шаляпина	„ Базаровская
„ Гурьевская	„ Семшовская
„ Добрынина	„ Александровская
„ Беломестная	„ 1-я Загородная
„ Чернышевская	„ 2-я Загородная
„ Карага Маршала	„ Сибирская
„ 20-й Октября	„ Омская
„ Решетникова	„ Кавказская
„ Мухоморова	„ Оренбургская
„ Красный Провоз	„ Курганская
„ Шувалова	„ В.-Яковлевская
„ Сад Яковлева Горюхова	„ Лобовского сад
„ Сад Дембровского	„ Тарасовский сад
„ Пешеходный Кожевников	„ Саусов. площ.
„ Красный Сад	„ Загородный сад
„ Пешеходный Октябрьский	„ Сивина. площ.
„ Революционный	

ПЛАН города ПЕРМИ

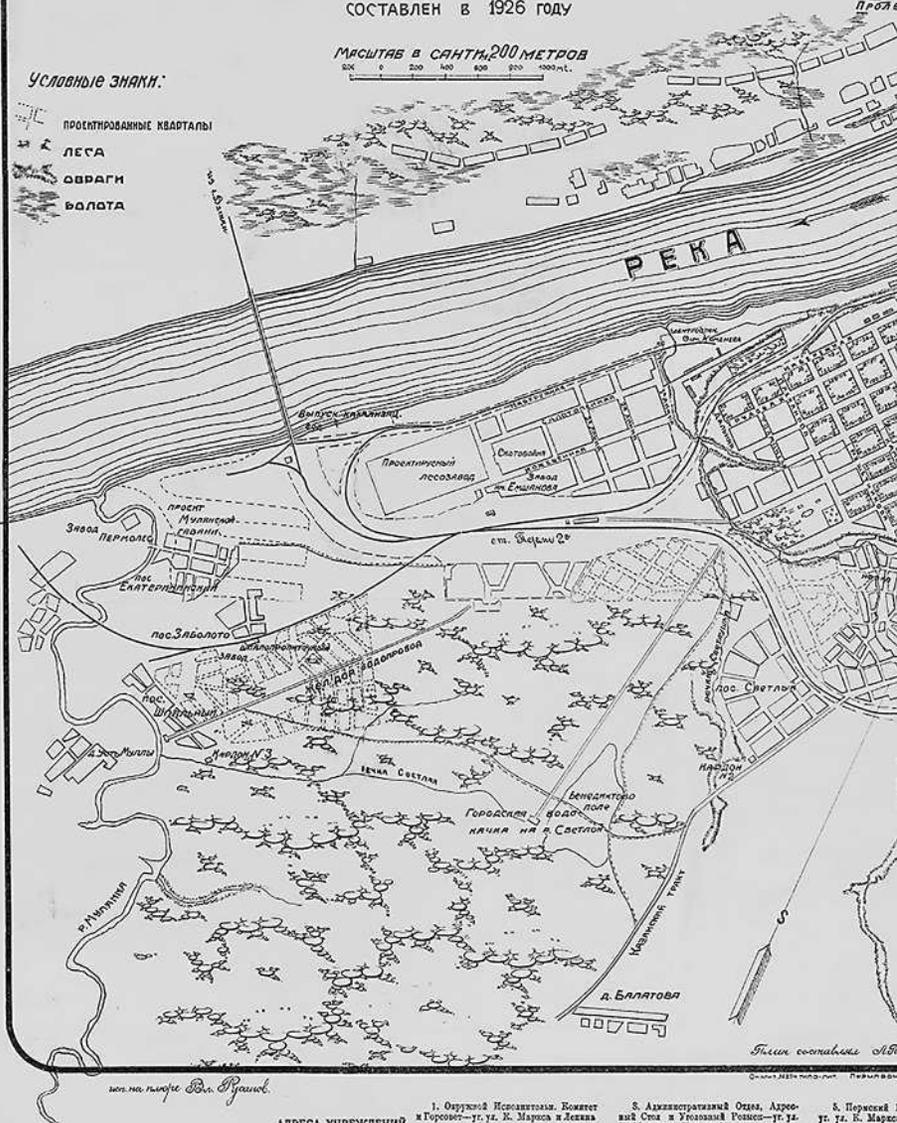
СОСТАВЛЕН в 1926 ГОДУ

МАСШТАБ в САНТИМЕТРАХ 1:900

0 200 400 600 800 1000 м.

Условные знаки:

- ПРОЕКТИРОВАННЫЕ КВАРТАЛЫ
- ЛЕСА
- ОВАГИ
- ВОЛОТА

АДРЕСА УЧРЕЖДЕНИЙ.
1. Оружейный Исследовательский Комитет и Горсовет — ул. К. Маркса и Ленина
2. Оружейный Комитет ВКП(б) — улица Трудовая, № 83.

3. Административный Отдел, Административный Отдел, Административный Отдел — ул. К. Маркса и Перестройки.
4. Народное Местное Хозяйство — ул. Краснофлотская и Трудовая.

5. Пермский ул. ул. К. Маркса
6. Отдел Зар. К. Маркса, № 10

лист на плане В.В. Крашев.

Лист составлен А.В. Крашев.

М. С. Каменских, А. В. Черных
**НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В УСЛОВИЯХ ГОРОДА:
 ПРИМЕР г. ПЕРМИ**

Конкуляцкий Трест—
 и Тростко.
 озера — усадьба

7. Отдел Народного Образования—
 ул. ул. К. Маркса и Тростко.
 8. Пермский Промышленный Комбинат—ул. ул. К. Маркса и Советский.

Издание Пермского Общества Краеведения

9. Университет: Канцелярия, Педагогический и Агрономический факультеты—
 ул. ул. К. Маркса и Филозова, Медфак и лаборатория Насекомых—Филова.
 10. Государственный Музей—Трулова, 10; Художественный Отдел—Трулова, 10.

План города Перми.
 Приложение к изданию «Город Пермь. Сборник очерков».
 Издание Пермского общества краеведения, Пермь, 1926

Легенды о подземных ходах, соединяющих какие-либо значимые объекты городского (и даже сельского) пространства, можно встретить повсеместно в разных уголках России – как правило, это рассказы о тоннелях, соединяющих церковь с домом священника или часовней, монастырь с кладбищем, дома зажиточных людей или царских особ между собой. В этой связи можно назвать уникальной легенду о подземном ходе, соединяющем пивоваренный завод с железнодорожной станцией в городе Перми. Здание «Пивзавод» на Сибирской улице – это уникальный образец индустриального модерна. Оно было построено в 1909 г. специально для местного пивоваренного предприятия. В 1980-х гг. завод был закрыт, а затем в течение 40 лет здание несколько раз меняло владельцев, постепенно разрушалось и пришло в негодность – целой оставалась лишь фасадная стена. Старожилы рассказывают, что от завода до самой Камы идет подземный ход. Они описывают его как настолько просторный, что даже лошадь могла бы пройти по нему [Корчагин 2012]. Есть немало рассказов о тоннелях, якобы ведущих в сторону реки Камы от отдельных зданий и объектов в историческом центре [ПМА. Пермь, 2024–2025]. Причем в легендах все выходы ведут именно к Каме, поскольку эта река имела важное транспортное значение для города в XIX – начале XX в. На набережной действительно есть немало тоннелей, имевших хозяйственное назначение.

В контексте «легенд» губернской Перми нельзя не упомянуть еще один сюжет – могилу проклятой дочери. Она располагается на Егошихинском кладбище, недалеко от православной церкви Успения Божией Матери. Примечательно надгробие этой могилы – лик с окаймляющей змеей по окружности. Надпись на надгробии загадочна: «Здесь покоятся муж с женой, брат с сестрой и отец с дочерью». Легенда об истории могилы возникла на основе таинственного случая, произошедшего в городе в 1807 г. История начинается во времена юности местного жителя Александра Ивановича Девелия, бывшего начальником пермской полиции. Случилось так, что от него забеременела собственная мать Галина. Александр отправился в Москву, а Галина втайне выносила ребенка, а после рождения девочки отдала ее на воспитание своей служанке. При этом девочка росла под присмотром матери и получала хорошее образование.

После смерти матери Александр снова вернулся в родной дом и обнаружил прекрасную дочь служанки. Симпатия оказалась взаимной, и вскоре они поженились. Новоиспеченная жена забеременела, но роды были тяжелыми и закончились ее смертью. Выжившую девочку назвали Таисией. Отец любил свою дочь, которая так напоминала ему его возлюбленную. Так продолжалось чуть больше шести лет, пока при-

*«Могила проклятой дочери»
на Егошихинском кладбище. г. Пермь Пермского края, 2024*

Фото В. В. Никонова

емная мать-служанка его покойной возлюбленной серьезно не заболела. Пригласив к себе Александра, она рассказала страшную тайну. Вернувшись домой, Александр Девелий выгнал свою дочь на улицу. Вскоре девочка умерла от воспаления легких. После того как Александр узнал о трагической смерти своей дочери, он заказал две надгробные плиты: одну для дочери, а вторую для себя. Могильная плита для дочери представляла собой круглую чугунную плиту с надписью «Пермского исправника Девелия дочь Таисия, от роду 6 лет 11 месяцев, скончалась в январе 1807 года», а по контуру змея, заглатывающая свой хвост. Александр Девелий покончил с собой. В предсмертной записке он указал, чтобы его похоронили вместе с женой, а на его плите написали: «Здесь покоятся двое: муж с женой, брат с сестрой, отец с дочерью». Их могила была расположена недалеко от захоронения Таисьи, но не сохранилась до наших дней. Сегодня это одна из наиболее популярных легенд города Перми [Корчагин 2016]. Мотивы инцеста в принципе редки для российской традиции, поэтому эта история уникальна не только в Перми.

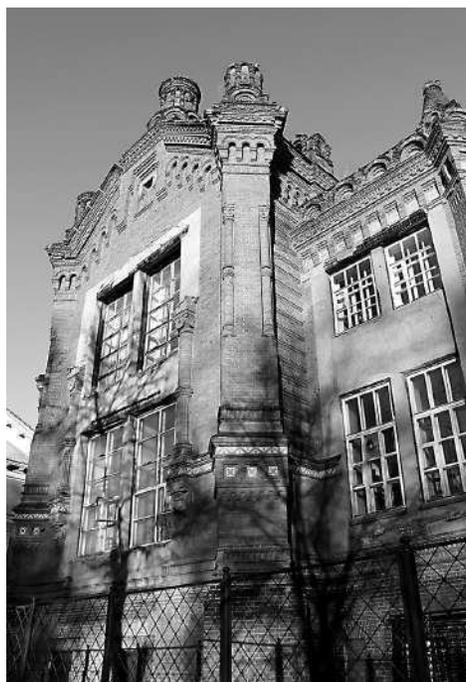
Несколько легенд связаны с одним из интереснейших зданий, расположенным в центре города Перми – зданием Мариинской женской гимназии (ул. Петропавловская, 23), где сейчас находится Пермский государственный аграрно-технологический университет им. Д. М. Прянишникова.

Например, легенда про пирог с адамовой головой. Ранее на месте гимназии стоял дом потомственного дворянина и статского советника Елисея Чадина. Он был крупным чиновником, но его недолго любили горожане, поскольку он занимался спекуляциями, ростовщичеством и судебными тяжбами. Будучи человеком состоятельным, он был очень скуп. Рассказывают, что при строительстве своего дома Е. Чадин заставлял рабочих использовать в качестве строительных материалов каменные и чугунные могильные плиты с ближайшего кладбища. Верующие люди полагают, что именно это святотатство стало причиной событий, произошедших на его именинах. В честь праздника был подан огромный именинный пирог, но он вызвал не восторг у гостей, а ужас! В центре пирога было изображение адамовой головы: череп с перекрещенными костями. Такой декор для торта выглядел устрашающим, и гости, согласно легенде, разбежались. Самого же хозяина хватил удар, после чего он скончался. По городу быстро распространились слухи о том, что Е. Чадин был наказан привидениями, а некоторые утверждали, что это дело рук его слуг, с которыми он был очень жесток. После смерти Елисея Чадина за домом закрепилась дурная слава: в нем-де слышались стоны из-под земли, голоса и другие звуки. Это связывали с новой хозяйкой дома, которой стала кикимора. По народным поверьям, кикиморы обычно селятся в жилых домах, где прои-

«Дом с кикиморой» – ныне один из учебных корпусов Пермского государственного аграрно-технологического университета имени академика Д. Н. Прянишникова.
г. Пермь Пермского края, 2024

Фото В. В. Никонова

зошло какое-то несчастье или преступление. Однако жители города рассказывали, что именно кикимора спасла дом Е. Чадина от страшного пермского пожара 1842 года. Город почти полностью выгорел, но дом Елисея Чадина остался невредимым. Когда губернатор опрашивал свидетелей пожара, одна старушка рассказала, что она, мол, видела кикимору, которая махала белым платком из окошечка под крышей, отгоняя пожар. В конце концов дом Е. Чадина был разрушен, а на его месте построили новое здание для женской Мариинской гимназии. Но потусторонние силы продолжали проявлять себя: рабочие гибли, слышались голоса. Так и закрепилась за этим местом «пугающая» слава [Корчагин 2012а].

Выше представлены лишь некоторые из городских легенд Перми. Они появились в культурном пространстве города и сегодня передаются многими жителями, особенно с развитием локального туризма и выпуском большого количества литературы об истории, легендах и преданиях города. Все это – неотъемлемая часть нарративов, связанных с историей и пространством города.

Топонимика города Перми

Географические названия помогают человеку ориентироваться и, следовательно, должны быть наделены значимой культурной информацией. Топонимия Перми формировалась на протяжении многих столетий в рамках культурного пространства Пермской губернии [Абашев]. В данном разделе на примере городского пространства Перми будут представлены особенности этнокультурного достояния города на примере бытования ряда объектов.

Живая городская речь по-своему противостоит малоинформативным официальным топонимам – в городе часто уживаются официальные и неофициальные названия, которые созданы на основе ушедших названий, связаны с народным словотворчеством и языковой игрой. Особенно удобными при этом оказываются экспрессивные и образные средства языка – они останавливают внимание на уникальных свойствах объекта, содержат его разнообразные эмоциональные оценки. Большая часть неофициальных топонимических новообразований – это словообразовательные, звуковые, грамматические, каламбурные варианты официальных. Отмечаются достаточно простые случаи, когда в целях экономии речевых усилий в названиях опускаются слова «улица», «поселок» (живу в Нагорном – имеется в виду поселок) [Гашева,

Назаров 2002]. Знание особенностей местной топонимики помогает ориентироваться внутри городского сообщества на уровне дихотомии «свой» – «чужой». «Свои» знают местные названия, являются «коренными», или «местными» и отличаются от «чужаков», не знающих местных особенностей. Центральный городской парк Перми, или «Горьковский сад», например, до сих пор многие горожане называют «огородом», что хорошо соотносится с его исторической ролью – еще в XVIII в. здесь были городские сады и огороды. Только в неофициальной речи сохраняются специфические формы топообразований, частые в Прикамье в целом: *Заива* – ул. Чехова в Мотовилихинском районе, *Закама* – правобережье Камы; диалектные слова в названиях: *Взвоз* – ул. Мостовая в Мотовилихинском районе, *Елань* – микрорайон Висим в Мотовилихинском районе города [Гашева, Назаров 2002].

Создаются разнообразные словообразовательные варианты официальных названий типа *Крохалева* – пос. Крохалева, *Егошиха* – пос. Егошихинский. При этом особенно активны номинации, созданные по широко распространенным образцам. Одна из наиболее продуктивных моделей – стяжение сложносоставных наименований с помощью суффикса топоформанта -к-: *Железка* – пос. Железнодорожный, *Паровозка* – ул. Паровозная, *Стаханка* – ул. Стаханова, *Калинка* – ул. Калинина (также *Калинка* – Дворец культуры им. Калинина), *Чайковка* – ул. Чайковского, *Пролетарка* – пос. Пролетарский, *Российка* – кинотеатр «Россия», *Театралка* – кафе «Театральное», *Горняшка* – кинотеатр «Горн», *Грачевка* – Грачевская больница, *Девятка* – ул. 9 Мая, *Одойка* – ул. Одоевского, *Липка* – микрорайон Липовая гора в Свердловском районе, *Молодежка* – микрорайон в Перми, *Моторка* – ул. Моторостроителей в Свердловском районе, *Пионерка* – ул. Пионерская в Свердловском районе, *Уфимка* – Уфимская улица в Свердловском районе, *Леонка* – ул. Леонова [Гашева, Назаров 2002].

Могут быть использованы и экспрессивные суффиксы: *Кисляры* – микрорайон Кислотные дачи, *Подаренки* – магазин «Подарки» на Комсомольской площади в Свердловском районе, *Крохаля* – микрорайон Крохалева в Свердловском районе, *Медуха* – медицинская академия. Активная часть урбанонимики – усечения и аббревиации типа *Компрос* – Комсомольский проспект (встречается даже в объявлениях водителей общественного транспорта). Усечения типа: *Орджо*, *Орджоних* – Орджоникидзевский район, *Сельхоз* – сельскохозяйственная академия, *Универ* – Пермский государственный университет, *Финан* – финансовый техникум, *Фарма* – фармацевтическая академия, крайне распространены в речи молодежи.

М. С. Каменских, А. В. Черных
НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В УСЛОВИЯХ ГОРОДА:
ПРИМЕР г. ПЕРМИ

Стела на въезде в Орджоникидзевский район. г. Пермь Пермского края, 2025

Фото Ю. С. Чернышевой

*Указатель на въезд микрорайона
Кислотные Дачи.
г. Пермь Пермского края, 2025*

Фото Ю. С. Чернышевой

*Улица микрорайона
Молодежный.
г. Пермь Пермского края, 2025*

Фото Ю. С. Чернышевой

*Железнодорожная станция «Молодежная»
в одноименном микрорайоне. г. Пермь Пермского края, 2025*

Фото Ю. С. Чернышевой

◆ ◆ ◆ II ◆ ◆ ◆
ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ
НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ

Вид на микрорайон Вышка-2. г. Пермь Пермского края, 2025

Фото Ю. С. Чернышевой

Вид на р. Каму и центральную часть. г. Пермь Пермского края, 2025

Фото Ю. С. Чернышевой

Созданы за счет упрощения структуры названия типа *Luna* – микрорайон Липовая гора [Гашева, Назаров 2002].

История современного микрорайона Закамск (название дано по месторасположению – за рекой Камой от города Перми) начинается с конца 1920-х гг. и связана со строительством Пермского порохового завода. Строительство завода «К» на правом берегу реки Камы, в 25 километрах от города Перми, было начато в конце 1920-х гг. и окончено в 1934 г. Первоначально заводу был присвоен № 98, а с 1941 г. он стал носить имя С. М. Кирова. В 1930-е гг. вокруг завода сформировались социальная инфраструктура и жилые районы. До включения в состав Перми в 1941 г. территория существовала как город Закамск [Вяткина 1991]. С таким названием левая часть камского берега вошла в культурно-бытовую среду города Перми. Нахождение микрорайона на левом, ближнем к Москве, берегу породило дискуссии о том, какая часть города должна именоваться Закамском – центральная правобережная или левобережная¹. Сегодня «Закамск» как зона отдельного, отдаленного от центра культурного ландшафта, широко представлен в культурном пространстве и повседневности современной Перми.

Еще одним пластом современной топонимической карты города является включение в нее топонимического ландшафта сопредельных поселений, в разные исторические периоды вошедших в городскую структуру. Так, названия деревень, влившихся в город сегодня, стали названиями микрорайонов и районов города – Кибай, Ераничи, Усть-Муллы, Кондратово, Костарево и другие.

Исследование топонимики Перми позволяет глубже понять социокультурные процессы, происходившие в регионе на протяжении длительного времени. В последнее время интерес к топонимике Перми как к объекту нематериального культурного наследия значительно возрос. Это связано не только с популяризацией исторических исследований, но и с пониманием важности сохранения уникальной культурной идентичности региона. Топонимы становятся ключом к пониманию давних и относительно новых изменений в жизни общества, отражая историческую память и культурные особенности народов, населявших территорию современной Перми.

¹ См., напр., Пермь. Закамск: russiantowns – ЖЖ//<https://russiantowns.livejournal.com/7475138.html>

Традиции городской кухни

Арт-объект «Посе(и)кунчик».
г. Пермь Пермского края, 2024

Фото В. В. Никонова

Традиция городской кухни как наследия связана с трансформацией традиций питания в условиях модернизации и развивающейся городской среды. Появление газовых плит, распространение растительного масла для жарки привели к возникновению новых способов приготовления еды с имеющимися ранее традициями и рецептурой крестьянского населения. В этом плане интересна история пермских обжаренных в масле мясных пирожков посикунчиков. Посикунчики (посекунчики) – это пермские жаренные в масле пирожки, популярное и сегодня пермское блюдо, ставшее своего рода региональным городским брендом. Это блюдо для многих туристов ассоциируется именно с Пермью. Пресное тесто для пирожков готовится из пшенич-

ной или ржаной муки, а в качестве начинки используется рубленое мясо (свинина, говядина, баранина) либо овощная начинка (пистики, редька с медом, печеная репа). После лепки пирожки обжаривают в масле до хрустящей золотистой корочки. Внутри пирожков при жарке образуется бульон, часто брызжащий во время еды, чем объясняется их название. По форме пирожки напоминают вареники или маленькие чебуреки. Подаются обычно на блюде три-семь пирожков с соусом из чеснока и сметаны или горчицы и уксуса.

Локальная выпечка часто выступает в качестве местных объектов наследия, особенно на фоне развития гастротуризма (например, удмуртские перепечи, карельские калитки или кавказские хычины). В начале XX в. выпечка с мясной начинкой для Урала была крайне редким явлением, пищу готовили преимущественно в русской печи. Пирожки с начинкой «каравай», жаренные в масле в «каравайнице», упоминаются в кухне рабочих Нижнего Тагила начала XX в. Это блюдо появилось в результате приезда выходцев с Украины [Крупянская, Полищук 1971: 143]. Посикунчики распространились не только на уровне семейного быта, но и в традиции появившихся во второй половине XX в. пунктов коллективного питания рабочего населения (столовые, комбинаты питания, буфеты). Однако сам термин получил распространение в 2000-е гг.

М. С. Каменских, А. В. Черных
НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В УСЛОВИЯХ ГОРОДА:
ПРИМЕР г. ПЕРМИ

◆
◆
◆
Блюдо немецкой кухни *Kartoffelsalat*
(Картофельный салат).
г. Пермь Пермского края, 2015

Фото Д. И. Ваймана

◆
◆
◆
Блюдо немецкой кухни *Krautsuppe*
(Суп с квашеной капустой).
г. Пермь Пермского края, 2015

Фото Д. И. Ваймана

◆
◆
◆
Блюдо немецкой кухни *Strudel*
(Тушеное мясо с квашеной капустой).
г. Пермь Пермского края, 2015

Фото Д. И. Ваймана

◆
◆
◆
Блюдо немецкой кухни *Wurst*
(Домашняя свиная колбаса).
г. Пермь Пермского края, 2015

Фото Д. И. Ваймана

◆
◆
◆
Блюдо немецкой кухни *Waffeln* (Вафли).
г. Пермь Пермского края, 2015

Фото Д. И. Ваймана

◆
◆
◆
Блюдо немецкой кухни *Schnitzsuppe*
(Суп из сухофруктов с клецками).
г. Пермь Пермского края, 2015

Фото Д. И. Ваймана

Посекунчики. г. Пермь Пермского края, 2023

Фото Д. И. Ваймана

В сборнике С. С. Субботина «Пермская кухня» (1980) посикунчики не упоминаются вообще, хотя традиции приготовления пирогов описаны довольно подробно [Субботин 1980]. В «Словаре пермских говоров» 2002 г. обозначено только слово «посекунчик» как «пирог из пресного теста с мясом». Местом бытования обозначен поселок Кын Лысьвенского района [Посекунчики 2002: 180]. В словаре «По-пермски говоря» (2013) уже представлена развернутая статья про «Посикунчики» [Словарь 2013: 77]. Таким образом, данное блюдо, не являясь по факту объектом исторического наследия города, показывает, как кухня может становиться частью этнокультурного достояния городской среды.

Частью городского культурного наследия может считаться и *наследие городских этнических сообществ*. Специфика здесь заключается в том, что ряд сообществ формировались исключительно в условиях городской среды и город выступает основной территорией их расселения. В Перми такими могут считаться, например, евреи и цыгане.

Появление евреев в Перми связано с принятием 26 августа 1827 г. Указа Николая I «О введении для евреев воинской повинности» [О введении

1830: 1228–1229]. С 1814 г. в Перми существовало военно-сиротское отделение на 600 человек, в котором обучали военной науке солдатских детей. В 1826 г. оно было преобразовано в батальон военных кантонистов, или 3-ю учебную бригаду, рассчитанную на 2000 человек [Бартгейл 2000: 88]. С появления первых кантонистов и их семей в Прикамье начинает формироваться еврейская община [Бартгейл, Пинкас 1995: 172]. Духовная жизнь еврейской общины Прикамья была сосредоточена вокруг синагоги. До ее строительства у пермских евреев был «молельный дом», в котором располагались начальная школа и «хедер» – начальная религиозная школа. В 1886 г. еврейская община Перми получила разрешение на постройку синагоги. Деревянное здание синагоги появилось на ул. Кунгурской, 33 (совр. Комсомольский проспект). В 1913 г. была возведена каменная синагога по ул. Екатерининской [Гайсин]. К началу XX в. в Перми уже существовало организованное еврейское сообщество. Начавшаяся Первая мировая война намного увеличила еврейское население Пермской губернии за счет беженцев и переселенцев из западных губерний. Уже к началу советского периода евреи были одним из наиболее крупных этнических сообществ города. Наиболее влиятельной еврейской негосударственной организацией второй половины 1920-х гг. был Общинный совет, в ведении которого находились еврейская школа, библиотека, детдом и еврейская профшкола [Пермский государственный архив социально-политической истории. Ф. 2. Оп. 3. Д. 205. Л. 6]. В 1930–1940-х гг. еврейское население Перми пополнилось беженцами из Польши, западных районов Украины и Белоруссии, а также эвакуированными [Вайман 2016: 23–24]. Новый приток еврейского населения в город Молотов (Пермь) приходится на годы Великой Отечественной войны, когда проходила эвакуация населения и предприятий из западных районов СССР на Урал. В годы войны в Перми жили шахматист М. М. Ботвинник, скульптор З. М. Виленский, художники Н. И. Альтман и А. Л. Каплан, литераторы О. М. Брик и Л. Ю. Брик и др. [Бартгейл 2000: 70]. Миграции военных лет послужили причиной увеличения численности еврейского населения в Прикамье [Бартгейл, Пинкас 1995: 172–174]. В конце 1950-х в Перми, в отличие от центральных и западных регионов страны, практически отсутствовала дискриминация при приеме в вузы по национальному признаку. Город был привлекателен для еврейской молодежи, желавшей получить высшее образование [Кисельгоф 2012: 63–64]. Во второй половине XX в. еврейское сообщество, не имея синагоги как объединяющего культурного центра, продолжило тем не менее существовать и институироваться. Еврейские семьи поддерживали связи, проводили обряды жизненного цикла по собственным традициям. Однако в это время можно отметить снижение интереса к еврейской

культуре. В этот период происходит уменьшение численности еврейского населения в регионе, связанное как с естественными демографическими, так и с ассимиляционными процессами, увеличением количества смешанных браков и отсутствием новых массовых миграций. К концу советского периода в Перми проживало 4680 евреев, из них только 344 человека считали родным языком язык своей национальности. Резкое сокращение численности еврейского населения в регионе произошло на рубеже 1990-х и 2000-х гг. На этот период приходится массовая эмиграция евреев в Израиль. За межпереписной период 1989–2002 гг. численность евреев в Прикамье сократилась более чем в два раза – с 5496 до 2218 [Вайман 2016].

С 1989 г. начинается возрождение еврейской общинной жизни Перми, создается еврейский культурный центр «Менора», воссоздается Пермская еврейская община (ПЕО), а в 1996 г., с принятием закона о национально-культурных автономиях, на базе ПЕО учреждена Пермская региональная еврейская национально-культурная автономия. Современная жизнь прикамских евреев сосредоточена вокруг автономии и синагоги. В структуре автономии функционируют воскресная школа, клуб ветеранов, библиотека, музей, издается газета «Йом-йом» («День за днем») [Кисельгоф 2012]. Общественная организация является центром современной общественной жизни еврейского сообщества города, по ее инициативе в Перми проводятся праздники, актуализируются этнокультурные традиции [Вайман 2016]. Так как еврейское сообщество исторически представлено городским населением, именно в городской среде проявляются те или иные формы этнической культуры. К актуальным в настоящее время явлениям, которые могут быть представлены в качестве объектов нематериального наследия, можно отнести семейные исторические предания: среди родственников сохраняются нарративы об истории семьи, времени и обстоятельствах переезда в Пермь, выступающие важным компонентом исторической памяти. В семейных коллективах сохраняются и традиции приготовления блюд традиционной кухни, уже ставшие предметом этнографических исследований и публикаций [Вайман 2016: 32–237]. Другие явления этнокультурной традиции – семейные и календарные праздники и ритуалы – также могут быть рассмотрены в контексте наследия.

Сообщества цыган формировались в городской этнокультурной среде Перми неравномерно. Разные этнические группы цыган осели в городе преимущественно во второй половине XX в. В Перми наиболее крупными являются группы русских цыган, цыган-кэлдэра-ров и кырымытика рома (крымские цыгане), которые живут отдельно друг от друга в разных микрорайонах города [Черных, Вайман 2018].

М. С. Каменских, А. В. Черных
НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В УСЛОВИЯХ ГОРОДА:
ПРИМЕР г. ПЕРМИ

Беседа А. В. Черных с цыганами. г. Екатеринбург Свердловской области, 2016

Фото Д. И. Ваймана

*Портрет цыганки.
г. Пермь Пермского
края, 2016*

Фото Д. И. Ваймана

*Беседа А. В. Черных
и М. Е. Сухановой с цыганами.
г. Пермь Пермского края, 2016*

Фото Д. И. Ваймана

Наиболее полный комплекс этнокультурных традиций характерен для цыган-кэлдэаров, сохраняющих не только компактный характер расселения в городской среде, но и общинные институты. Традиции, сохраняемые цыганами Перми, также являются частью культурного наследия города. К наиболее интересным явлениям культуры цыган-кэлдэаров можно отнести один из жанров традиционного фольклора – эпические тексты и баллады на восточнороманские сюжеты, формирование которых происходило в ареале расселения группы на Балканах [Цыгане 2018: 394; Образцы 1981; Чириклию-бахтали 2003].

В многонациональной городской среде представлены и другие этнические сообщества, однако они в меньшей степени консолидированы, включают разные по происхождению группы. И выявление особенностей этнокультурной традиции требует проведения специальных дополнительных исследований. Хотя несомненно, что семейные, групповые и общественные традиции характеризуют все этнические сообщества города. И в этом контексте также могут изучаться, фиксироваться и представлять этнокультурное наследие в муниципальных и региональных реестрах.

Интерес для исследования представляют и различные практики, складывающиеся внутри города под влиянием формирования культурной среды. Для Перми, расположенной на берегах реки Камы, исторически характерно сохранение и развитие традиций рыболовства. В настоящее время такой, например, может быть традиция городской рыбалки. Рыболовство в условиях города уже не имеет промыслового характера, как в прошлом. Однако сохраняющиеся навыки, фольклорные тексты, связанные с рыбалкой, также часть современной городской культуры.

В целом проведенное исследование показало, что городское культурное пространство обладает богатым ресурсом для выявления объектов нематериального этнокультурного достояния. Городская топонимика, городские предания и легенды, городская кухня, хозяйственные практики, наследие этнических сообществ города – все это составляет материал для фиксации и деятельности в сфере нематериального этнокультурного достояния.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Абашев – Абашев В. Биармия и Пермь [Электронный ресурс]. – URL: <https://klad.perm.ru/index.php?threads/Биармия-и-Пермь.3089/> (дата обращения: 06.04.2024).

Абашев 2008 – Абашев В. В. Пермь как текст: Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь, 2008. – 492 с.

Бартгейл 2000 – Бартгейл А. История еврейской общины Перми. Пермь, 2000. – 77 с..

Бартгейл, Пинкас 1995 – Бартгейл А., Пинкас Х. К истории евреев г. Перми // Национальный вопрос в прошлом, настоящем и будущем России: Тезисы докладов межрегиональной научно-практической конференции. 19 октября 1995 г. Пермь: Изд-во ПТУ, 1995. С. 172–176.

Вайман 2016 – Вайман Д. И. Евреи Перми: история и культура. СПб., 2016. – 64 с.

Вяткина 1991 – Вяткина В. И. Закамск: 1941–1991. Пермь: Пермское книжное изд-во, 1991. – 123 с.

Гайсин – Гайсин О. Д. Синагога [Электронный ресурс]: Метросфера. – URL: <http://www.metrosphera.ru/history/arch/?pub=29> (дата обращения: 15.09.2025).

Гашева, Назаров 2002 – Гашева Н. Н., Назаров С. А. От «Вышки» к «Галогену» – страницы истории. Пермь: Книжный мир, 2002. – 296 с.

Кисельгоф 2012 – Кисельгоф Э. З. Евреи Пермского края // Пермский край – территория межнационального согласия. СПб.: Маматов, 2012. С. 63–64.

Корчагин 2009 – Корчагин П. А. Пермское общество: губернская эпоха. Пермь: ООО Печатный салон «Гармония», 2009. – 126 с.

Корчагин 2012 – Корчагин П. А. Подземные сооружения города Перми // Смышляевский сборник: исследования и материалы по истории и культуре Перми. Вып. 4 / Центр. городская б-ка им. А. С. Пушкина (Дом Смышляева); сост. и ред. Т. И. Быстрых. Пермь, 2012. С. 14–19.

Корчагин 2012а – Корчагин П. А. Виновата ли кикимора, или Почему не сгорел чадинский дом? // Пермский дом в истории и культуре края. Материалы пятой науч.-практ. конф. / МБУК ОМБ Центр. Городская библиотека им. А. С. Пушкина; сост. и ред. Т. И. Быстрых. Пермь, 2012. С. 75–80.

Корчагин 2016 – Корчагин П. А. «Легенда о могиле проклятой дочери»: откуда что взялось? // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. 2016. № 1. С. 40–61.

Корчагин, Черных 2013 – Корчагин П. А., Черных А. В. «О Пермь, чудесная ты Пермь. Культурных полная тревожностей»: очерки антропологии города // Антропология города. Вып. 1. Сыктывкар, 2013. С. 116–152.

Крупянская, Полищук 1971 – Крупянская В. Ю., Полищук Н. С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX – начало XX века). М.: Наука, 1971. – 286 с.

О введении 1830 – О введении воинской повинности для евреев // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1828. Т. 3. СПб., 1830. С. 1228–1229.

Образцы 1981 – Образцы фольклора цыган-кэлдэрарей: пер. с цыган. / изд. подгот. Р. С. Демерет, П. С. Демерет; предисл. Л. Н. Черенкова, В. М. Гацака; примеч. В. М. Гацака. М.: Наука, 1981. – 264 с.

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ
НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ

Объект – Объект нематериального культурного достояния «Легенды и предания Санкт-Петербурга» [Электронный ресурс]: СПбДНТ. – URL: <https://www.spbdntd.ru/content/nematerialnoe-kulturnoe-dostoyanie-sankt-peterburga> (дата обращения: 15.09.2025).

Пермь 2018 – Пермь от основания до наших дней. Исторические очерки. Пермь: Пушка, 2018. – 528 с.

Полякова 2013 – Полякова Е. Н. Старинные названия на карте Перми. Пермь: Пермский гос. нац. исслед. ун-т, 2013. – 102 с.

Посекунчики 2002 – Посекунчики // Словарь Пермских говоров. Вып. 2 (О–Я). Пермь: Книжный мир, 2002. С. 180.

Посикунчик 2013 – Посикунчик // Словарь пермских слов и выражений. Пермь, 2013. С. 77.

Словарь 2013 – Словарь «По-пермски говоря» (Сувенирный словарь пермских слов и выражений). Пермь: Слово, 2013. – 123 с.

Субботин 1980 – Субботин С. С. Пермская кухня. Пермь: Пермское книжное издательство, 1991. – 317 с.

Субботин 1991 – Субботин С. С. Пермская кухня. Пермь: Пермское книжное издательство, 1991. – 317 с.

Черных 2015 – Черных А. В. Татары Перми: история и культура. Пермь: Маматов, 2015. – 64 с.

Черных, Вайман 2018 – Черных А. В., Вайман Д. И. Цыгане Перми: история и культура. СПб., 2018. – 64 с.

Черных, Каменских, Подюков 2015 – Черных А. В., Каменских М. С., Подюков И. А. Русские Перми: история и культура. Пермь: Маматов, 2015. – 64 с.

Чириклию-бахтали 2003 – Чириклию-бахтали [Электронный ресурс]: Песни молд. цыган г. Перми. Б. м.: Б. и., 2003.

Цыгане 2018 – Цыгане / отв. ред. Н. Г. Деметер, А. В. Черных: Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Народы и культуры). М.: Наука, 2018. – 614 с.

А. В. Черных, М. С. Каменских

**ЯЗЫК КАК ОБЪЕКТ
НЕМАТЕРИАЛЬНОГО
ЭТНОКУЛЬТУРНОГО
ДОСТОЯНИЯ:
PRO END CONTRA**

Язык как способ коммуникации внутри социума – безусловная часть культуры. Через язык раскрываются особенности общественного устройства, картина мира и даже система ценностей. Между тем современные этноязыковые процессы имеют тенденцию к увеличению числа носителей крупных мировых языков и к сокращению языков небольших по численности сообществ. Языки, особенно исчезающие, также представляют собой вариант нематериального наследия, нуждающегося в защите и сохранении [Кармова, Логина 2023: 401].

По данным проекта Etnologue, который модернируется с 1951 г. Агентством языкового кодирования (Language Coding Agency, США) при поддержке ЮНЕСКО, на начало 2020-х гг. в мире существовало 7159 языков, из которых 3193, или 44% – вымирающие (*enadangered*), численность носителей которых ежегодно сокращается. При этом половина населения планеты говорит на 20 крупнейших языках (0,3% от общего количества) [How many languages 2022]. Языки исчезают со скоростью один в месяц. В течение ближайших 40 лет количество исчезнувших языков может утроиться и превысить 1500 [Bromham L. и др. 2022].

Для мониторинга ситуации при участии ЮНЕСКО разработана шкала уязвимости языков *Degree of endangerment*, которая включает в себя шесть категорий, в том числе:

- безопасный (*safe*): на языке говорят многие поколения, передача языка не прерывается;
- уязвимый (*vulnerable*): на языке говорит большинство детей, но его распространение может ограничиваться несколькими областями (например, язык употребляется только дома);

- под угрозой (*definitely endangered*): дети дома уже не учат язык как родной;
- серьезно уязвимый (*severely endangered*): на языке говорит старшее поколение; поколение родителей может его понимать, но не говорит на нем с детьми или между собой;
- критически уязвимый (*critically endangered*): самыми молодыми носителями являются старые люди, которые говорят на языке только частично и редко;
- вымерший (*extinct*): носителей уже не существует¹.

Все известные языки с присвоенным статусом, помимо первой категории, размещены в международном Атласе исчезающих языков².

Стремительное исчезновение языков актуализировало работу международного сообщества в деле их сохранения. Так, под эгидой ЮНЕСКО, согласно резолюции Генеральной Ассамблеи этой организации от 18.12.2019 № 74/135, десятилетие 2022–2032 гг. объявлено «Международным десятилетием языков коренных народов» [Резолюция 2019]. По всему миру проводятся мероприятия по возрождению языков коренных малочисленных народов, работает сайт проекта³.

В России аналогичную работу проводит Институт языкознания РАН. На текущий момент в нашей стране выявлено 152 языка, из которых статус «благополучных» (*safe*) имеют только 14 языков (9,2%); языки под угрозой исчезновения с относительно большим числом говорящих (сюда входят в том числе большинство титульных языков республик) – 30 (19,7%); языки под угрозой исчезновения с малым количеством говорящих – 64 (42,1%); исчезающие языки – 19 (12,5%); языки на грани исчезновения – 25 (16,5%). Другими словами, 138 (90%) из 152 российских языков находятся на стадии исчезновения [Языки России]. На некоторых из них, например на языке аккала в Мурманской области, разговаривают только два человека [Сколько языков останется 2025]. Для поддержки, сохранения и развития малых языков Институтом языкознания РАН разработан проект «Малые языки России»⁴.

В контексте языкового многообразия мира и целенаправленной политики, ориентированной на сохранение миноритарных языков, возникает вопрос о включении языков и их форм в объекты нематериального культурного наследия, идет дискуссия о необходимости размещения объектов, связанных с языками, в реестры.

¹ В атлас занесены только языки, вымершие после 1950-х гг.

² Доступен в сети Интернет по адресу: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000187026>

³ Сайт мероприятия доступен в сети Интернет по адресу: <https://idil2022-2032.org/>

⁴ Проект доступен в сети Интернет по адресу: <https://minlang.iling-ran.ru/>

А. В. Черных, М. С. Каменских
ЯЗЫК КАК ОБЪЕКТ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ:
PRO END CONTRA

*Д. И. Вайман беседует
с участницами фольклорного ансамбля «Беломорье».
г. Мурманск Мурманской области, 2023*

Фото А. В. Вострокнутова

*А. В. Черных беседует
с Н. Е. Афанасьевой.
г. Мурманск
Мурманской области,
2023*

Фото Д. И. Ваймана

*А. В. Черных беседует
с участницами
Варзужского поморского хора.
с. Варзуга Терского района
Мурманской области, 2024*

Фото А. В. Вострокнутова

◆ ◆ ◆ II ◆ ◆ ◆
ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ
НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ

*А. В. Черных беседует с местной жительницей
на празднике «Саамские игры» в с. Лопарская Кольского района
Мурманской области, 2023*

Фото Д. И. Ваймана

*В. В. Никонов беседует
с Т. Н. Кузьминой.
с. Синск Хангаласского улуса
Республики Саха (Якутия), 2025*

Фото Ю. С. Чернышевой

*Д. И. Вайман беседует
с Г. С. Макаровой.
с. Синск Хангаласского улуса
Республики Саха (Якутия), 2025*

Фото Ю. С. Чернышевой

Несомненно, язык является важной частью культуры народов. Существует мнение о необходимости включения языков в концепт «нематериального культурного наследия» и в реестры наследия. В Конвенции ЮНЕСКО «Об охране нематериального культурного наследия 2003 г.» в перечне объектов под литерой «А» обозначены устные традиции и формы выражения, «включая язык в качестве носителя НКН». Но современная международная практика показывает, что охрана языков пока не стала приоритетом в сфере деятельности, касающейся нематериального культурного наследия.

В перечне объектов ЮНЕСКО, который на момент написания данного раздела включал 788 наименований, непосредственно языка как объекта не выявлено. Языки представлены лишь в контексте других объектов наследия – устного творчества, эпоса, музыкальных традиций, театра и т. д. Как составная часть объекта язык выступает, например, только в содержании объекта «Язык, танцы и музыка народа гарифуна». Данный язык имеет распространение в современных Гондурасе, Белизе и Гватемале [Language, dance and music 2008]. В то же время среди объектов есть и другие «языковые» элементы наследия, например словенские микротопонимы в федеральной земле Каринтия в Австрии, к объектам нематериального наследия отнесен грузинский алфавит. Как видно из данных примеров, язык однозначно не исключается из сферы нематериального культурного наследия, однако последовательности и системности в подходах к его репрезентации не наблюдается.

В Китае, где функционирует самый масштабный национальный реестр объектов (свыше 1500 наименований), языки отдельных групп также не выделены в качестве объектов, только в рамках традиций [中国非物质文化遗产网]. В национальном российском Реестре объектов нематериального этнокультурного достояния отдельно языки в качестве объектов также не выделены [Объекты НКН РФ].

Таким образом, при всей значимости сохранения малых языков как объектов наследия на сегодняшний день они не фигурируют как самостоятельные объекты в национальных реестрах, а только в рамках отдельных эпических или музыкальных произведений. Такая позиция, в частности российских экспертов, связана с тем, что защита языков и работа по сохранению и актуализации многообразия является самостоятельным направлением государственной политики как на федеральном, так и региональном уровне. В Конституции РФ закреплены право народов России на сохранение родного языка (ч. 3 ст. 68) и гарантии сохранения языкового и этнокультурного многообразия (ч. 1 ст. 69) [Конституция РФ]. В действующей редакции Стратегии государственной

национальной политики декларируется, что в Российской Федерации используется 277 языков и диалектов, а «этнокультурное и языковое многообразие Российской Федерации защищено государством» [Стратегия]. Основными законами государственной языковой политики в нашей стране являются следующие: «О языках народов Российской Федерации» [О языках] и «О государственном языке Российской Федерации» [О государственном языке]. С 2024 г. распоряжением Правительства РФ утверждена Концепция государственной языковой политики [Концепция языковой политики]. Российская Федерация гарантирует «каждому право на использование родного языка, свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества независимо от его происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, отношения к религии и места проживания» [О языках].

Перечисленные нормативные акты вводят такие понятия, как «государственный язык Российской Федерации» (общеупотребительная форма русского языка на основе его современной литературной нормы); «государственные языки республик Российской Федерации» (установленные в конституциях республик, находящихся в составе Российской Федерации); «языки официального общения населения в местностях его компактного проживания» (языки коренных малочисленных народов Российской Федерации и этнических групп, не имеющих своих национально-государственных и национально-территориальных образований или живущих за их пределами).

Официально закреплено, что из 155 языков в РФ 34 являются государственными языками республик Российской Федерации, еще 40 – языками официального общения населения в местностях его компактного проживания [Концепция языковой политики]. В целом, исходя из статуса, эксперты выделяют в России пять групп языков: государственный язык Российской Федерации; государственные языки субъектов Российской Федерации; языки коренных малочисленных народов; прочие языки народов России, не вошедшие в три предыдущие группы; иные национальные языки, не являющиеся языками народов России (иностранские языки) [Мочалов 2023: 23].

Статус государственного языка означает, что он используется в деятельности органов власти, законодательстве, судопроизводстве, образовании. Государственными языками в Республике Татарстан являются равноправные «татарский и русский языки». Аналогичные формулировки содержатся в законах республик Алтай, Башкортостан, Бурятия, Ингушетия [АВ 2010]. В некоторых республиках государственных языков больше двух, например в Дагестане или Карачаево-Черкесии.

А. В. Черных, М. С. Каменских
ЯЗЫК КАК ОБЪЕКТ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ:
PRO END CONTRA

*А. В. Черных беседует с местными жителями.
с. Акуши Акушинского района Республики Дагестан, 2025*

Фото Ю. С. Чернышевой

*А. В. Черных беседует с местными жителями.
с. Ках Хунзахского района Республики Дагестан, 2025*

Фото Ю. С. Чернышевой

◆ ◆ ◆ II ◆ ◆ ◆
ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ
НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ

А. В. Черных беседует с участниками народного фольклорного ансамбля «Ўшанлык». с. Кокшамары Звениговского района Республики Марий Эл, 2024

Фото Д. И. Ваймана

А. В. Вострокнутов и В. В. Никонов беседуют с А. Н. Токаревой. д. Пижма Медведевского района Республики Марий Эл, 2024

Фото Ю. С. Чернышевой

Некоторые из государственных языков прямо в законах, помимо статуса, увязываются с этничностью. Так, в Республике Алтай алтайский язык называется «неотъемлемой частью культурного и духовного наследия алтайского народа» [Закон Республики Алтай], а в Башкортостане башкирский и русский языки используются с такой формулой: «башкирский язык как язык башкирской нации, реализовавшей свое право на самоопределение, русский язык как государственный язык Российской Федерации» [Закон Республики Башкортостан]. Ряд языков используется в РФ, не имея официального статуса. Так, закон Республики Карелия от 19 марта 2004 г. № 759-ЗРК «О государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия» провозглашает указанные языки «национальным достоянием» республики и определяет меры их юридической, социальной и экономической защиты. Закон даже допускает официальное опубликование правовых актов республики и муниципальных правовых актов на данных языках. При этом отсутствие статуса государственных позволяет их использование на основе латинского письма, в то время как государственные языки республик должны иметь кириллическую графическую основу [Закон Республики Карелия]. Из последних интересных законодательных инициатив субъектов РФ можно выделить изменение статуса идиша в Еврейской автономной области. В этом субъекте РФ 26 октября 2017 г. был принят закон № 150-ОЗ «О некоторых вопросах защиты прав граждан на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества в Еврейской автономной области». Документ предусматривает создание терминологической комиссии, к компетенции которой отнесено «согласование решений об опубликовании текстов нормативных правовых актов на других языках (помимо русского), в том числе на идише, о дублировании на других языках указателей улиц и географических наименований» [Закон Еврейской автономной области]. Согласно этому закону, в 2019 г. было согласовано дублирование на языке идиш наименований улиц в Биробиджане [Мочалов 2023: 30].

Начавшаяся в 2017 г. дискуссия по вопросу обязательного или добровольного изучения языков республик в школах остается наиболее действенным инструментом сохранения языков, доступным региональным органам власти [Мочалов 2023: 30]. Сегодня в учреждениях дополнительного образования, детских садах и школах России преподается 76 родных языков. В некоторых регионах, помимо предмета «Родной язык», введена дисциплина «Государственный язык республики Российской Федерации». Кроме того, в ряде республик школьники имеют возможность получать образование с 1-го по 9-й класс на своем родном языке [В России родные языки].

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ
НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ

*Д. И. Вайман и А. В. Вострокнутов беседуют с участницами
народной фольклорной группы «Затонновские казачки».
с. Затонное Илекского района Оренбургской области, 2023*

Фото Ю. С. Чернышевой

*А. В. Вострокнутов беседует
с Я. Ф. Фастом, А. А. Штобе, О. Д. Абельцевой.
с. Кубанка Перволюцкого района Оренбургской области, 2023*

Фото Ю. С. Чернышевой

Равноправное положение и равноправное функционирование государственных языков (включая русский) на территории субъектов РФ, количество часов на преподавание русского языка и республиканских государственных языков регулируются законами субъектов. Поддержка языкам оказывается через организацию и проведение тематических мероприятий, реализацию проектов по представленности языка в медиапространстве, а также через систему образования.

Приведенные примеры – лишь небольшая часть федерального и регионального законодательства по языковой политике. Следует отметить, что деятельность в сфере нематериального этнокультурного достояния регулируется одним федеральным законом и законодательными актами некоторых субъектов Российской Федерации.

Аргументом против включения собственно языков как объекта нематериального этнокультурного достояния выступает система работы с языками, которая имеет свои особенности в сравнении с деятельностью в сфере НЭД. Деятельность по сохранению и развитию языка требует функционирования системы образования и преподавания на родном языке или изучения родного языка в системе основного и дополнительного образования, подготовку специалистов-педагогов по родному языку, систему учебных и методических материалов, словарей, научной лингвистической литературы, корпуса языка, издательскую деятельность, средства массовой информации и другие институции, связанные с функционированием языка. Предполагается реализация проектов, направленных на сохранение и популяризацию языка, актуализацию использования родных языков и т. д. Эта работа не ограничивается сферами образования, науки или культуры, а объединяет разные направления деятельности и институты. В сфере нематериального этнокультурного достояния в настоящее время основную деятельность ведут учреждения культуры, и, хотя система образования, государственного управления, науки, туризма и другие сегодня также заинтересованы в развитии нематериального этнокультурного достояния и его актуализации, подходы к проблеме со стороны ведомств разнятся.

Это не исключает языки из сферы нематериального этнокультурного достояния. Несомненно, есть понимание, что любая культурная традиция – сложное явление, включающее множество различных компонентов. Устная традиция и фольклорные тексты функционируют на родных языках, которые требуют сохранения и поддержки. Однако язык в этом контексте выступает составной частью явлений традиционной культуры народа, а не как самостоятельный объект нематериального культурного наследия. Есть и другая сторона этого явления: при современных процессах глобализации часть этнических сообществ утрачивает

родной язык, переходит на языки большинства. При этом продолжает развиваться и использует иной язык, нежели тот, на котором говорили и создавали наследие предки.

Между тем этот вопрос, прежде всего в российском многонациональном языковом пространстве, по-прежнему остается дискуссионным, и эта проблема имеет разные аспекты обсуждения [Дугужева 2015; Кармова, Логина 2023]. Неоднократно высказывалась позиция о языке как объекте нематериального культурного наследия, приведем лишь одну цитату из работы российских лингвистов: «Все языки России, независимо от их социолингвистического и юридического статусов, функциональной развитости, сфер использования, числа носителей, наличия письменности и других факторов, являются невосполнимым нематериальным культурным наследием. Каждый язык – уникальный способ выражения мысли, поэтому все языки одинаково ценны для человечества, и их сохранение является актуальной задачей» [Краева, Агранат, Германова 2022: 78].

Можно привести несколько аргументов относительно необходимости понимания языка как объекта нематериального этнокультурного достояния страны и примеры деятельности в этом направлении. Например, в реестре объектов нематериального этнокультурного достояния Республики Башкортостан под № 05-009 размещен «Башкирский язык как объект нематериального культурного наследия», утвержденный экспертным советом в 2020 году [Башкирский язык]. С одной стороны, такая позиция позволяет дополнительно привлечь внимание к сохранению и развитию языка, использовать в контексте деятельности нематериального этнокультурного достояния проекты для продвижения языковых мероприятий. С другой стороны, такой подход предполагает автоматическое размещение всех языков народов России в качестве объектов нематериального этнокультурного достояния.

С нашей точки зрения, возможно включение объектов нематериального этнокультурного достояния, соотнесенных с языком, в региональные и федеральный реестры, однако это не должно быть первоочередной задачей. При наполнении реестров материалами по фольклорной традиции, праздничной культуре, народным промыслам и ремеслам возможно включение и собственно языковых объектов. В настоящее время, когда только начинается активная работа с объектами нематериального этнокультурного достояния, приоритетные задачи должны быть несколько иными. Не менее важным представляется ориентация этнокультурного достояния на устную традицию, и в этом контексте языковые объекты также должны в первую очередь быть нацелены не на письменную и литературную нормы, а на устное бытование языка.

А. В. Черных, М. С. Каменских
ЯЗЫК КАК ОБЪЕКТ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ:
PRO END CONTRA

◆
◆
◆
*Д. И. Вайман беседует
с Н. В. Рябовым и Т. Н. Фатиной
(Рябовой). с. Борки Вознесенского МО
Нижегородской области, 2025*

Фото Ю. С. Чернышевой

◆
*А. В. Черных и Д. И. Вайман
беседуют с Е. И. Горюновой.
пгт. Вознесенское Вознесенского МО
Нижегородской области, 2024*

Фото Ю. С. Чернышевой

*Участники экспедиции с народным фольклорным ансамблем «Суморяночка».
с. Суморьево Вознесенского МО Нижегородской области, 2024*

◆ ◆ ◆
Фото Д. И. Ваймана

◆ ◆ ◆ II ◆ ◆ ◆
ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ
НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ

*М. В. Крысова беседует
с И. Л. Кабановой.
с. Пустынь Арзамасского района
Нижегородской области, 2024*
Фото Ю. С. Чернышевой

*А. В. Черных беседует с В. А. Гаан.
с. Иоганесфельд
Безенчукского района
Самарской области, 2024*
Фото Д. И. Ваймана

*А. В. Вострокнутов и Ю. С. Чернышева во время съемок праздника «Балтай»
с местными жителями. с. Мордовская Кармалка Лениногорского района
Республики Татарстан, 2025*
Фото В. В. Никонова

Сложность вызывает и вопрос критериев и масштабов языкового объекта. Не уверены, что выделение в качестве объекта собственно языка является единственным и продуктивным. Возможно, для миноритарных языков это и приемлемый подход. Однако для всех языков России, в том числе для русского, такими единицами могут быть и иные языковые идиомы, функционирующие в сложной структуре устной языковой традиции, – и в первую очередь, **диалекты какого-либо национального языка**. В этом случае в региональные реестры будут внесены и местные региональные и локальные варианты языка, а в федеральный – наиболее интересные и уникальные языковые ареалы и факты. К таким вариантам федерального уровня могут быть отнесены, например, вологодские или архангельские говоры, одни из ярких проявлений северно-великорусской традиции, говоры Поволжья и др., не только имеющие свои характерные особенности, но и узнаваемые как явление в общероссийском масштабе. Значимость их также в том, что они стали основой для говоров территорий вторичного заселения – Урала и Сибири. Немаловажным видится и активизировавшаяся в настоящее время работа с данными говорами в рамках фольклорной традиции и использование языкового материала в целом ряде культурных проектов. Не менее интересными представляются и островные говоры, сложившиеся в «русских островах» в инокультурном окружении, в условиях географической изоляции. К таковым примерам можно отнести юрлинские говоры Пермского края, сформировавшиеся в условиях островного ареала в окружении коми-пермяцкого наследия и активных контактов с носителями коми-пермяцкого языка [Юрлинский край 2003]. Не менее уникальными представляются и говоры казаков-некрасовцев, расселенных в настоящее время в Ставропольском крае [Грязнова 2016]. Такой подход может быть применен и к другим языкам, включающим уникальные диалектные ареалы, например диалектные варианты языка коми-пермяков, марийцев, удмуртов, чувашей, татар, башкир среди народов Поволжья. Следует отметить, что сохранение и популяризация диалектного многообразия языков также является одной из задач культурной политики при современной унификации разговорного языка и разрушении по разным причинам системы региональных и локальных говоров. В то же время основная проблема в данном направлении – формирование сфер деятельности учреждений культуры, связанных с языковым наследием, и их готовность участвовать в этой работе. Включение в качестве объекта лишь одного языка в большинстве случаев не позволит показать всю его уникальность, разнообразие его региональных и локальных форм.

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ
НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ

*А. В. Вострокнутов беседует с местными жительницами.
с. Штанаши Красночетайского МО Чувашской Республики, 2024*

Фото Ю. С. Чернышевой

*Д. И. Вайман и А. В. Вострокнутов беседуют
с местными жителями. с. Кушиково Мариинско-Посадского МО
Чувашской Республики, 2024*

Фото Ю. С. Чернышевой

Другими возможными объектами могут быть сложившиеся этнокультурные явления, в основе которых лежат также языковые единицы. Это, например, локальные топонимические системы – название объектов ландшафта в пределах современного города или сельского ареала, географического района. В частности, топонимия Москвы как исторически сформировавшаяся система названий в пространстве города, топонимия Терского берега Белого моря, топонимия Пинеги и т. д. Именно такое понимание топонимов как объектов нематериального культурного наследия, например, провозглашено авторами издания «Русские географические названия на картах Мирового океана как объект нематериального наследия» [Русские географические названия 2025]. ЮНЕСКО также признает топонимы частью нематериального культурного наследия, и в реестре объектов есть примеры данных явлений. Следует задуматься и о региональных антропонимиконах (системах, включающих элементы антропонимической формулы, – личное имя, отчество (если есть), фамилию, прозвище).

Кроме топонимов, к таким уникальным объектам можно отнести и некоторые другие ономастические системы – например, коллективные прозвища, бытующие на той или иной территории.

Таким образом, подводя определенные итоги дискуссии, следует констатировать понимание важности сохранения и развития языкового многообразия, в том числе и в сфере нематериального этнокультурного достояния. Основой дискуссии является вопрос о представлении в региональных и федеральных реестрах самостоятельных объектов, связанных с языком, или включение языка только в качестве носителя нематериального этнокультурного достояния. Сторонники каждой из этих точек зрения приводят свои аргументы «за» и «против». С нашей точки зрения, включение объектов, связанных непосредственно с языком, возможно в рамках деятельности НЭД, однако это не должно быть в настоящее время первоочередной задачей. При этом должны быть выработаны определенные подходы к пониманию такого рода объектов и их критериев – от собственно языка до говоров, топонимических систем и иных явлений, соотносенных с языком. В любом случае лингвистам, экспертным сообществам необходимо заняться проблемами выработки критериев и подходов к включению языка в качестве объекта нематериального этнокультурного достояния.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Bromham L. и др. 2022 – Bromham L., Dinnage R., Skirgard H., Ritchie A., Cardillo M., Meakins F., Greenhill S., Hua X. Global predictors of language endangerment and the future of linguistic diversity // *Nature Ecology & Evolution*. 2022. Vol. 6. P. 163–173.

How many languages 2022 – How Many Languages Are There In The World? [Электронный ресурс]: *Ethnologue*. – URL: <https://www.ethnologue.com/insights/how-many-languages/> (дата обращения: 18.09.2025).

Language, dance and music 2008 – Language, dance and music of the Garifuna [Электронный ресурс]: ЮНЕСКО. – URL: <https://ich.unesco.org/en/RL/language-dance-and-music-of-the-garifuna-00001> (дата обращения: 20.09.2025).

Lists – Browse the Lists of Intangible Cultural Heritage and the Register of good safeguarding practices [Электронный ресурс]: ЮНЕСКО. – URL: <https://ich.unesco.org/en/lists> (дата обращения: 18.09.2025).

中国非物质文化遗产网 – 中国非物质文化遗产网 [Электронный ресурс]: 中国非物质文化遗产数字博物馆. – URL: <https://www.ihchina.cn/> (дата обращения: 18.09.2025).

АВ 2010 – АВ 2010 г. Выпуск 24. Языковое многообразие Российской Федерации: проблемы и перспективы [Электронный ресурс]: Государственная Дума РФ. – URL: <http://pda.iam.duma.gov.ru/node/8/4384/13973> (дата обращения: 25.09.2025).

Башкирский язык – Башкирский язык как объект нематериального культурного наследия [Электронный ресурс]. – URL: <https://onknrb.nknrb.ru/ekspertnyj-sovet/5-zasedanie/2254-bashkirskij-yazyk-kak-obekt-nematerialnogo-kulturnogo-naslediya> (дата обращения: 27.09.2025).

В России родные языки – В России родные языки изучают более 3 миллионов детей [Электронный ресурс]: Консультант плюс. – URL: <https://edu.gov.ru/press/9442/v-rossii-rodnye-yazyki-izuchayut-bole-3-millionov-detej/> Минпросвещения (дата обращения: 25.09.2025).

Грязнова 2016 – Грязнова В. М. *Говор казаков-некрасовцев Ставропольского края*. М.: Изд. Дом ЯСК, 2016. – 728 с.

Дугужева 2015 – Дугужева М. Х. Национальный язык как объект нематериального культурного наследия коренных малочисленных народов Севера // *Ямальский вестник*. 2015. № 4 (5). С. 14–18.

Закон Еврейской автономной области – Закон Еврейской автономной области от 26.10.2017 № 150-ОЗ «О некоторых вопросах защиты прав граждан на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества в Еврейской автономной области» [Элек-

тронный ресурс]: Консультант плюс. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/446574779> (дата обращения: 25.09.2025).

Закон Республики Алтай – Закон Республики Алтай от 3 марта 1993 г. № 9-6 «О языках народов, проживающих на территории Республики Алтай» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]: Гарант. – URL: <https://base.garant.ru/32100423/?ysclid=mhprv0ejzqd494902431> (дата обращения: 25.09.2025).

Закон Республики Башкортостан – Закон Республики Башкортостан «О языках народов Республики Башкортостан» от 15.02.1999 № 216-з [Электронный ресурс]: ЭФПНТД. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/935103425> (дата обращения: 25.09.2025).

Закон Республики Карелия – Закон Республики Карелия от 19.03.2004 № 759-ЗРК «О государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия» [Электронный ресурс]: ЭФПНТД. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/919316706> (дата обращения: 25.09.2025).

Закон Республики Татарстан – Закон Республики Татарстан от 08.07.1992 № 1560-ХII «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан» [Электронный ресурс]: ЭФПНТД. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/424031955> (дата обращения: 25.09.2025).

Кармова, Логина 2023 – Кармова М. Р., Логина М. В. Сохранение нематериального культурного наследия в эпоху глобализационных процессов: роль языков в культурном наследии // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 1 (98). С. 398–401.

Конституция РФ – Конституция РФ [Электронный ресурс]: Конституция РФ. – URL: <http://www.constitution.ru/index.htm> (дата обращения: 25.09.2025).

Концепция языковой политики – Распоряжение Правительства РФ от 12 июня 2024 г. № 1481-р «О концепции государственной языковой политики Российской Федерации» [Электронный ресурс]: ЭФПНТД. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1306342831> (дата обращения: 25.09.2025).

Краева, Агранат, Германова 2022 – Краева И. А., Агранат Т. Б., Германова Н. Н. Языки Российской Федерации как основа нематериального культурного наследия // Энциклопедия нематериального культурного наследия России. Посвящается Году культурного наследия народов России. М.: Институт Наследия, 2022. С. 71–78.

Мочалов 2023 – Мочалов А. Н. Законодательство о языках народов Российской Федерации: состояние и направления совершенствования (федеративный аспект) // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 6. С. 19–34.

◆ ◆ ◆ II ◆ ◆ ◆
ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ
НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ

Объекты НКН РФ – Реестр объектов нематериального культурного наследия народов России [Электронный ресурс]: Объекты НКН народов России. – URL: <https://rusfolknasledie.ru/?ysclid=nhpvhoge7j450863091#/mai> (дата обращения: 25.09.2025).

О государственном языке – Федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» (последняя редакция) [Электронный ресурс]: Консультант плюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749/ (дата обращения: 25.09.2025).

О языках – Закон от 25.10.1991 № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» [Электронный ресурс]: Консультант плюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/7d4f737e756645dc3056cac7b854229de806aa7e/ (дата обращения: 25.09.2025).

Резолюция 2019 – Резолюция Генеральной Ассамблеи от 18.12.2019 № 74/135 [Электронный ресурс]. – URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n19/426/29/pdf/n1942629.pdf?OpenElement> (дата обращения: 01.11.2025).

Русские географические названия 2025 – Русские географические названия на карте Мирового океана как объект нематериального наследия / А. И. Ельчанинов, А. Л. Александровский, А. А. Парамонова. М.: Институт Наследия, 2025. – 267 с.

Сколько языков останется 2025 – Сколько языков останется к концу XXI века и что мы можем с этим сделать [Электронный ресурс]: РБК. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/637e28359a7947fed8323eb7?from=sору> (дата обращения: 18.09.2025).

Стратегия – Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики РФ» [Электронный ресурс]: ЭФПНТД. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/902387360> (дата обращения: 25.09.2025).

Юрлинский край 2003 – Юрлинский край. Традиционная культура русских конца XIX – XX в.: материалы и исследования / А. А. Бахматов, И. А. Подюков, С. В. Хоробрых, А. В. Черных. Кудымкар: Коми-Пермяц. кн. изд-во, 2003. – 493 с.

Языки России – Список языков России (2020) [Электронный ресурс]: Институт языкознания РАН. – URL: http://jazykirf.iling-ran.ru/list_concept2020.shtml (дата обращения: 20.09.2025).

В. Е. Добровольская

**ОБЪЕКТЫ
НЕМАТЕРИАЛЬНОГО
ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ
В СИТУАЦИИ УТРАТЫ ЯЗЫКА:
ПРИМЕРЫ ИЖОРЫ И ЧУЛЫМЦЕВ**

Говоря о культуре того или иного народа, мы прежде всего имеем в виду уникальность и своеобразие его традиций, то есть рассматриваем некий «портрет» социальной общности с характерным для нее мировоззрением. Традиция – это своеобразный способ трансляции социальной и культурной памяти. Это элемент этнокультурного достояния того или иного народа или отдельной этнической группы, который передается из поколения в поколение и сохраняется в определенном сообществе или социальной группе в течение длительного времени [Полонская 2006]. В большинстве случаев объективной формой сохранения и передачи человеческого опыта является родной язык.

Однако в настоящее время фиксируется утрата многих миноритарных языков. Этому явлению есть немало причин. Прежде всего – доминирование «больших» языков в политике, экономике и массовой культуре. Часто у представителей малых по численности этнических сообществ в современной ситуации прервана межпоколенная трансляция языка, нет стимула и мотивации разговаривать со своими детьми на родном языке. В целом ряде случаев увеличивается миграционная активность, люди покидают родные места, и появляется необходимость разговаривать на чужом языке, а актуальность своего языка утрачивается. Многие малые языки существуют только в устной форме, и их сохранность зависит от памяти носителей и желания молодого поколения осваивать родной язык [Лингвистическая экология 2014; Atlas of the World's Languages in Danger 2022; Габдуллина 2022: 36–44].

В России 12 июня 2024 г. правительством принята Концепция государственной языковой политики Российской Федерации. Институтом языкознания РАН разработана программа по сохранению языков народов России. 17 июля 2025 г. утверждены «Основы языковой политики в России». Существует принятый в 1991 г. и уточненный в 2023 г. закон «О языках народов Российской Федерации». В 2018 г. создан учрежденный Указом Президента Российской Федерации от 26 октября 2018 г. № 611 Фонд сохранения и изучения родных языков народов РФ. Федеральный институт родных языков народов Российской Федерации активно работает над методическими пособиями по родным языкам коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. На местах идет работа по ревитализации родных языков. Надо отметить, что в целом ряде случаев такие проекты реализуются молодыми людьми, стремящимися сохранить свой родной язык.

Совершенно очевидно, что язык – это не только инструмент общения, но и основа этнической идентичности и в значительной степени способ сохранения культурной традиции. Без языка в большинстве случаев забываются традиции и мировоззрение народа.

Несмотря на различные программы, связанные с сохранением лексики народов России, многие языки малочисленных народов уходят из повседневного бытования. Вместе с ними исчезают и многие жанры фольклора. Так, крупные словесные формы, прежде всего эпос и сказка, уходят одними из первых. Песенные жанры держатся дольше. Зачастую они функционируют как двуязычные тексты. Отдельные формы сохраняются в детском фольклоре, тем не менее и тут они функционируют как жанр «зауми».

Однако в целом ряде случаев фиксируется исчезновение языка из активного бытования, сохранение лишь отдельных слов в памяти наиболее пожилых исполнителей, но при этом сохраняются другие элементы этнической культуры, которые служат в значительной степени идентификаторами национальной идентичности.

Таковыми маркерами становятся прежде всего блюда традиционной кухни, некоторые обрядовые и хозяйственные практики, а также промыслы.

Подобная ситуация к настоящему времени сложилась у ижорского населения Сойкинского полуострова. Поселения сойкинской ижоры

расположены на Сойкинском полуострове, находящемся в Кингисеппском районе Ленинградской области [Конькова 2009; Королькова 2020].

В течение XX в. численность ижоры и, соответственно, носителей ижорского языка постоянно сокращалась. Причин было несколько. В начале 1930-х гг. в рамках национальной политики, нацеленной на поддержку и развитие малых народов, для ижорского языка была разработана письменность и организовано преподавание на ижорском языке в школах. Однако уже в 1937–1938 гг. в результате кардинального изменения национальной политики преподавание на ижорском было прекращено. Во время Советско-финской войны 1939–1940 гг. часть ижорского населения была выслена во внутренние районы России, а во время Великой Отечественной войны ижорское население было отправлено на принудительные работы в Финляндию. По окончании войны многим представителям ижоры было запрещено возвращаться в свои дома. Людей принудительно отправляли в Ярославскую, Тверскую, Псковскую и Новгородскую области. Однако резкое сокращение численности ижоры в 40–60-е гг. XX в. связано не только с репрессиями и войнами. Многие представители этого народа по принуждению или по собственной инициативе записывались русскими, опасаясь, с одной стороны, повторить судьбу ингерманландских финнов, которым не разрешили вернуться в родные дома, а с другой, на это повлияло обрусения ижоры, обусловленное обучением на русском языке. Таким образом, к началу 70-х гг. XX в. ижорский язык практически полностью исчез [Агеева 2002: 75–79].

Однако до настоящего времени ижорское население сохраняет целый ряд традиций, которые являются этническими идентификаторами и позволяют людям определять себя как ижору.

Прежде всего это бытовая и обрядовая пища, которая наиболее ярко выступает в качестве этнического идентификатора. В ряде случаев сохраняются даже ижорские названия блюд, например *рибакан кала* («рыба по-рыбацки») или *ристлейбя* («крестовый хлеб»), хотя чаще используется перевод названия на русский язык. Так, вместо *мустик-капудру* – манная каша с черникой, залитая молоком – используют термин «черничная каша», а вместо слова *пииракат* говорят – пирог. Отметим еще, что и русское население полуострова осознает многие блюда как ижорские, хотя также активно использует их в пищу.

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ
НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ

*Приготовление ижорской ватрушки с черникой.
Кингисеппский район Ленинградской области, 2024*

Фото А. Н. Гришина

*Блюда ижорской кухни: ватрушка с черникой и киурулейбя
(«жавороночный хлеб»). Кингисеппский район Ленинградской области, 2024*

Фото А. Н. Гришина

Например, русские регулярно употребляют в пищу *войкастэ* – особый жирный соус из растопленного масла, сметаны, сливок и вареных яиц. В него макают куски хлеба. Название «*войкастэ*» сохранилось в памяти ижорского населения, русские же называют это блюдо «маканье».

Рыболовство – основной промысел сойкинских ижор, поэтому в пище важное место занимают продукты рыбного промысла. Наиболее значимой рыбой для местного населения всегда была салака. Об этом свидетельствует и прозвище, которое дали ижоре проживающие по соседству водь и ингерманладские финны: *hailin kuristajat* (рус. «душители салаки»).

Наиболее значимый ингредиент местной кухни – свежая салака. Общее название рыбных блюд чаще всего содержит слово *kala* (рус. «рыба»). Традиционно «свежей» считается салака, используемая при приготовлении блюда непосредственно после ее вылова или в день лова. Такое представление о свежести рыбы сохранилось до настоящего времени, хотя наличие холодильников обеспечивает свежесть продуктов дольше.

И сейчас представители ижоры считают, что блюдо, выступающее в роли этнического маркера, это прежде всего «салака по-рыбацки» (*ribagan kala / рибакан кала*). Среди русского населения данное блюдо часто называется «талапанька», что является производным от прозвища, которое дали русские ижорскому населению – «талапанцы». Среди ижор такое название блюда считается неприемлемым и даже оскорбительным. «Салака по-рыбацки» готовится из свежей салаки, которую чистят от внутренностей и головы. Дно чугунной сковороды посыпают крупной солью. Затем салаку выкладывают плотно друг к другу брюшками вверх и поверх накрывают слоем репчатого лука, нарезанного кольцами. Заливают водой, молоком или смесью воды и молока. Сверху добавляют душистое подсолнечное масло, специи (черный перец, лавровый лист) по вкусу. Сковорода ставится на остывающие угли в печь. Блюдо считается готовым, когда подрумянится лук.

Еще одним маркером этничности выступает другое блюдо из салаки – «салака, запеченная на кочерге или на полене» (ижор. *kala-paissikkain*). Очищенная салака выкладывается в ряд на плоскую часть кочерги или на полено, сверху присаливается крупной солью и ставится ближе к огню на 5–7 минут. Такой способ приготовления рыбы также осознается всеми жителями данной территории как исконно ижорский. (Подробнее о блюдах ижорской кухни см. [Диденко 2019].)

◆ ◆ ◆ II ◆ ◆ ◆
ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ
НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ

*Приготовление ижорского блюда рибакан кала (салак по-рыбацки).
Кингисеппский район Ленинградской области, 2024*

Фото А. Н. Гришина

*Ижорское блюдо салака на полне.
Кингисеппский район Ленинградской области, 2024*

Фото А. Н. Гришина

В. Е. Добровольская
ОБЪЕКТЫ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ
В СИТУАЦИИ УТРАТЫ ЯЗЫКА: ПРИМЕРЫ ИЖОРЫ И ЧУЛЫМЦЕВ

*Приготовление ижорского блюда
картошка с грибами.
Кингисеппский район Ленинградской области, 2024*

Фото А. Н. Гришина

Помимо кухни этническим маркером выступает фольклорная проза. Надо сразу отметить, что с 70-х гг. XX в. сказки и мифологические рассказы существовали на данной территории только на русском языке. В экспедиции 2024 г. они были зафиксированы от Д. В. Зайцева (Харакка) 1978 г. р., который слышал эти сказки на русском языке от своей бабушки Е. И. Зайцевой. Он назвал данные тексты сказками, однако некоторые из них, например «Про глупого Пеко» или «Церковные ценности в пруду», ближе к текстам мифологической прозы, а «Почему кричит чайка» и «Почему клюква растет на болоте» являются этиологическими легендами. Эти сюжеты далеки от традиционной русской фольклорной прозы и являются текстами, присущими финно-угорским народам. Это осознает не только сам исполнитель, отмечая, что «это настоящие ижорские сказки», но и русские, которые подчеркивают, что таких сказок им не рассказывали, хотя некоторые говорили о том, что слышали их в детстве на русском языке от своих соседей, которые были ижорой. Безусловно, сказка не может быть устойчивым маркером этничности. Сказочников чрезвычайно мало, и даже воспоминания об исполнении сказок сохраняются крайне редко и сводятся преимущественно к упоминаниям самого факта о том, что их рассказывали. Обычно в этом случае информатор не может пересказать сюжет того, что слышал в детстве. При этом человек хорошо понимает, что ему рассказывали сказку определенного народа, поэтому «свой» и «чужой» текст служат идентификаторами этнической идентичности.

Еще одним маркером этнической идентификации в ситуации отсутствия языка становятся похоронный обряд и поминальные традиции. Похоронно-поминальная обрядность у ижоры сохранила многие элементы этнической специфики. Несмотря на то, что в настоящее время похоронный обряд унифицирован и осуществляется в основном государственными структурами, местные жители помнят о том, что в могилу покойному еще в 70-е гг. XX в. могли положить вожжи, запас еды, нож. Помнят также, что покойников хоронили не на кладбищах, а в особых местах – священных рощах. С 40-х гг. XX в. такая практика полностью исчезла, всех умерших хоронили на кладбищах. Кладбища были общими, но отмечается, что ижорские участки всегда зарастают лесом и там до сих пор выделяются особые деревья, у которых совершаются подношения. В роли таких подношений в настоящее время выступают деньги. Даже если по той или иной причине дерево срубают, то подношения оставляют на его пне. Чаще всего это рябина. Так, на кладбище в деревне Ручьи Кингисеппского района Ленинградской области многие

показывают на несколько пней от старых рябин, где лежат монеты, и на молодые рябины, которые были посажены специально, чтобы сохранить знаковость данного места. Представители русского населения этого не делают, четко осознавая, что это ижорская традиция.

Оставлять подношения на могилах – очень типичная черта русской поминальной обрядности. В поминальной традиции ижоры в настоящее время появляются дары на могилах, но они осознаются как некое нетипичное явление. У ижоры до сих пор сохраняются общие столы на кладбищах. На них все пришедшие навестить своих родных выкладывают еду: преимущественно сезонные продукты (яблоки, ягоды), выпечку и покупные сладости (конфеты или печенье). Местное население отмечает, что отсутствие подношений на могиле вовсе не знак ее заброшенности, а свидетельство принадлежности умерших и их родственников к ижоре.

Еще одна особенность ижорской поминальной традиции – посещение могил всех родных и знакомых на кладбище. Считается, что русские приходят только к близким родственникам. Могилы знакомых или дальней родни посещаются отдельно, в какие-то значимые даты, например в годовщину смерти. Представители ижорского населения посещают могилы всех, кого знали, поэтому приход на кладбище обычно занимает много времени. В ряде случаев сохраняется обычай вешать на крест не обычное полотенце, а то, на котором вышито имя умершего. У русских данной территории практически исчез обычай сыпать зерно на могилу, но для представителей ижорского народа эта традиция обязательна. Посещая могилы всех родных и близких, они сыпят зерно (в основном пшено) крестом, рассчитывая, что души умерших в облике птиц получат это подношение.

Таким образом, потеряв свой язык, представители малочисленного народа ижора тем не менее сохранили многие элементы традиции, которые выступают в качестве этнических маркеров в зоне поликультурного и полиэтнического взаимодействия.

Аналогичная ситуация с сохранением традиций без сохранения языка наблюдается и у чулымцев Томской области. Этот коренной малочисленный тюркский народ проживает в Томской области и Красноярском крае [Дульзон 1952: 76–211; Львова 1978]. Во время экспедиции 2025 г. в Тегульдетский район Томской области был записан богатый материал о рыболовном промысле и местной кухне чулымцев. Большинство наших информантов не знают чулымского языка, некоторые понимают, но не могут говорить на нем, некоторые знают отдельные слова.

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ
НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ

*Местные жители деревни Новошумилово.
д. Новошумилово Тегульдетского района Томской области, 2025*

Фото М. В. Ашурок

*Василий Михайлович Габов, чульмец, знаток и собиратель
чулымских традиций и знаний. Краеведческий музей
с. Тегульдет Тегульдетского района Томской области, 2025*

Фото М. В. Ашурок

Согласно переписи 2010 г., чулымским языком владели 44 чулымца, но с точки зрения лингвистов-тюркологов, на родном языке говорит не больше 12 человек и еще около 30 понимают чулымскую речь [Лемская 2014: 9–12]. Несмотря на то, что языка практически никто не знает, большинство наших информантов считают себя отдельным народом, в доказательство чего приводят технологии рыбного промысла, особенности игры на музыкальных инструментах и блюда традиционной кухни.

Согласно легенде, рассказанной по-чулымски Василием Михайловичем Габовым (Габов В. М. 1952 г. р., пос. Новые Тарлаганы Тегульдетского р-на Томской обл.) и затем им же переведенной на русский, рыболовству чулымцев научило верховное божество Кудай: *«Мужчина хотел уходить из жизни: все плохо. Лег, и приснился ему Господь Кудай. Сказал: “Не торопись уходить, успеешь еще... К речке пойдешь, поставишь колья, и пойдет прямо рыба... Бери – и ешь...” Это и был толут»*. Толут или тюнек до сих пор используется чулымцами в рыболовецком промысле. Как пояснил Василий Степанович Тазырачев (Тазырачев В. С. 1960 г. р., с. Верхнее Скоблино Тегульдетского р-на Томской обл.), толут состоит из плоских обструганных колышков, заостренных на одном конце – прожилников. Их делали только из болотной сосны, которая хорошо колется. У выбранной сосны, диаметром около 30 см, сначала откалывали отщеп, чтобы проверить, насколько хорошо она колется, а затем двуручной пилой валили дерево под корень. Топором обрубали ветки и распиливали ствол на чурки длиной 1,5–2,2 м в зависимости от планируемой высоты теньюка. Заготавливали сосну зимой и транспортировали к жилищу, она должна была оттаять в помещении, прежде чем приступали к следующему технологическому процессу, который заключался в раскалывании чурок на бруски толщиной около 15 см. Для этого использовали топор с топоричем в виде большого ножа. Каждую чурку раскалывали пополам, четко фиксируя северную и южную части ствола. Этот принципиальный момент необходимо учитывать, потому что разные части ствола колются по-разному: северная – плохо, а южная – хорошо. Северная часть древесного ствола шла на дрова, а южная поступала в дальнейшую обработку: ее раскалывали на бруски непременно против часовой стрелки (по часовой она колется плохо). Далее каждый брусок раскалывали на прожилники толщиной 1,5–2 см, один конец которых затачивался в виде треугольника. Из одного ствола можно было изготовить около 120 прожилников, чего хватало на один небольшой тюнек.

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ
НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ

*Вентирь (приспособление для ловли рыбы).
Заимка В. С. Тазырачева в 7 км от д. Новшумилово
Тегульдетского района Томской области, 2025*

Фото М. В. Ашурок

В. Е. Добровольская
ОБЪЕКТЫ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ
В СИТУАЦИИ УТРАТЫ ЯЗЫКА: ПРИМЕРЫ ИЖОРЫ И ЧУЛЫМЦЕВ

*Василий Степанович
Тазырачев привязывает
жерлицу к палке-удочке.
Займка В. С. Тазырачева в 7 км
от д. Новошумилово Тегульдетского
района Томской области, 2025*

Фото М. В. Ашурок

*Ловля жерлицей
крупной рыбы:
щуки, нельмы.
Займка В. С. Тазырачева в 7 км
от д. Новошумилово Тегульдетского
района Томской области, 2025*

Фото М. В. Ашурок

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ
НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ

*Тюнек (приспособление для ловли рыбы).
Заимка В. С. Тазырачева в 7 км от д. Новошумилово
Тегульдетского района Томской области, 2025*

Фото М. В. Ашурок

*Демонстрация, как ловить рыбу с помощью тюнека.
Заимка В. С. Тазырачева в 7 км от д. Новошумилово
Тегульдетского района Томской области, 2025*

Фото М. В. Ашурок

В. Е. Добровольская
ОБЪЕКТЫ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ
В СИТУАЦИИ УТРАТЫ ЯЗЫКА: ПРИМЕРЫ ИЖОРЫ И ЧУЛЫМЦЕВ

*Василий Степанович Тазырачев,
чулымец, охотник и рыбак.
д. Новошумилово
Тегульдетского района
Томской области, 2025*

Фото М. В. Ашурок

*В. С. Тазырачев показывает
заготовку для челбы
(сачка для вылова рыбы из тюнека).
д. Новошумилово Тегульдетского
района Томской области, 2025*

Фото М. В. Ашурок

*Помещение сторожки рыболова-охотника. Заимка В. С. Тазырачева
в 7 км от д. Новошумилово Тегульдетского района Томской области, 2025*

Фото М. В. Ашурок

Русское население тоже использовало тюнек в рыболовном промысле, однако осознавало эту снасть как чулымскую. Более того, русские почти никогда не делали тюнек сами, считая, что чулымцы знают некие секреты его изготовления и поэтому снасть получается более легкой и удобной. Чулымцы же делали тюнек для себя, даже первое приспособление человек делал сам, без помощи более опытных родственников: *«Я на отца смотрел и делал. До всего сам додумался»* (Тазырачев В. С. 1960 г. р.). Тюнек на заказ чулымцы делали только для русских, считая, что «свои» смастерят его сами.

Еще одним этническим маркером, по которому чулымцев узнавали русские соседи, была игра на бересте. В большинстве случаев речь идет о детской звуковой игрушке – кусочке бересты, который прижимали ко рту и сильно дули: *«Все ребята бегали, дудели»* (Тазырачев В. С. 1960 г. р.). Звук можно было извлечь только из очень тонкой и мягкой бересты, поэтому так играли весной и ранним летом. Эта игрушка сходна с такими русскими звуковыми игрушками, как зажимаемая между пальцами травинка, в которую дуют и извлекают резкий звук, или свистулька из стручка акации¹. Некоторые из чулымцев могли использовать бересту как манок на охоте. Обычно манки специально изготавливались для охоты на разного зверя, и в этом случае качество бересты было не важным, поскольку использовалась толстая береста. Но весной некоторые охотники могли подавать нужные сигналы на тонкой весенней бересте, не делая из нее манок, а используя так же, как дети, но с большим мастерством: *«Некоторые умели у нас на этой <бересте> как утка или как олень»* (Тазырачев В. С. 1960 г. р.). Наконец, некоторые чулымцы могли использовать тонкую бересту как музыкальный инструмент и аккомпанировать на нем поющим или танцующим. Русские так бересту не использовали и считали это чисто чулымским умением. Даже русские дети не использовали бересту как звуковую игрушку, отдавая предпочтение травинкам.

¹ Об этих типах детских звуковых игрушек на различных мастер-классах достаточно подробно рассказывает М. М. Горшков, но, к сожалению, в нашем распоряжении нет публикации на данную тему.

В. Е. Добровольская
ОБЪЕКТЫ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ
В СИТУАЦИИ УТРАТЫ ЯЗЫКА: ПРИМЕРЫ ИЖОРЫ И ЧУЛЫМЦЕВ

*Сергей Алексеевич Тазырачев, чульмец, мастер имитации голосов птиц
и животных, демонстрирует игру на берестинке.
д. Новошумилово Тегульдетского района Томской области, 2025*

Фото М. В. Ашурок

*Анатолий Васильевич Кулеев, чульмец,
д. Новошумилово Тегульдетского района Томской области, 2025*

Фото М. В. Ашурок

Поскольку определяющую роль в традиционном хозяйстве чулымцев играло рыболовство, то именно оно обусловило специфику их традиционной пищи, ориентированной на рыбные блюда. Рыбу обрабатывали и готовили разными способами: коптили, варили, жарили. Похожими способами, пусть и в меньших количествах, рыбу приготавливали и русские соседи чулымцев. Этническим маркером в данном случае выступала сушеная рыба – «пурук». Для сушки ее чистили, потрошили, немного солили и укладывали на самодельный металлический лист или сковороду. Помещали в печь после выпечки хлеба, закрывали печь заслонкой и утром вынимали. Высушенную рыбу складывали в холщовый мешок и хранили на улице или в кладовке. Зимой из нее варили уху, она была коричневого цвета. Грызли сухой вместе с костями: «...насыпешь в карман и идешь» (Габова Е. А. 1984 г. р., д. Новошумилово Тегульдетского р-на Томской обл.). Русские тоже делали сушеную рыбу, но ее качество не позволяло использовать ее без предварительного приготовления (ее обычно замачивали, а после варили и тушили): «Мы рыбу грызем, а русские – кедровые орехи», – заметила Валентина Васильевна Кулева (Кулева В. В. 1953 г. р., д. Верхскоблино Тегульдетского р-на Томской обл.).

Еще одним блюдом, по которому безошибочно определяли чулымца, был рыбий жир. Его вытапливали на солнце из кишок жирной рыбы. Когда жир полностью вытапливался, его убирали в глиняные горшки и ставили в погреб. Следует сказать, что русские также топили рыбий жир, но использовали его преимущественно в хозяйственных целях, в то время как чулымцы употребляли в пищу.

Надо также отметить, что многие русские говорили, что чулымскую женщину легко узнать по тому, как она чистит рыбу. Зрелище чистки рыбы действительно завораживает, поражает прежде всего скорость разделки. Чистили по-разному: крупную – на доске, сидя на стульчике, а мелкую – в руке. Большую щуку начинали чистить от головы к хвосту и чистили со спины к брюшку. Перевернув, могли начинать чистку и с хвоста. Возле головы у щуки «вредная кожа» (Кулева В. В. 1953 г. р.) – она плохо чистится. Мелкую рыбешку чистили с хвоста, держа в руке. Для ухи использовали голову – «там самый навар» (Габова Е. А. 1984 г. р.), некоторые любили уху из одних рыбьих голов. Не отрезали хвост и плавники: «...в них – самый жир» (Кулева В. В. 1953 г. р.). Те, кто отрезали при чистке хвост и плавники, считались «не чулымцами»: «Мама говорила, что ты, как русская, рыбу чистишь» (Габова Е. А. 1984 г. р.).

В. Е. Добровольская
ОБЪЕКТЫ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ
В СИТУАЦИИ УТРАТЫ ЯЗЫКА: ПРИМЕРЫ ИЖОРЫ И ЧУЛЫМЦЕВ

*Традиционные чулымские блюда из рыбы.
д. Новошумилово Тегульдетского района Томской области, 2025*

Фото М. В. Ашурок

*Маргарита Ивановна Кондюрина, чулымка, чистит рыбу.
д. Новошумилово Тегульдетского района Томской области, 2025*

Фото М. В. Ашурок

◆ ◆ ◆ II ◆ ◆ ◆
ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ
НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ

*Процесс приготовления
блюда из рыбы.
д. Новошумилово Тегульдетского
района Томской области, 2025*
Фото М. В. Ашурок

*Приготовление теста
для рыбного пирога.
д. Новошумилово Тегульдетского
района Томской области, 2025*
Фото М. В. Ашурок

*Процесс приготовления рыбного пирога.
д. Новошумилово Тегульдетского района Томской области, 2025*
Фото М. В. Ашурок

В. Е. Добровольская
ОБЪЕКТЫ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ
В СИТУАЦИИ УТРАТЫ ЯЗЫКА: ПРИМЕРЫ ИЖОРЫ И ЧУЛЫМЦЕВ

*Способ приготовления
рыбного пирога в русской печи.*
д. Новшумилово Тегульдетского района Томской области, 2025

Фото М. В. Ашурок

Готовый рыбный пирог.
д. Новшумилово Тегульдетского района Томской области, 2025

Фото М. В. Ашурок

◆ ◆ ◆ II ◆ ◆ ◆
ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ
НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ

*Маргарита Ивановна Кондюрина,
чулымка, нарезает рыбу
для тушения на русской печи.
д. Новошумилово Тегульдетского
района Томской области, 2025*

Фото М. В. Ашурок

*Маргарита Ивановна Кондюрина,
чулымка, готовит рыбу
на русской печи.
д. Новошумилово Тегульдетского
района Томской области, 2025*

Фото М. В. Ашурок

*Готовое блюдо. Щука, приготовленная на русской печи.
д. Новошумилово Тегульдетского района Томской области, 2025*

Фото М. В. Ашурок

Таким образом, и чулымцы, практически утратив язык, сохранили элементы традиционной культуры, которые они осознают маркерами этнической идентичности. Практически полностью перейдя на русский язык, они осознают себя отдельным народом.

Безусловно, в большинстве случаев утрата полностью или частично родного языка приводит к исчезновению многих элементов традиционной культуры. Однако говорить о том, что в этой ситуации исчезает вся традиционная культура, вряд ли возможно. В целом ряде случаев элементы традиционной культуры не только не утрачиваются, а становятся маркерами этнической идентичности. В зоне межэтнических контактов, при утрате языка одним из народов, именно явления традиционной культуры становятся инструментами выявления «своих» и «чужих», средством этнической самоидентификации.

Явления традиционной культуры выступают объектами нематериального этнокультурного достояния, поскольку именно они представляют собой особую историческую, культурную и научную ценность для истории и культуры как отдельного народа, так и для культуры народов Российской Федерации. При утрате родного языка сохранившиеся элементы традиционной культуры позволяют говорить об особенностях многих явлений этнической традиции, ее уникальности и самобытности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Atlas of the World's Languages in Danger 2022 – Atlas of the World's Languages in Danger [Электронный ресурс]. – URL: <https://web.archive.org/web/20220301004009/http://www.unesco.org/languages-atlas> (дата обращения: 02.10.2025).

Агеева 2002 – Агеева Р. А. Ижорский язык // Языки народов России. Красная книга. М.: Academia, 2002. – 378 с.

Габдуллина 2022 – Габдуллина В. Р. Исчезающие языки: возродить или безвозвратно потерять? // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2022. № 4 (47). С. 36–44.

◆ ◆ ◆ II ◆ ◆ ◆
ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ
НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ

Диденко 2019 – Традиционные рецепты ижорской кухни в открытках / Е. Диденко. В рамках проекта «Общественная сеть возрождения языков коренных народов» SANA 2019. СПб., 2019.

Дульзон 1952 – Дульзон А. П. Чулымские татары и их язык // Ученые записки Томского гос. пед. ин-та. 1952. Т. 9. С. 76–211.

Конькова 2009 – Конькова О. И. Ижора: Очерки истории и культуры / Рос. акад. наук. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Центр коренных народов, О-во ижоры и води. СПб.: МАЭ РАН, 2009. – 248 с.

Королькова 2020 – Королькова Л. В. Водь. Ижора. Фотографии и материалы из собрания Российского этнографического музея. СПб.: Издательский дом «Инкери», 2020. – 240 с.

Лемская 2014 – Лемская В. М. Проблемы установления фонематического инварианта лексем при составлении словаря родного языка (на материале чулымско-тюркского языка) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2014. № 4 (6). С. 9–12.

Лингвистическая экология 2014 – Лингвистическая экология: проблематика исчезающих языков и культур в истории и современности: Материалы Международной научной конференции, проходившей при поддержке РГНФ (проект № 14-04-14011) 19–22 сентября 2014 г. / М-во образования и науки РФ, ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный ун-т», ГБУК СК «Ставропольский краевой музей изобразительных искусств» / отв. ред. В. М. Грязнова. Ставрополь: Сервисшкола, 2014. – 468 с.

Львова 1978 – Львова Э. Л. Чулымские тюрки (историко-этнографические очерки). Автореф. канд. дис. М.: Институт этнографии АН СССР, 1978. – 17 с.

Полонская 2006 – Полонская И. Н. Традиция: от сакральных оснований к современности. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2006. – 272 с.

Д. И. Вайман

**НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ
ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ДОСТОЯНИЕ
В ДИАСПОРАЛЬНЫХ
СООБЩЕСТВАХ:
ПРИМЕР РОССИЙСКИХ
НЕМЦЕВ**

Проблематика сохранения нематериального этнокультурного достояния занимает значимое место в современных научных дискуссиях, посвященных вопросам культурного многообразия и этнической идентичности народов России [Славянская традиционная культура 2023]. Особую роль эти вопросы приобретают в аспекте сохранения этнокультурных комплексов как маркеров идентичности.

В настоящей работе на основе полевых этнографических исследований последних десятилетий предпринимается попытка выявить и проанализировать комплексы традиционной культуры российских немцев, сохраняющиеся и воспроизводимые в условиях современных диаспоральных сообществ, которые могут восприниматься сквозь призму нематериального этнокультурного достояния. Традиционная культура российских немцев все чаще осмысливается как важный ресурс нематериального этнокультурного достояния, требующий научной фиксации и системного описания. При этом особое внимание уделяется тем элементам, которые продолжают функционировать в традиционном виде и могут рассматриваться в качестве объектов нематериального этнокультурного достояния, отражающих специфику исторического опыта и этнокультурной адаптации.

Немцы в России – российские немцы – представляют собой этническое сообщество, сформировавшееся в результате разновременных миграций с территории Германии. В нем представлены различные социальные, конфессиональные и этнотерриториальные группы [Герман 2005: 8–10]. В настоящее время для сообщества характерен сложный дисперсный характер расселения при сохранении этнической идентичности и некоторых комплексов культуры.

История появления немцев в нашей стране начинается еще в эпоху Средневековья. Однако массовое переселение немецких крестьян в Россию приходится на вторую половину XVIII в. С 1763 г. начинается плановое и массовое переселение, которое продолжается до 40–60-х гг. XIX в. [Вайман 2017: 6–7]. Немецкие поселения возникают в Поволжье, позднее они появляются и на территории западных губерний России.

К концу XIX в. было сформировано несколько крупных территориальных сельских групп российских немцев, к которым можно отнести немцев Поволжья, Причерноморья, Закавказья [Wiens 1998: 6–7] и волынских немцев [Костюк 1998: 27–28]. Помимо крупных сельских ареалов можно выделить немецкое население Санкт-Петербурга и Москвы, которое формировалось иначе, чем сельские группы российских немцев, и обычно рассматривается не как единые этнографические группы, а как городские историко-социальные сообщества [Шайдуров, Осипов 2024: 286–290]. В конце XIX – начале XX в. формируются еще несколько крупных территориальных групп – немцы Сибири и Урала [Вайман 2017: 6–11]. Историческое развитие немецкого населения от колонистов Российской империи XVIII–XIX вв. через период существования советских немцев до формирования сообщества российских немцев в новейшее время было обусловлено разновременными миграционными волнами, депортациями, ассимиляционными процессами [Российские немцы 2020: 28–166].

В результате сложной этнической истории культура российских немцев приобрела многослойный и фрагментированный характер. Российские немцы оказались представлены разными по происхождению как сельскими группами, длительное время сохранявшими компактные формы расселения, вплоть до конца 1990-х гг., так и городским населением.

Современные группы немецкого сельского населения на Урале, в Омской области и Алтайском крае представлены различными конфессиональными группами: католики, лютеране, баптисты и меннониты. Религиозные традиции оказали значительное влияние на формирование и бытование особенностей комплексов традиционной культуры [Российские немцы 2020: 519–578].

С конца 1980-х – начала 1990-х гг. наблюдается институционализация немецких сообществ в России, связанная с деятельностью общественных организаций российских немцев, реализацией культурно-просветительских проектов, экспедиционных исследований и программ, ориентированных на сохранение и актуализацию этнокультурного наследия. При этом деятельность общественных центров российских немцев направлена как на городское, так и на сельское население и вовлечение его в этнокультурную жизнь организаций.

Характеризуя процессы, протекающие у российских немцев на рубеже XX–XXI вв., можно констатировать размывание компактных поселений, многоэтничность среды сельских групп, вследствие чего значительная часть традиционных этнокультурных комплексов была утрачена или подверглась трансформации, однако отдельные элементы продолжали воспроизводиться в семейной и локальной практике, выступая важными факторами групповой идентичности.

Несмотря на значительные ассимиляционные процессы, российские немцы сумели сохранить ряд элементов традиционной культуры, которые стали основой для воспроизводства групповой идентичности. К таким элементам относятся комплексы календарной и семейной обрядности, традиционной кухни, формы религиозной практики, а также устные семейные предания, выполняющие функцию трансляции исторической и культурной памяти. В условиях дисперсного расселения именно эти комплексы культуры приобрели особую ценность как знаки принадлежности к этническому сообществу и как средства символического конструирования «своего» этнокультурного пространства.

Традиционная кухня российских немцев представлена рядом региональных и локальных вариантов. Наиболее сохранившийся до настоящего времени комплекс традиционной кухни – в этноконфес-

сиональной группе немцев-меннонитов из сельских поселений Урала и Сибири. Кухня немцев-меннонитов представлена множеством разнообразных блюд, основу которых составляют продукты земледелия и животноводства. В повседневном рационе особое место отводится супам и мучным изделиям, молочной и мясной пище, блюдам из крупы, картофеля и других овощей. Названия блюд у немцев-меннонитов существенно отличаются в зависимости от региональной традиции.

В традиции российских немцев особо значимое место занимают разнообразные мясные супы. Каждый суп обычно имеет свое название. Наиболее распространенным был суп из квашеной или свежей капусты, известный в большей части традиций российских немцев как Krautsuppe, а у немцев-меннонитов – *Борш* [борщ] (Borsch). Такой суп готовили на мясном бульоне, чаще всего на основе свинины. Далее в него добавляли капусту, картофель, морковь и лук. В летнее время варили суп из щавеля, известный как *Зомаборш* [летний борщ] (Somaborsch). Из курицы немцы-меннониты готовили суп-лапшу – *Нудэльзуппэ* (Nudelsuppe). Чаще всего такой суп варили к какому-то празднику или семейному торжеству: «*На Пасху у нас вот лапшу с курятиной – Nüdelstupp мама готовила*» (Полевые материалы автора – 2012; Оренбургская область, Переволоцкий р-н, с. Хортица). Бульон с лапшой разливался по тарелкам, а курицу подавали на отдельном блюде. Среди локальных традиций стоит отметить некоторые особенности подачи блюда к столу. Например, в селе Степановка Переволоцкого района в суп-лапшу добавляли петрушку, а в селе Долиновка того же района бульон приправляли гвоздикой. Из супов немцы-меннониты часто варили и суп с фасолью – *Шобелзуп* (Schobelsuppe) и морковный суп – *Ялмзуп* (Yalmsuppe). Для приготовления блюд, помимо фасоли, использовали нут – *Тетельстят* (Tetelstyar) [цыплячьи головки]. Супы готовили как на мясном, так и на постном бульоне, например – *Ботазуп* (Botasuppe), суп с крупно нарезанной лапшой, приготовленный на постном бульоне с добавлением в него лука и картофеля. Заправляется такой суп сливочным маслом и сметаной. Варили также молочный суп, с добавлением лапши или картофеля, известный у немцев-меннонитов как *Этшэкэмальтзуп* (Etscheckemaltsuppe) [молочный суп с картофелем].

Немецкая кухня широко представлена разнообразными мучными изделиями. Традиционно повсеместно российские немцы делали открытые пироги, начинка которых кладется сверху и не закрывается тестом.

В качестве сладкой начинки, как правило, использовали варенье. В традиции немцев Поволжья такой пирог назывался Rivelkuchen [Вайман 2015], а у немцев-меннонитов – *Рибеплотц* (Riebelplotz) [Славянская традиционная культура 2023: 156]. Локальные традиции проявлялись не только в названии блюд, но и в рецептуре и технологии приготовления. Так, например, одной из визитных карточек кухни немцев-меннонитов является пирог с ревенем – *Ребоба* (Reboba) или ягодой физалиса – *Юнэтешэн* (Ünetesche) [Вайман 2015].

В прошлом в традиции немцев-меннонитов существовало недельное меню, оно варьировалось в зависимости от семейных предпочтений, однако в своей основе имело вполне конкретные локальные традиции. Например в селе Степановка Переволоцкого района Оренбургской области в понедельник на обед готовили лапшу с картошкой и луком на сковороде – *Этшэкэ мэт тильте* (Etscheke met Tilte), во вторник – суп с капустой – *Борш* (Borsch), в среду – жареную картошку, мусс – *Йе бруднэ этшэкэн, меус* (Iebrudne Etscheken, muss), в четверг – фасольный или морковный суп – *Шобэлзуп* или *Ялмэзуп* (Schobelsuppe oder Jalmesuppe), в пятницу – лапшу с соусом из сметаны и свиного жира – *Тильте мэт шмондфат* (Tilte met Schmondfatt), в субботу – картошку в мундире, булочки – *Этшэкэ мэт шал, твойбак* (Etscheke met Schal, Twoiback), в воскресенье на стол подавали жаркое со штруделями, мусс из сухофруктов или рис с молоком – *бруден мэт домлфнудэль, уфт-меус, ода рис мэт мальть*. К завтраку на стол ставили кофе с молоком, хлеб с вареньем – *Прэпс* (Припс) *мэт мальть, больте мэт врэн* (Prips met Malt, Bolte met Wren), а в зимнее время года к кофе могли подавать хлеб с выжарками – *Больте мэт йройвэншмолт* (Bolte met Iroivenschmolt) [Славянская традиционная культура 2023: 159–160].

Особой популярностью в традиционной системе питания пользовались жареные пышки из теста – *Ролкухен* (Rollkuchen). Повседневной выпечкой, помимо хлеба, были так называемые двойные булочки – *Твойбак* (Twoiback), которые готовили из дрожжевого сдобного теста. Такие булочки сегодня являются визитной карточкой кухни немцев-меннонитов. Из сладких мучных блюд повсеместно были распространены вафли (Woffel), сладкие булочки – *Пепенит* (Pepenit) и пряники – *Грузнет* (Gruznet).

Большая роль в системе питания отводилась мясу и продуктам его переработки. Одним из популярных мясных блюд у российских немцев

была колбаса – *Вурст* (Wurst). В традиции российских немцев известно несколько разных видов колбас: ливерная колбаса – *Ливервурст* или *Ливерворшт* (Liverwurst/Lievoworscht), кровяная, мясная колбаса. Для их приготовления использовали специальный шприц с двумя полыми трубками и поршнем. Ливерная колбаса готовилась из субпродуктов. Для ее приготовления вычищали кишки, тщательно их промывали. Далее через мясорубку крутили легкие, печень, мясо с головы и шеи, заполняя подготовленные ранее кишки. Ливерную колбасу сразу варили и съедали в течение нескольких дней после забоя скота. Копченая колбаса готовилась из свинины и телятины, мясо также крутилось на мясорубке. После мясную колбасу убирали на копчение. Долгое время в сельской местности у немцев было популярным копчение мяса. Свиное сало использовали как в чистом виде, так и для приготовления других блюд. Из молочных продуктов, помимо молока, употребляли в пищу сметану, масло, простоквашу, творог и сыр.

В немецкой кухне частым было комбинирование квашеной капусты и свинины, примером могут являться такие блюда, как *Дамфнудэль* (Dampfnudel) или *Штрудель* (Strudel), когда сверху на мясо выкладывают капусту, тушат вместе. Когда блюдо уже почти готово, добавляют булочки из дрожжевого теста, которые готовятся на пару.

Традиционная кухня дополнялась ягодами. Их употребляли как в свежем, так и в сушеном виде. Сушеные ягоды использовали в качестве начинки для пирогов, при приготовлении молочного киселя-мусса – *Oftmuss*. Характерным для отдельных локальных традиций является употребление в пищу ягод физалиса и паслена – *Нахбере* (Nachbeere) [ночная ягода], которые окружающее население называет «немецкая ягода».

Рыбных блюд в немецкой традиции известно немного. В основном рыбу употребляли в жареном виде. Из круп готовили разнообразные каши. Грибы немцы в пищу не использовали. Среди напитков особую популярность имел кофе – *Принс* (Prips). Кофе готовили из жареных зерен ячменя или пшеницы. Традиционно праздничное застолье завершалось кофе – *Prips*, подаваемым со сладкими мучными изделиями. *Принс* пили как в праздничной, так и будничной обстановке – в домашних условиях, брали с собой на работу в поле. *Принс* также готовили к поминальному столу.

Несмотря на то что традиционная система питания российских немцев подверглась существенным изменениям, традиционная составляющая системы питания проявляется как в праздничной, так и в повседневной кухне. Праздничный стол являлся неотъемлемой частью праздника. Он отличался от повседневного не только разнообразием блюд, но и блюдами, специально приготовленными к нему. Например, пасхальный стол состоял из мясных блюд, разнообразной мучной выпечки, сладких пирогов (*Kuche*): «В основном все варили окорок, *Oftmuss* делали. *Schintifloisch* – это холодное мясо нарезалось и подавалось с картошкой. Делали вареные яйца. Варили целое ведро яиц, так как внуков было много» (Полевые материалы автора – 2010; Оренбургская область, Красногвардейский р-н, д. Ишалка); «На Пасху мать варила типа компота, как типа кисель добавляется, вода и сухофрукты – *Üftmüss*» (ПМ-2009; ОО, Переволоцкий р-н, д. Суворовка).

Нередким явлением в немецких семьях стало приготовление к праздничному столу, помимо традиционных для российских немцев блюд, тех, что распространены в Германии, например рождественского кекса – *Shtollen*. На Рождество главным праздничным блюдом является запеченное мясо – жаркое с картошкой или капуста, тушенная со свининой: «На Рождество готовили *Itschke mit Brude* – жаркое с картошкой и *Oftmuss*» (ОО, Переволоцкий р-н, с. Претория). Главным детским рождественским и новогодним угощением являются пряники. Новогодний стол во многом напоминает рождественский, правда, по сравнению с ним он был более скромный. На пасхальном столе одним из главных угощений являются окрашенные пасхальные яйца, разнообразная выпечка, сладкие пироги.

Именно в обрядово-календарном контексте традиционная система питания сохраняет наибольшую устойчивость и несет символическую нагрузку. Приуроченность традиционных блюд к религиозным праздникам, обрядам семейного цикла способствует воспроизводству коллективной идентичности внутри диаспорального сообщества.

Таким образом, формирование кухни российских немцев происходило при влиянии нескольких факторов: традиций, отражающих этнокультурные комплексы, возникшие до переселения, конфессиональной принадлежности, хозяйственно-экономических условий и длительности взаимодействия с иноэтническим окружением. В результате образова-

ся сложный комплекс культуры, сочетающий элементы немецкой традиции и некоторых инокультурных элементов, что особенно свойственно для диаспоральных сообществ.

Характерной чертой кухни российских немцев является ее адаптивность. В новых природно-климатических и хозяйственных условиях она воспроизводилась с незначительными инновациями с сохранением базовой структуры системы питания и кулинарных приемов. Такая гибкость способствовала длительному сохранению традиции и ее включенности в современную жизнь.

В условиях дисперсного расселения российских немцев традиционная кухня приобрела особую символическую значимость. Она стала одним из наиболее устойчивых элементов этнической культуры, поскольку воспроизводилась в рамках семейного быта, не требовала институциональной поддержки и сохранялась даже в периоды утраты языка и трансформации других культурных практик. Многие блюда, способы их приготовления и связанные с ними названия продолжают сохраняться в разных этнотерриториальных группах как неотъемлемый элемент локальной культуры.

В целом кухня российских немцев в диаспоральных сообществах может рассматриваться как целостный комплекс нематериального этнокультурного достояния, включающий знания, навыки, практики и символические значения, передаваемые в семейной и общественной среде.

В условиях XX–XXI вв. кухня российских немцев претерпевает процессы трансформации и актуализации. Снижение роли традиционных блюд в повседневном рационе сочетается с ее возрастанием в репрезентативном пространстве. Кулинарные практики все чаще выступают объектом этнокультурной презентации – в рамках фестивалей, выставок, кулинарных мастер-классов, публикаций рецептов и проектов по сохранению нематериального достояния. Такие формы репрезентации способствуют не только фиксации традиции, но и ее переосмыслению в современных условиях. Ее сохранение и актуализация играют важную роль в поддержании этнической идентичности, формировании культурной памяти и укреплении внутrigрупповых связей в условиях диаспоры.

Диаспоральный контекст сохранения и трансляции традиции в городской и сельской средах раскрывается по-разному. В город-

ском пространстве традиционная система питания приобретает характер праздничного и репрезентативного элемента, тогда как в сельских сообществах с сохранением компактного расселения российских немцев она остается частью устойчивой системы питания. Это позволяет рассматривать кухню как наиболее сохраняющийся комплекс этнической культуры, продолжающий функционировать даже в ситуации трансформации других комплексов традиционной культуры.

Календарная обрядность является одним из стержневых компонентов культуры российских немцев и демонстрирует относительно устойчивую сохранность как в городских, так и в сельских группах.

В структуре народных праздников годового цикла российских немцев можно выделить несколько календарных систем: церковно-христианский календарь, гражданский календарь, хозяйственный и фенологический календарь. При этом основой для формирования комплекса календарных праздников и обрядов явился христианский календарь, известный у российских немцев в католической, лютеранской, баптистской и меннонитской традициях. Большая часть немецких празднично-обрядовых комплексов связана именно с ним.

Конфессиональные традиции сыграли значительную роль в формировании особенностей народного календаря у разных групп российских немцев. С конфессиональными традициями связаны не только структура народного календаря, количество и состав праздников и почитаемых дней, но и их обрядовая наполняемость [Вайман 2017: 39]. Основой народного календаря российских немцев стали главные праздники христианского календаря, к ним относятся *Weihnachten* [Рождество], *Ostern* [Пасха], *Pfingsten* [Пятидесятница], *Christi Himmelfahrt* [Вознесение], что является характерным для немецкой календарной обрядности в целом [Вайман 2017: 44–45]. Среди церковных праздников народного календаря можно выделить: подвижные и непереходящие праздники, большие и малые, известные повсеместно и распространенные в отдельных локальных традициях. К подвижным праздникам немецкого календаря (высчитываемым от даты Пасхи) относятся собственно Пасха и почитаемые дни Пасхального цикла – Троица (Пятидесятница), Вознесение. Среди непереходящих праздников (в числе)

можно отметить Weihnachten [Рождество] (25.12), Mariä Lichtmess [Сретение Господне] (2.02), Mariä Verkündigung [Благовещение] (25.03) и дни святых [Вайман 2017: 44–47].

Центральное место в современном календаре российских немцев занимают как ключевые христианские праздники – прежде всего Рождество и Пасха, – так и даты гражданского календаря, в частности Новый год. Степень сохранности и развернутость календарной обрядности в локальных традициях варьируются и во многом зависят от конфессиональной принадлежности конкретной группы [Вайман 2017: 44].

Рождество – Weihnachten – в немецкой традиции в зимнем цикле праздников и обрядов занимает центральное место [Döring 2007: 397]. Традиционно немецкое Рождество празднуется 25 декабря (по н. ст.). В христианской традиции Рождеству предшествует сорокадневный пост – период духовной подготовки к празднику Рождества, время покаяния и ожидания верующими Спасителя [Küster 1985: 17–19]. В немецком календаре сорокадневный Рождественский пост – Advent – охватывал четыре воскресенья перед Рождеством [Döring 2007: 358–363; Becker-Huberti 2001: 9–12].

В начале Адвента в молитвенных домах или в церквях воссоздавали сценки рождения Иисуса Христа: устанавливали декорации хлева, ставили ясли и устилали сеном, затем выкладывали в них куклу, олицетворяющую младенца Иисуса. Накануне праздника в доме устанавливали и украшали рождественское дерево – Weihnachtsbaum – или дерево Христа – Christbaum [Российские немцы 2020: 523–535].

Одним из наиболее развернутых и широко распространенных обрядовых комплексов в традиционной культуре российских немцев являлось рождественское ряжение. В рождественскую ночь по улицам деревень ходили ряженные, исполнявшие обрядовые действия и поздравления. Характерная особенность данного явления – разнообразие терминологии, используемой для обозначения рождественских персонажей, что отражает региональные и локальные варианты обрядности. К числу основных персонажей ряженья относились Krischkindel, Ruprecht, Weihnachtsmann, Pelznikel, каждый из которых имел свои функции и символическое значение. В настоящее время данный пласт культуры практически вышел из активного бытования и сохраняется преимущественно в коллективной памяти представителей старшего поколения.

К числу рождественских и новогодних традиций относится также виншевание – индивидуальные обходы домов родственников и знакомых с исполнением поздравительных песен и пожеланий – виншей на немецком языке. В современных условиях данная практика характерна главным образом для сельских сообществ российских немцев, где сохраняются ареалы компактного проживания и устойчивые формы семейно-родственных связей.

В городской среде, при дисперсном расселении немецкого населения, сохраняется прежде всего символическая атрибутика празднования Рождества и Нового года. В период Адвента, в каждое из воскресений, предшествующих Рождеству, в семьях и центрах встреч российских немцев зажигают рождественские свечи, что выступает важным элементом актуализации праздничной традиции.

Центральное место в пасхальной обрядности российских немцев занимает образ пасхального зайца и связанная с ним традиция пасхальных гнезд. Крашеные яйца являлись одним из главных пасхальных подарков для детей. Накануне Пасхи дети готовили специальные гнезда, в которые, согласно представлениям, ночью пасхальный заяц – Osterhase – приносил яйца и другие угощения. Следует отметить, что образ животного-посредника, прежде всего зайца, является одним из наиболее устойчивых пасхальных символов как в традиции немцев России, так и в общеевропейской немецкой культуре.

Обычай сбора яиц и обмена пасхальными подарками был распространен среди российских немцев повсеместно. В той или иной форме пасхальные гнезда готовились в большинстве семей и сохраняются в качестве живой традиции до настоящего времени, особенно в местах компактного проживания, где пасхальная обрядность продолжает воспроизводиться наиболее полно и устойчиво.

Функционирование календарной обрядности существенно различается в городской и сельской среде. В городах основным проводником традиции выступают общественные и культурные центры российских немцев, аккумулирующие общественную жизнь этнического сообщества и создающие условия для коллективного празднования значимых дат. Здесь календарная обрядность зачастую приобретает репрезентативный характер и реализуется в рамках организованных мероприятий.

В сельской местности, особенно в условиях исчезновения моноэтнических компактных поселений, календарные обряды в значительной степени смещаются в сферу семейных традиций, утрачивая общественный контекст. Однако и здесь существуют исключения. В населенных пунктах, где сохраняется относительная плотность моноэтнического расселения российских немцев, календарная обрядность продолжает носить выраженный общественный характер. Особенно ярко это проявляется в обрядах, связанных с обходными церемониями, коллективными праздничными трапезами и совместной подготовкой к религиозным праздникам.

В последние десятилетия заметна тенденция к возрождению и актуализации церковной жизни российских немцев, что способствует восстановлению религиозной составляющей традиционной культуры. Религиозные практики становятся значимым фактором сохранения и трансляции этнокультурных норм, объединяя элементы вероисповедания и календарной обрядности.

Обращение к традиции в современных условиях выступает важным механизмом сохранения этнической идентичности. Этот процесс нередко сопровождается поиском и актуализацией материально значимых символов культуры, выраженных как в конкретных предметах (традиционные блюда, элементы праздничного стола, предметы религиозного обихода), так и в устойчивых практиках, связанных с календарной обрядностью.

Современное развитие календарной обрядности российских немцев в условиях диаспоры осуществляется в контексте разнонаправленных процессов, характерных для этнических сообществ России в целом. С одной стороны, наблюдается постепенная утрата и фрагментация традиционных обрядовых комплексов, обусловленная трансформацией образа жизни, разрывом межпоколенной передачи и изменением социальной структуры диаспоральных сообществ. С другой стороны, усиливаются процессы актуализации этнокультурного наследия.

В условиях смешанных браков в среде российских немцев нередко в рамках одной семьи отмечаются как традиционные немецкие, так и русские календарные даты. Подобная модель праздничной культуры отражает процессы культурной адаптации и интеграции, характерные для диаспоральных сообществ. При этом празднование не восприни-

мается как взаимоисключающее: элементы разных традиций сосуществуют, дополняя друг друга и формируя синкретичный календарный комплекс.

Подобная практика способствует сохранению этнокультурных элементов немецкой традиции даже в условиях изменения конфессиональной принадлежности, включая переход части российских немцев в православие. Немецкие праздники и связанные с ними обрядовые практики продолжают бытовать наряду с русскими. В этом контексте календарная обрядность утрачивает строго конфессиональные границы и приобретает характер устойчивого этнокультурного маркера, обеспечивающего преемственность традиции и поддержание групповой идентичности независимо от религиозной принадлежности.

Фольклорное наследие российских немцев, как и другие комплексы традиционной культуры, функционировало главным образом в местах компактного расселения, что определило его особую устойчивость и адаптивность. Сегодня фольклорные практики постепенно утрачивают свое значение, особенно в условиях смены родного языка и перехода на русский язык в качестве родного большей части диаспоральной группы. При таких условиях русский язык становится основным средством повседневной коммуникации.

Сохранность фольклорного наследия российских немцев напрямую связана с состоянием и степенью функционирования отдельных этнокультурных комплексов. В тех случаях, когда комплексы традиционной культуры продолжают воспроизводиться в повседневной или обрядовой практике, соответствующий им фольклорный пласт также сохраняется, пусть и в ограниченном объеме. Напротив, при утрате отдельных элементов обрядности и изменении контекста их бытования происходит постепенное исчезновение фольклорных текстов и практик, ранее сопровождавших данные обрядовые комплексы. Особенно наглядно данная закономерность прослеживается в сфере календарной и семейной обрядности, где фольклорные тексты существовали в тесной связи с конкретными обрядовыми действиями.

Так, например, фольклорные тексты волынских немцев, приуроченные к празднику Пасхи и исполняемые детьми в пасхальное утро, остались лишь в памяти старшего поколения: «Stipper, Stipper Ousterfest, Has

aus est Nest Geb mir Eier oder Kuchen, Dass ich dich am best besuchen». [Посетители, визитеры праздника Пасхи, Пасхальный зайчик из гнезда, Дай мне яйца или пироги, Я тебя очень хочу навестить] (Полевые материалы автора – 2010; Республика Башкортостан, Стерлитамакский р-н, д. Константиноградовка).

Детские стихи, приуроченные к рождественскому обходу ряженных, также вышли из практики употребления вследствие утраты общественных форм коллективного поздравления: «Chrischkindel komm, Mach mich fromm, Dass ich zu dir in der Himmel nei komm». [Приходи, дитя Христос, Сделай меня счастливым, Чтоб я попал на небеса] (Полевые материалы автора – 2014; Республика Башкортостан, Благоварский р-н, с. Алексеевка).

Тексты рождественских и новогодних поздравлений, исполнявшиеся еще до 1980-х гг., также практически вышли из активного бытования: «Ich winsch ein glikselliges Neues Jahr. Gesundheit und langes Leben. Nach dem Tod Himmelreich. Und alles, was euch selber winscht». [Я желаю вам счастливого Нового года. Здоровья и долгой жизни. Небесного богатства после вашей смерти и всего, чего вы хотите] (Полевые материалы автора – 2012; Оренбургская область, Акбулакский р-н, пос. Акбулак).

Вместе с тем в современном культурном пространстве наблюдается актуализация фольклорного наследия, прежде всего связанного с песенной традицией. В деятельности фольклорных коллективов, а также в рамках презентационных программ центров общественной культуры российских немцев элементы песенного репертуара вводятся в новый социокультурный контекст и функционируют как часть репрезентативной культуры.

В данном случае фольклор приобретает функцию самопрезентации диаспорального сообщества.

Диалекты российских немцев представляют собой особый пласт нематериального этнокультурного достояния, сформировавшийся в условиях длительного существования диаспоральных сообществ. Они существенно отличаются от литературной нормы немецкого языка, поскольку сохранили архаичные элементы, принесенные переселенцами, и одновременно развивались в России по собственным внутренним законам, испытывая устойчивое и многоуровневое влияние русского языка. В современных условиях диалектные формы немецкого языка во мно-

гом приобретают статус культурных реликтов. Их сохранение наиболее отчетливо фиксируется в местах компактного проживания российских немцев, в частности среди меннонитских групп Урала и Сибири, где диалект продолжает выполнять функции маркера внутригрупповой идентичности.

Языковые процессы свидетельствуют о существенном сужении сфер применения немецкого языка. Вместе с тем отдельные его элементы продолжают сохраняться в системе хрононимов (названия дней, недель, праздников в народном календаре). Даже при утрате владения немецким языком в целом, в кулинарной традиции устойчиво сохраняется немецкая терминология. Названия блюд в разных региональных и конфессиональных группах могут существенно различаться, что свидетельствует о сохранении локальных вариантов традиции. При этом немецкий язык в сфере традиционной системы питания сохраняется преимущественно в устной форме, поскольку в ряде этноконфессиональных групп диалекты не имели собственной письменной фиксации и использовались главным образом в бытовом общении. Например, названия блюд у немцев-меннонитов существенно отличаются от названия блюд, известных у других конфессиональных групп российских немцев. У немцев-меннонитов России платский диалект не имеет своей письменности, поэтому в качестве письменного немецкого использовали либо литературную форму немецкого языка, либо, при написании диалектных слов на немецком языке, использовали кириллицу.

Таким образом, кухня функционирует не только как элемент материальной культуры, но и как носитель фольклорно-языкового слоя, сохраняющегося вне зависимости от уровня языковой компетенции носителей.

Свадебная обрядность российских немцев в условиях сохранения и трансляции традиции

Одним из значимых комплексов нематериального этнокультурного достояния, сохраняемых и актуализируемых в современной культуре российских немцев, является свадебная обрядность.

В ряде сельских сообществ свадебная обрядность продолжает функционировать в рамках «живой традиции», тесно связанной с религиозной жизнью немецких общин, прежде всего меннонитских и баптистских, на

Урале и в Сибири. В этих случаях элементы народной свадебной традиции сохраняются фрагментарно и во многом регулируются конфессиональными нормами, что определяет характер и структуру свадебного ритуала.

Другой формой актуализации свадебной обрядности является ее реконструкция, при которой свадьба «возвращается» в пространство семейной обрядности и осмысливается как элемент этнокультурного наследия. В подобной практике наблюдается, с одной стороны, обращение к локальным вариантам традиции, а с другой – воспроизводство обобщенного, усредненного образа свадьбы, характерного для большинства групп российских немцев и воспринимаемого как «традиционный».

Локальная и конфессиональная специфика свадебной обрядности проявляется на всех этапах свадебного цикла, от предсвадебных действий до собственно свадебных действий. Различия фиксируются, в частности, в способах приглашения гостей и организации обрядовых действий, что свидетельствует о многообразии форм бытования традиции в среде российских немцев. Так, например, в волынской традиции, зафиксированной в Пермском крае, приглашение на свадьбу осуществлял специальный распорядитель – Brautdiener, который объезжал дома приглашенных верхом на лошади, нередко стараясь заехать на крыльцо или даже внутрь жилого помещения [Вайман, Черных 2008: 170–171]. В традиции немцев-меннонитов, напротив, был распространен письменный способ приглашения: письмо передавалось из дома в дом и возвращалось обратно в дом отправителя [Вайман 2022: 35]. Известны также варианты, при которых с приглашениями выступали дети или сами молодожены.

Представленное описание не воспроизводит какую-то отдельную локальную традицию, скорее, отражает основные элементы свадьбы, характерные в целом для поволжской традиции российских немцев. Примером такой свадьбы может служить описание, сделанное на основе полевых материалов, полученных в рамках цикла фольклорной этнографической экспедиции в 2024 г. в селе Йоханнесфельд Самарской области.

Свадьба – Hochzeit – в немецкой традиции занимала важное место в ряду событий жизни человека. Обычно проведение свадеб приходилось на осенний период, после завершения уборки урожая. Ком-

плекс свадебной обрядности условно можно разделить на несколько основных этапов – досвадебный, непосредственно свадьба и послесвадебный.

Досвадебные обряды играли важную роль в подготовке к свадьбе. Немецкая свадьба, как и у других народов, начиналась со сватовства, во время которого представитель жениха (сват) получал согласие невесты и ее родителей на заключение брака. В качестве сватов могли выступать родственники жениха, его родители или крестные. Обычно девушка и парень, а часто и их родители уже знали о предстоящем сватовстве. Согласие или несогласие на свадьбу родители невесты, как правило, давали сразу. После получения согласия родители невесты накрывали стол, сваты со стороны жениха, в свою очередь, приходили обычно с угощением. Во время сватовства могли быть оговорены сроки и место проведения торжества. Окончательная договоренность о свадьбе происходила после сватовства, несколькими днями позже, когда в доме жениха собирались родители жениха и невесты. Обычно свадьба назначалась по прошествии нескольких недель после сватовства. На свадьбу составлялся список гостей и назначался распорядитель – Braudiener, которого, как правило, выбирали из родственников. Гости приглашали за неделю до самого торжества. Обычно это был Braudiener, или кто-то из сватов с небольшой группой сопровождающих нес специальный украшенный свадебный посох. Каждый, кого приглашали на свадьбу, должен был завязать цветную ленту на посох. Тем самым ленты служили не только украшением, но и способом визуального представления числа приглашенных. В некоторых традициях накануне свадьбы устраивали вечер, известный как Polterabend. На него собирались родные жениха и невесты, поздравляли их, пели песни и дарили подарки.

Утром в день свадьбы невесту – Braut – одевали в свадебный наряд, который состоял из светлого платья, на голове у невесты был свадебный венок, выполненный из воска, в виде белых цветов, поверх надевалась фата. Жених – Bräutigam – был одет в костюм, к которому крепился букет из цветов, украшенный длинной белой лентой.

Свадьбу праздновали в течение двух-трех дней. В первый день, после того как жених забирал невесту из родительского дома, в сопровождении друзей и подружек невесты свадебная процессия отправлялась на регистрацию брака и его торжественное празднование. Сопровождали жениха и невесту от двух до шести друзей и подружек с каждой сто-

роны. Они выделялись своим внешним видом, их костюмы дополняли ленты и цветы. Молодые появлялись на свадьбе, когда все гости были в сборе и все было готово к торжественному застолью. Жениха с невестой перед застольем было принято встречать хлебом-солью. По тому, кто больше откусит от каравая, определяли, кто будет в доме главным. Молодоженов усаживали в центр стола на специально приготовленные стулья, которые украшались цветами. Нередко эти стулья связывались или покрывались одним покрывалом, символизируя единство молодых. Обязательным элементом свадьбы первого дня являлась традиция первых танцев молодых, известная как *drei Tänze* (три танца). Во время застолья гости, особенно молодежь, старались украсть туфли невесты и потребовать с жениха выкуп за них. Подобный обычай был широко распространен среди немцев России. Вечером в первый день свадьбы по завершении застолья проходил обряд снятия с невесты свадебного венка – *Kranz*. В полночь вокруг невесты собирались девушки и пели свадебную песню, в это время крестные невесты и жениха снимали с молодой жены венок и меняли девичью прическу на женскую [Российские немцы 2020: 490–514].

В прошлом после снятия венка на невесту было принято надевать чепец, про новобрачную говорили, что она «идет под чепец» – *kommt unter die Haube*, позже вместо чепца стали использовать платок. Платок новобрачной в зависимости от конфессиональной принадлежности мог быть черного или белого цвета. Обряд снятия венка символизировал собой приобретение невестой нового социального статуса. После свадьбы молодоженов уже относили к категории взрослого населения. Обряд снятия венка был характерной чертой свадебной обрядности российских немцев и имел множество локальных вариантов.

В некоторых традициях поволжских немцев венок клали на поднос и с этим подносом обходили гостей, чтобы те оставили деньги. Свадебный венок после первого дня свадьбы убирали и долгое время хранили. Существовало поверье: чтобы прожить в браке счастливо, свадебный венок нужно было непременно сохранить.

Сразу после снятия венка следовали выборы новых жениха и невесты. Невеста должна была передать свой венок другой девушке, которая, по поверью, непременно должна была выйти замуж.

Второй день свадьбы сопровождался театрализованными действиями, всевозможными шутками и испытанием молодых. В дом, где про-

ходило свадебное застолье, приходили ряженные в жениха и невесту: в невесту переодевался парень, в жениха – девушка, переодетых в жениха и невесту могли сопровождать и другие персонажи. В этот день за гостями ухаживали уже молодожены. Главным блюдом второго дня свадьбы был куриный суп-лапша – Nudelsuppe. Свадебные гулянья второго дня заканчивались испытаниями и шутками над молодоженами. Третий день свадьбы был связан с угощением музыкантов и поваров.

Презентуемый комплекс свадебной обрядности в прошлом был характерен для значительной части локальных традиций немцев Поволжья. Свадебная обрядность села Иоганесфельд Безенчукского района воспроизводится преимущественно в форме реконструкции и презентации в рамках этнокультурной деятельности общественной организации Самарской области «Региональный центр немецкой культуры “Надежда”». Данная практика направлена на сохранение, актуализацию и популяризацию элементов традиционной культуры, утративших, за некоторым исключением, свое функционирование в повседневной жизни.

Реконструкция свадебной обрядности осуществляется на основе архивных источников, полевых материалов и коллективной памяти носителей традиции. В результате формируется обобщенный образ свадебного ритуала, сочетающий локальные особенности поволжской традиции и элементы, воспринимаемые как общенемецкие. В этом контексте свадебная обрядность утрачивает свою первоначальную регулятивную функцию, но приобретает значение символического и репрезентативного комплекса нематериального этнокультурного наследия.

Таким образом, презентация свадебной обрядности немцев Поволжья в рамках деятельности общественных организаций выступает важным механизмом сохранения этнокультурной памяти и знакомства с традициями в современных условиях. Подобные практики направлены на укрепление этнической идентичности и включение элементов традиционной культуры в актуальное культурное пространство, что позволяет рассматривать свадебную обрядность как значимый объект нематериального этнокультурного достояния российских немцев.

Традиция шпрухов в этнокультурном наследии российских немцев

Шпрух в немецкой культуре – многозначное явление: в широком смысле под ним понимаются изречения, цитаты или высказывания, а в переносном – девиз, лозунг, руководящая формула. В средневековой немецкой поэзии шпрух сформировался как особый жанр назидательных изречений. У российских немцев термин «шпрух» (Der Spruch – Die Sprüche) использовался для обозначения библейских текстов, философских и иных нерелигиозных высказываний. Чаще всего шпрухи художественно оформлялись в виде картин в рамах, панно или вышивки.

Шпрухи применялись для украшения бытовых тканей (полотенец, наволочек), свадебных приглашений и поздравлений, писем, уведомлений о смерти, а также в виде надписей на крышке гроба. Традиция шпруха была принесена в Россию немецкими колонистами в XVIII в. и активно развивалась в материнских колониях, а на рубеже XIX–XX вв. была перенесена на Урал и в Сибирь.

В культуре российских немцев шпрухи были характерны прежде всего для отдельных протестантских групп – меннонитов, позднее – баптистов и частично лютеран. Сегодня основные районы их распространения связаны с Оренбургской и Омской областями, Алтайским краем. Шпрухи являлись частью повседневной жизни и религиозной практики, отражая народную философию и ценностные ориентиры конфессиональных сообществ.

Существовало несколько технологий изготовления шпрухов. Одной из наиболее ранних и распространенных была вышивка (гладь, крестик), при которой надпись и изображение наносились на ткань и затем оформлялись в раму. Помимо вышивки широко применялась живопись, особенно техника росписи по стеклу с использованием «зеркального письма», когда текст наносился в обратном отражении. Также известны шпрухи, выполненные на фанере или грубом холсте и заключенные в раму.

При росписи по стеклу в центре композиции размещалась библейская цитата, украшенная орнаментом. Ведущую роль играла каллиграфия, выполненная масляными красками и фольгой на обратной стороне стекла. Эта техника получила наибольшее распространение

и доминировала вплоть до 1970–1980-х гг. В отдельных случаях центральное место занимали христианские символы, пейзажи, изображения животных или птиц, призванные подчеркнуть смысл цитаты. Технология включала поэтапное нанесение текста и рисунка с последующей закраской фона.

Для изготовления использовались как покупные, так и самодельные краски; для тиснения применялись фольга и золотая краска. Цветовая палитра включала красный, зеленый, желтый, синий, белый и черный цвета, при этом предпочтение отдавалось красному и зеленому. Выбор цветовой гаммы часто зависел от доступности материалов. Изготовлением шпрухов занимались преимущественно женщины, главным образом в зимнее время. Шпрухи делались на заказ или в подарок – на свадьбы, юбилеи, религиозные праздники. Цитату выбирал либо мастер, либо заказчик.

В художественном оформлении шпрухов широко использовались цветочные орнаменты, пейзажи, изображения ангелов. В отдельную группу выделяются свадебные шпрухи, распространенные в Переволоцком и Александровском районах Оренбургской области. Они украшались изображениями голубей и содержали благопожелания, связанные с семейным благополучием. Центральным мотивом часто становился летящий голубь с письмом в клюве.

На рубеже XX–XXI вв. традиционное изготовление шпрухов постепенно уступило место использованию готовых покупных картин, на которые наносились цитаты. При этом шпрух продолжал выполнять свои основные функции и размещался на видном месте в доме. В народной культуре он обладал и охранительным, апотропейным значением, воспринимаясь как оберег.

В 1980–1990-е гг. шпрухи активно использовались в свадебной обрядности: в виде плакатов над молодоженами, свадебных приглашений, а также рукописных альбомов с библейскими цитатами и благопожеланиями. Особую категорию составляли траурные шпрухи (Trauersprüche), связанные с похоронно-поминальной обрядностью. Они использовались в уведомлениях о смерти, на венках и крышках гробов.

Сформировавшись до переселения немцев на Урал, традиция шпрухов сохранялась в относительно устойчивом виде на протяжении столетия, адаптируясь к местным условиям. Во второй половине XX в. происходят изменения: усиливается ориентация на русскоязычные

библейские тексты, происходит отказ от готического письма и трансформация художественного оформления.

Возникшая на стыке христианства и народных традиций, традиция шпрухов сочетает в себе декоративно-прикладное искусство, религиозные представления и элементы повседневной культуры. Шпрух выступает многофункциональным предметом – подарком, элементом интерьера, носителем мировоззренческих смыслов [Вайман 2022: 20–42].

Примеры изготовления шпрухов с применением современных материалов в контексте общественного движения и частных инициатив можно рассматривать как проявление этнической идентичности и поиск осязаемых символов народной культуры российских немцев.

В современных условиях шпрухи активно вовлекаются в практики репрезентации культуры российских немцев. Происходит переосмысление собственных традиций. Можно говорить о частичной реконструкции традиции шпрухов посредством деятельности общественных и культурных институтов российских немцев. В частности, они используются в рамках образовательных и просветительских мероприятий, включая занятия и мастер-классы по их изготовлению. Тем самым осуществляется актуализация и возвращение этого этнокультурного наследия в этнокультурный контекст диаспоральной группы.

Проведенное исследование свидетельствует о том, что в условиях диаспорального расселения российские немцы продолжают сохранять и воспроизводить отдельные элементы традиционной культуры. Наиболее устойчивыми и отчетливо проявляющимися в современных практиках являются традиционная система питания, календарная обрядность и некоторые формы семейных обрядов жизненного цикла. Указанные культурные комплексы продолжают функционировать как в повседневной, так и в праздничной сфере, выступая значимыми факторами поддержания этнокультурной идентичности. Вместе с тем отдельные элементы традиционной культуры российских немцев не только сохраняются, но и приобретают новые формы и значения именно в условиях диаспоры. К числу таких элементов относятся кулинарные практики, отдельные фрагменты календарной обрядности, фоль-

клорное наследие в песенной традиции, а также традиция шпрухов, которая в современных условиях актуализируется преимущественно в репрезентативном и образовательном контексте и представлена в деятельности общественных институтов. Характерной особенностью современных диаспоральных сообществ российских немцев является символизация традиции, когда утраченные или частично утраченные культурные практики сохраняются в форме знаков и символов этнической принадлежности. Актуализация нематериального этнокультурного наследия в современных условиях приобретает этномобилизирующее значение, способствуя укреплению внутригрупповых связей и консолидации немецкого этнического сообщества, прежде всего через деятельность общественных организаций.

Таким образом, этнокультурное наследие российских немцев в условиях диаспоры продолжает функционировать в трансформированном виде, сочетая элементы «живой традиции» и реконструированных форм. Под влиянием социальных, конфессиональных и институциональных факторов отдельные комплексы традиционной культуры получают новые импульсы к сохранению и актуализации.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Becker-Huberti 2001 – Becker-Huberti, M. Lexikon der Bräuche und Feste: 3000 Stichwörter mit Infos, Tipps und Hintergründen / M. Becker-Huberti. Aufl.-Freiburg: Verlag Herder GmbH & Co. KG, 2001. – 480 s.

Döring 2007 – Döring A. Rheinische Bräuche durch das Jahr / A. Döring. Köln: Verlag Greven, 2007. – 440 s.

Küster 1985 – Küster J. Wörterbuch der Feste und Bräuche im Jahreslauf: eine Einführung in den Festkalender / J. Küster. Freiburg: Verlag Herder, 1985. – 235 s.

Wiens 1998 – Wiens H. Deutsche in Russland und in der GUS // Volk auf dem Weg. Moskau – Stuttgart, 1998. – 64 s.

Вайман 2015 – Вайман Д. И. Кухня немцев Прикамья. Комплект открыток. СПб.: Маматов, 2015.

◆ ◆ ◆ II ◆ ◆ ◆
ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ
НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ

Вайман 2017 – Вайман Д. И. Календарные праздники и обряды немцев Урала в конце XIX – начале XXI в. СПб.: Маматов, 2017. – 320 с.

Вайман 2022 – Вайман Д. И. Шпрухи российских немцев: альбом / авт.-сост. Д. И. Вайман; науч. ред. А. В. Черных. СПб.: Маматов, 2022. – 312 с.

Вайман, Черных 2008 – Вайман Д. И., Черных А. В. Немецкие хутора Прикамья: история и традиционная культура в XX – начале XXI в. СПб.: Маматов, 2008. – 224 с.

Герман 2005 – Герман А. А. История немцев России / А. А. Герман, Т. С. Иларионова, И. Р. Плевне. М.: МСНК-пресс, 2005. – 240 с.

Костюк 1998 – Костюк М. П. Немецкие миграционные движения на Волынь (XVIII – начало XX в.) // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. Материалы международной научн. конф. Анапа, 26–30 сент. 1997 г. М., 1998. С. 27–45.

Российские немцы 2020 – Российские немцы / отв. ред. Т. Б. Смирнова, В. А. Тишков; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского. М.: Наука, 2020. – 719 с.

Славянская традиционная культура 2023 – Славянская традиционная культура и современный мир: фольклор в современном обществе: Коллективная монография / В. Е. Добровольская (отв. ред.), А. В. Черных (отв. ред.), А. Д. Цветкова, Д. И. Вайман, Л. И. Тябина, Ю. А. Крашенинникова, И. А. Черных, С. Г. Низовцева, И. А. Подюков, В. Б. Филатова, А. К. Конёнкова, В. А. Поздеев, Г. В. Варакина, Г. П. Христова, О. Э. Добжанская, В. И. Яковлев, О. В. Ходырева, Ю. С. Чернышева, Е. Н. Свалова, А. С. Лызлова. Казань: ООО «Фолиант», 2023. – 208 с.

Шайдуров, Осипов 2024 – Шайдуров В. Н., Осипов Н. А. Немцы Санкт-Петербурга в 1860-х – 1914 г.: численность, размещение, хозяйственные занятия. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 3. С. 286–298.

Деятельность в сфере нематериального этнокультурного достояния

М. В. Русанова

НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ДОСТОЯНИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО РОССИЙСКОГО ДОМА НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА ИМ. В. Д. ПОЛЕНОВА

Сегодня одним из самых востребованных направлений деятельности в сфере традиционной народной культуры является работа по сохранению нематериального культурного наследия. Это обусловлено целым рядом причин, и первая среди них – полиэтничность населения России. Более 190 народов, народностей, этнических групп – это огромное многообразие культур, языков, традиций, сохранение и поддержка которых важнейшая задача не только для учреждений культуры, ученых-исследователей, профильных учебных заведений, общества в целом. Эта задача входит в «Стратегию государственной культурной политики на период до 2030 г.», «Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года», «Стратегию национальной безопасности Российской Федерации» и другие определяющие жизнь страны документы. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» также имеет непосредственное отношение к сохранению традиций и культуры, так как именно культура каждого этноса хранит духовные

ценности народа. Основными документами для ведения деятельности по сохранению традиционной культуры, нематериального культурного наследия стали ФЗ № 402 от 20.10.2022 «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» и Постановление Правительства РФ от 3 августа 2023 г. № 1277 «Об утверждении Положения о федеральном государственном реестре объектов нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации».

Работа над созданием этих основных документов началась давно и пережила разные этапы: от споров и дискуссий о понятийном аппарате – до методов и форм популяризации нематериального культурного наследия.

Начиналось все на различных конференциях, презентациях в 1989 г., когда ЮНЕСКО задумала взять под защиту и охрану не только материальное наследие, но и нематериальное. Так появился документ «Рекомендация о сохранении фольклора». А затем и проект «Список шедевров устного и нематериального наследия человечества» (сейчас это «Репрезентативный список объектов нематериального Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО»).

К проекту активно подключились Московское бюро ЮНЕСКО и Комиссия Российской Федерации по делам ЮНЕСКО, которая инициировала создание Российского Комитета по вопросам сохранения нематериального культурного наследия при Государственном Российском Доме народного творчества, имеющем вековой опыт работы с традициями и культурой народов России. Благодаря их успешным активным действиям в Список вошли два российских объекта: якутский героический эпос «Олонхо» и культурное пространство и устное творчество семейских староверов Забайкалья.

В 2003 г. ЮНЕСКО приняла и опубликовала Конвенцию ЮНЕСКО «Об охране нематериального культурного наследия», предложив странам подписать ее и действовать сообща в целях усиления деятельности по спасению и поддержке исчезающих из живого бытования явлений нематериального культурного наследия. Однако Россия сочла невозможным ратифицировать данный документ, но осознавая важность и необходимость продолжения этой работы, а также учитывая уникальное многообразие культур и традиций народов России, приняла решение, которое инициировал Государственный Российский Дом народного творчества, – создать собственную систему информационно-методической деятельности по сохранению и поддержке живого нематериального культурного наследия народов России. Так в 2008 г. началась история создания Реестра (каталога) объектов нематериального культурного наследия Российской Федерации как российская альтернатива Репрезентативному списку объектов нематериального культурного наследия ЮНЕСКО.

Во исполнение поручений Президента Российской Федерации от 14 января 2007 г. № Пр-70, приказом Министерства культуры России за № 267 от 17 декабря 2008 г. была утверждена Концепция сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Российской Федерации на 2009–2015 годы. Разработкой содержания Концепции по заказу Минкультуры России занимался Институт экономики и социальной политики. Концепция определяла цели, основные задачи и механизмы реализации государственной политики по сохранению и развитию традиционной народной культуры, а также приоритеты деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, органов и учреждений культуры, общественных объединений и граждан в этой сфере.

Концепцией было предусмотрено, в том числе, решение следующих задач:

- формирование базы данных – создание Реестра (каталога) объектов нематериального культурного наследия народов Российской Федерации на основе новых информационных технологий;
- совершенствование нормативно-правовой базы данного направления деятельности;
- разработка системы мер по поддержке и обновлению материально-технической базы культурно-досуговых учреждений, а также мер, направленных на поддержку хранителей и носителей нематериального культурного наследия;
- популяризация нематериального культурного наследия народов России через средства массовой информации;
- совершенствование научного, методического и кадрового обеспечения учреждений культуры, чья деятельность направлена на выявление, сохранение и развитие нематериального культурного наследия, и т. д.

Для достижения целей и задач Концепции была разработана и утверждена Программа ее реализации, исполнение которой было возложено на ГРДНТ как организацию, имеющую наиболее обширный опыт в деле сохранения и поддержки традиционной культуры, а также как главный координационный центр сети домов (центров) народного творчества, а через них – и самой многочисленной сети культурно-досуговых учреждений страны.

Программа имела финансовую поддержку в рамках целевой программы «Культура России (2009–2016 гг.)», в основном на создание электронного реестра (каталога) объектов нематериального культурного наследия. В рамках того же проекта существовали направления:

20. Научное, информационное и методическое обеспечение проектов в сфере народного творчества;

21. Поддержка проектов, направленных на сохранение нематериального культурного наследия;

22. Поддержка проектов, направленных на развитие и популяризацию народного художественного творчества.

Это давало возможность реализовать проекты, популяризирующие и развивающие работу по сохранению традиционной культуры и нематериального культурного наследия, в том числе исследовательскую.

В соответствии с программой Министерством культуры РФ в 2009 г. Национальному информационно-библиотечному центру «ЛИБНЕТ» были выделены средства на разработку и создание опытного варианта электронного реестра (каталога) объектов нематериального культурного наследия народов Российской Федерации. Государственному Российскому Дому народного творчества в рамках государственного задания было поручено совместно с региональными Д(Ц)НТ определить содержательную часть реестра (каталога). Начались параллельная работа специалистов ГРДНТ (И. В. Козлова, Н. Е. Котельникова, Т. В. Пуртова, М. В. Русанова) над созданием структуры реестра и разработка группой программистов электронной базы данных. Ориентировались в первую очередь на рекомендации ЮНЕСКО, а также на ряд аналогичных зарубежных разработок.

Так же как и список ЮНЕСКО, реестр должен был формироваться по региональному принципу: субъекты формируют свои региональные реестры и затем наиболее значимые из объектов нематериального культурного наследия (НКН) регионального уровня представляют в федеральный реестр. Решение о принятии или отказе во включении в региональный список принимается Экспертным советом, созданным на уровне субъекта, на базе органа управления культурой субъекта. Соответственно решение о включении в федеральный реестр принимается Экспертным советом на уровне федерации и образованным на базе Министерства культуры РФ. Специалисты Д(Ц)НТ должны были стать связующим звеном между практикой и наукой, привлекая к работе над ОНКН известных фольклористов, лингвистов, искусствоведов и т. д.

При этом приходилось решать следующие задачи.

1. Разрабатывать и внедрять нормативно-правовую базу деятельности, которая позволила бы расширить работу в регионах, опираясь на региональные дома и центры народного творчества.

2. Формировать взаимосвязанную организационно-методическую систему для проведения всего комплекса работ, от выявления и изуче-

ния ОНКН до его занесения (или не занесения) в реестр федерального или регионального уровня.

3. Разрабатывать классификацию, критерии и форматы описания объектов НЭД, вырабатывать другие необходимые определения и термины.

4. Обеспечить подготовку специалистов для ведения такой работы.

Подготовка специалистов центров (домов) народного творчества проходила в рамках специализированных семинаров, организованных ГРДНТ и разработчиками электронного реестра ОНКН. Была сформирована программа обучения форматам и основам каталогизации специалистов из регионов России, изданы методические рекомендации и Инструкция по ведению электронного реестра (каталога) ОНКН.

В 2009–2011 гг. в Москве состоялись шесть обучающих семинаров по формированию и ведению электронного Каталога, которые объединили специалистов домов и центров из 45 субъектов РФ.

Благодаря проделанной работе на региональном уровне в целом ряде субъектов появились нормативно-правовые акты, обеспечивающие деятельность по выявлению и сохранению ОНКН в субъекте.

Таким образом, к 2012 г. появилась первая версия реестра (каталога), которая имела довольно громоздкую и не очень удобную систему администрации базы данных, но структура базы была правильной и давала возможность очень тщательно и подробно подойти к описанию объекта.

В 2012 г. Министерство культуры Российской Федерации поручило Государственному институту искусствознания уточнить структуру и формы описания объектов реестра (каталога). В соответствии с итогами работы ГИИ в 2013 г. Министерством культуры был проведен конкурс на пополнение электронного реестра (каталога), которое осуществляли последовательно ГИИ и Государственный республиканский Центр русского фольклора.

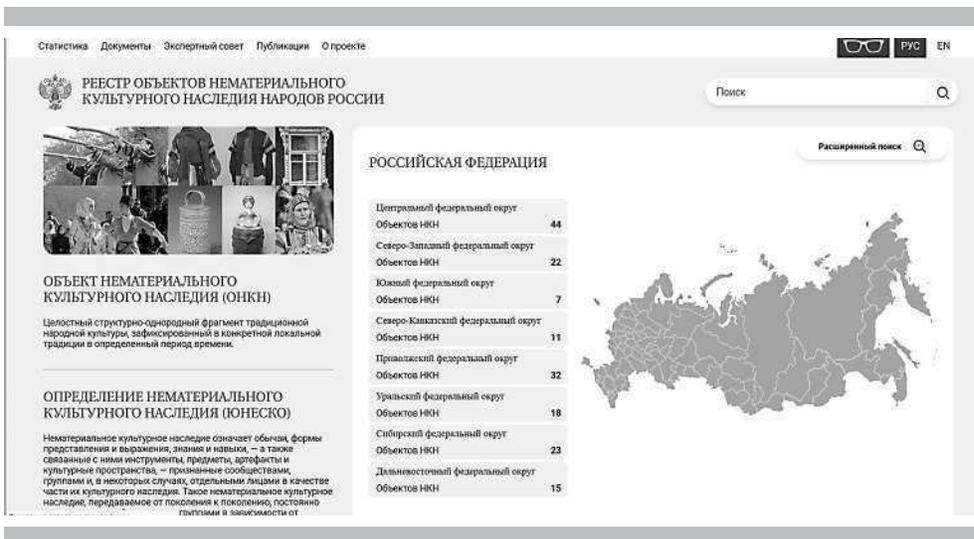
В результате работы, проведенной в 2012–2015 гг., был отброшен региональный принцип формирования реестра (каталога). Право определять, какие именно объекты войдут в реестр, получили исключительно научные и учебные заведения, отдельные фольклористы. Работа была проведена большая, но в реестр (каталог) посыпались объекты, давно прекратившие свое живое существование, имеющие место лишь в архивах этих учреждений. Проект реализовывался на сайте КУЛЬТУРА. РФ. При этом уже разработанный опытный вариант реестра (каталога), требующий, как и предполагалось, корректировки и доработки, остался в том виде и состоянии, которое было на декабрь 2012 г. По существу – работы были заморожены.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СФЕРЕ
НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ

Однако ГРДНТ, со своей стороны, продолжил работу по наполнению реестра в рамках государственной субсидии и за счет средств регионов. Продолжилась работа и по совершенствованию собственной структуры реестра и созданию нового публичного сайта реестра www.rusfolknsledie.ru/ Работы производились как за счет собственных средств ГРДНТ, так и за счет грантовой системы. Так появился второй вариант реестра на базе Государственного Российского Дома народного творчества имени В. Д. Поленова.

*Второй вариант действовавшего до 2023 г. Реестра ОНЭД
на базе ГРДНТ им. В. Д. Поленова*

Была организована на системной основе методическая работа, проводились конференции, семинары, консультации, в рамках которых выдавались методические рекомендации по различным аспектам деятельности по выявлению и сохранению объектов нематериального культурного наследия. В домах и центрах народного творчества субъектов Российской Федерации были созданы отделы и секторы нематериального культурного наследия, сотрудники которых вели работу непосредственно на территории регионов.

Участие в конференциях позволило познакомить научное сообщество с работой по выявлению и сохранению нематериального культурного наследия и представить образцы объектов. Важно было привлечь внимание общества к стабилизирующей и консолидирующей роли традиционной народной культуры как универсального средства укрепления отношений доверия и взаимного уважения между народами; утверждению важнейшей роли фольклора в нравственно-эстетическом и патриотическом воспитании детей и молодежи путем практического приобщения к различным формам народной традиции.

В октябре 2013 г. Владимирским областным домом народного творчества совместно с ГРДНТ была организована и успешно прошла конференция «Сохранение нематериального культурного наследия»; теме «Сохранение нематериального культурного наследия народов Республики Татарстан» было посвящено заседание расширенной коллегии Минкультуры РТ, состоявшееся 31 октября 2013 г.; Департамент культуры ХМАО – Югры и «Творческое объединение “Культура”» провели межрегиональную конференцию «Нематериальное наследие финно-угорских народов, как объект сохранения» и т. д.

Тема межрегиональной конференции в городе Ханты-Мансийске вызвала большой интерес исследователей традиционной культуры финно-угорских и самодийских народов. На ней присутствовали представители Удмуртской Республики и Коми, Пермского края, Ханты-Мансийского, Ненецкого, Ямало-Ненецкого автономных округов, Москвы, а также члены Совета координаторов Финно-угорского культурного центра РФ (всего около 70 человек). Участники из Ханты-Мансийского автономного округа единогласно проголосовали за создание окружного Экспертного совета по формированию Каталога ОНКН, который и был организован непосредственно в рамках конференции. На состоявшемся первом заседании Совета ХМАО – Югры были выдвинуты в качестве первых ряд объектов традиционной культуры коренных малочисленных народов округа.

В рамках III Международного культурного форума «Культура нового поколения» при поддержке Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО с 25 по 27 сентября 2013 г. в городе Ульяновске состоялись Международная

научно-практическая конференция «Сохранение, развитие и управление нематериальным культурным наследием стран СНГ и Балтии» и Всероссийский семинар-совещание директоров домов (центров) народного творчества субъектов Российской Федерации.

В мероприятиях приняли участие руководители методических служб в сфере народного творчества из 45 регионов России – представители всех федеральных округов, а также иностранные гости. В пленарных заседаниях конференции с докладами выступили Мила Сантова – Президент института этнологии и фольклора Национального этнографического музея Болгарии, А. А. Аскар – председатель Казахстанского национального комитета по охране нематериального культурного наследия, генеральный директор Национальной академической библиотеки Республики Казахстан, Я. Ш. Гусейнли – зав. сектором по нематериальному культурному наследию отдела культурной политики Министерства культуры Азербайджанской Республики, И. Л. Набок – доктор философских наук, зав. кафедрой этнокультурологии, зам. директора по научной работе института народов Севера Российского государственного университета им. А. И. Герцена, и др.

В 2018 г. в структуре ГРДНТ им. В. Д. Поленова появилось новое подразделение – отдел «Центр русского фольклора», а с ним и ряд новых проектов, посвященных исследованию и сохранению традиционной культуры: международная конференция «Славянская традиционная культура и современный мир», два тематических журнала – «Традиционная культура», «Живая старина», а также Всероссийский конгресс фольклористов.

Конгресс проводится один раз в четыре года и является крупнейшим событием в профессиональном сообществе. Это возможность подвести определенные итоги работы за прошедший четырехлетний период: наметить планы на будущее, вынести на обсуждение результаты научных изысканий. Одна из основных задач конгресса – консолидация усилий профессионального сообщества, объединяющего теоретиков, методологов, исследователей, специалистов-практиков, объединение достижений научной мысли и практической работы, создание условий для результативного общения, выработки совместных решений.

За описываемый период прошло два конгресса (в 2018 г. – в Туле и в 2022 г. – в Рязани), и каждый был посвящен серьезным вопросам изучения, исследования и популяризации элементов традиционной культуры и НЭД.

Конференция «Славянская традиционная культура и современный мир» проходит ежегодно, в 2025 г. состоялась 30-я, юбилейная. Каждая из них была посвящена определенной теме, наиболее актуальной в текущем периоде:

М. В. Русанова

НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ДОСТОЯНИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО РОССИЙСКОГО ДОМА НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА ИМ. В. Д. ПОЛЕНОВА

2019 г., город Йошкар-Ола, тема – «Отчий дом, малая Родина, родная страна: многообразие фольклорных традиций России»;

2020 г., город Ульяновск, тема – «Детская культура и фольклор в социокультурном пространстве России»;

2021 г., город Москва, тема – «Нематериальное культурное наследие народов России: полевые исследования – каталоги объектов – презентация в современном культурном пространстве»;

2022 г., город Белгород, тема – «Региональные особенности фольклора»;

2023 г., город Казань, тема – «Фольклор в современном обществе»;

2024 г., город Светлогорск Калининградской области, тема – «Семейные традиции в народной культуре»;

2025 г., город Москва, тема – «Историческая память и поэтика героического».

На конференциях рассматривались различные подходы к сохранению и возрождению фольклора и традиционной культуры в России, региональные особенности фольклорных традиций и процессы влияния фольклора разных народов друг на друга. Это способствовало выработке перспективных направлений и научно-практических задач в области фольклористики, созданию системного и комплексного подхода к развитию культурного сотрудничества, укреплению научных и творческих контактов.

*Ансамбль «Пересек» на международной научной конференции
«Славянская традиционная культура и современный мир».
г. Белгород Белгородской области, 2022*

Важным моментом стало в 2018 г. создание на федеральном уровне при Комитете по нематериальному культурному наследию при Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО Экспертного совета по вопросам формирования реестров ОНКН. В Совет вошли видные ученые: фольклористы, этнографы, филологи, этномузыкологи, а также специалисты-практики, занимающиеся проблемами народной культуры. Председателем Совета стал член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, директор Института гуманитарных исследований УрО РАН, профессор Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета А. В. Черных, руководителем рабочей группы – первый заместитель директора ГРДНТ им. В. Д. Поленова М. В. Русанова. Это стало значительным достижением, результатом огромной работы, проделанной ГРДНТ. Экспертный совет решил ряд задач, связанных с консолидацией и координацией деятельности представителей государственной власти, специалистов учреждений и организаций культуры, искусства, науки и образования по изучению, выявлению, сохранению, использованию и популяризации нематериального культурного наследия народов Российской Федерации. Члены Совета проводили экспертное рассмотрение заключений региональных экспертных советов об объектах, направляемых региональными органами управления культуры или другими уполномоченными структурами для включения в Федеральный Реестр объектов нематериального культурного наследия (НЭД) народов Российской Федерации. Эксперты принимали решение о значимости объекта, качестве представляемых органами управления культурой субъектов или другими уполномоченными региональными структурами материалов. Также они осуществляли научно-методическое и консультативное сопровождение деятельности по формированию региональных Реестров объектов нематериального культурного наследия, вели работу по выработке рекомендаций для регионов РФ по сохранению, изучению, публикации объектов нематериального культурного наследия.

Большое значение имели подготовка и обучение специалистов работе с объектами нематериального культурного наследия.

Начиная с 2011 г. ежегодно проводились семинары по обучению всех задействованных в этой работе специалистов домов (центров) народного творчества в субъектах Российской Федерации. Среди них: семинар по нематериальному культурному наследию «Проблемы выявления и описания объектов нематериального культурного наследия» в рамках научно-практической конференции «Тверское фольклорное поле», Тверь; Всероссийский семинар-практикум «Лучшие практики формирования региональных реестров ОНКН», Екатеринбург; методический семинар «Объекты нематериального культурного наследия народов Российской Федерации: методика выявления и описания», Ульяновск; цикл семинаров «Методика

М. В. Русанова

НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ДОСТОЯНИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО РОССИЙСКОГО ДОМА НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА ИМ. В. Д. ПОЛЕНОВА

работы с объектами нематериального культурного наследия в контексте формирования региональных реестров (каталогов) объектов нематериального культурного наследия народов Российской Федерации», Москва и др.

Сотрудники ГРДНТ им. В. Д. Поленова приняли участие и провели занятия по вопросам ОНКН в региональных мероприятиях: «Объекты нематериального культурного наследия народов Российской Федерации: методика выявления и описания», Уфа; семинар по вопросам сохранения НКН народов Югры, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры; семинар «Нематериальное культурное наследие Ямало-Ненецкого автономного округа» и многих других.

Конечно, одной из главных задач является широкая популяризация народной культуры, в том числе объектов НКН. Дом народного творчества ввел в практику проведение презентаций ОНКН в рамках различных мероприятий: фестивалей, праздников, выставок и других форм деятельности.

В июле 2021 г. на площадке Всемирной Фольклориады (Уфа) состоялась Международная конференция, посвященная НКН народов России. Зарубежным участникам, российским специалистам и руководителям коллективов были показаны замечательные образцы объектов наследия, и не только как электронные варианты в реестре (каталоге), но и в живом исполнении творческих коллективов и солистов. В заключение участникам был представлен первый выпуск иллюстрированного альманаха «Нематериальное культурное наследие народов Российской Федерации».

*На Всемирной Фольклориаде – 2021. Ансамбль «Судьбинушка»,
Республика Бурятия*

◆ ◆ ◆ III ◆ ◆ ◆
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СФЕРЕ
НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ

Поддержка государственных структур, заинтересованность профессионального сообщества и общества в целом дали положительный результат. 2022 год был объявлен Годом культурного наследия народов России. Среди многочисленных креативных и интересных проектов года особое значение имело принятие Закона «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации», который легализовал и перевел деятельность в иной статус – статус государственной задачи, в решении которой должны участвовать как федеральные, так и региональные власти. Рабочая группа по разработке Закона начала свою работу еще осенью 2021 г. В нее вошли также сотрудники ГРДНТ им. В. Д. Поленова: директор учреждения Т. В. Пуртова и куратор проекта М. В. Русанова. Интенсивная работа межведомственной рабочей группы дала быстрый и замечательный результат. И уже 20 октября 2022 г. Закон был подписан Президентом В. В. Путиным.

Важнейший для развития деятельности по сохранению и популяризации НЭД 2022 год закончился ярким и показательным финалом – Международным форумом «Народная культура в XXI веке. Традиции и инновации», который состоялся в Санкт-Петербурге. В рамках форума прошла презентация «Антологии народной культуры», представившая силами ведущих ученых-фольклористов, этномузыкологов, филологов, а также живых носителей этнокультурного достояния материалы.

*Альбом-презентация «Антология народной культуры»
(авторы-составители: В. Е. Добровольская, М. В. Русанова, М. В. Якунькина)*

По результатам работы уже в рамках принятого Закона в 2023 г. были проведены три семинара, которые собрали всех заинтересованных специалистов. Семинары состоялись в Липецке, Красноярске, Воронеже. Их большая востребованность была обусловлена, в первую очередь, появлением документов, которые требовали дополнительных разъяснений. Обсуждаемых вопросов было много: критерии признания тех или иных элементов традиционной культуры объектами НЭД, форматы описания объектов, вопросы передачи полномочий подведомственным организациям и т. д.

Особенно интересовали участников вопросы авторских прав, защищенность информации, работа с информантами и т. д. В качестве консультантов были приглашены члены Экспертного совета, специалисты Московской Государственной консерватории имени П. И. Чайковского, Российской академии музыки имени Гнесиных, Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова, Министерства культуры РФ. Однако ряд вопросов из-за отсутствия специальной правовой базы для данного направления не удалось уточнить. Этими проблемами еще предстоит заняться в дальнейшем.

Начиная с 2022 г. ГРДНТ им. В. Д. Поленова при поддержке Министерства культуры Российской Федерации и совместно с региональными центрами (домами) народного творчества проводит уникальный по своим организационным масштабам проект «Цикл фольклорно-этнографических экспедиций» в субъектах РФ. За период с 2022 по 2025 г. проведено 58 экспедиций в 44 субъектах, в некоторых, по заявкам регионов, не по одному разу (республики Адыгея, Алтай, Бурятия, Татарстан, Якутия, Липецкая, Мурманская, Томская и др. области). Результатами этого проекта стали выявленные в ходе экспедиций 174 объекта НЭД, сняты сотни фрагментов видеоматериалов, тысячи фотографий.

В каждой экспедиции принимают участие члены Экспертного совета, специалисты местного научного сообщества, а также сотрудники и специалисты домов (центров) народного творчества. Таким образом, экспедиции являются мастер-классами по всему комплексу работ с НЭД: от выявления – до обработки информации, от работы с информантами – до записи видео-, аудиоматериалов. И уже видны результаты: оживление этой деятельности в субъектах, появление или реновация региональных нормативно-правовых актов, создание новых проектов и программ по поддержке НЭД и др. Некоторые регионы продолжили экспедиционную работу, но уже самостоятельно, без федеральной поддержки. Нельзя недооценивать образовательное значение проекта, где специалисты высокого уровня проводят в его рамках обучение работников культурно-досуговой деятельности, не всегда обладающих достаточной квалификацией.

Конечно, реализовать такой масштабный проект можно только при большой организационной поддержке домов и центров народного творчества в субъектах, а также опираясь на поддержку органов управления культурой регионов. В некоторых случаях пришлось обращаться за помощью даже к главам регионов ввиду особой сложности маршрута (Иркутская область). Но, пожалуй, самым главным является предварительная работа специалистов по выявлению тех сохранившихся элементов традиционной культуры, которые становятся целью и предметом работы экспедиций. Именно эта часть является самой важной, и ее выполняют Д(Ц)НТ субъектов.

Нельзя не сказать об ученых, федеральных экспертах, как правило, возглавляющих экспедиционные группы. Созданный на базе ГРДНТ им. В. Д. Поленова сплоченный коллектив ученых и практиков является не только незаменимым исполнителем проекта, но и его вдохновителем. Проект творчески развивается, охватывая все больше регионов, открывая новые уникальные явления традиционной культуры многонациональной России.

◆ ◆ ◆
*Афиша Всероссийского форума
по вопросам деятельности в сфере
нематериального этнокультурного
достояния, 2023*

В 2024 г. Министерством культуры РФ был инициирован, а ГРДНТ им. В. Д. Поленова совместно с домами (центрами) организован новый проект как поддержка и развитие реестра – создание визуального контента по объектам НЭД. Задача проекта – с помощью современных технологий сформировать привлекательный, современный образ традиционной культуры для молодежной аудитории.

Проект дал возможность создать 10 роликов-клипов по объектам НЭД, выявленным ранее в ходе состоявшихся экспедиций.

«Песочные узоры» – фильм об объекте Липецкой области – традиции создания песочных узоров в селе Волчьем в рамках праздника Троица.

«Живое серебро» – традиции обработки и использования

рыбьей кожи коренными народами Дальнего Востока (на примере Сахалинской области).

«Поклон Солнцу» – традиция исполнения якутского кругового танца Осуохай и другие.

Главные роли в фильмах исполнили хранители традиций, ученые, участники фольклорных ансамблей и мастера декоративно-прикладного искусства.

20 декабря 2024 г. в ГРДНТ им. В. Д. Поленова прошла онлайн-презентация фильмов, появившихся в рамках федерального проекта по созданию медиаконтента о нематериальном этнокультурном наследии народов России. Сейчас эти фильмы размещены в интернете на разных платформах и сайтах, в том числе на сайте Министерства культуры РФ.

Важнейшим событием 2024 г. в данном направлении работы следует считать состоявшийся в ноябре Международный форум, посвященный вопросам сохранения нематериального этнокультурного достояния народов России. Четыре насыщенных дня форума (с 27 по 30 ноября) прошли в городах Москве и Коломне. В форуме приняли участие более 160 человек из 67 регионов России, а также Белоруссии, Кыргызстана и Казахстана: ученые-фольклористы, специалисты домов (центров) народного творчества, носители традиций, творческие коллективы регионов, в которых в разные годы проходили фольклорные экспедиции по выявлению объектов нематериального этнокультурного достояния.

Открытие состоялось в ГРДНТ им. В. Д. Поленова. Одним из мероприятий первого дня стало расширенное заседание экспертной рабочей группы по вопросам формирования реестра нематериального этнокультурного достояния народов России.

Пленарное заседание Международного форума прошло в Минкультуры России. Участников и гостей форума приветствовал Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации Г. Э. Орджоникидзе. Он рассказал о роли Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО и особенном пути России в сохранении нематериального культурного наследия.

К истории вопроса обратилась директор ГРДНТ им. В. Д. Поленова Т. В. Пуртова, отметив, что работа центров народного творчества с фольклором началась более ста лет назад. Отдельное внимание было уделено полемике вокруг трактовки понятия «нематериальное культурное наследие» и принятию в 2022 г. закона «О нематериальном этнокультурном достоянии народов России».

С докладами выступили члены Экспертного совета по формированию реестра объектов НЭД народов России. Результаты и перспективы экспедиционных исследований представил доктор исторических наук,

◆ ◆ ◆ III ◆ ◆ ◆
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СФЕРЕ
НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ

член-корреспондент РАН А. В. Черных. О значении и некоторых итогах совместной деятельности региональных домов (центров) народного творчества и научного сообщества рассказала ученый секретарь Государственного института искусствознания, доктор искусствоведения О. А. Пашина. О современном этапе работы над федеральным реестром, о проблемах и перспективах сообщила первый заместитель директора ГРДНТ им. В. Д. Поленова, постоянный куратор проекта М. В. Русанова. Завершило пленарное заседание выступление начальника отдела историко-филологических наук РАН, доктора филологических наук В. Л. Кляуса, который отметил возрастающий интерес академических институтов к исследованиям нематериального этнокультурного достояния.

Кульминацией Международного форума стала презентация объектов, зафиксированных в рамках федерального проекта «Цикл фольклорных экспедиций по выявлению объектов нематериального этнокультурного достояния народов России». На сцене Большого зала коллегии Минкультуры России выступили фольклорные коллективы, носители и хранители традиций.

Состоялась премьера документальных фильмов, снятых в 2024 г. в рамках проекта по созданию медиаконтента о нематериальном этнокультурном достоянии народов России.

*Пленарное заседание
в Министерстве культуры РФ, 2024*

Были представлены следующие федеральные и региональные объекты НЭД:

- Традиции обработки и использования рыбьей кожи у коренных малочисленных народов Дальнего Востока (Сахалинская область);
- Традиции музицирования на якутском металлическом варгане – хомусе и традиции исполнения якутского кругового танца осуохай (Республика Саха (Якутия));
- Традиции исполнения алтайского героического эпоса «Кай черчѣк» (Республика Алтай);
- Песенное наследие крымскотатарского семейного ансамбля Зинадиновых (Республика Крым);
- Исполнительство на карельском диатоническом и хроматическом кантеле (Республика Карелия);
- Традиция протяжного пения верхнедонских казаков (Ростовская область);
- Технология изготовления безворсовых ковров в Хунзахском районе Республики Дагестан;
- Песенная традиция Измалковского района Липецкой области.

Работа форума продолжилась в городе Коломне, где состоялись секционные заседания и презентация фольклорно-этнографического спектакля «Марфа Иванова» в исполнении фольклорного ансамбля «Воскресение» из Липецка.

*Г. Г. Игнатъев, Республика Саха (Якутия), и О. Ю. Хурьюн,
Сахалинская область*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СФЕРЕ
НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ

*Народный крымско-татарский ансамбль Зинадиновых «Къатырша-Сарай»
(руководитель – Диявер Аблязович Зинадинов). Республика Крым*

*Фольклорный ансамбль «Осуохай» (с. Сунтар Сунтарского улуса),
а также исполнители Г. И. Иванова (МБУ ЦД «Сарыал» им. В. Зырянова),
М. В. Иванова (ДНТ им. Д. Ф. Ходулова), Республика Саха (Якутия)*

Подводя итоги, можно сказать, что деятельность по сохранению нематериального этнокультурного достояния развивается в разных направлениях, от экспедиционной до внедрения современных технологий.

Опираясь на принятые нормативно-правовые акты (Постановление Правительства РФ от 3 августа 2023 г. № 1277 «Об утверждении Положения о федеральном государственном реестре объектов нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации» и Концепцию сохранения и развития нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации на период до 2030 года), на федеральном уровне была развернута работа по созданию Государственной информационной системы «Федеральный реестр объектов НЭД Российской Федерации».

Сегодня ГИВЦ Министерства культуры РФ в сотрудничестве с Департаментом государственной поддержки искусства и народного творчества, а также при участии ГРДНТ им. В. Д. Поленова уже создана базовая версия информационной системы. Регионы получили доступы и пароли к личным кабинетам, информация из которых поступала в общую базу Министерства культуры РФ. Параллельно с созданием электронной системы Министерство культуры в феврале 2025 г. объявило начало заявочной кампании по представлению объектов НЭД, предлагаемых регионами к внесению в федеральный реестр. За период с февраля по октябрь 2025 г. регионами было представлено к рассмотрению, экспертизе порядка 150 объектов. Более 60 регионов представили свои материалы, некоторые субъекты представили не один, а 3–4 объекта, и даже (как республики Башкортостан, Дагестан, Пермский край, Нижегородская, Сахалинская области, ХМАО) значительно больше.

Сложно шла и работа с самими объектами. Она потребовала больших усилий экспертов, рецензентов, далеко не всегда тексты, предлагаемый материал соответствовали требуемому качеству. Еще не все осознали, что в связи с новым статусом реестра значительно возросли и требования к контенту. В том числе и со стороны Экспертного совета. Тем не менее по результатам двух заседаний Экспертного совета при Министерстве культуры РФ 89 объектов были приняты к занесению в федеральный реестр. Следует отметить, что большинство из них – наследие традиционного декоративно-прикладного искусства народов России. Довольно большой пласт празднично-обрядовой, исполнительской, бытовой и других элементов традиционной культуры остались еще недостаточно оцененными, не получившими «путевку» в федеральный реестр. В то же время большинство объектов из предыдущего варианта реестра, на наш взгляд, наиболее удачного по структуризации информации, тоже пока не заявлены на рассмотрение экспертам федерального реестра. Причины этого не совсем понятны.

Остается только пожелать ускорения создания новой, третьей по счету, теперь уже государственной информационной системы «Реестр объектов НЭД», которую ждут как федеральные учреждения, так и регионы.

А. В. Вострокнутов, А. В. Черных

**ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ВЫЯВЛЕНИЮ
И ИЗУЧЕНИЮ ОБЪЕКТОВ
НЕМАТЕРИАЛЬНОГО
ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ:
МЕТОДИКА И ОСОБЕННОСТИ**

Полевые фольклорные, этнографические и диалектологические экспедиции – основная форма работы по формированию источниковой базы и изучению особенностей языка и традиционной культуры. На протяжении многих десятилетий с разной степенью интенсивности этнографы, фольклористы и диалектологи проводят экспедиционные исследования. Накоплены значительные архивные собрания, коллекции фольклорно-этнографических и диалектологических материалов. Однако актуальность экспедиционных исследований не уменьшается и в настоящее время. Новые задачи, которые стоят сегодня перед наукой и общественностью, корректируют формы, методики и особенности полевой работы. Одной из таких современных задач является работа с объектами нематериального этнокультурного достояния.

В качестве одной из форм этой работы стали экспедиции по изучению объектов нематериального этнокультурного достояния. Как отдельная программа они проводятся в нашей стране с 2022 г. Инициатором этих экспедиций выступило Министерство культуры Российской Федерации совместно с Государственным Российским Домом народного творчества им. В. Д. Поленова. Среди участников экспедиций – этнографы, фольклористы, этномузыкологи, специалисты по декоративно-прикладному творчеству, практики.

Экспедиционный отряд Института гуманитарных исследований УрО РАН также принимает активное участие в проекте – в части исследований, связанных с нематериальным этнокультурным достоянием. Взаимодействие академического института с Государственным Российским Домом народного творчества им. В. Д. Поленова, региональными домами народного творчества показывает и возможности совместной деятельности для решения общих задач ученых и практиков. Анализ опыта данных исследований и посвящен настоящий раздел монографии.

Всего за последние четыре года сотрудники института приняли участие в более чем 20 подобных экспедициях с географией от Калининградской до Сахалинской области¹. За время работы подготовлено свыше 70 паспортов объектов нематериального этнокультурного достояния, часть которых были включены в федеральный реестр². Собраны уникальные материалы, записаны сотни интервью, по результатам работы подготовлены видеоролики. Среди источников исследования, помимо основных интервью, активно используются архивные документы, мемуары, семейные фотографии, материалы периодики и воспоминаний, музейные коллекции. Конечно, не все собранные материалы вошли в паспорта объектов, значительный массив данных стал основой для отдельного фонда Научного архива Института гуманитарных исследований, который ежегодно пополняется. Кроме того, по результатам экспедиции сотрудниками института подготовлен ряд публикаций и тематические подборки в журнале «Живая старина» – всего свыше 25 статей по материалам экспедиционных работ в Республике Марий Эл [Черных 2024; 2024а; Вострокнутов 2024; Чернышева 2024], Удмуртской Республике [Вострокнутов 2023], Пермского края [Черных 2024б; 2024в; Вайман 2024; Вострокнутов 2024а; Чернышева 2023], Калининградской [Вайман 2023; Черных 2024г], Кировской [Черных, Каменских, Вайман 2024], Мурманской [Вострокнутов 2023а], Челябинской [Чернышева 2022] областей и Забайкальского края [Каменских 2025], а также обобщающих исследовательских материалов [Каменских 2024; Черных, Каменских 2024].

¹ 2022 г. – Республика Татарстан, Республика Марий Эл, Челябинская область, Свердловская область, Пермский край, Калининградская область; 2023 г. – Удмуртская Республика, Кировская область, Мурманская область, Оренбургская область, Забайкальский край; 2024 г. – Нижегородская область, Чувашская Республика, Республика Марий Эл, Самарская область, Сахалинская область, Республика Дагестан; 2025 г. (по состоянию на август) – Тюменская область, Нижегородская область, Республика Татарстан, Республика Коми, Иркутская область, Амурская область, Республика Саха (Якутия).

² Доступно в сети Интернет по адресу: <https://rusfolkknasledie.ru>.

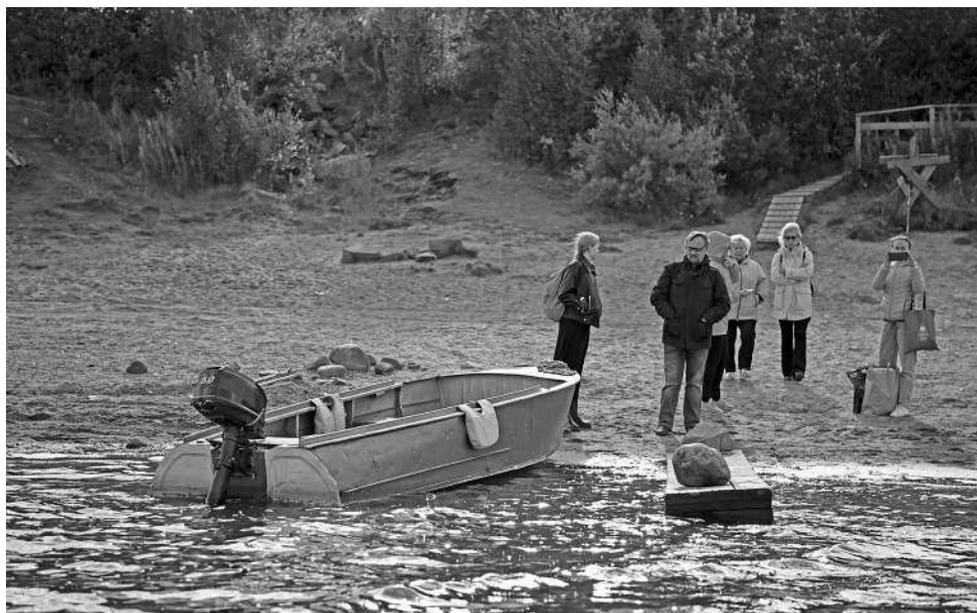

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СФЕРЕ
НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ**

*Участники экспедиции идут по отливу
на Тоню Мосеева Терского района Мурманской области, 2025*

Фото А. В. Вострокнутова

*Участники экспедиции на берегу реки.
с. Варзуга Терского района Мурманской области, 2025*

Фото Д. И. Ваймана

У каждого экспедиционного исследования есть свои целевые установки и задачи, которые решаются в поле. Основная цель экспедиционного проекта – наполнение федерального и региональных реестров объектов нематериального этнокультурного достояния соответствующими паспортами, описывающими тот или иной объект. В связи с наполнением реестра современными и актуальными материалами необходимо в настоящее время решение нескольких задач: 1. Формирование современного информационного контента об объектах нематериального этнокультурного достояния, получение аудио- и видеоматериалов, фотографий и новых фольклорных и этнографических данных. 2. Анализ состояния того или иного явления, актуализация информации о современном его бытовании. 3. Решение методических вопросов, связанных с фиксацией и изучением объектов нематериального этнокультурного достояния. 4. Обучение региональных специалистов, ответственных за работу в сфере нематериального этнокультурного достояния в учреждениях культуры, в том числе методике фиксации, описанию и презентации объекта в региональных и федеральных каталогах. Кроме этих задач, каждый экспедиционный отряд ставит и сугубо научные цели: изучение и фиксация языка и традиционной культуры, получение сравнительного материала для изучения динамики развития традиции, подготовка специалистов этнологов, фольклористов и этномузыкологов, так как экспедиция – это важный этап в получении практических навыков и методики полевой работы.

В результате проведенных исследований накоплен обширный корпус фольклорных и этнографических источников как в узком (сами объекты), так и в широком смысле (поскольку в ходе работы собирается и сопутствующая информация этнографического и антропологического характера). Немаловажным является и визуальный ряд – фото- и видеодокументы, которые ярко иллюстрируют состояние культуры той или иной этнической группы, с представителями которой работали исследователи.

Организация экспедиции по выявлению объектов НЭД имеет ряд особенностей, а подготовка экспертов требует дополнительных компетенций. Фиксация объекта, например, подразумевает работу с визуальным рядом. Каждый объект тщательно фиксируется не только на диктофон, но и на видеокамеру. Навыки видеосъемки, мастерство работы со светом, умение обеспечить качественную визуализацию объекта – необходимая часть работы эксперта по фиксации объектов НЭД. Кроме того, необходимо учитывать и особенности фиксируемых явлений культуры, например календарную приуроченность и сезонность, уместность использования реконструкционной и постановочной съемки, технические сложности съемки объектов [Черных 2023; Вайман 2024a].

К вопросу об актуальности экспедиционных исследований

Как мы отмечали, экспедиция как метод научной работы по сбору того или иного материала по-прежнему остается актуальной. Этому есть несколько причин. **Первая** из них заключается в том, что только в ходе экспедиционной работы мы можем в процессе включенного наблюдения изучать современное бытование того или иного явления культуры, соответственно, объективно зафиксировать ее состояние на текущий момент времени. Таким образом, экспедиционные исследования объективно фиксируют текущую этнокультурную ситуацию в регионах, что позволяет в дальнейшем использовать полевые материалы не только для составления паспортов нематериального наследия, но и в этнографических исследованиях по другим направлениям. **Вторая** причина – качественное улучшение материально-технического оснащения экспедиций в настоящее время. В современном цифровом мире относительно качественная запись звука и видео, создание фотографии под силу любому смартфону. Конечно, только в качестве дополнения к научным сведениям, собранным в экспедициях. Таким образом удастся создавать качественный визуальный и звуковой ряд. К **третьей** причине следует отнести налаживание взаимодействия ученой общественности и работников в сфере культуры. Каждое из слагаемых данной синергии решает свои задачи в рамках одного направления, но различается по предмету работы. Для ученых важно зафиксировать ту или иную традицию, их комплекс в качестве культурного феномена. Результаты исследований позже могут быть опубликованы в научных статьях, монографиях, послужат основой для создания документальных фильмов. Работы специалистов в области культуры на базе этих исследований направлены на презентацию тех или иных культурных феноменов, их реконструкцию и представление широкой общественности. Работники культуры, исследуя тот или иной объект нематериального этнокультурного достояния, анализируют и его репрезентационный потенциал. Положительный момент сотрудничества исследователей и специалистов в области культуры как раз заключается в разности предметов их интересов. Происходит дополнение друг друга, есть возможность осмысления явления под другим углом.

Четвертая причина – экспедиционные исследования часто помогают восстановить или актуализировать утраченные явления этнокультурного наследия. Внимание к какому-либо явлению культуры со стороны ученых, его научная оценка часто дают новый импульс к его развитию.

Немало примеров, когда в селе после работы фольклористов начинает функционировать фольклорный ансамбль, ориентированный на местную традицию. Один из показательных примеров из наших полевых работ – возвращение в бытование шпрухов российских немцев. Шпрух – это чаще всего изречение из Библии (например, цитата из одного из Псалмов или цитаты из Евангелия), которое написано готическим шрифтом на немецком языке на стекле, оформленном в раму. Вокруг надписи также наносятся различные узоры, изображаются цветы и т. д. Такие шпрухи в семьях немцев-меннонитов помещались на стенах в доме. С середины XX в. данная традиция постепенно прекратилась. Шпрухи продолжали храниться в домах, передаваться из поколения в поколение, но новые уже не создавались, в результате чего художественные приемы, техника изготовления были во многом утрачены. В результате научной работы исследователей в конце XX – начале XXI в. был собран обширный корпус этнографических и визуальных источников, связанных с восприятием и бытованием шпрухов [Вайман 2017; 2022]. Сегодня эта традиция вновь актуализирована среди российских немцев. Так, в Оренбургской области сейчас не только проводятся мастер-классы по росписи на стекле и изготовлению шпрухов, но также производится сувенирная продукция – набор для вышивки «Шпрух в коробке» [Вайман 2017]. Благодаря сотрудничеству ученых и деятелей культуры был восстановлен и вновь используется в современном социокультурном пространстве этот важный элемент традиционной культуры российских немцев.

Подходы к выявлению объектов нематериального этнокультурного достояния

Сложная задача в деятельности в сфере нематериального этнокультурного достояния – определение и выявление тех явлений культурного наследия, которые могут стать объектами НЭД и, соответственно, должны быть включены в муниципальные, региональные и федеральный реестры и стать объектом деятельности, связанной с их популяризацией и актуализацией. Один из вопросов, на который необходимо ответить при работе с объектами НЭД: «Как выявлять объекты НЭД?». В связи с этим возникает и множество сопутствующих вопросов: «Что может быть объектом?»; «Где получить и как собрать необходимую информацию об объекте НЭД?». Исходя из решения данных вопросов, выстраивается и дальнейшая практическая деятельность, а затем и последующая обработка полученного материала.

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СФЕРЕ
НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ**

***В. Е. Добровольская беседует с В. В. Лучниковой.
пос. Янтарный Калининградской области, 2022***

Фото Д. И. Ваймана

***Участники экспедиции с народным фольклорным ансамблем «Кужель».
с. Нижняя Полтавка Константиновского района Амурской области, 2025***

Фото Ю. С. Чернышевой

Можно выделить несколько вариантов выявления объектов НЭД и работы с ними. В настоящее время часть явлений традиционной народной культуры уже стала известна далеко за пределами своего региона и является узнаваемыми и известными явлениями. Например, кубачинское серебро в Дагестане, промысел по обработке металла. Сегодня он известен далеко за пределами своего региона, а техники и технологии и явления духовной культуры, связанные с промыслом, бесспорно, являются одним из объектов НЭД. К таким широко известным объектам можно отнести и другие художественные промыслы, например традиции, техники и технологии, связанные с глиняной игрушкой: филимоновской, дымковской, романовской и др. Эти художественные промыслы известны благодаря книгам, учебникам, научно-популярным фильмам. Такие примеры можно называть и по другим явлениям культуры: праздник Сабантуй, праздник Усть-цилемская горка (село Усть-Цильма Республики Коми) и др. Они не только представляют наше далекое наследие, но и являются современными праздниками, которые активно бытуют и развиваются. Однако при анализе и работе с такими известными явлениями традиционной культуры необходимо иметь четкие представления об их появлении и современных формах презентации в каталоге. Мы не всегда помним, что когда-то эти объекты тоже были выявлены. Работа по их выявлению проводилась в 1950–1960-е гг. предыдущим поколением ученых. Вполне могло получиться, что филимоновская игрушка в небольшом Филимоново Тульской области могла не стать общероссийским достоянием, если бы туда не приехали исследователи, которые занимались народными промыслами и ремеслами, и не увидели бы все своими глазами. Тогда не были бы сняты и показаны по телеканалам фильмы, не были бы написаны книги. Если бы не случай, то такой важный объект, как филимоновская глиняная игрушка, не попал бы в упомянутые учебники [Уткин, Королева 1992; Маерова, Дубинская 1990]. Работа с этими известными объектами не вызывает особых трудностей, нет необходимости доказывать, что они обладают признаками объекта НЭД, что это общероссийское значимое явление. То же самое можно сказать и о дымковской игрушке. Возникшая как музыкальный элемент праздника Свистуньи, или Свистопляски в городе Вятке, эта традиция постепенно начала угасать в 20-е гг. XX в. По сути, современная дымковская игрушка своим сохранением обязана двум людям – Анне Афанасьевне Мезриной, мастерице, которая, несмотря на угасание, продолжала лепить ее в устоявшейся традиции, и художнику Алексею Ивановичу Деньшину, который приложил немало сил для популяризации и возрождения этого промысла [Яркая «дымка»].

Сегодня эта глиняная игрушка – один из брендов Кировской области, входящий в Федеральный реестр нематериального этнокультурного достояния.

Однако таких объектов, которые сегодня известны широкой общественности, лишь несколько десятков. В связи с этим, когда мы говорим о НЭД, стоит выделить деятельность по выявлению объектов. К одним из таких способов выявления и изучения объектов и относится экспедиция. Не менее важной представляется и инициатива на местах, когда в регионах, селах и деревнях предлагают то или иное явление как объект НЭД.

Еще один важный аспект – это подход к пониманию НЭД. Исходя из опыта нашей работы не только за последние четыре года (то есть непосредственно в цикле фольклорных экспедиций по фиксации НЭД), но и за предыдущие десятилетия полевой работы, мы можем ответственно утверждать, что регионов в Российской Федерации, где нет этнокультурного наследия, объектов НЭД, просто не существует. Это объясняется тем, что традиционная культура существует только в локальных и региональных вариантах. А локальных вариантов великое множество: охотничий хлеб в Забайкальском крае, свадебные шаньги в Архангельской области будут не менее интересным явлением локальной кулинарной традиции, хотя они распространены только на определенной территории.

Современные средства фиксации объектов НЭД по своей доступности, качеству позволяют создавать яркие образы для региональных и федерального каталогов. Это ни в коей мере не умаляет важность фото- и видеоматериалов этнографических экспедиций 50-летней давности. Современные средства позволяют тщательно и подробно вести документирование: сделать столько-то фотографий и записать необходимое по длительности видео, также сохранить разговор с информантом в аудиофайле «от и до». Таким образом, учитывая, что многие объекты НЭД зафиксированы еще в прошлом и эти записи хранятся в архивах, возникает возможность проводить сравнительный анализ современной ситуации того или иного объекта, а также анализ его динамики (положительной или отрицательной). Старые фото- и видеоматериалы могут передать некоторые явления, которые не удастся зафиксировать сейчас, а новые материалы – современное состояние этих явлений.

Использование качественной фото-, видео- и аудиофиксации преследует еще одну цель. Каталоги, как региональные, так и федеральный, ориентированы на широкую аудиторию. Они – важный популяризаторский и просветительский медиаресурс для широкой общественности.

А. В. Вострокнутов, А. В. Черных
ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ВЫЯВЛЕНИЮ И ИЗУЧЕНИЮ ОБЪЕКТОВ
НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ: МЕТОДИКА И ОСОБЕННОСТИ

*Съемки объекта НЭД «Проводы в солдаты у средненизовых чувашей»
в д. Вурман-Янишево Канашского района Чувашской Республики, 2024*

Фото А. В. Вострокнутова

*Участники экспедиции с местными жителями д. Вурман-Янишево
Канашского района Чувашской Республики, 2024*

Фото Д. И. Ваймана

Каждый из объектов может служить не только как отражение наследия того или иного народа, быть этнографическим источником, причем популярным источником, поскольку в него входит не только текст и аудиозаписи, но и фото и видео. То есть об объекте рассказывается доступным и интересным языком. Но это накладывает и ответственность, т. к. материалы должны быть привлекательны для широкого круга. Возникает интересный феномен, когда этнографический (следовательно, научный) источник должен обладать не только строгой выверенностью, но и популяризаторским качеством.

В ходе экспедиций обычно собирается очень много информации, которая, разумеется, не может быть вся внесена в реестр. Наша задача – это документировать народную культуру. Если этого не делать сейчас, то в будущем, при реализации проектов, связанных с традиционной культурой, может возникнуть проблема в нехватке информации, которая просто не была собрана. Приведем такой пример. В 60–70-е гг. XX в. в Пермской области проводилась экспедиция по изучению росписи внутренних интерьеров домов. Была собрана огромная коллекция, впоследствии переданная в музейные собрания. В 1970-е гг. пытались возродить эту роспись, но этот эксперимент был не вполне удачным. Казалось бы, эта страница традиционной культуры была перевернута и роспись ушла навсегда. Но в 2010-е гг. креативные художники, посмотрев на это наследие, которое лежало в музеях, создали множество новых актуальных проектов, используя традиционные приемы росписи. Таким образом, собранные элементы домового росписи, которые, казалось бы, были забыты, сейчас спровоцировали всплеск интереса к ней. В городе Соликамске создан отдельный музей домового росписи. В Пермском крае проходит фестиваль народной росписи. В этой связи мы должны сделать вывод, что, изучая и собирая объекты НЭД, необходимо смотреть и на десятилетия вперед: если сейчас какая-то часть собранных материалов может быть не востребована, то это не значит, что такая ситуация сохранится и в будущем. Такой же пример можно привести и с традиционным костюмом. Раньше его собирали только для музейных коллекций, сейчас редкий регион не занимается реконструкцией своего традиционного костюма.

Что может быть объектом? Возьмем тот же традиционный костюм. Бытование костюма – это явление не только материальной, но и духовной культуры. Каждая деталь костюма имеет свое название; есть определенные представления, как необходимо одеваться, как сочетаются те или иные элементы. Любая технологическая традиция тоже может быть объектом. Но главное – как это подать и как это собрать. Ведь, например, традиция прядения существует по всему миру.

Но объекта, связанного с этой техникой, еще нет. Необходимо в подобных случаях находить ту яркую часть, ту «изюминку», чтобы технология стала интересным объектом.

Как понять, являются ли объекты НЭД актуальными для нашей современной культуры? Приносит ли пользу вся проводимая работа? Это дискуссионные вопросы. Традиционная культура меняется, многие явления исчезают и трансформируются. Это следствие происходящих в обществе процессов: глобализации и урбанизации, развития технологий, изменения мировоззрения и социальных практик и т. д. В современном мире актуально не только сохранение, но и современные интерпретации народного творчества, в том числе авторские. В этом контексте собранные в ходе экспедиционных исследований материалы – это основа, к которой всегда можно вернуться, и на базе которой основываются не только научные исследования, но и современные проекты.

При работе с объектами НЭД мы понимаем, что реестр или каталог (региональный или федеральный) – это лишь вершина айсберга, а реальное содержание информации, связанной с тем или иным объектом, может быть гораздо больше. В этом контексте важным представляется не только выполнение формальных требований – составление паспорта объекта и внесение его в каталог, но и фиксация большого количества материала по этому объекту. Это необходимо для того, чтобы потом, на основе этого материала, можно было выстраивать различные формы работы с объектом. Именно поэтому при ведении экспедиционных исследований часто необходима постановка более широких целей.

Объекты нематериального этнокультурного достояния в исторической динамике

Современная ситуация фиксации явлений традиционной культуры требует понимания исторической динамики их развития. Большая часть явлений, за редким исключением, не относятся к формам первичного бытования. Это чаще всего вторичные формы или реконструкции. Такие особенности очень часто встречаются в экспедиционной работе и требуют особых подходов к их фиксации и пониманию происходящих процессов.

Так, например, в Красногорском районе Удмуртской Республики нами была зафиксирована традиция плетения корзин из сосновой щепы. Во время работы мастер расщепляет сосновую заготовку, доводит полученные щепки до нужной толщины, потом переплетает их, формируя полотно. Затем, кончиком ножа немного надрезая поверхность щепы, загибает ее стенки. После из щепы оформляет венчик корзины и ручку для носки.

Готовое изделие можно использовать для сбора грибов, ягод либо для хранения чего-либо. Вопрос при экспедиционной работе с данным объектом заключался в следующем: как его фиксировать, в каких условиях? Современный мастер изготавливает продукцию из сосновой щепы у себя в мастерской, где из традиционных инструментов используются только топор и нож. Но, кроме того, в ход идут и электроинструменты, а также мебельный степлер. Во время процесса изготовления мастер одет в рабочий халат. Конечно, все вышеуказанное идет в разрез с нашими представлениями о традиции плетения из сосновой щепы – для красивого кадра хочется, чтобы мастер сидел под условной березой, в рубахе с косым воротом и виртуозно плел корзинку, используя минимум инструментов. Так «картинка» будет лучше. Но будет ли она правдивой? А если мастер всю жизнь изготавливал корзинки в условиях мастерской? Если он уже перенял это ремесло в новых социокультурных условиях, отличающихся от традиционных? На наш взгляд, в этом нет ничего отрицательного, если процесс будет показан таким, какой он есть. Ведь, по сути, мы таким образом фиксируем развитие традиционной культуры, ее элементов в соответствии с веяниями времени и новыми технологическими возможностями. Несмотря на это, сама суть, продукт данного промысла сохраняется, что и было зафиксировано нами в ходе экспедиционных работ.

Другой пример – это сохранение традиции в виде реконструкции. Такие объекты также часто фиксируются нами в ходе полевых работ, потому что живого бытования этих явлений нет в настоящее время. Весенне-летние хороводы (чуваш. *вйй*) у чувашей в деревне Шименево Козловского района начинались после Пасхи (чуваш. *Мункун*), когда позволяла погода: становилось тепло, таял снег и от него освобождалась поляна для хороводов (чуваш. *вййкарти*). В хороводах принимали участие незамужние девушки и неженатые парни. Хороводная традиция продолжалась до Петрова дня (чуваш. *Петровка куня*). После этого, как отмечают информанты, начиналась пора сенокоса и было не до хороводов. Данная традиция поддерживается в настоящее время благодаря деятельности Дома культуры и фольклорных коллективов, участники которых сохраняют и передают память о хороводах и играх. Конечно, то хороводное действо, что мы имели возможность зафиксировать и описать, отличается от традиционного: во-первых, оно стандартизировано и развивается по единому сценарию; во-вторых, оно проводится днем, поскольку сейчас это скорее зрелищное мероприятие, уходящее в историю культуры чувашей, чем часть современной сельской культуры; в-третьих, в хороводе участвуют представители творческих коллективов, что приводит к неравномерному распределению по половому признаку, а также по возрасту.

А. В. Вострокнутов, А. В. Черных
ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ВЫЯВЛЕНИЮ И ИЗУЧЕНИЮ ОБЪЕКТОВ
НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ: МЕТОДИКА И ОСОБЕННОСТИ

*А. В. Вострокнутов беседует с местными жительницами.
д. Шименеево Козловского района Чувашской Республики, 2024*

Фото Д. И. Ваймана

*Д. И. Вайман фотографирует девушку в традиционном костюме.
с. Верхние Ачаки Ядринского района Чувашской Республики, 2024*

Фото А. В. Вострокнутова

Кроме того, не выдерживается условие участия в хороводе только неженатых парней и незамужних девушек.

Тем не менее, несмотря на указанные отличия от традиционных хороводов, на наш взгляд, следует отметить их важность для сохранения исторической памяти о традиционной культуре. Память эту поддерживает и старшее поколение. Участие в современном хороводе как старшего поколения, так и молодежи способствует передаче необходимых знаний и навыков для его проведения и сохранению исторической памяти. Данный объект сохраняется и продолжает функционировать в качестве собственной презентации благодаря деятельности творческих коллективов, куда входят жители сел и деревень, еще помнящие традицию в ее живом бытовании. Они не только сохраняют и воспроизводят ее, но и передают молодому поколению.

Аналогичный процесс мы можем наблюдать и применительно к другому объекту в Чувашской Республике – проводам в солдаты. Рекрутская обрядность – интереснейший культурный феномен, имеющий как универсалии, так и локальные особенности. В нем отражается в том числе мировоззрение тех или иных этнических групп. Данный обряд был изучен нашей экспедицией в 2024 г. Его прекрасно воспроизводят жители села Вурман Янишево. Сохраняются тексты песен на чувашском языке, словесные формулы, когда идет процесс гулянья рекрута с друзьями по деревне, и т. д. Единственное, что следует отметить, и это сразу бросается в глаза – возраст участников. Конечно, все они уже давно не рекруты. И живут по большей части не в этом селе, а уже в городских условиях. Однако они являются активными участниками творческих коллективов, что подтвердилось экспедиционными работами. Все участники реконструкции проводов в солдаты в свое время, уходя служить в армию, участвовали в этом обряде и хорошо помнят, когда он был еще встроен в традицию своего села.

Таким образом, следует отметить, что актуальность изучения нематериального этнокультурного достояния в процессе экспедиционной работы не теряется во времени. Благодаря полевым исследованиям не только происходит сбор значимого фольклорного и этнографического материала, оценка наличия и состояния того или иного объекта, процесс передачи от поколения к поколению, но и появляется возможность определять тенденции его развития в будущем. Таким образом из года в год, из одного экспедиционного выезда в другой, удастся успешно решать все больше задач и совершенствовать технику сбора, фиксации и изучения объектов нематериального этнокультурного достояния.

ЭКСПЕДИЦИИ КАК ФОРМА ВЫЯВЛЕНИЯ ОБЪЕКТОВ НКН

*А. В. Черных беседует с Л. И. Изграйн.
пгт. Ноглики Ногликского ГО Сахалинской области, 2024*

Фото Ю. С. Чернышевой

*Участники экспедиции с участниками ансамбля «Мурсескем».
д. Ивансола Куженерского района Республики Марий Эл, 2024*

Фото Д. И. Ваймана

*Участники экспедиции с местными жителями.
с. Сунарчи Саракташского района Оренбургской области, 2023*

Фото Д. И. Ваймана

*Приготовление жвачки нагыз.
с. Сунарчи Саракташского района
Оренбургской области, 2023*

Фото Ю. С. Чернышевой

ЭКСПЕДИЦИИ КАК ФОРМА ВЫЯВЛЕНИЯ ОБЪЕКТОВ НКН

*Участники экспедиции с участниками ансамбля «Таньчях».
аал Малый Спирин Ширинского района Республики Хакасия, 2025*

Фото Ю. С. Чернышевой

*Участники экспедиции с участниками народного
мордовского ансамбля «Эрзянь вайгель».
с. Коноваловка Борского района Самарской области, 2024*

Фото Ю. С. Чернышевой

*Участники экспедиции беседуют с Г. И. Чудаевым.
Музейно-культурный центр «Албазинский острог».
Благовещенский МО Амурской области, 2025*

Фото Ю. С. Чернышевой

*Участники экспедиции беседуют с Т. Б. Колесовой
и Г. А. Соловьевой. г. Благовещенск Амурской области, 2025*

Фото Д. И. Ваймана

ЭКСПЕДИЦИИ КАК ФОРМА ВЫЯВЛЕНИЯ ОБЪЕКТОВ НКН

*Участники экспедиции беседуют с Л. Ф. Авдюковой.
с. Полховский Майдан Вознесенского МО
Нижегородской области, 2025*

Фото Д. И. Ваймана

*А. В. Вострокнутов беседует с Н. Е. Афанасьевой.
г. Мурманск Мурманской области, 2023*

Фото Д. И. Ваймана

*Участники экспедиции с участниками
фольклорного ансамбля «Реченька». с. Синск Хангаласского улуса
Республики Саха (Якутия), 2025*

Фото В. В. Никонова

*Д. И. Вайман
фотографирует девушек
в традиционных костюмах.
с. Суморьево Вознесенского МО
Нижегородской области, 2025*

Фото Ю. С. Чернышевой

*М. С. Каменских
беседует с местными
жителями. д. Верхние Ачаки
Ядринского МО Чувашской
Республики, 2024*

Фото Д. И. Ваймана

ЭКСПЕДИЦИИ КАК ФОРМА ВЫЯВЛЕНИЯ ОБЪЕКТОВ НКН

*Участники экспедиции с местными жителями.
с. Красный Четай Красночетайского района
Чувашской Республики, 2024*

Фото Д. И. Ваймана

*Участники экспедиции с местными жителями.
с. Тугаево Комсомольского района Чувашской Республики, 2024*

Фото А. В. Вострокнутова

ЭКСПЕДИЦИИ КАК ФОРМА ВЫЯВЛЕНИЯ ОБЪЕКТОВ НКН

*Участники экспедиции переправляются на другой берег.
с. Варзуга Терского района Мурманской области, 2025*

Фото Д. И. Ваймана

*А. В. Черных беседует с участницами народного коллектива
«Фольклорный хор». пгт. Умба Терского района
Мурманской области, 2023*

Фото Ю. С. Чернышевой

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Вайман 2017 – Вайман Д. И. Шпрухи немцев Урала: альбом / авт.-сост. Д. И. Вайман; науч. ред. А. В. Черных. СПб.: Маматов, 2017. – 176 с.

Вайман 2022 – Вайман Д. И. Шпрухи российских немцев: альбом / авт.-сост. Д. И. Вайман; науч. ред. А. В. Черных. СПб.: Маматов, 2022. – 312 с.

Вайман 2023 – Вайман Д. И. Работа по выявлению и фиксации объектов нематериального культурного достояния на примере Калининградской области // Культурное наследие Сибири: изучение, музеефикация, презентация (К 30-летию Сибирского филиала Института Наследия): Матер. Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 17–18 мая 2023 г.). Омск: Институт Наследия, 2023. С. 38–39.

Вайман 2024 – Вайман Д. И. Традиции и технологии плетения из соснового корня у коми-язвинцев // Живая старина. 2024. № 4 (124). С. 21–23.

Вайман 2024а – Вайман Д. И., Чернышева Ю. С. Экспедиции по выявлению и фиксации объектов нематериального этнокультурного достояния народов России в 2023 году // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. 2024. № 4. С. 90–100.

Вострокнутов 2023 – Вострокнутов А. В. Изучение нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации: косторезное ремесло в Мурманской области (полевые материалы 2023 г.) // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2023. № 13. С. 53–57.

Вострокнутов 2023а – Вострокнутов А. В. Традиции плетения из сосновой щепы (дранки) в Красногорском районе Удмуртской Республики: полевые материалы 2023 г. // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2023. № 23. С. 54–59.

Вострокнутов 2024 – Вострокнутов А. В. Традиции и техники обработки мочала. Кулеткацкий промысел в Килемарском районе // Живая старина. 2024. № 1 (121). С. 28–30.

Вострокнутов 2024а – Вострокнутов А. В. Традиция игры «в лодыжки» у верхнекамских коми-пермяков // Живая старина. 2024. № 4 (124). С. 23–25.

Каменских 2024 – Каменских М. С. Нематериальное этнокультурное достояние в диаспоральных сообществах: пример российских корейцев // Вестник антропологии. 2024. № 3. С. 23–37.

Каменских 2025 – Каменских М. С. Промысел кедрового ореха как объект нематериального этнокультурного достояния (на примере семейских старообрядцев Забайкалья) // Россия и АТР. 2025. № 3. С. 26–41.

Маерова, Дубинская 1990 – Маерова К., Дубинская К. Русское народное прикладное искусство. М.: Русский язык, 1990. – 272 с.

Уткин, Королева 1992 – Уткин П. И., Королева Н. С. Народные художественные промыслы: учебник для профессиональных учебных заведений. М.: Высшая школа, 1992. – 159 с.

Черных 2023 – Черных А. В., Чернышева Ю. С. Экспедиции по выявлению и фиксации объектов нематериального этнокультурного достояния народов России в 2022 году // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. 2023. № 4. С. 41–46.

Черных 2024 – Черных А. В. Экспедиционные исследования в Республике Марий Эл // Живая старина. 2024. № 1 (121). С. 24–25.

Черных 2024а – Черных А. В. Л. В. Веткина – хранитель традиций народной марийской вышивки // Живая старина. 2024. № 1 (121). С. 25–28.

Черных 2024б – Черных А. В. Экспедиционные исследования нематериального этнокультурного достояния у коми-пермяков // Живая старина. 2024. № 4 (124). С. 16–17.

Черных 2024в – Черных А. В., Чернышева Ю. С. Коми-пермяцкий праздник «Строча» (Троица) в д. Кукушка Кочёвского района Пермского края // Живая старина. 2024. № 4 (124). С. 17–20.

Черных 2024г – Черных А. В., Добровольская В. Е. Нематериальное этнокультурное достояние в Калининградской области: к постановке проблемы // Вестник антропологии. 2024. № 3. С. 7–22.

Черных, Каменских 2024 – Черных А. В., Каменских М. С. Нематериальное этнокультурное достояние народов России в федеральном и региональном законодательстве: история и основные тенденции (2003–2023 гг.) // Вестник Российской нации. 2024. № 1 (94). С. 23–37.

Черных, Каменских, Вайман 2024 – Черных А. В., Каменских М. С., Вайман Д. И. Верхнекамские коми-пермяки: в поисках идентичности // Этнография. 2024. № 4 (26). С. 140–161.

Чернышева 2022 – Чернышева Ю. С. Опыт фиксации объектов нематериального культурного наследия России (на примере Челябинской области) // Диалоги о культуре и искусстве: Матер. XII Всерос. науч.-практ. конф. (с международным участием) (Пермь, 12–14 октября 2022 г.). Пермь: Перм. гос. ин-т культуры, 2022. С. 1163–1166.

А. В. Вострокнутов, А. В. Черных

**ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ВЫЯВЛЕНИЮ И ИЗУЧЕНИЮ ОБЪЕКТОВ
НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ: МЕТОДИКА И ОСОБЕННОСТИ**

Чернышева 2023 – Чернышева Ю. С. Проблемы репрезентации культурного наследия (на примере фестиваля русской крестьянской кухни «Ярушник») // Рябининские чтения – 2023: Матер. IX конф. по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера / отв. ред. Т. Г. Иванова. Петрозаводск: Изд-во Карельского научного центра РАН (КарНЦ РАН), 2023. С. 517–519.

Чернышева 2024 – Чернышева Ю. С. Традиции и технологии приготовления многослойных блинов команмелна у марийцев Поволжья // Живая старина. 2024. № 1 (121). С. 31–32.

Яркая «дымка» – Яркая «дымка» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.culture.ru/materials/53344/yarkaya-dymka> (дата обращения: 24.04.2025).

Т. М. Санникова, Н. Г. Кожанова

ПРОБЛЕМЫ И ПОДХОДЫ К АКТУАЛИЗАЦИИ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ

В последние годы тема актуализации нематериального этнокультурного достояния, традиционной народной культуры поднимается все чаще и нуждается в проработке и осмыслении. Но терминологическая неоднозначность ведет, в свою очередь, к различному пониманию самой сути обсуждаемого вопроса. Как показывает практика, авторы, говорящие и пишущие о традиционной культуре и актуализации нематериального этнокультурного достояния, зачастую имеют в виду разные значения этих терминов, а следовательно, описывают совершенно разные аспекты схожих процессов.

Термины: говорим ли мы на одном языке

Для обсуждения данной темы прежде всего важно определиться с терминами и их содержанием. Что такое традиционная культура, и что мы вкладываем сегодня в это понятие? Около полувека назад термин «традиционная культура» стал активно использоваться в научном дискурсе, заменив понятие «народная культура», однако сегодня контекст его использования значительно расширился, как и раздвинулись границы самих смыслов. В настоящее время ученые все чаще отходят от термина «традиционная культура», заменяя его термином «аутентичный/аутентичная». Однако и при сохранении термина «традиционная культура» в общественном контексте мы должны определиться с теми константами, которые мы вкладываем в это понятие, и о какой модели актуальной традиционной культуры рассуждаем, какие модели сохраняем. Что мы вкладываем в понятие «традиционное» и где грани нетрадиционного (инновационного, иноэтнического,

адаптационного), которое также присутствует в культуре? Важен исторический контекст: какая модель традиционной культуры, какого периода для нас является эталонной – это недостижимый средневековый XII век, великолепный XVII, конец XIX века или середина XX века?

Немаловажен вопрос и о жанрах фольклора и их «публичности». В целостной системе традиционной народной культуры существуют сферы публичные, массовые и сакральные – те, что должны быть скрыты от посторонних глаз, и те, которые, наоборот, достаточно активно должны популяризироваться.

Когда мы говорим о молодежи, о воспитании подрастающего поколения и передаче духовно-нравственных ценностей, важно видеть образ будущего, определить, какие именно запросы формирующейся личности может и должна восполнить традиционная культура в современном мире. Не возрождение старины, но воспитание и уважение к эмоциональному и историческому опыту поколений, поиск уместного соседства в современном мире новых технологий и гаджетов с традициями – вот серьезный вызов времени и вопрос, на который следует ответить сообществу специалистов-фольклористов, работников культурной сферы и педагогики. Главная задача работы с этнокультурным достоянием в широком смысле – зародить интерес и привить уважение к этой культуре, уверенность в том, что это явление вовсе не пережиток былых времен, но ценное культурное явление наряду с театром, кино, информационными технологиями, и служит базовым компонентом нашей культурной традиции.

Не менее многозначным и дискуссионным представляется понятие «актуализация». Одно из распространенных значений данного термина подразумевает активную деятельность, использование неких навыков индивида для совершения действия. См. [ФЭС 2006]: «**Актуализация** (*новолат.*) – осуществление; переход из состояния возможности в состояние действительности»; [ФЭС 1989]: «**Актуализация** (лат. *actualis* – деятельный) – понятие, означающее изменение бытия. В этом понятии раскрыта лишь одна сторона движения: переход бытия из состояния возможности в состояние действительности»; [БПС 2008]: «**Актуализация** – воспроизведение имеющихся у индивида (человека и животных) знаний, умений, навыков, различных форм поведения и эмоционального состояния, а также отдельных психических процессов, перевод их из латентного, потенциального состояния в актуальное действие»; [КЭ 2000]: «**Актуализация мысленного образа** – представление мысленного образа в различных материальных формах: путем описания, изображения, жестами и пр.».

Другое значение того же термина подразумевает не материальное, но ментальное действие: извлечение материала из памяти, воспроизведение опыта, процесс и результат обращения активного внимания на что-либо. См. [Новый словарь 2009]: «**Актуализация** (от лат. *actualis* – действительный) – действие, заключающееся в извлечении усвоенного материала из *долговременной* или *кратковременной памяти* с целью последующего использования его при узнавании, припоминании, воспоминании или непосредственном воспроизведении. А. характеризуется различной степенью трудности или легкости в зависимости от уровня сохранения или забывания извлекаемого материала. А. можно рассматривать как перевод единицы языка в единицу речи, включение лексической единицы в контекст, переход от значений *языковой единицы* к смыслу»; [ГПТ 1999]: «**Актуализация связей** – воспроизведение индивидуального опыта, который может быть представлен мыслями, представлениями, движениями, эмоциональными состояниями и т. д.».

В последние годы в СМИ и официальных документах все чаще встречается термин «актуализация» в новом значении: «популяризация, внедрение в современную жизнь; процесс и (или) результат становления чего-либо важным для настоящего момента». Такое использование термина, хотя и близко значениям, приведенным выше и зафиксированным в словарях, не соответствует кодифицированной норме языка. Однако, судя по растущей частоте использования, фиксация этого нового значения словарями – лишь дело времени. Так, один из наиболее быстро реагирующих на изменения в языке словарей уже сейчас приводит схожее определение: «**Актуализация** – действие по значению гл. актуализировать (актуализовать); перевод чего-либо из состояния потенциального, не соответствующего современным условиям, в состояние реальное, актуальное, соответствующее современным условиям; превращение чего-либо в нечто важное, насущное, актуальное» [Викисловарь 2018]; аналогичное значение встречается в [НФС 1999]: «**Актуализация** (лат. *actualis* – деятельный, действенный): 1) действие, направленное на приспособление чего-либо к условиям данной ситуации <...> 5) в политике, дипломатии – реализация, приведение в исполнение идеи, плана; придание степени важности (находящейся в зависимости от степени подтверждения, освещения в средствах массовой коммуникации) явлению или действию».

В социокультурных практиках термин «актуализация» чаще используется либо во втором значении (извлечение из памяти с целью последующего воспроизведения опыта), либо в последнем, третьем, значении (подразумевая, в первую очередь, популяризацию, внедрение архаичного явления в новый, современный культурный контекст).

Именно этим культурным процессам, описываемым терминами «актуализация нематериального культурного наследия» и «актуализация традиционной народной культуры», мы уделим внимание в данной публикации.

Традиционная народная культура (далее – ТНК) как целостная система представлений и художественных образов, отраженных в различных жанрах устного творчества, есть явление самоценное. Однако исследователи XXI в. вынуждены констатировать угасание традиционной культуры как таковой: изменение бытового уклада, смена культурной модели и культурного контекста приводят к тому, что современные россияне зачастую не являются носителями целостного комплекса ТНК, даже живя за пределами мегаполисов в небольших населенных пунктах, где исторически традиции сохранялись дольше и лучше, чем в городах. Тем не менее архаичная первооснова традиционного фольклора является тем необходимым культурным кодом, что имеет непреложное значение в эпоху глобализации и многовариантности культурного контекста. Так, А. В. Костина отмечает, что «в условиях глобализации и информатизации традиция становится связующим звеном с исторической памятью и помогает сохранить национально-культурную идентичность» [Костина 2009].

Этнокультурное достояние – это не только прошлое, не только то, что утрачено, и то, чего уже нет. Наследие – это в том числе и явление нашей современной жизни. Конечно, наша современная культура представляет собой «многослойный пирог», где какие-то явления исчезли, какие-то территориально представлены неравномерно, какие-то, наоборот, занимают не характерное для них место. Но еще многое из нашего наследия традиционной культуры продолжает жить, сохраняться. И потому сегодня видятся две основные задачи при работе с наследием: актуализировать, «вдохнуть новую жизнь» тем значимым явлениям и смыслам, что находятся на грани исчезновения, и, с другой стороны, активно поддерживать то, что является современным продолжением традиционной культуры в ее повседневном бытовании.

Сегодня в России проводятся тысячи фольклорных праздников, прилагается немало усилий для сохранения объектов нематериального культурного наследия (далее – НКН). Однако состояние культурного наследия вызывает все большую тревогу специалистов и требует все больших усилий для сохранения. Не умаляя значимости многочисленных масштабных фольклорных мероприятий, реализуемых в разных регионах, хотелось бы обратить внимание на некоторые аспекты современного состояния нематериальной народной культуры и ее бытования в современной действительности. Обоснованность и осмысленность подходов в вопросах актуализации НКН позволит использовать различные методы в практической и научной деятельности с наибольшей эффективностью.

Народная культура и современность: есть ли запрос на традиции

В современном мире, как нам кажется, в обществе есть запрос на настоящее, на достоверное – аутентичные материалы и на исполнителей, качественно воспроизводящих аутентичную традицию. Этот тренд – в настоящее время не массовый, но очевидно востребованный – приходит на смену сценическому воплощению вторичных и суррогатных форм народной культуры.

Значимым трендом сегодня можно считать запрос на «несценические» формы фольклора. Синкретичность традиционной культуры позволяет создавать иммерсивное действо, выходящее за рамки концертного зала. Сегодня знакомство с народной культурой связано с желанием зрителя-участника «примерить на себя», с получением собственного опыта коммуникации и погружения. Какие самые яркие впечатления привозят путешественники, отправляясь в этнотуры (музеи под открытым небом, этнодеревни или этнофестивали)? Вот результаты анкетирования: «я в сарафане», «я верхом на коне», «я попробовал необычную еду, которую в жизни никогда не пробовал», «я потрогал живую рыбу». Таковы ответы большинства респондентов опроса о самых ярких впечатлениях этнотура и запомнившихся элементах фольклорного праздника. Вот этот собственный опыт, возможность примерить на себя, experience, оказывается тем самым ярким эмоциональным результатом, который удивляет, а самое главное, связывает человека с его дальнейшим движением, развитием и отношением к самому себе и к окружающей действительности. Важным представляется и человеческое общение – межличностное и коллективное. Коммуникация между поколениями, которая является базовой в традиционной культуре, сегодня очень востребована в контексте формирования социального опыта современного молодого человека. Отраднo, что сегодня появляется все больше молодежных проектов, связанных с народной культурой, берущих за основу материалы архивов, фольклорных экспедиций, аутентичных исполнителей. В фольклорном движении можно назвать целую плеяду ансамблей, которые достойно представляют традиционную культуру на федеральном и на региональном уровнях. Есть современные интересные проекты, связанные с народными промыслами.

Следует отдельно отметить, что работа по актуализации и привлечению внимания к объектам этнокультурного достояния может и должна ставить своей задачей не только популяризацию ТНК, но и способствование ее сохранению, поддержание естественного бытования в аутентичной среде. И эта деятельность – как бы очевидна она ни была на первый взгляд – является тем не менее задачей более сложного порядка.

В качестве одного из примеров системной работы по актуализации и сохранению этнокультурного достояния приведем пермский проект «59 фестивалей 59 региона». Проект задумывался как технология, способствующая развитию культурной жизни небольших территорий региона. Цель технологии – поддерживать развитие любых жанров современного народного и любительского творчества, способствовать брендированию территорий. Проект предлагает группам организаторов муниципальных мероприятий заявить в региональный событийный календарь интересные самобытные праздники или фестивали, пройти экспертный отбор и получить поддержку – материальную, информационную, методическую. На старте проекта в 2009–2010 гг. авторы предполагали, что основной поток заявок будет охватывать всевозможные жанры современного творчества. Однако с течением времени оказалось, что большее число самобытных мероприятий, ставших стержнем проекта, – мероприятия этнокультурного характера. Именно этнокультурное достояние, локальная традиция, стало той самой базой для создания культурного продукта, тем многослойным материалом, в котором можно найти не только вдохновение, но и свою уникальность. Непросто вырастить самобытный праздник, отражающий локальные особенности, продолжающий традиции места, но культурное наследие – если относиться к нему уважительно и не поверхностно – ведет организатора за собой, дает множество подсказок. Бережное осмысление аутентичного материала и внимание к деталям позволяют достичь уникального результата, неповторимой атмосферы, создать целостный продукт. Этнокультурное достояние может стать тем самым стержнем и материалом, где есть все: музыкальный, театральный и эмоциональный материал не только для сценической части, но и для богатого контекста звуков, вкусов и ощущений – от кулинарии до художественного оформления.

Современные проблемы актуализации нематериального этнокультурного достояния

Осознавая значительность различий социокультурной среды города и села, обратим сначала внимание на общие для современности проблемы актуализации НКН на примере сельских событийных мероприятий.

Проблема сохранения нематериального культурного наследия возникла не сегодня и заключается не только в том, что угасает деревня; пожилые носители традиционной культуры уходят из жизни, а люди более молодых поколений не становятся их преемниками: см., напр., замечание полуторавековой давности: *«С каждым годом, с каждым днем прежние формы быта нашего крестьянина рушатся под напором*

т. наз. городской культуры, уничтожающей остатки древних, вековых устоев крестьянской жизни. Собрать оставшиеся обломки, могущие осветить многие стороны древнего быта, существенно важно для науки» [Сборник сведений для изучения быта 1889]. Тем не менее вопрос возможности влияния на угасание живой традиции сегодня стоит остро как никогда. Условия современного постиндустриального общества оказывают существенное влияние на сохранность и само бытование традиционной культуры и в городе, и на селе. Исследования современного состояния фольклора демонстрируют угасание жанров обрядового аграрного комплекса: повсеместно уходят из естественного бытования традиционные жанры фольклора, комплекс одежды, особенности устройства и оформления дома; костюм и музыкальный фольклор становятся частью сценической культуры и неотвратимо уходят из быта; несколько меньше и медленнее меняется традиционная кулинария.

Между тем сам факт обсуждения вопросов актуализации традиционной культуры лишь подтверждает то, что общество сегодня не признает безусловную ценность этого явления. Существует серьезный разрыв между представлением о ценности традиционной культуры в научном сообществе и среде культурной интеллигенции, с одной стороны, и в широких массах – с другой. Периодически попадающие в информационное поле ироничные замечания и шутки относительно самого термина «традиционная культура» из уст представителей медиа и власти лишь подтверждают данный факт (напр.: «Фестиваль традиционной народной культуры. Народная культура – она и есть народная, какая еще *традиционная*? У нас нет *нетрадиционной* народной культуры»).

Проблема, однако, не только в поле терминологических дискуссий. Исследователи фольклора единогласно утверждают, что первоосновой сохранения традиционной культуры является уклад жизни и быта, аграрная культура русского крестьянина. Изменения этой сферы в XX в. огромны и имеют необратимый характер. Многократные попытки идеологического воздействия на традиционные устои, нападки на так называемые «суеверия» крестьян имеют свои негативные последствия. Так, обрядовые практики сегодня, с точки зрения даже носителя традиционной культуры, не ведут к благополучному существованию; точнее, современные крестьяне не связывают это в причинно-следственные цепочки. Для носителя ТНК ценность обряда перестала быть безусловной: обрядовая практика воспринимается как привычка, нечто, доставшееся по наследству. Тем не менее обрядовая культура сохраняется в памяти информантов даже в случаях прекращения отправления тех

или иных обрядов, связанных с календарем и семейно-бытовым циклом. В подавляющем большинстве случаев информанты достаточно подробно описывают то, как было прежде, либо как должно быть, даже если не отправляют обрядов лично – что подтверждает существование образа явления в памяти сегодняшних носителей ТНК и демонстрирует степень сохранности тех или иных элементов культуры. Важно и то, что большинство жителей села старшего поколения воспринимает древние верования как естественные, пусть и не являющиеся необходимыми сегодня.

Считающиеся естественными в своей среде, культурные воззрения носителя ТНК нередко вызывают удивление и даже недоумение у представителей более молодого поколения, выпавших из данного культурного контекста. Особенно показательна реакция представителей городской культуры. Типичное рассуждение обывателя, сталкивающегося с явлениями традиционной культуры, звучит как: «Мы же в XXI веке живем!» – и скрывает под собой непонимание и неприятие самой возможности существования аграрных верований сегодня. Поскольку сохранение культурного кода и элементов традиционной культуры в повседневном бытии современника не является предметом данной публикации, мы не будем останавливаться на значительном противоречии осознаваемого и неосознаваемого в данном случае. Тем не менее хочется акцентировать внимание на том, что представителю современной городской культуры чужда обрядовая сущность, прагматичная целостность любого аграрного праздника, в большинстве случаев очевидная для носителя ТНК.

Сверхзадачей и научного осмысления ТНК, и социокультурной деятельности на материале фольклора служит, в первую очередь, сохранение самого явления традиционной культуры как такового. При этом не секрет, что научная деятельность зачастую вступает в явное противоречие с культурными практиками современных культурных институций. Этнографические исследования в первую очередь ориентируются на наиболее консервативные формы бытования фольклора, стараются исключить современный контекст. Интерес фольклориста-исследователя – фиксация и описание фактов естественного бытования традиции, выявление наиболее архаичных культурных слоев. Обратим внимание, что обрядовая практика является, как правило, явлением хоть и коллективным, но при этом непубличным, исключаяющим стороннего наблюдателя, зрителя, и предполагает участие в первую очередь самих носителей культуры. Практика же социокультурной деятельности преследует, прежде всего, противоположную цель: сделать событие публичным, по сути, включая в процесс не только носителя традиции, но и пассивного наблюдателя (зрителя), что противоречит самой природе фольклора.

К сожалению, еще одна повсеместная проблема актуализации НКН – сформированное в массовом сознании представление о фольклоре как исключительно увеселительном, «дурашливом» явлении. Сценическое воплощение фольклора часто граничит не просто с веселыми музыкальными или театральными жанрами; нередко выступления псевдофольклорных коллективов, скорее, следует отнести к жанру музыкальной эксцентрики и даже клоунады, нежели к музыкальному исполнительству. Таким образом, современная зрелищная культура, с одной стороны, формирует запрос на мифологическую и историческую основу события, но в то же время часто выбраковывает сюжеты с реальной культурной и исторической ценностью по причине их несоответствия выхолощенным представлениям о празднике, ориентации исключительно на потешные виды деятельности, развлекательность: в своей практике авторам неоднократно приходилось сталкиваться с ситуациями, подтверждающими описанное, – от предложений «исполнить обряд за 10 минут» до требования режиссера массового мероприятия заменить песни свадебного цикла на «более веселые». И в то же время, ощущая недостаток глубинных подтекстов, стремясь придать веса и значимости событию, создатели мероприятий нередко углубляются в мифотворчество, сочиняя легенды, фантазируя о «местах силы» и «местных духах», «древних сказаниях» и «сакральных деревьях» – в противовес сложившейся в советские времена практике прямой театрализации с участием, например, «Весны-красны» или «Ивана и Змея Горыныча».

Нельзя забывать также, что *традиционная* культура подвержена мощной атаке современной *массовой* культуры. Традиционная культура в значительной степени утратила бытовое сакральное значение: даже подлинные ее носители зачастую заменяют музыкальные жанры локальной традиции репертуаром телевизионных передач или даже псевдонародными песнями, разученными в Доме культуры под руководством «профессионального» руководителя художественной самодеятельности. Сегодня особенно важна профессиональная контекстная работа учреждений культуры, направленная не только на сбор, анализ и изучение аутентичного фольклора, но и на сохранение и популяризацию этнографической первоосновы, создание грамотного вторичного контекста. Именно учреждения культуры – дома культуры и сельские клубы – в одних случаях становятся оплотом сохранения, а в других – напротив, способствуют ускорению процессов разрушения ТНК. При этом концертная практика даже аутентичных коллективов нередко приводит к «сценизации», что не только пагубно действует на репертуар, уничтожает импровизационное начало фольклора, но и зачастую провоцирует конфликты внутри аутентичных коллективов, нелегитимную

смену поколений: к сожалению, нередко случаи, когда пожилые исполнительницы, реальные носительницы традиции, вытесняются из состава коллектива более молодыми участницами, не освоившими репертуар. Это случается чаще всего тогда, когда аутентичный ансамбль только получает известность и начинает более или менее регулярно концертировать. Результатом таких процессов становится подмена аутентичного фольклорного материала псевдофольклорными практиками и, как следствие, дальнейшая репертуарная деградация, которую зрители-неспециалисты не в состоянии оценить.

Следует также отметить, что реальные носители ТНК в ряде случаев становятся жертвой массового внимания: отсутствие иммунитета к медиа у информаторов в сочетании с излишним вниманием прессы и общественности создает условия для мифотворчества, подстегивает к искажению информации – авторскому «переосмыслению» носителем, гиперболизации отдельных моментов, фантазиям и вольному изложению материала. В свою очередь, публикации в прессе, искажающие факты НКН по причине некомпетентности интервьюеров, становятся основой для вторичного дальнейшего мифотворчества. С точки зрения деревенского сообщества, печатное слово имеет неоспоримый авторитет, а следовательно, все, что было опубликовано в массовых источниках, не подлежит сомнению и критике. В некоторых случаях исследователи, не проверив статистическую достоверность подобной информации, даже фиксируют подобные рассказы в качестве фактов бытования локальной традиции, что парадоксальным образом может ввести подобные явления в научный оборот, и именно такие – «приукрашенные» – версии описания обрядов нередко ложатся в основу сценариев народных праздников. Тенденция брендинга территорий также часто приводит к конструированию мифологем, мифотворчеству: слабая сохранность ТНК во многих локациях дает повод для сочинительства, темой праздников становятся выдуманные обряды, чуждые местной традиции. Впрочем, в ряде случаев этнографы и краеведы сами становятся основателями новых праздников – так, в качестве успешного примера можно привести праздник «Сарчик приносит весну» в селе Антипино Красновишерского района Пермского края, имеющий вполне авторский характер, но прижившийся в местном сообществе и отмечающийся жителями села уже более четверти века.

Важно также отметить, что, переосмысляя народные праздники в массовые театрализованные представления, большинство авторов транслируют только сюжетно-мифологическую первооснову, упуская из внимания тот факт, что традиционная культура является культурой соучастия и не предполагает зрителя.

Ключевой характеристикой обрядового праздничного действия является обрядовый и эмоциональный контекст, в котором существуют все участники, и который не воспроизводится в театрализованных представлениях. Сама природа существования участников праздника рождается из совместного осознанного действия, складывается из участия каждого. Таким образом, сценический театрализованный пересказ недостаточен для создания праздника на основе народных традиций.

Существуют ли оправдавшие себя подходы в культурной деятельности по сохранению нематериального культурного наследия? Возможна ли современная практика социокультурной деятельности, учитывающая хрупкость природы традиционной культуры? Есть ли шансы замедлить или минимизировать процесс угасания традиции? Нам кажется, что обсуждение данных вопросов должно способствовать позитивным изменениям в современном бытовании объектов НКН. Формирование общих подходов особенно важно для субъектов современной творческой индустрии: и учреждений культуры, и отдельных энтузиастов.

Особенности сохранения и популяризации ТНК в селах и деревнях

Огромная исследовательская работа, проделанная большим числом исследователей и участниками городских и вузовских фольклорных ансамблей и студий во второй половине XX в. (особенно в 70–90-е гг.), накопленный аутентичный материал позволяют сегодня сформировать новый вектор фольклорных экспедиций. Речь идет об экспедиции в село под общей идеей «вернуть песню». Материалы, записанные фольклорными и этнографическими экспедициями в конце XX – начале XXI в., утрачиваются аутентичными исполнителями из активного воспроизводства из-за невостребованности социокультурной ситуацией. Однако эти материалы, как правило, еще существуют в пассивном багаже исполнителей и могут быть актуализированы. Опыт полевой практики авторов показывает, что аутентичный материал, утраченный локальной традицией в последние десятилетия, позитивно воспринимается жителями села: вновь разученный традиционный музыкальный репертуар, сказочная и несказочная проза, реконструкция традиционного костюма становятся реалиями современного уклада и возобновляют жизнь в быту, вне сценической деятельности аутентичных коллективов.

Условиями вторичного освоения становятся не только интерес самих исполнителей к «старинным» песням, но и формирование нового интереса местного сообщества. Проявление интереса к носителям и хранителям аутентичного фольклора извне, как правило, влечет за собой положительные местные изменения. Так, внимание к фольклорным аутентичным ансамблям, особые номинации, выделяющие их из числа конкурсантов на региональных конкурсных и фестивальных мероприятиях, формируют уважение к представителям данной категории на местном уровне. Немалое значение имеет в этом процессе статус гостей деревни: «приезжих ученых», «почетных гостей из центра» и т. п. По сути, статус значимых визитеров играет роль катализатора, позволяет носителям сформировать более высокую самооценку, избавиться от репутации «старомодных» в местном сообществе.

Так, позитивную роль в сохранении ансамбля аутентичных исполнителей «Родные напевы» сыграла системная методическая работа КГАУК «Пермский дом народного творчества» в селе Буб Сивинского района. Для управленцев сферы культуры муниципального образования этот аутентичный коллектив стоял в длинном ряду вокальных ансамблей и хоров ветеранов. Получив персональную номинацию на одном из краевых фестивалей и тьюторское сопровождение этноцентра краевого методического учреждения, коллектив таким образом приобрел особый статус на местном уровне и стал предметом гордости.

Отдельно стоит отметить положительную роль изготовления новых костюмов для исполнительниц. Поставив задачу привести в соответствие репертуар и внешний облик участниц ансамбля, кураторы этноцентра пошли наперекор устоявшимся в местном культурном сообществе представлениям об эстетике сцены. В среде сельской самодеятельности сильны установки на яркость и назойливость декора, что вступает в очевидное противоречие с этнографическими материалами локальной традиции той или иной местности. Вопреки устоявшемуся представлению о «сценической красоте», коллектив получил новые костюмы, скрупулезно повторяющие этнографические образцы. Особенность сформированного комплекса – его целостность, внимание к деталям, отсутствие откровенных имитаций, характерное для этих мест цветовое решение. Фактически кураторами была выполнена работа по реконструкции традиционного костюма: в результате работы внешний облик исполнительниц стал индивидуален, соответствует возрастному статусу каждой, органично дополняет визуальным рядом аутентичный вокальный репертуар. Несмотря на то, что в силу исторических особенностей данной локальной традиции исполнительницы ансамбля не застали эпоху естественного бытования традиционной одежды,

костюмный комплекс был позитивно ими принят и «освоен»: многие комплекты впоследствии дополнили сами исполнительницы деталями: бусами, вышивкой по переднику, и даже были изготовлены новые элементы, органично вписавшиеся в художественный контекст. В этом процессе тьюторское сопровождение специалистов краевого учреждения имело немаловажное значение.

Неоднозначную роль играет современный тренд на продвижение и брендирование территорий. С одной стороны, необходимость найти, сформировать и явить миру свою уникальность через отдельные культурные события зачастую становится общественным запросом, нередко исходит от руководителей муниципальных образований. Отвечая на этот запрос, жители сел, работники культуры берут за основу явления ТНК, предпринимают попытки реконструировать обрядовые практики. С другой же стороны, далеко не всегда данный процесс служит добрую службу сохранности или возрождению утраченных материалов ТНК. К сожалению, немало праздников и событий традиционного календаря, взятых под контроль официальными представителями культуры, стали помехой для естественного бытования традиции, вошли в противоречие с этическими и эстетическими канонами данной культуры, и при этом не нашли отклика у современного зрителя.

Огромное число праздников, берущих основу в аграрном календарном цикле, превратилось в массовые ярмарки-продажи товаров народного потребления с уходящими за горизонт батутами, аниматорами в костюмах популярных персонажей иностранных мультфильмов, а также многочасовыми концертами самодеятельности всех жанров, завершающимися выступлением звезд эстрады. Нам видится, что проблема – не в подборе номеров для концертной программы или амплуа для аниматоров, но в формировании «традиционного» праздника как зрелища, а не праздника соучастия. Так, Т. А. Котлярова пишет о подобных мероприятиях: *«Неизмеримо большим недостатком – бедой, по выражению самих практиков, – является нарушение законов народной праздничной культуры, вследствие чего участники праздника делятся на “зрителей” и “исполнителей”. <...> Особенно важно отметить и то, что совершенно игнорируются реализованные в зрелищно-игровом фольклоре принципы народной педагогики, что ведет, в конечном счете, к тому, что основная масса участников праздника – зрители, наблюдающие со стороны за происходящим»* [Котлярова 2011: 422]. В погоне за зрелищностью авторы некоторых народных сельских праздников зачастую идут вразрез с деревенской этикой, вынося сакральное в зону общественного. Эта практика весьма неоднозначна, она разрушает зыбку ткань традиционной народной культуры.

*Хоровод в с. Архангельское
Юсьвинского района Пермского края, 2020*

Фото Ю. С. Чернова

*Фольклорные коллективы на фестивале «Зов Пармы».
Чердынский район Пермского края, 2012*

Фото Ю. С. Чернова

*Хоровод у березки на празднике Строча (Троица).
д. Кукушка Кочёвского района Пермского края, 2020*

Фото Ю. С. Чернова

*Участники коми-пермяцкого праздника Строча (Троица).
д. Кукушка Кочёвского района Пермского края, 2020*

Фото Ю. С. Чернова

*Участники праздника «Гаврилов день»
в д. Бачманово Косинского района Пермского края, 2017*

Фото Ю. С. Чернова

*Участницы последнего покоса травы на Гаврилов день
в д. Бачманово Косинского района Пермского края, 2017*

Фото Ю. С. Чернова

*Участники праздника «Гаврилов день»
в д. Бачманово Косинского района Пермского края, 2017*

Фото Ю. С. Чернова

*Обед в поле во время праздника «Гаврилов день»
в д. Бачманово Косинского района Пермского края, 2017*

Фото Ю. С. Чернова

*Лепка пельменей
на фестивале «Ярушник».
с. Сепыч Верещагинского района
Пермского края, 2017*

Фото Д. И. Ваймана

*Изготовление хлеба
на фестивале «Ярушник».
с. Сепыч Верещагинского района
Пермского края, 2017*

Фото Д. И. Ваймана

*Угощения русской традиционной
кухней на фестивале «Ярушник».
с. Сепыч Верещагинского района
Пермского края, 2017*

Фото Д. И. Ваймана

*Участница фестиваля «Ярушник»
за прядением шерсти.
с. Сепыч Верещагинского
района Пермского края, 2017*

Фото Д. И. Ваймана

*Участницы фестиваля «Сочельник» в ПДНТ «Губерния».
г. Пермь Пермского края, 2024*

Фото Е. П. Бирюкова

*Участницы фестиваля
«Сочельник» в ПДНТ «Губерния».
г. Пермь Пермского края, 2024*

Фото Е. П. Бирюкова

*На фестивале «Сочельник»
в ПДНТ «Губерния».
г. Пермь Пермского края, 2024*

Фото Е. П. Бирюкова

Тем не менее позитивные примеры есть. Можно отметить, что в Пермском крае накоплен определенный успешный опыт: сохранение праздника «Гаврилов день» в селе Бачманово Косинского района; ростки нового интереса к традиционному комплексу крестьянского костюма, традиционной кулинарии, фольклору в старообрядческом селе Сепыч Верещагинского района; возрождение традиционной технологии ткачества, крашения, набойки в нескольких локациях региона. Тьюторская работа этнологов, курирующих данные проекты, методическое сопровождение специалистов культурно-досуговой сферы, на наш взгляд, помогли найти удачный компромисс: сохранить местную бытующую традицию и сформировать дополнительные активности для посетителя, не нарушая логики и атмосферы самого праздничного действия. Расширение праздничной программы не за счет массовых постановок на большой сцене, а через формы гостевания и сюжетные прогулки по селу для приезжих, возможность лично познакомиться с жителями села через фотовыставку и тому подобные приемы создали пример успешного масштабирования сельского праздника с сохранением его первоначальной камерной атмосферы. Отдельно следует отметить процесс продвижения идеи важности местных традиций через включенность статусных лиц: участие в мероприятии представителей власти, гостей из регионального центра, одетых в собственные традиционные костюмы, получило серьезный резонанс. Таким образом сформировался высокий статус события, укрепившийся приездом важных гостей, и это привело к тому, что среди жителей вырос престиж собственных традиций.

*На празднике «Гаврилов день» в д. Бачманово
Косинского района Пермского края, 2017*

Фото Ю. С. Чернова

В результате у обитателей деревни сформировалась потребность в восстановлении некоторых утраченных элементов традиционной культуры. Немалым спросом пользовались мастерские, организованные в помощь желающим сшить собственный праздничный костюм по старинным образцам, а следом возник запрос и на работу по восстановлению песенной традиции. В итоге праздник засиял новыми красками, традиционный костюм все чаще встречается не на сценических исполнителях, а на участниках праздника. Данный пример успешного восстановления бытования традиционных практик в селе Бачманово – результат совместной работы специалистов, преследующих цель возрождения традиции и воспринимающих праздник традиционного календаря не как отдельное самодостаточное мероприятие, а как элемент системной тьюторской работы, итог совместной подготовительной деятельности и, одновременно, толчок для дальнейшего развития.

Через события фестивального календаря краевого проекта «59 фестивалей 59 региона», организуемого Пермским домом народного творчества «Губерния» при поддержке Министерства культуры Пермского края с 2009 г., получили новое дыхание местные праздники народного календаря не только в русских, но и в коми-пермяцких, татарских, удмуртских деревнях. Суть проекта – формирование культурных событий для туристов и местного сообщества в больших и малых населенных пунктах Пермского края. Темой события, включаемого в проект, могут быть разные праздничные события – от танцевальных акций до рок-концертов – уникальные для территории. Неудивительно, что в качестве тем этих мероприятий работники культуры чаще всего берут за основу фольклорные праздники: разнообразие локальных традиций дает пищу для самобытных проектов, ярко позиционирующих территорию. В данном случае грамотная работа этнологов и музыковедов в сотрудничестве с режиссерско-постановочными группами играет огромную роль. Необходимость и возможность внешнего взгляда на событие, а также тьюторское сопровождение каждого мероприятия и режиссерско-постановочных групп со стороны краевого учреждения и специалистов-этнологов позволяет максимально бережно относиться к объектам НКН, прививать бережное отношение к этим явлениям – как посетителям и прессе, так и самим творческим работникам. Благодаря этой деятельности традиционные народные праздники вновь становятся частью общественной коммуникации села, в то же время открывая бывшую дотолу *terra incognita* народную культуру для людей непосвященных. Следует, однако, еще раз подчеркнуть, что данная работа требует деликатности и осторожности, внимания к деталям, глубокого знания этнографического материала.

Особенности актуализации нематериального этнокультурного достояния в городской среде

Продолжая размышления о мерах по сохранению культурного наследия и значимости фольклора, следует отдельно остановиться на особенностях деятельности по актуализации ТНК в городской среде.

Современные исследователи отмечают, что сегодня этнографические полевые исследования могут проводиться не только в фольклорных экспедициях на село.

В результате процессов естественной миграции населения жители современного города в некоторых случаях являются реальными носителями традиционных знаний. Городской житель может быть как вчерашним жителем села, сохранившим особенности традиционного сознания, так и жителем постсоветского и постиндустриального города, не воспринимающим аграрную культуру в целом, являющимся пассивным, неосознанным носителем культурного кода ТНК.

Проживание отдельных носителей ТНК в городе, упомянутое выше, подтверждает разрушение целостности бытования ТНК и напоминает о том, что традиционная культура по определению – коллективное явление: даже будучи носителем объема знаний, вне определенного социума исполнитель не имеет возможности передать, транслировать его следующему поколению; в то же время сама практика исполнительства фольклора имеет ярко выраженный коллективный характер и чужда сольному исполнению, за исключением некоторых жанров.

Сегодня есть основания констатировать, что фольклор перестал быть достоянием масс. Существует большой разрыв между носителями ТНК (жителями далеких деревень) и ценителями ТНК (слушателями столичных филармонических залов). Постепенно традиционная культура превращается из мировоззренческой основы массового сознания в элемент элитарного искусства.

Таким образом, задача популяризации и продвижения НКН в городе сегодня имеет новые особенности. Приоритетом в формировании уважения и интереса в городской среде должны стать не столько широкие слои населения, сколько интеллектуальная элита, фигуры масс-медиа. Если еще два-три десятка лет назад можно было сосредоточить инструменты популяризаторского воздействия на массовом зрителе, то сегодня, в эпоху исключительно широкого круга культурных предложений, приоритетом становятся элиты. Именно они задают тренды и векторы моды, именно этим людям подражают, поэтому быть понятыми и услышанными этими категориями становится необходимо для дальнейшего продвижения в массы. Так, спектакли, музыкальные

произведения, живописные работы, несущие в себе новый взгляд на явления НКН, становятся предметом обсуждения, привлекают внимание сначала интеллектуального ядра общества, позже – более широких масс. Демонстрация объектов НКН через необычные формы, порой противоречивые, становится поводом для «эмоциональных открытий», предметом споров и дискуссий, стимулирует новый интерес к самому явлению – в противоположность монотонным просветительским лекциям или концертам, которые, уступая по силе воздействия перформансу, спектаклю и иным формам современного искусства, не дают яркого эмоционального воздействия, трехмерности восприятия, а следовательно, не вызывают дальнейшего интереса.

Отдавая дань всем формам профессионального концертного исполнительства, дополнительно следует, однако, отметить, что концертная форма вступает в противоречие с самой природой и синкретизмом ТНК, сужает сферу эмоционального поля, вымывает многогранность возможного эмоционального восприятия. Создание событийного контекста, переосмысление объектов ТНК восполняет недостаток эмоциональной составляющей. Современные попытки воссоздать или создать новый контекст ТНК, безусловно, не всегда успешны, нередко приводят к мифотворчеству и псевдошаманству. Тем не менее данная практика отражает одновременно потребность в новом культурном контексте и недостаток бытовой этнологической грамотности. Режиссерские правки обрядовых практик вымывают естественно бытовавшую традицию, ускоряют ее угасание. И в то же время в отдельных случаях грамотное, в том числе с режиссерским участием, воссоздание отдельных явлений дает новое дыхание ТНК и принимается местным сообществом, продолжает жить вне стен учреждений культуры, в быту.

В качестве примеров создания нового контекста можно рассмотреть проекты Пермского дома народного творчества «Губерния»: «Комната сказок» и Всероссийский фестиваль зимнего фольклора «Сочельник». Оба проекта были созданы в 2010–2011 гг. и не являются праздниками традиционного календаря, хотя преследуют цель знакомства жителей города с традиционной народной культурой и фольклором; оба проводятся на регулярной основе (фестиваль «Сочельник» – ежегодно, «Комната сказок» функционирует еженедельно и круглогодично).

Фестиваль зимнего фольклора «Сочельник» проходит с 2010 г. в период между Рождеством и Крещением. Программа фестиваля имеет разноплановые составляющие: выступления фольклорных коллективов, мастерские и творческие лаборатории, вечорки и представления вертепного театра, концерты и музыкально-поэтические представления, спектакли малых театральных форм. Программу фестиваля

*На фестивале «Сочельник» в ПДНТ «Губерния».
г. Пермь Пермского края, 2024*

Фото Е. П. Бирюкова

дополняют научно-популярные лекции и беседы о фольклоре для непосвященного и посвященного зрителя, с каждым годом привлекающие все больше слушателей. При этом главная задача организаторов – создание атмосферы деревенского праздника – решена через формирование (не только в рамках концертного зала) праздничной палитры, окружающей зрителя.

Так, стремясь найти наиболее уместные формы презентации разных жанров святочного фольклора, организаторы проводят конкурс славщиков в помещении гостиницы, в которой живут участники, с семи часов утра. Для программки фестиваля время мероприятия настолько необычно, что сразу обращает на себя внимание: зрители фестиваля и журналисты проявляют интерес к событию, даже если не посетили его. А в указанное время коридор гостиницы становится подобием деревенской улицы, обычные гости отеля, проживающие на этаже, другие посетители превращаются в жителей подворий, а участники фестиваля при этом – главные заводилы обряда обхода домов.

Неожиданные форма и место проведения этого элемента фольклорного фестиваля, с одной стороны, соответствуют естественной ситуации бытования ТНК и позволяют адекватно воспроизвести эмоциональный контекст традиционного праздника, а с другой – служат задаче актуализации обрядовой практики, знакомя с ней обычных постояльцев гостиницы. Эксперты, члены жюри в данном случае не размещаются на специальных местах в зале, а выступают в роли обычных наблюдателей и почетных гостей, что не нарушает аутентичную основу происходящего. Данный контекст актуализации жанров святочного фольклора и театрален, и естественен одновременно: есть простор для импровизации, так свойственной фольклору, существует возможность для каждого участника в максимальной степени реализовать свои знания и умения. Помимо знающих и понимающих контекст, в процесс колядования в этой ситуации включаются и обычные постояльцы гостиницы, что добавляет естественности бытованию. В первый раз предусмотрев официальным положением о фестивале данный конкурс в этом формате несколько лет назад, организаторы не были уверены в успехе: правила игры выходили за привычные рамки и понятия конкурсного просмотра. Но спустя пять лет практика показала действенность данного подхода: традиция колядования на второй день фестиваля ожила, стала существовать сама по себе, даже вне зависимости от специальных организационных усилий, начала передаваться другим участникам естественным образом. Для неаутентичных творческих коллективов данный эпизод фестиваля стал чуть ли не первым личным опытом реального погружения в стихию народной культуры, отличающуюся от сценического внеконтекстного изображения обряда. По словам участников коллективов, они не только получили новые эмоции, но и открыли для себя новые грани традиционной культуры.

Аналогичным образом был вписан в контекст фестивальных мероприятий конкурс ряженых. Заявившись на конкурс сряжунчиков, подготовив соответствующий фольклорный материал, многие участники были удивлены необходимостью транслировать эти знания не в условности сценического пространства, а в реальности наполненного посетителями фойе: поначалу участникам программы было не так просто транслировать тексты архивных записей и вписаться в роли традиционных «Цыган», «Татар с белым товаром» и других персонажей святочного ряжения между рядами мастер-классов и ярмарки народных промыслов, в среде прогуливающихся посетителей. Но естественность происходящего, разные планы одновременно совершающихся событий

позволили конкурсантам, быть может, впервые стать участниками несценического фольклорного спектакля.

Другим важным элементом фестиваля является эпизод совместной лепки пельменей – «Пельменные помочи». Несмотря на большое количество участников (до 500 человек), мероприятие сохраняет камерность атмосферы подготовки к семейному застолью. В течение дня каждая группа участников фестиваля включается в процесс коллективного изготовления традиционных уральских пельменей – по 30–40 человек. Итогом действия становится большая совместная трапеза всех участников фестиваля в финале мероприятия. Благодаря этому эпизоду фестиваль наполняется вкусами и запахами настоящего семейного праздника, несет идею синкретичности традиционной культуры, дарит зрителям новые впечатления.

Кульминацией фестиваля «Сочельник» является Васильев вечер, включающий концерт этномузыкальных проектов, театральные перформансы, конкурс мастеров огненного жанра. И для зрителей, и для участников фольклорных коллективов уличное действо с огнем логично и ярко продолжает программу фольклорных и театральных жанров в помещении. И хотя, безусловно, фаер-шоу – явление современной зрелищной культуры, но взаимодействие артистов с живым огнем добавляет зрелищности и эмоциональности происходящему и достаточно органично визуально дополняет идею основных стихий, такую значимую для традиционной народной культуры. В целом, сочетая формы театрального перформанса, музыкального исполнительства, элементы других жанров искусства, фестиваль стал трехдневным святочным действием, достаточно точно передающим аутентичную атмосферу Святка.

Вплетенные в ткань происходящего современные жанры, дополнившие программу фестиваля, – концерт дуэта арф с песочной анимацией на тему Рождества, концерт-экскурсия фольклорного ансамбля в Пермской государственной художественной галерее – вывели фестиваль за рамки цехового фольклорного события, позволили стать частью культурной повестки города-миллионника, обратили внимание интеллектуальной элиты, вызвали интерес прессы. Таким образом, разножанровые мероприятия фестиваля стали обсуждаемыми событиями культурной жизни города и привлекли более пяти тысяч посетителей.

Проект «Комната сказок», напротив, камерный. Идея проекта – совместное рассказывание сказок в небольшом пространстве для разновозрастной компании из 12–15 человек. Сказочное действо проходит в таинственной атмосфере небольшой темной и сказочно подсвеченной комнаты в окружении старинных предметов, в сопровождении живой

музыки. Сказочники повествуют историю, участником которой может стать каждый присутствующий: и ребенок, и родитель, и даже предмет с полки старинного шкафа. Отсутствие границы между зрителем и рассказчиком, возможность импровизации и смены ролей, деятельностный подход создают ту характерную для традиционной народной культуры контекстную основу, в которой сказка становится не просто сюжетом, а совместно прожитым приключением с волшебным содержанием и моралью.

Основа повествования – сказки разных жанров: кумулятивные и волшебные, о животных и новеллистические. Ставя во главу угла модель коммуникации, а не сюжетную основу, авторы и организаторы проекта, по сути, создают условия для воссоздания контекста, близкого к естественному бытованию сказки, вплетают музыкальные жанры традиционного фольклора. Простые сюжеты народных сказок в итоге становятся объемными и многоплановыми, приобретают новые смысловые перспективы. Педагогическая составляющая народной сказки занимает свое достойное место.

Итоги реализации проекта ярко показывают его востребованность для посетителя: заполняемость зала (более 98%), общее количество посетителей (более 2,5 тыс. в год при максимальной вместимости 15 человек одновременно), а также результаты анкетирования посетителей (на выборке более 500 чел.): среди родителей, посещавших «Комнату сказок» несколько раз, увеличилось число поющих детям колыбельные (на 34%), организующих совместную игровую деятельность (на 41%), рассказывающих детям сказки и истории (на 18%). Эти статистические данные свидетельствуют о высокой эффективности предложенной формы для актуализации ТНК.

Подводя итоги данной статьи, основанной на работе Пермского дома народного творчества «Губерния» в последние два десятилетия (2010–2025 гг.), хочется отметить следующее: сотрудники ПДНТ, работающие и на селе, и в городе, наблюдают возрастающий интерес к ТНК и НКН со стороны населения – что позволяет нам сделать вывод о ложности представлений об «отсутствии интереса» к фольклорной традиции. Нам, практикам, имеющим успешный опыт как популяризации нематериального культурного наследия среди современного городского населения, так и восстановления бытования традиционной культуры среди ее носителей, утративших часть аутентичного материала, хотелось бы представить свое видение ключевых, с нашей точки зрения, сторон работы над сохранением нематериального культурного наследия и повышением его статуса.

1. Внешнее проявленное внимание к реальным носителям традиционной народной культуры со стороны науки, культуры, СМИ, власти (в т. ч. отраженное в нормативных документах отраслевого характера), которое, в свою очередь, формирует новое отношение и уважение местного сообщества, способствует повышению самооценки и, как следствие, сохранению и дальнейшему транслированию НКН; система мер поддержки аутентичных исполнителей правительственными премиями и грамотами, такими как премии «Душа России», «Народный мастер» и т. п.

2. Государственная поддержка фундаментальных исследований ТНК и их популяризации: как полевой и методической академической работы, так и выпуска научно-популярных изданий региональных этнографических материалов; господдержка научно-популяризаторских материалов в СМИ, в первую очередь, на ТВ.

3. Внесение в образовательные стандарты среднего и высшего профессионального образования в сфере культуры необходимого объема этнографических и музыковедческих знаний о локальных региональных традициях, которое повысит качество региональной деятельности работников сферы культуры, снизит число ситуаций, когда профессиональное руководство провоцирует угасание традиционной культуры.

4. Привлечение к теме НКН внимания элит, формирующих общественный запрос, моду; работа по продвижению НКН и включению его в общекультурный контекст высокого искусства: совместные проекты театров, киностудий, исполнителей классической музыки и т. п.

5. Тьюторская деятельность профессионального сообщества этнологов, курирование мероприятий народного календаря и аграрного цикла в сельских территориях, а также совместная деятельность методических центров, домов народного творчества, домов и центров фольклора, направленная на грамотное использование этнографических материалов.

Подвижническая работа исследователей-этнологов, совместная профессиональная деятельность учреждений культуры, музеев, театров и других участников культурного процесса непременно должны быть направлены на продвижение идеи высокой культурной ценности традиционной народной культуры во всем ее многообразии и целостности. Носителем этой идеи должны и могут стать представители разных слоев современного общества. Опыт вовлечения современного человека в культурные практики и прикосновение к традиционной народной культуре – неотъемлемая часть процесса передачи из поколения в поколение культурного кода, значение которого невозможно переоценить.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

БПС 2008 – Большой психологический словарь. М.: АСТ-Москва, 2008. – 816 с.

Викисловарь 2018 – Викисловарь. Дата обновления: 23.08.2018 [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.wiktionary.org/w/index.php?title=актуализация&oldid=9955742> (дата обращения: 15.09.2018).

ГПТ 1999 – Глоссарий психологических терминов / под ред. Н. В. Губина. М.: Наука, 1999. – 512 с.

Костина 2009 – Костина А. В. Традиционная культура: к проблеме определения понятия // Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение». 2009. № 4. Культурология [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Kostina/> (дата обращения: 15.09.2018).

Котлярова 2011 – Котлярова Т. А. Проблемы реконструкции и трансляции празднично-обрядовых форм народной культуры Кемеровской области // От конгресса к конгрессу. Материалы Второго Всероссийского конгресса фольклористов. Сборник докладов. М.: ГРЦРФ, 2011. Т. 2. С. 417–424.

КЭ 2000 – Криминалистическая энциклопедия / сост. Р. С. Белкин. 2-е изд., доп. М.: Мегатрон XXI, 2000. – 334 с.

Новый словарь 2009 – Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / сост. Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. М.: ИКАР, 2009. – 448 с.

НФС 1999 – Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицаков. Минск: Изд. В. М. Скакун, 1999. – 896 с.

Сборник сведений для изучения быта 1889 – Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России (обычное право, обряды, верования и пр.) // Труды этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Кн. 9. Вып. 1. М., 1889.

ФЭС 1989 – Философский энциклопедический словарь / гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. М.: Советская энциклопедия, 1989. – 840 с.

ФЭС 2006 – Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е. Ф. Губского (и др.). М.: ИНФРА-М, 2006. – 574 с.

В. Е. Добровольская, Ю. С. Чернышева

**РУССКОЕ СКАЗОЧНОЕ НАСЛЕДИЕ
КАК ОБЪЕКТ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО
ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ:
ПРОБЛЕМЫ АКТУАЛИЗАЦИИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ
КУЛЬТУРЫ**

Вскоре после того, как в 2003 г. ЮНЕСКО разработала конвенцию об охране нематериального культурного наследия, она была подписана в России, однако специфика национальной и культурной политики нашей страны не позволила ее ратифицировать. Именно отсутствие ратификации привело к тому, что был создан Российский федеральный реестр объектов нематериального культурного наследия. И хотя в него должны были войти самые разные с точки зрения жанровой специфики объекты, основное место там заняли обряды календарного и семейного цикла, песенные, инструментальные и хореографические жанры, эпическое наследие, а также техники и технологии, связанные с народными промыслами.

И такое внимание к этим явлениям традиционной культуры обоснованно – поскольку, помимо выявления и сохранения объектов нематериального этнокультурного достояния, работа с реестром подразумевает еще и популяризацию того или иного объекта, в том числе и использование его в деятельности учреждений культуры. Именно эти формы оказались наиболее подходящими и доступными для такой работы.

Однако в реестр были включены и другие явления традиционной культуры. Одним из них стала сказочная традиция, которая вызвала целый ряд вопросов, связанных не столько с выявлением объекта, сколько с его популяризацией, использованием в деятельности учреждений культуры и даже созданием брендов территорий. Надо отметить, что использование сказки в сценической деятельности – не новое явление. Еще в конце XIX в. в рамках этнографических концертов, помимо былинных сказителей, выступали и сказочники.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СФЕРЕ
НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ

*Ольга Анатольевна Новожилова
рассказывает поморские сказки.
пгт. Умба Терского района
Мурманской области, 2025*

Фото Д. И. Ваймана

*Ирина Дмитриевна Ильина
рассказывает поморские сказки.
г. Мурманск Мурманской
области, 2024*

Фото Д. И. Ваймана

*Светлана Анатольевна Хайгора рассказывает поморские сказки.
пгт. Зеленоборский Кандалакшского района
Мурманской области, 2024*

Фото Д. И. Ваймана

Были и те, кто актуализировал народные сказки. Так, О. Э. Озаровская выступала со сказками в различных учреждениях Санкт-Петербурга и Москвы [Новичкова 2000: 6–7].

Иногда можно услышать, что сказочное наследие не приспособлено для актуализации и использовать его в деятельности учреждений культуры невозможно. Однако опыт целого ряда регионов показывает различные подходы к популяризации сказочной традиции.

Первые попытки использовать сказку как объект нематериального этнокультурного достояния были связаны с выпуском сборников, посвященных либо сказочной традиции региона, либо творческому наследию отдельных авторов.

Одними из первых таких сборников стали две книги: «Сказки Псковской области» и «Народные сказки Псковского края» [Сказки Псковской области 2004; Народные сказки Псковского края 2016]. Книги были подготовлены в Научно-образовательном центре изучения русской народной речи и устного народного творчества при лаборатории филологического факультета ПсковГУ. Их авторы не ставили перед собой целью работу с нематериальным культурным наследием региона. Эти антологии представляют собой сугубо научные издания, а «Народные сказки Псковского края» – одно из первых изданий, в котором тексты сопровождаются не только комментариями, но и аудиоприложением и указателями, содержащими списки информантов, населенных пунктов, указатели предметов и действий сказочных персонажей, библиографический список псковских сказок, нотное приложение и перечень музыкальных жанров фольклора, встречающихся в псковских сказках. Несмотря на то что эти издания носят сугубо научный характер, они привлекли внимание широкой общественности и стали своеобразным толчком для пропаганды сказочных традиций Псковской земли и издания книги, их пропагандирующей – «Псковские сказки для детей». Издание было направлено на знакомство именно юных читателей с псковской сказочной традицией. Партнерами издания стали не только ученые и Федеральное агентство по делам молодежи, которое выступило грантодателем проекта, но и власти Псковской области во главе с ее губернатором, оказавшие содействие в реализации данного проекта. Таким образом, научные издания стали своеобразным триггером для использования региональной сказочной традиции в работе с детьми. Однако в этом случае привлечение сказочного материала к работе с нематериальным этнокультурным достоянием было вторичным по отношению к научным исследованиям. Работники культуры воспользовались уже готовыми научными изданиями и трансформировали имеющиеся материалы под свои задачи.

Несколько иначе поступили представители Республики Карелия. Сборник «Избранные сказки Ф. Н. Свиньина» [Свиньин 2016] задумывался и готовился как сугубо научное издание в 1941 г. сотрудницей Карельского научно-исследовательского института культуры О. Г. Большаковой и участником фольклорного семинара М. К. Азадовского В. Р. Дмитриченко. Заметим, что составители сборника не ставили своей задачей издать академическое собрание сказок одного сказочника, они презентовали свое издание как научно-популярное и указывали, что оно рассчитано «на самый широкий круг читателей» [Лызлова 2016: 6]. Однако в то время сборник не вышел, а издание 2016 г. ориентировалось на специалистов. Прежде всего, А. С. Лызлова устранила правку, сделанную составителями, и вернула сказкам Ф. Н. Свиньина их своеобразие, восстановив особенности грамматики, лексики и синтаксиса текстов. Однако издание сборника стало возможным только при поддержке Министерства Республики Карелия по вопросам национальной политики, связям с общественными и религиозными объединениями. Это в свою очередь спровоцировало ориентацию издания на широкий круг читателей, поэтому был выбран подарочный формат издания, оно было снабжено богатым иллюстративным материалом и было включено в программу «Укрепление единства российской нации и этнокультурного развития народов России (2014–2020)». Книга привлекла внимание к жизни и творчеству сказочника. На его родине, в селе Сумской Посад, был установлен стенд с фотографией и биографическими сведениями, посещение которого включено в туристический маршрут¹. Однако никаких мероприятий, связанных с популяризацией сказочного наследия Ф. Н. Свиньина, здесь не проводится.

Совершенно другая ситуация сложилась в Пермском крае. С 90-х гг. XX в. в Октябрьском районе тогда еще Пермской области проводились фольклорно-этнографические экспедиции, в рамках которых были записаны сказки выдающейся сказочницы Евдокии Никитичны Трясиной. Эти записи легли в основу двух сказочных сборников: «Ореховая веточка» и «Русские народные сказки Пермского края» [Ореховая веточка 1999; Русские народные сказки Пермского края 2004]. Появление этих сборников повлияло на создание сначала районного, а затем и краевого фестиваля сказок «Ореховая веточка». В рамках фестиваля проходит целый ряд мероприятий: конкурс детского рисунка, посвященный сказкам; выступление детских и взрослых театральных коллективов; конкурсы чтецов и т. п.

¹ Главной достопримечательностью Сумского Посада является листербот, который был подарен одним из членов семьи Романовых местным жителям, но и интерес к местному сказочнику тоже привлекает туристов.

В. Е. Добровольская, Ю. С. Чернышева
РУССКОЕ СКАЗОЧНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ОБЪЕКТ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО
ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ: ПРОБЛЕМЫ АКТУАЛИЗАЦИИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ

*Первое издание книги сказок
Евдокии Никитичны Трясиной «Ореховая веточка»*

Фото А. П. Гречищева

*Памятник сказочнице Е. Н. Трясиной в пгт. Октябрьский
Октябрьского ГО Пермского края, 2024*

Фото А. П. Гречищева

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СФЕРЕ
НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ**

*Участники фестиваля сказок «Ореховая веточка»,
пгт. Октябрьский Октябрьского ГО Пермского края, 2024*

Фото А. П. Гречищева

Однако вокруг фестиваля сказок возникла своеобразная инфраструктура, ориентированная на создание бренда территории. В районном музее существует экспозиция, посвященная Евдокии Никитичне, районной детской библиотеке присвоено имя сказочницы, а в сквере, который расположен рядом, установлен памятник Е. Н. Трясиной; создан здесь и Дом ремесел и сказок. Постепенно сказочница и ее сказки становятся брендом данной территории. Интерес к сказкам Евдокии Никитичны постоянно поддерживается. В 2020 г. вышла полная антология ее текстов [Сказки Трясиной 2020]. Эта книга была подготовлена в содружестве ученых и работников культуры². Надо отметить, что для Пермского края такое сотрудничество традиционно. Пермский дом народного творчества «Губерния» активно сотрудничает с учеными из Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН. И проект, связанный со сказками Евдокии Никитичны, отнюдь не единственный. В рамках совместной работы вышли издания серии «Традиционный костюм народов Пермского края», выходят книги серии «Фольклорный архив».

*Книга «Сказки Евдокии Никитичны Трясиной»
из серии «Фольклорный архив», 2020*

Фото ПДНТ «Губерния»

² Заметим, что недавно вышла книга для широкого круга читателей «Послушай-ка сказку».

Такое сотрудничество в области нематериального этнокультурного достояния оказалось необычайно продуктивным. Оно позволяет профессионально выявлять объекты традиционной культуры, оценивать степень их сохранности, необходимость поддержки, с одной стороны, и заниматься актуализацией и популяризацией этнокультурного достояния, с другой.

Вообще, популяризация своего фольклорного наследия в Пермском крае ведется необычайно активно, и сказочная традиция в данном случае не исключение. Помимо уже упомянутых изданий в серии «Фольклорный архив», вышла еще одна книга сказок «Русские сказки Пермского края в записях конца XX – начала XXI в.» [Русские сказки Пермского края 2020] и готовится к изданию еще одна, в которую войдут тексты, записанные в XX в. и не имеющие аудиофиксаций. Отметим, что, помимо медиаприложений к книгам, в Пермском крае вышло несколько дисков, посвященных сказочной традиции региона. Они рассчитаны на широкий круг слушателей. В 2012 г. появился сборник «Сказки Прикамья». Он был издан при поддержке Администрации губернатора Пермского края, а научное руководство проекта взял на себя И. А. Подюков [Сказки Прикамья 2012]. Сказки исполняют известные в Перми актеры и режиссеры. Тексты, отобранные для этого диска, записаны в разное время; собиратели руководствовались разными принципами фиксации текстов, поэтому мы не всегда можем говорить об аутентичности записи. Исполнители также не всегда могли следовать диалектным особенностям, поэтому в ряде случаев исполнение близко к литературной норме современного русского языка. Этим данный проект отличается от другого. Аудиосборник «Пермские сказки» включает в себя 26 текстов аутентичной записи [Пермские сказки 2020]. Поскольку материал для аудиосборника брался из профессиональных фольклорных архивов и сопровождался в целом ряде случаев аудиоматериалами, то исполнители попытались передать специфику пермских говоров. Сказки в этом собрании максимально приближены к аутентичному звучанию, хотя, конечно, об импровизационном начале говорить не приходится – исполнители строго следуют текстовому оригиналу.

В Перми существует проект «Охота до сказок», который воплощает в жизнь Русское национально-культурное общество. В рамках этого проекта подготовлен диск на пермском материале «Охота до сказок», их рассказывает М. Е. Суханова [Охота до сказок 2021]; проводятся презентации сказочных изданий и т. п. В декабре 2021 г. был проведен литературно-музыкальный перформанс «Барочные сказки», где были представ-

лены сказки конца XVIII в., музыка русского и европейского барокко, пермские русские народные сказки, песенный фольклор Прикамья. Сочетание вроде бы несочетаемых вещей привлекло большое число слушателей и позволило посмотреть на актуализацию сказочного наследия региона нетрадиционно: с одной стороны, здесь звучали фольклорные сказки, с другой – профессиональная музыка и лубочные сказки.

Казалось бы, такая активная работа со сказочным наследием могла бы стать хорошим примером для других регионов, однако этого не случилось. Это не значит, что со сказками работают только в Пермском крае, однако только тут к настоящему времени сложился коллектив ученых и практиков, совместно работающих в этом направлении.

Стремятся ученые привлечь внимание к сказочному наследию и в других регионах. Прежде всего это проявляется в публикации сказок местных сказочников, то есть это наследие используется как некая ценность территории. Для Нижегородской области таким значимым явлением, безусловно, могло бы стать творческое наследие сказочника Ивана Федоровича Ковалева. В 2019 г. нижегородское издательство «Кварц» издает сборник «Сказки Ивана Ковалева» [Сказки Ивана Ковалева 2019]. Надо отметить, что сказки этого автора не переиздавались с 1953 г., и новое издание, созданное по современным требованиям к сказочным сборникам (наличие расширенного комментария, привлечение материалов архивов, материалы с его выступлениями на радио, фотографии и т. п.), было бы если не прекрасным началом для создания отдельного бренда территории, то по крайней мере изящным элементом туристической программы, связанным с озером Светлояр, на берегу которого стоит Шадрино, родная деревня Ковалева. Но в данном случае это не новый сборник, а переиздание сборника Литературного музея [Сказки Ковалева 1941], причем не очень удачное, поскольку в книге отсутствуют номера сказочных текстов, развернутые комментарии, подготовленные Э. В. Померанцевой и С. И. Минц, а краткие комментарии, поставленные составителем после текста, для любителя фольклора излишни, а для профессионала попросту не нужны. Непонятно, зачем была изменена структура сборника, когда вступительная статья и автобиография сказочника помещены в конце издания. Книга, безусловно, привлечет внимание любителей сказок, но не спровоцирует актуализацию сказочного наследия, использование его в деятельности работников культуры, поскольку само издание не нацелено на воспроизведение сказок и демонстрацию специфических особенностей творческого наследия И. Ф. Ковалева.

Еще один сборник, вышедший в Нижнем Новгороде, также посвящен творчеству одного человека – сказочному наследию Александры Васильевны Алексеевой [Сказки из Болдинской осени 2021]. Это сказочница второй половины XX в., ее много записывали, многочисленные повторные записи дают возможность говорить об импровизационном начале в ее сказках, однако вступительная статья и минимальные примечания к текстам не позволяют понять особенностей ее творческого наследия. Более того, к книге не приложен ни аудиодиск, ни иной медианоситель с речью сказочницы, а ведь от нее записывались не только сказки, но и песни – она была одной из ведущих участниц болдинского хора. Современные технологии позволяют услышать запись даже по ссылке на QR-код, но создателям данного издания, судя по всему, это было не важно. Отметим, что даже если авторы издания не ориентировались на идею актуализации творческого наследия сказочницы, а хотели просто издать еще раз ее сказки, то и в этом случае публиковать их таким образом уже не принято.

Хочется остановиться еще на одном сборнике – «Смоленские сказки» [Смоленские сказки 2017]. Это сказки из сборника В. Н. Добровольского. Для Смоленской области этот сборник, безусловно, знаковый, и актуализация фольклорного наследия с привлечением материалов «Смоленского этнографического сборника» могла бы стать необычайно интересной, а републикация текстов была бы своеобразным толчком к такой работе. Однако авторы сборника заявляют, что «большинство сказок публикуется впервые» [Смоленские сказки 2017: 4]. Составители хотя и упоминают фамилию В. Н. Добровольского, но никак не рассматривают публикуемые тексты в контексте его собирательской и исследовательской деятельности. В издании нет не только комментариев к текстам, но и даже вступительной статьи о значении научной деятельности В. Н. Добровольского для отечественной фольклористики и популяризации фольклорного наследия Смоленской губернии. Более того – книга подготовлена мастером книжной графики Маргаритой Волковой. Это, скорее, альбом иллюстраций к сказкам, тексты как бы уходят на второй план. Эту книгу можно было бы рассматривать как одно из направлений работы со сказочным наследием Смоленской области, если бы составители рассказали предысторию появления этого издания.

Рассмотренные выше публикации сказок в той или иной степени претендуют на научные издания, которые при определенных обстоятельствах могли бы спровоцировать работу по актуализации сказочной традиции региона. Однако их авторы не ставили себе такую цель и по-

зиционировали свой труд как научные издания, но по ряду причин не смогли это осуществить. При этом и работать с учреждениями культуры, которые могли бы использовать данные публикации для привлечения внимания к сказочному наследию, составители данных сборников не стали, а подача материала, в свою очередь, сделала эти издания неинтересными для работников культуры.

В настоящее время помимо издательских проектов возникают проекты культурно-просветительского характера. О некоторых из них мы говорили выше, например о фестивале «Ореховая веточка», который проходит в Пермском крае. Однако целый ряд проектов иницируется людьми, далекими от изучения сказочной традиции. Самый глобальный из таких проектов – «Сказочная карта России», о котором написано немало [Добровольская 2018: 127–137; Добровольская 2019: 360–373; Петрова 2013: 30–38]. Отметим, что основной недостаток этого проекта даже не то, что его авторы включают в него фольклорных персонажей самых разных жанров – сказок, былин, мифологической прозы, и не то, что помимо фольклорных сказок, там активно используется материал сказки литературной, так что, по большому счету, это не единый проект, объединяющий различные региональные фестивали, связанные со сказкой, в некое единое пространство. Чаще всего мы имеем дело с номинацией «родина сказочного героя», вокруг которой ничего не происходит.

Напротив, в целом ряде случаев регионы, не претендующие на звание родины сказочного персонажа, проводят интересные мероприятия, связанные со сказкой. Так, в Ульяновской области проходит Всероссийский конкурс детского творчества в области сказочного эпоса «Правнуки Садовникова». Организаторы конкурса предлагают школьникам под руководством учителей попробовать себя в собирании фольклора. Среди записанного оказались и сказки, которые были опубликованы в сборнике «Русские народные сказки Ульяновского Поволжья» [Русские народные сказки Ульяновского Поволжья 2022]. В рамках конкурса дети выступили и в роли сказочников, представив сказки из сборника Садовникова и архива Научно-образовательного центра «Русская традиционная культура и фольклор Ульяновского Поволжья». Они продемонстрировали и записанные ими самими сказки, показали спектакли, подготовленные по сказочным материалам региона, а главное – познакомили всех со сказочниками, от которых записывали фольклорные материалы. Прошел и конкурс детского рисунка, традиционный для большинства мероприятий, связанных со сказочным наследием.

Однако в некоторых случаях фестивали сказок ориентированы не на детей, а на все возрастные группы. Так, например, фестиваль сказок «Дикоросы», который проходит в Екатеринбурге, интересен самым разным группам населения. В рамках фестиваля проходят мероприятия и связанные со сказками (спектакли по сказкам, их чтение, выставки рисунков, презентации и продажа книг), и никак не связанные с ними (мастер-классы по народным ремеслам, ярмарка-продажа поделок ремесленников Урала, народные игры, хороводы и т. п.). Отдельным направлением стал лекторий, на котором выступают исследователи сказки: фольклористы, этнографы, антропологи, искусствоведы, представляющие различные аспекты бытования и изучения сказки.

Иногда сказка становится отдельным направлением в рамках фестиваля. Так, мультижанровый фестиваль казачьей культуры фонда «Вольное Дело» Олега Дерипаски выделяет сказку как отдельное направление в своей работе. Организаторы фестиваля приглашают ученых прочитать публичные лекции по фольклорной сказке, писателей представить свои книги сказок, а литературных критиков поговорить о сказке в современной культуре. Однако совершенно очевидно, что сказка не является в данном случае основным жанром фестиваля, более того – она не привязана к локальной традиции региона, в отличие от других фольклорных жанров.

Необходимо отметить, что существуют мероприятия, которые, по сути, являются своеобразными мини-фестивалями, но их организаторы позиционируют их как научные проекты. Например, «Конференция сказочников в Переделкино». Организаторы приглашают специалистов самых разных направлений для чтения лекций. Устраивается круглый стол, где обсуждаются общие вопросы, связанные с функционированием сказки в современном мире. Помимо этого, медийные лица читают сказки, чаще всего литературные, организуется выставка, так или иначе связанная со сказкой, и некое интерактивное действие или «специализированное театрализованное событие», ориентированное на детей.

К научно-просветительским мероприятиям следует отнести и отдельные просветительские лекции, которые стали необычайно популярны в последнее время, однако они довольно однотипны. Еще несколько лет назад их организаторы просили прочитать лекции о природе сказочных персонажей, преимущественно о Бабе-яге и Змее. Сейчас вектор несколько изменился и основной темой стали «страшные» сказки русского фольклора. Хотя существуют различные лектории, организаторы которых предлагают циклы лекций о разных типах сказок, об их иссле-

дователях и т. д. Так, например, ООО «Манн, Иванов и Фербер», помимо основной деятельности, проводит различные лектории, в том числе «Золотой ключик» с его циклом лекций, посвященным сказкам.

Казалось бы, в деятельности по актуализации этнокультурного достояния должны принимать активное участие СМИ. Однако именно тут ситуация довольно плачевная. Сказка крайне редко может стать инфоповодом, причем это внимание будет скорее негативным. Редким и приятным исключением из общей ситуации стал Пермский край, где средства массовой информации весьма активно интересуются «сказочными проектами» как новостью дня и с удовольствием приглашают специалистов рассказать о сказках в просветительских передачах.

В настоящее время ситуация меняется с ростом популярности подкастов. Тема сказок оказалась необычайно востребованной. И в целом ряде случаев собеседниками ведущих оказываются исследователи сказок³.

Безусловно, нельзя не сказать о проектах, в которых сказка становится элементом воспитательного процесса. В некоторых случаях подобные проекты вполне органично вписываются в работу по актуализации нематериального этнокультурного достояния. Так, проект «Комната сказок» Н. Г. Кожановой, организованный в Пермском доме народного творчества «Губерния», органично включен в работу по актуализации сказки, знакомству детей с фольклорной традицией Пермского края. И хотя чаще используются литературные сказки, но в каждое представление включаются народные песни, танцы, обряды, традиционные игры и т. д.

В некоторых случаях сказка применяется для обучения детей традиционным технологиям. Мастер карачунской игрушки Галина Ивановна Арефьева в своей работе с детьми использует сказки – и фольклорные, и своего собственного сочинения. На основе этих сказок вышла книга «Кудыкина гора» [Арефьева 2012].

Прекрасный проект «Живые сказки» Ксении Федосовой представляет собой интерактивное действие. Ксения и ее слушатели разыгрывают сказки с помощью самодельных кукол и этнографического реквизита. Будучи профессиональным фольклористом, участником многих экспедиций, Ксения использует в своей работе прежде всего фольклорные сказки. Однако она выступает и с литературными сказками, и со сказками других народов.

³ Со сказками связаны такие подкасты, как «Мрачные сказки», подкасты ГЭС 2 Онлайн-журнал V–A–C Sreda совместно с аудиоплатформой «Толк».

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СФЕРЕ
НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ

*Представление в «Комнате сказок» ПДНТ «Губерния».
Сказочница – Наталья Григорьевна Кожанова.
г. Пермь Пермского края, 2024*

Фото Е. П. Бирюкова

В. Е. Добровольская, Ю. С. Чернышева
РУССКОЕ СКАЗОЧНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ОБЪЕКТ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО
ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ: ПРОБЛЕМЫ АКТУАЛИЗАЦИИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ

*Представление в «Комнате сказок» ПДНТ «Губерния».
Сказочница – Наталья Григорьевна Кожанова.
г. Пермь Пермского края, 2024*

Фото Е. П. Бирюкова

*Представление в «Комнате
сказок» ПДНТ «Губерния».
Сказочница – Н. Г. Кожанова.
г. Пермь Пермского края, 2024*

Фото Е. П. Бирюкова

*Представление в «Комнате
сказок» ПДНТ «Губерния».
О. С. Сивков.
г. Пермь Пермского края, 2024*

Фото Д. И. Субботиной

Наконец, еще одно направление работы – выступления людей, рассказывающих фольклорные сказки. Среди них необычайно много талантливых людей, однако в большинстве своем они выступают как актеры, выучившие текст и разыгрывающие его. Лишь немногие избрали другой принцип представления сказок – своеобразную импровизацию в рамках фольклорного текста, что было характерно для лучших отечественных сказочников. К таким популяризаторам сказочного наследия относятся Вячеслав Печняк из Екатеринбурга, Олег Скобелев из Петрозаводска, Александр Маточкин из Санкт-Петербурга, Марина Суханова из Перми и некоторые другие.

Не все описанные в статье формы работы со сказкой используются в работе с нематериальным этнокультурным достоянием. Однако в большинстве своем они подходят для работы по актуализации и пропаганде фольклорной традиции региона. Тем не менее проблема, которая в настоящее время возникает в рамках работы с нематериальным этнокультурным достоянием, связана не с формами актуализации и не с проектами по популяризации явлений народной культуры, а в значительной степени с раскоординированностью действий. Работая на одном поле, ученые и работники культуры в большинстве случаев не участвуют в одних и тех же проектах: исследование зачастую не имеет выхода на практическое воплощение, а актуализация в значительной степени не подкрепляется научными исследованиями. Более того, целый ряд научных и просветительских проектов не подключаются к работе по сохранению этнокультурного достояния. Составители сказочных сборников зачастую и вовсе не включают в эту работу, рассматривая публикации как сугубо научную работу. Возможно, пример Пермского края по объединению всех имеющихся сил вокруг сохранения и популяризации своего этнокультурного достояния станет стимулом для других регионов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Арефьева 2012 – Арефьева Г. И. Кудыкина гора (Серия «Сказки Воронежского края»). Воронеж, 2012.

Добровольская 2018 – Добровольская В. Е. «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью»: использование фольклорных мотивов в создании культурного пространства // Cultural Studies / Kulturas Studijas. 2018. Vol. 10. P. 127–137.

Добровольская 2019 – Добровольская В.Е. Сказочная карта России: актуализация фольклорного наследия или «создание» фольклора? // Фольклор в культуре повседневности: Сб. ст./ науч. ред. Н.И. Жуланова, Л.В. Фадеева; отв. ред. Т.Н. Суханова. М., 2019. С. 360–373.

Лызлова 2016 – Лызлова А. С. Предисловие // Избранные сказки Ф. Н. Свинына / сост. О. Г. Большакова и В. Р. Дмитриченко; подгот. к публикации А. С. Лызлова. Петрозаводск, 2016. С. 4–7.

Народные сказки Псковского края 2016 – Народные сказки Псковского края: монография в 2 ч. / под ред. Н. В. Большаковой, Г. И. Плещук. Псков, 2016.

Новичкова 2000 – Новичкова Т. А. В пути за живым словом // О. Э. Озаровская. Пятиречь. СПб., 2000. С. 5–26.

Ореховая веточка 1999 – Ореховая веточка. Русские народные сказки, записанные в селе Русский Сарс Пермской области / сост., вст. ст. и коммент. А. В. Черных. Пермь, 1999.

Охота до сказок 2021 – Охота до сказок. Русские сказки Пермского края, рассказанные Мариной Сухановой. Аудиодиск. Студия SoundAround AudioWorks. Пермь, 2021.

Пермские сказки 2020 – Пермские сказки. Аудиосборник народных сказок, собранных в Пермском крае. Продюсерский центр КАМWA. Пермь, 2020.

Петрова 2013 – Петрова Н.С. Кикимора Вятская и Кощей Тверской, или Фейклорная карта России // Фольклор XXI века: Герои нашего времени: Сб. ст. / сост. М. Д. Алексеевский. М., 2013. С. 30–38.

Послушай-ка сказку 2022 – Послушай-ка сказку. Пермь, 2022.

Русские народные сказки Пермского края 2004 – Русские народные сказки Пермского края / сост., вст. ст. и коммент. А. В. Черных. Пермь, 2004.

Русские народные сказки Ульяновского Поволжья 2022 – Русские народные сказки Ульяновского Поволжья / сост., предисл., прим. М. Г. Матлин. Ульяновск, 2022.

Русские сказки Пермского края 2020 – Русские сказки Пермского края, в записях конца XX – начала XXI в. / А. В. Черных (отв. ред.), В. Е. Добровольская, И. И. Русинова, И. А. Подюков, М. Е. Суханова, О. С. Сивков, Е. Н. Свалова, С. В. Хоробрых, С. Ю. Королёва (Серия «Фольклорный архив. Пермский край»). СПб., 2020.

Свинын 2016 – Избранные сказки Ф. Н. Свинына / сост. О. Г. Большакова и В. Р. Дмитриченко; подгот. к публ. А. С. Лызлова. Петрозаводск, 2016.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СФЕРЕ
НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ

Сказки Ивана Ковалева 2019 – Сказки Ивана Ковалева / сост. Н. В. Морохин. Нижний Новгород, 2019.

Сказки из Болдинской осени 2021 – Сказки из Болдинской осени. Фольклорное наследие Александры Васильевны Алексеевой / сост. Н. В. Морохин, Ю. А. Курдин. Нижний Новгород, 2021.

Сказки Ковалева 1941 – Ковалев И. Ф. Сказки И. Ф. Ковалева / записали и коммент. Э. Гофман и С. Минц; ред. акад. Ю. М. Соколова; Гос. лит. музей. М., 1941.

Сказки Прикамья 2012 – Сказки Прикамья. Аудиодиск / научное руководство проектом И. А. Подюков. Пермь, 2012.

Сказки Псковской области 2004 – Сказки Псковской области. Псков, 2004.

Сказки Трясциной 2020 – Сказки Евдокии Никитичны Трясциной / В. Е. Добровольская, Г. Н. Мехнецова, И. И. Русинова, О. С. Сивков, М. Е. Суханова, А. В. Черных (отв. ред.) (Серия «Фольклорный архив. Пермский край»). СПб., 2020.

Смоленские сказки 2017 – Смоленские сказки / авт.-сост., художник М. Г. Волкова. Смоленск, 2017.

Международный опыт в области нематериального культурного наследия

Т. В. Володина

НАУЧНАЯ ЭКСПЕРТИЗА В ПРАКТИКАХ ОХРАНЫ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В 2005 г. Республика Беларусь ратифицировала Конвенцию ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия (НКН) [Конвенция 2003]. Конвенция как международный законодательный акт и ее реализация на национальном уровне направлены на развитие взаимного уважения внутри сообществ НКН и между представителями социума в целом. Конвенция не поддерживает никакой иерархии в пространстве культуры, не приемлет разделения культуры на низкую и высокую, опираясь на базовую парадигму Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии, которая гласит, что «культура должна рассматриваться как совокупность присущих обществу или социальной группе отличительных признаков – духовных и материальных, интеллектуальных и эмоциональных – и что помимо искусства и литературы она охватывает образ жизни» [Всеобщая декларация].

В соответствии с Уставом ЮНЕСКО в Беларуси работает Национальная комиссия по делам ЮНЕСКО, в которую входят руководители министерств образования, культуры, информации, спорта и туризма, Национальной академии наук Беларуси, представители Администрации Президента Республики Беларусь и Совета Министров, ректоры ведущих высших учебных заведений, директора музеев, руководители общественных организаций. Основные положения Конвенции 2003 г.

постепенно инкорпорировались в законодательство об охране историко-культурного наследия. На данный момент государственная политика в области историко-культурного наследия, в том числе нематериального, регулируется Кодексом Республики Беларусь о культуре от 20 июля 2016 г. № 413-З, который определяет порядок выявления элементов НКН, присвоения им статуса историко-культурной ценности, регламентирует порядок их охраны и преемственности (глава 16 Кодекса). Основные положения Конвенции 2003 г. реализуются посредством ряда государственных программ (например, Государственной программы «Культура Беларуси»), системы грантов для различных культурных проектов, путем содержания целой системы государственных учреждений культуры (домов ремесел, центров народного творчества, сельских домов культуры, клубов и т. д.), работа которых направлена на повышение осведомленности населения о важности НКН.

Конвенция 2003 г. определяет работу по выявлению и документированию проявлений традиционной культуры как одну из основных составляющих системы охраны НКС (нематериальная культурная спадчына). Процесс идентификации определяется как описание одного или нескольких элементов НКС в его собственном контексте, а также выявление его (их) специфики и отличий от других элементов. Идентификация должна привести к его инвентаризации, то есть к систематизации элементов в зависимости от принятой классификации и созданию списков или баз данных. Выявление, документирование и систематизация НКН способствуют повышению осведомленности о нем в обществе, формированию региональной и национальной идентичности.

В соответствии с действующим законодательством Республики Беларусь нематериальные историко-культурные ценности включены вместе с материальными в единый Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь (далее – Государственный список). Это – информационный ресурс, который «обеспечивает государственный учет историко-культурных ценностей Республики Беларусь» (Кодекс, гл. 16, ст. 97), содержит краткие сведения об историко-культурной ценности (наименование, вид, категория ценности, ее местонахождение, дата происхождения) и доступен в интернете [Государственный список]. Функционирование ресурса обеспечивает Министерство культуры Республики Беларусь.

Включению культурной ценности в Государственный список предшествует внесение предложения о присвоении статуса историко-культурной ценности, которое содержит «результаты» инвентаризации – материалы для учета, научной обработки и художественной оценки.

Нематериальные исторические и культурные ценности делятся на следующие категории:

категория «А» – исторические и культурные ценности, полная подлинность и достоверность которых безусловны и неизменяемы;

категория «Б» – историко-культурные ценности, которые полностью или частично восстановлены (зафиксированы) на вторичном материале или объективно могут измениться с течением времени.

В этом контексте приходится отметить несоответствие закрепленных на уровне Кодекса о культуре положений и Конвенции 2003 г., которая не использует понятия «аутентичность» и «неизменяемость» по отношению к НКН. Очевидно, что культура меняется с течением времени, поэтому сложно отыскать элементы, которые сохранились бы в неизменном виде. Именно по этой причине нематериальное культурное наследие определяется как «живое».

Процесс выявления и инвентаризации НКН в Республике Беларусь идет довольно активно. На сегодня в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь включены 124 элемента НКН, в том числе 51 элемент традиционных ремесел, 24 традиционных обряда, 21 локальное проявление среди исполнительских искусств, 6 примеров мифологии и мировоззрения народов, 17 традиций региональной кухни, 5 устных традиций и форм их выражения. Первым элементом НКН, получившим статус историко-культурной ценности в 2004 г., стал весенний обряд «Юраўскі карагод» в деревне Погост Житковичского района Гомельской области. В 2019 г. этот обряд был включен в Список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО, требующего срочной охраны.

Одновременно с Государственным списком Министерства культуры Республики Беларусь для сохранения и систематизации информации о ярких культурных образцах белорусского народа, популяризации историко-культурного наследия в стране и за рубежом формируется Банк информации об историческом и культурном наследии Республики Беларусь, который содержит сведения об электронном паспорте историко-культурных ценностей (Банк данных)¹. Самая полная информация о национальном культурном наследии Беларуси включена в Национальный кадастр нематериального культурного наследия Республики Беларусь, который имеет соответствующий интернет-портал – «Живое наследие Беларуси»². Сайт содержит текстовые описания, материалы фото-, аудио- и видеофиксации, выполняет задачи по учету и публикации результатов идентификации и инвентаризации нематериальных

¹ Доступен в сети Интернет по адресу <https://heritage.gov.by>.

² Доступен в сети Интернет по адресу <https://living-heritage.by>.

историко-культурных ценностей, методическому сопровождению подготовки предложений о придании статуса историко-культурной ценности. Ведением Национального кадастра НКН занимается Белорусский государственный университет культуры и искусств.

Конвенция о нематериальном культурном наследии 2003 г. (ст. 2, п. 3) называет идентификацию первой мерой защиты НКН и требует от государств-участников идентифицировать различные элементы культурного наследия на своей территории (ст. 11, п. б). Согласно нормативным документам ЮНЕСКО, идентификация – это процесс выявления и описания одного или нескольких конкретных элементов нематериального культурного наследия в их собственном контексте и отличия их от других. Идентификация НКН в Беларуси в последние годы при несомненном опыте выявила и ряд проблемных зон.

Запись и описание фольклорно-этнографического наследия белорусов начались более двух столетий назад и имеют богатую, хотя и непростую историю из-за сложности исторического контекста. Но к началу XXI в. накоплен значительный массив разноуровневых данных, воплощенных в десятках и даже сотнях публикаций различного типа – от антологий, статей до подробных монографических описаний. Сведения об этнокультурном наследии, помимо печатной продукции, хранятся в ряде архивов на факультетах ведущих государственных вузов и в отдельных специализированных учреждениях культуры. Сегодня наиболее богатейшее хранилище фольклорных текстов – Коллекция фольклорных записей Института искусствоведения, этнографии и фольклора Национальной академии наук Беларуси, имеющая статус научной ценности республики.

В то же время нельзя утверждать, что собирательская деятельность исчерпана. Как свидетельствуют материалы той же Коллекции фольклорных записей, сохраняются определенные лакуны и на уровне отдельных локальных комплексов, и в содержательно-тематическом плане. Наиболее изученными стали районы с удобным дорожным сообщением с Минском, а также большинство районов Полесья, в силу широко распространенных в 1980–1990-е гг. теорий о Полесье как прародине славян и самой архаичной зоне. При этом гораздо меньше информации из ряда районов Поднепровья, из западно-белорусских сел и т. д.

Как правило, для инвентаризации избираются в первую очередь яркие явления, которые выделяются на общем фоне. Это касается и проявлений певческой культуры, обрядности, и ряда мировоззренческих или бытовых явлений. К примеру, если речь идет об источниках, то в Список внесен самый популярный и большой по площади – Голубая криница. После включения в Список почитание этой святыни не просто

набирает обороты, но и выходит за рамки традиции. К ежегодному приуроченному ко времени ее почитания (19 августа) фестивалю добавился еще ряд косвенных мероприятий. Естественно, природный объект начинает испытывать возрастающую антропогенную нагрузку, особенно с экологической точки зрения. Кроме того, переформатируется прежняя сакральная атмосфера его почитания. Во время фестиваля 2020 г., когда даже в период вспышки Covid-19 у источника было особенно многолюдно, одна из пожилых местных женщин с грустью заметила: «Всё красиво, но святости нет».

Чтобы понять, почему «святости нет», достаточно обратиться к традиции почитания других святых мест Поднепровья. К примеру, Бойковы криницы – комплекс источников, за каждым из которых ухаживает несколько семей. Глубоко в лесу, далеко от дороги, чтобы попасть туда, паломнику необходимо преодолеть солидное расстояние. Местные жители стремятся побыть у своей святыни в одиночестве, чтобы только один Бог был свидетелем в их молитве. Тот, кто испытал столь почти интимную связь с могуществом и силой Божией, подтвердит: если в ходе самого праздника окружающее пространство освящается присутствием священника и общей молитвой, то в остальное время межмирное общение возле святыни организуется в плоскости один в один, при этом исключаются внешние препятствия для обращения к Богу и святой воде. Всевозможные «культурные мероприятия» возле святыни становятся излишними.

К необходимости создания сакральной атмосферы присоединяется комплекс легенд, обычно сопровождающих святой источник. Хотя форма получения статуса историко-культурного наследия Республики Беларусь включает позицию *Народные предания*, пока в белорусском списке данного опыта нет. Было бы правильно, если бы появился такой элемент, к примеру «Легенды и предания, связанные с источниками Краснопольского края». Именно этот уголок Беларуси славится яркими легендами, в сюжет которых входит появление у воды мифологического персонажа. Причем это персонаж с широким содержательным диапазоном: от Богородицы до русалки или доброхожего.

Включение в комплекс охраняемых элементов фольклорной составляющей важно с разных позиций. В ее нынешнем виде в Голубой кринице привлекает прежде всего возможность укрепить здоровье (предписывается трижды пересечь источник в холодной воде, даже искупаться). Акцент только на исцелении демонстрирует углубление потребительского отношения к святым местам. И именно здесь учреждения культуры могли бы сыграть положительную роль не только в поддержании потоков паломников к ней, а в сохранении уважения и почтения,

выраженного, в том числе, в знании комплекса легенд и поверий. Это один из примеров, когда получение высокого статуса историко-культурного наследия влечет за собой ряд угроз, среди которых особенно заметна излишняя фольклоризация элемента. Включение элемента в список активизирует внимание к нему со стороны средств массовой информации и туристов и зачастую выражается в навязывании сценических форм исполнения. Среди угроз также наблюдаются конструирование модели национальной культуры посредством расширения списка, коммодификация и коммерциализация народного искусства, деконтекстуализация, изобретение традиций, конкуренция регионов, искаженное понимание проблемы аутентичности проявлений народного искусства как нематериального культурного наследия [Мармыш 2020: 309–326].

Закрепленное на уровне Кодекса о культуре предписание рекомендовать элементы «выдающиеся» зачастую приводит к выдвиганию, к примеру, обрядов, которые находятся в пассивном состоянии. И тогда начинается деятельность работников сферы культуры по сборанию по крупицам информации и «возрождению» обряда. А это снова противоречит духу Конвенции ЮНЕСКО, т. к. цель идентификации – выявление «живой» практики и сообщества, ее поддерживающего. К сожалению, для получения статуса историко-культурной ценности слишком много внимания уделяется документации, а не поддержке реальных носителей культурного наследия. Слабым местом остается обеспечение преемственности, которая достигалась бы не просто популяризацией, а обеспечением соответствующих условий для данного сообщества.

Согласно новому Кодексу о культуре, более требовательной стала научная экспертиза предлагаемых элементов. Далее представлены комментарии к трем календарным обрядам, получившим статус историко-культурной ценности Республики Беларусь.

Обряд «Коники» в Давыд-Городке Столинского района Брестской области

«Коники» – один из самых ярких и узнаваемых колядных обходов в Беларуси. До сих пор сельчане верят, что приход «коников» в Щедрый вечер обязателен, это магическим образом программирует счастье, здоровье и благополучие в семье на весь наступающий год. Название обряд получил от обязательной фигуры самодельной лошади. «Коника» изготавливают из двух лозовых круглых корзин, прибитых к каркасу из па-

лок, голова обычно из валенка, обшитая белой тканью и разрисованная, хвост из льна. Ездовой надевает эту конструкцию на себя, сам он, как правило, представляет собой военного. Традиционные маски, которые сопровождают коня с всадником, это Дед и Баба, Медведь, Волк, Черт и Баба-яга, Цыган и Цыганка с ребенком, Смерть с косой.

Рождественский цикл в Давыд-Городке начинается со сдержанного праздничного ужина (Першай куцці), сопровождается обходами с рождественской звездой и завершается на Крещение. За христианской составляющей стоят архаичные и чрезвычайно живые и жизнеспособные смыслы, восходящие к циклу солнечной мифологии. Праздник в честь нового солнца, нового календарного года, нового сельскохозяйственного цикла предполагал обязательное присутствие всех членов сообщества и, если так можно сказать, санкции вышестоящих сил. Согласно реконструкции архаических представлений, коллектив должен быть представлен в характерной для прежнего сознания форме – со всеми видимыми и невидимыми участниками, соседями и предками. Таким образом в деревенскую общину включаются почти все категории не-крестьян – гости с того света в образе деда, смерти или чёрта, из животного мира в масках козла, медведя или волка, вся палитра иноэтнических соседей (цыгане, евреи), так и гости в социальном воплощении (паны, священники, солдаты). Весь мир, Вселенная, живая и условно живая, собираются вместе, чтобы стать свидетелями рождения нового, возрожденного солнца и самим фактом своей общности и веселья утвердить социально-календарный переход.

Версия социальной целостности Давыд-Городка привнесла в обряд и еще одну фигуру, с одной стороны, совершенно естественную в крестьянском пространстве, с другой – вписанную в более высокие космические или социальные измерения: фигуру лошади, всадника. Давыд-Городок как город, местечко закрепил в своей истории характерный для белорусской этнической территории сюжет о военных походах и княжеской власти. В древних письменных памятниках лошадь упоминается и как важнейшее сельскохозяйственное животное, и как животное, связанное с жертвоприношением, и как культовый «небесный конь», связанный с Мировым Древом, и как существо, ритуально близкое человеку. Это одно из самых почитаемых животных в белорусской мифологии, в его образе доминирует воплощение идеи перехода – перехода между мирами (лошадь переносит героя из одного царства в другое), во времени (лошадь связана с царством мертвых и предсказывает будущее), в иной социальный статус (вспомним роль коня в выборе князя). Важно то, что сам конь обнаруживает соотношение с почитанием Солнца в праиндоевропейской перспективе; в белорусской традиции рудименты

этого могли бы быть выявленными в праздновании Купалья, Юрья и Троицы [Прохараў 2011: 245–247].

Однако давид-городокский обряд акцентирует не только коня, но и всадника. Перед нами иной уровень социальной и экономической реальности, более высокий, чем аграрный. Образ вооруженного всадника – это, прежде всего, знак внеземледельческого общества, с отсылкой к военному делу и идее власти. Как и в других индоевропейских мифологиях, у белорусов также реконструируются некоторые боги, появляющиеся на лошади или колеснице, прежде всего Перун, бог грома и молнии. Стоит упомянуть и святого Юрия, побеждающего мифического цмока. Важен и цвет коня, он белый у всех героев, от бога Свентавита у западных славян до княжеского коня на гербе Погоня.

Именно образ коня с всадником – уникальный и самобытный вариант белорусских рождественских обрядов, ведь к обычной земледельческой функции, присутствующей в других новогодних праздниках, в яркой и концентрированной форме добавляется идея космического и социального единения, торжества сообщества (в полной иерархии участников с обязательным присутствием всадника как идеала воина, посредника, правителя). Все это в совокупности лучше всего соответствует характеру новогоднего перехода.

Особо оживленную дискуссию вызывает присутствие в свите колядующих необычных масок, в том числе современных киногероев. Помним, что колядующие представляют собой целый ряд ЧУЖИХ, известных крестьянам того времени – в этническом и социальном измерении, а также представителей демонического мира в образах черта и смерти, органичных для белорусской мифологии. Но время идет. Реалии XXI века с интернетом, телевидением, театром и т. д. значительно расширили мир белорусов. К свите представителей чужого естественно присоединились персонажи фильмов и книг, герои от Чебурашки до Джека-Потрошителя и Шрека.

«Вторжение» потусторонних персонажей в переломный момент времени имеет и другие функции – от свидетельствования целостности мира до своеобразной терапевтической и проективной функции. Все-возможное зло и нечистота в конце концов с рассветом сбрасывают свои маски. Происходит ритуал отказа от всего чужого и ненужного. Демоны, злодеи и даже инопланетяне могут все вместе пройти с рождественским обходом, чтобы попрощаться до следующего Нового года. В этом заключается еще один глубокий и чрезвычайно важный смысл колядования с участием маскированного иного мира.

В полесской обрядовой традиции Коляды, и особенно Щедрый вечер, в определенной степени переняли идеи и функции карнавала, во-

площенные в Масленице у других народов. Но и Колядам как кульминационному празднику солнечного цикла свойственны черты веселого разгула, беззакония, словом – карнавальная стихия. Карнавалу как универсальному ритуально-зрелищному и мировоззренческому явлению с его атмосферой праздничной «инаковости», вседозволенности присуще представление о возможности изменить свою внешность с помощью маски, грима, костюма и делать то, что запрещалось в повседневной жизни. «Коники» – яркое тому подтверждение. Маскированные персонажи имеют право на своего рода ритуальное поведение, нарушающее обычные бытовые морально-этические нормы, разрушающее общепринятые социальные ценности, проявляющее агрессию и деструктивные тенденции. Надев маску и карнавальную костюм, человек автоматически ставит себя за рамки определенного свода правил поведения, принятого в данном конкретном человеческом коллективе, и получает легальный «клапан» для выхода различных эмоций.

На фоне других типологически близких рождественских обрядов давид-городокские «Коники», своими масками воплощая перевернутый мир, представляют современности действенный и в то же время традиционный способ временного ухода от повседневной жизни и удовлетворения психологической потребности человека в изменении эмоциональных состояний, что наилучшим образом происходит только в особых условиях карнавальных гуляний.

И в то же время белорусские «Коники» – это на самом деле не просто карнавал, а глубоко сакральный фактор стабильности календарной системы и объединения миров, обязательного в переломный момент. Вот почему так важно поддерживать традиционное ядро – обход дворов всадником со своей группой.

Важно подчеркнуть еще одну деталь «Коников» Давид-Городка. Этот обряд логично вписывает народную культуру белорусов в европейский контекст, обнаруживая типологическое сходство и почти буквальное атрибутивно-образное совпадение с маскированными шествиями всадников в ряде стран Юго-Западной Европы. В 2014 г. в Национальный список нематериального культурного наследия Польши (*Krajowa Lista Niematerialnego dziedzictwa kulturowego*) было включено шествие Лайконика (*Pochód Lajkonika, Pochód Konika Zwierzynieckiego*) – процессии, которая каждый год проходит на праздник Божьего Тела на улицах Кракова. Главный персонаж шествия – всадник на самодельной лошади, одетый в костюм татарина, вместе со своей «свитой», среди которых группа музыкантов «*Mlaskoty*» – двигаются с музыкой и танцами по неизменному маршруту с 1-й половины XIX в. Аналогичные обряды существуют в Украине, Румынии, Венгрии, Испании и др. [*Świat lajkonika 2014*].

Этот элемент нематериального культурного наследия демонстрирует устойчивость традиции, консервативность схемы с вариативными компонентами формы. Продолжается архаичная модель обряда – посещение жителей представителями иномирия, получение от них песни-дара, вручение взамен вознаграждения. На месте старых персонажей появились новые. И это не минус, а показатель стабильности, соответствия давним идеологическим факторам.

Сегодня большинство молодых жителей городка воспринимают «Коники» с участием людей в масках как праздничное веселье, своеобразный карнавал, необходимый для регулирования общественных и семейных отношений, украшения повседневности. Это достаточно открытая система, способная адаптироваться к современным условиям и развиваться, быть своеобразным транслятором культурного наследия. Внушительный список реальных участников обряда, который с каждым годом увеличивается, в том числе за счет молодежи, детей и даже туристов, выгодно отличает «Коников» от подобных колядных обходов в других регионах страны.

Рождественская звезда в деревне Лучники Слуцкого района

Если колядным обходам с маскированными посвящен солидный объем литературы, то среди палитры конкретных ритуальных действий и их компонентов все еще существует ряд элементов, не ставших объектом исследовательской и культурно-популяризаторской деятельности. В их числе – рождественский обычай обходить дворы со звездой. Объяснений того, что он практически не изучен, довольно много: в советское время такие обычаи были даже запрещены из-за их явной религиозно-христианской составляющей и, соответственно, пропускались собирателями; и даже в конце XIX в. этнографы-романтики были более склонны искать остатки «седой старины», чем фиксировать обыкновенные и повсеместно распространенные в то время рождественские обычаи. Поэтому в этнографической литературе мало описаний, особенно детальных, обряда с рождественской звездой. Но за последние три десятилетия накоплено большое количество данных, позволяющих подтвердить распространенность этого обычая на белорусских землях.

Кроме того, отдельные исследователи весьма категорично утверждают, что обход домов во время Рождества обязан западным, прежде всего польским, традициям. Действительно, рождественские песни и обычаи иногда даже называют визитной карточкой польской народной куль-

туры. В Польском Поморье ношение звезды было настолько типичным обрядом, что вообще всех колядовщиков и участников рождественских парадов (даже если они шли колядовать без звезды) называли gwiazdki. В Вилейском районе Минской области тоже рассказали: «У нас хадзіла гвяздка, сьпявалі сьвятыя калядныя песні пад вакном уночы» [Традыцыйная мастацкая культура 2010: 67–68]. Но решить вопрос о заимствовании возможно лишь принимая во внимание значительный массив данных разного временного и территориального масштаба.

Для белорусов обход со звездой начинал рождественские представления и терминологически определялся как “са звяздой хадзіць”, “звязда/з(г)вязда ідзе/ходзіць/хадзіла”, “гвяздолынікі”, “славіць Хрыста”, “хрыстаславы”, “хрыстаслаўцы”, “батляя” [Валодзіна, Кухаронак 2015: 30–34]. Главной отличительной особенностью этих обходов было ношение специально изготовленного церемониального предмета – модели звезды. Это была движущаяся освещенная изнутри многолучевая звезда. К каркасу (это могли быть корзина, решето) прикреплялись прутья снаружи и соединялись попарно так, чтобы получались лучи (рога звезды). Конструкцию обклеивали бумагой и украшали разноцветными вырезками, полосками фигурной бумаги или фольги. Звезда имела 4, 5, 8, 16, 18 лучей, которые могли заканчиваться пышными помпонами из разноцветной бумаги. Центральную освещенную неподвижную часть (лучи приводились в движение с помощью специальных устройств) занимал рисунок или икона на библейскую тему. Форма звезды из Слуцкого района включает 16 рожек, и все они прикреплены под углом 45 градусов к статичной части, создавая своеобразный купол. Обряд проходит по типичным правилам календарных обходов: коллектив подходит к окну, просит разрешения спеть, а затем исполняет одну/несколько песен, среди которых особое место занимают рождественские песни и тропари, исполняемые в стиле местных фольклорных традиций. Хозяева угощают звездарей, иногда приглашают их в дом.

Как в основании других календарных обходов, так и шествий со звездой лежат архаичные верования в магическую силу произнесенного слова, желания, песни в сакрально обозначенный период времени, когда верили в возможность воздействовать на окружение и человека. Сохраняет свое место обычай, связанный с приветствием нового солнца, Рождества и вообще началом нового, возрожденного космоса.

К магии первого дня органично добавился непререкаемый авторитет Священного Писания, библейского повествования. Звезда воспринимается как своеобразный символ Рождества Христова и служит напоминанием о евангельской звезде, которая привела волхвов к Младенцу Христу. В традиционной культуре возникла отдельная группа рожде-

ственных песен, носящих апокрифический характер. Основными особенностями апокрифического народного гимна являются размещение в центре Святого Семейства и внимание прежде всего к Богородице и Младенцу Иисусу, типичные для фольклора образность и специфика, повторы и т. д. В научной литературе существуют версии, что рождественский апокрифический гимн был создан в Средние века в Западной Европе и попал на земли Речи Посполитой, вероятно, из Италии или Германии. Самый старый польский гимн датируется 1424 г. [Skoczek, Załączny, Gmitruk 2017: 14]. Очевидно, что белорусские колядки имеют ряд общих черт с польскими. Скорее, следует говорить о влиянии католической культуры с ее польскоязычными песнопениями. Во время обходов в Лучниках исполняются типичные для того времени песни, с хорошо сохранившейся словесной и музыкальной составляющей.

Такие песни, стихи, кондаки, основанные на Священном Писании, легендарных рассказах об Иисусе Христе, Богородице, святых апостолах, назывались «святыми», «божественными», «церковными», «рождественскими» песнями. Помимо религиозных песнопений, участники обхода в деревне Лучники исполняют одну или две традиционные колядки, посвященные хозяину, его жене или детям.

Традиция весенних игрищ на Пасху, «Проводы зимы» в деревне Пинковичи Пинского района Брестской области

Территория Западного Полесья до сегодняшнего дня сохранила чрезвычайно древние и своеобразные явления календарно-обрядовой культуры. Региональную специфику составляют входящие в пасхальный комплекс «Проводное воскресенье», «Проводы зимы» – яркое проявление живой традиционной культуры села Пинковичи Пинского района. Центральное действие обряда – проводы, изгнание зимы из дома, деревни, за пределы своего пространства. В целом в определенные праздники сельское сообщество старалось избавиться от всего лишнего и от негатива, накопившегося за год: материального (ненужные, изношенные вещи) и духовного (порочные качества характера и поступки людей). В разных деревнях зима представлялась изношенными вениками, старой обувью (ранее – лаптями) и другими ненужными вещами, которые выявляли свою символическую природу только в соответствующем ритуальном контексте.

Большинство локусов изгнания зимы, встречающихся в самих приговорах, представляют собой реальные географические названия: соседние села, крупные города, даже страны: *“У Літву, зіма, до Кучыва, бо вжэ ж ты нам надокучыла”* (д. Оброво, Ивацевичский р-н); *“Ідзі, зіма, у Росею, а я лён посею”* (д. Корочин, Ивацевичский р-н); *“Іды, зіма, до Бучына, бо вжэ нам надокучыла”* (д. Клещи, Ивановский р-н); *“Іды, зіма, дай до Бучэва”* (д. Пинковичи, Пинский р-н). В ритуалах представлено и приурочивание действия ко входу на кладбище, куда также считается возможным изгнать зиму. Этой же идее подчиняется разжигание костров и сжигание собранных вещей. Семантически идентичным является их сбрасывание в воду, утопление. Семантикой изгнания объясняется и ритуальный шум, постукивание кочергой, камнями по забору со словами «Вон, зіма, вон, зіма!».

Яйца, специально окрашенные к этому празднику или сохраненные с пасхального стола, используются как атрибут с привычной продуцирующей семантикой. Во время обряда яйцо либо пускали с холма, либо катили по улице, либо подкатывали кочергою к воротам, а затем съедали. Как следует из экспедиционных записей, в этот день входили и магические действия, направленные на успешную работу в будущем, предотвращение болезней и т. д. *“Емо, а тожы ложку облыжэ языком і за поясныцю заткнеш, каб спіна не боліла, як будэм жяты. І безсымо аж на цэнтральну уліцу навывэрэдкі, хто дужшы, забэжымо і назад, то провожаемо”* (Ивацевичский р-н). До Проводного воскресенья запрещалось городить заборы, чтобы не «загородить дождь».

Типологически пасхальный комплекс равен границе старого и нового года, в связи с чем ряд обычаев пред- и послепасхальной недели, а также мотивы многих песен содержат яркую семантику новолетия, календарной границы. Кроме того, праздники, завершающие цикл и имеющие особое значение для народной традиции и жизни деревенского сообщества, активно персонифицировались и в соответствующее время должны были быть ритуально проведены и отправлены в соответствующие сферы. Именно идея встречи и проводов праздника, а вместе с ним и зимы присутствует в представленном пинском ритуальном комплексе: в первый и последний день пасхальной недели исполняются одни и те же песни, а в понедельник происходит «проводы/изгнание зимы» из деревни. В этом случае особенно показателен микрообряд с символическим разрывом «цепей зимы», чтобы освободить место наступающему лету (вспомним разрезание «пута» ребенку при первом его шаге).

Важно, что даже на такой ограниченной территории, как один Пинский район (хотя обряд зафиксирован и в соседних районах Брестской

области), существовало несколько вариантов исполнения этого обряда, что обусловлено многогранностью его смыслового поля. Кроме того, именно активная вариативность свидетельствует об аутентичности и архаичности обряда, поскольку единая статичная форма отдельных культурных практик часто указывает на их поздний, иногда заимствованный характер.

Изучение обряда в системе календарного года свидетельствует о том, что уменьшение/увеличение светового дня на уровне мифологического сознания тесно коррелировало с сужением/расширением границ «своего» мира, освоенного человеком. Не случайно именно после весеннего равноденствия и связанных с ним пасхальных обрядов земля (поле) постепенно возвращается в категорию культурного, человеческого пространства, а ритуальные центры календарных обрядов выносятся за пределы дома (поселения) и проводятся в природных локусах (поля, холмы, берега рек, озер, лес) [Лобач 2013: 120–121]. Аналогично обряд из Пинковичей подчеркивает выход участников из дома на улицу, вождение хороводов на улице, на берегу реки.

Особая ценность предлагаемого обряда в том, что он донес до наших дней архаическое понимание времени, мифопоэтическую специфику его восприятия и интерпретации, а также его реальное воплощение в ритуальных действиях.

Ключевой особенностью элементов нематериального культурного наследия является их жизненность, под которой понимается непрерывная передача их из поколения в поколение и постоянная практика, основанная на реальной востребованности носителей в изначальной функции этих элементов. Например, обряд «Проводы русалки», помимо прочего, включает в себя такой важный для сегодняшнего хозяйствования момент, как магическое обеспечение достаточной влаги и дождя, поэтому к процессии охотно присоединяются даже нынешние жители деревни. Ритуальная раздача хлеба (хотя бы в виде современного торта) во время свадебных торжеств остается живой и значимой традицией. Свадебные ритуалы, показанные только во время театральных представлений, могут оставаться привлекательным зрелищем, но они уже не являются живым проявлением НКН данного сообщества. Сохранение, о котором мы говорим в данном случае, позволяет эволюционировать всем элементам, которые мы защищаем. То есть среди основополагающих посылов научной экспертизы нет требования сохранять элементы НКН в статичном состоянии, а скорее, позволить каждому элементу и их экосистемам развиваться рациональными способами, в своем темпе и адаптироваться к новым условиям.

Несколько уточняется прежняя фольклорно-этнографическая методология рассмотрения традиционных обрядов, праздников, ремесел и даже народной кухни в рамках включения в Государственный список. Идентификация явления народной культуры как фольклора / народного искусства уступает место определению его как элемента нематериального культурного наследия. При несомненной близости понятий приносятся новые акценты, и, прежде всего, в понимание времени. В этом смысле культурное наследие акцентирует измерение, которым этнологическая традиция пренебрегала: оно постулирует разрыв с прошлым и внимание к процессуальной стороне. Как пишут зарубежные исследователи, наследие для современных обществ – это способ проецировать в будущее репрезентацию прошлого, от которого они чувствуют себя отрезанными. Наследие порождает проекты культурного совершенствования, обращенные в будущее, в отличие от традиций, которые касаются лишь отношения общества к своей истории [Fournier 2021: 37]. Неслучайно одним из определяющих аспектов Конвенции 2003 г., подтвержденным временем, является идея о том, что нематериальное культурное наследие не только лишь объект культуры, а скорее относится к социальным и культурным процессам, продуктами которых и являются эти объекты [Aikawa-Faure 2009: 23].

При любом подходе к вопросам охраны необходимо постоянно помнить, что наследие – это невозобновляемый ресурс, поэтому необходимо приложить все усилия для противодействия угрозам в процессе управления, которые могут привести к снижению ценности наследия или даже его полному исчезновению. В современном селе, переживающем последствия урбанизации и стремительной депопуляции при явном ухудшении демографической ситуации, возникают проблемы с поиском точек соприкосновения, которые бы объединяли местное сообщество. Проблемы, с которыми мы часто сталкиваемся на местном уровне, включают социальную дезинтеграцию (например, в результате экономической эмиграции и распада семей), отсутствие доверия и гражданскую апатию. Одним из ответов на подобные проблемы могло бы стать внимание к НКН. Осведомленность и знание наследия и его творческое использование могут помочь укрепить межличностные связи. Таким образом, наследие может выполнять интегрирующую функцию.

Местное наследие, сохраненное в хорошем состоянии, может стать источником вдохновения и смысла для организации культурной и общественной жизни села. Таким образом, культурное наследие могло бы стать важным фактором накопления социального капитала.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Aikawa-Faure 2009 – Aikawa-Faure N. From the Proclamation of Masterpieces to the Convention for the Safeguarding of Intangible Heritage // Intangible Heritage. Laurajane Smith and Natsuko Akagawa, Hrsg. London / New York: Routledge, 2009. P. 13–44.

Fournier 2021 – Fournier L. S. Current and Future Developments in Heritage Studies: From “Retrotopia” to “Prospective” // Traditiones. 2021. № 50 (1). P. 29–41.

Skoczek, Załączny, Gmitruk 2017 – Skoczek T., Załączny J., Gmitruk J. Z koleją przez stulecia. Warszawa: Muzeum Historii Polskiego Ruchu Ludowego, 2017. – 177 c.

Świat lajkonika 2014 – Świat lajkonika. Konik na świecie / M. Niezabitowski [i inne]; red. M. Niezabitowski [i inne]. Kraków, 2014. – 247 s.

Валодзіна, Кухаронак 2015 – Валодзіна Т. В., Кухаронак Т. І. “Ядраное жыта гаспадара кліча...”: каляндарны год у абрадах і звычаях. Мінск: Беларуская навука, 2015. – 354 с.

Всеобщая декларация – Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии [Электронный ресурс]: ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml (дата обращения: 01.04.2024).

Государственный список – Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – URL: <http://gosspisok.gov.by>. (дата обращения: 01.04.2024).

Конвенция 2003 – Конвенция об охране нематериального культурного наследия: Заключена в г. Париже 17.10.2003, ратифицирована Указом Президента Республики Беларусь от 29.12.2004 № 627 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 04.01.2007. № 2, 3/1975.

Лобач 2013 – Лобач У. А. Міф. Прастора. Чалавек: традыцыйны культурны ландшафт беларусаў у семіятычнай перспектыве. Мінск: Тэхналогія, 2013. – 510 с.

Мармыш 2020 – Мармыш Т. М. Угрозы институциализации народного творчества в Государственном списке историко-культурных ценностей Беларуси // “Миссия выполняема – 2: Перспективы изучения фольклора: взгляд из Беларуси и Эстонии” / сост.: Т. Володина, М. Кыйва. Минск: Беларуская навука, 2020. С. 309–326.

Прохараў 2011 – Прохараў А. Конь // Міфалогія беларусаў: энцыкл. слоўн. / склад. І. Клімковіч, В. Аўтушка; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. Мінск: Беларусь, 2011. С. 245–247.

Традыцыйная мастацкая культура 2010 – Традыцыйная мастацкая культура беларусаў. У 6 т. Т. 5. Цэнтральная Беларусь. У 2 кн. Кн. 1 / В. І. Басько [i інш.]. Мінск: Выш. школа, 2010. – 847 с.

М. С. Каменских, В. Л. Кляус, А. В. Черных

**ОПЫТ КИТАЯ
В ПОЛИТИКЕ СОХРАНЕНИЯ
НЕМАТЕРИАЛЬНОГО
КУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ**

В современном глобальном мире, в условиях построения государствами мира собственных идентичностей, основанных на собственной национальной культуре, чрезвычайно актуализируется тематика нематериального культурного наследия, определяемого ныне в России как «нематериальное этнокультурное достояние». Уже несколько последних десятилетий эта тенденция характерна для культурной политики большинства государств. В целом политика крупных государств по изучению и фиксации собственного культурного наследия приобретает значение не только для науки, но и для решения государствообразующих задач. Нематериальное культурное наследие как феномен обсуждается уже более 50 лет, однако международные организации ведут работу в этом направлении только в последние два десятилетия. В 2003 г. ЮНЕСКО утвердила Конвенцию об охране нематериального культурного наследия (далее – Конвенция) для «обеспечения жизнеспособности нематериального культурного наследия, включая его идентификацию, документирование, исследование, сохранение, защиту, популяризацию, повышение его роли, его передачу, главным образом с помощью формального и неформального образования, а также возрождение различных аспектов такого наследия» [Конвенция 2003].

Данная Конвенция на сегодняшний день принята в большинстве стран мира. После присоединения к ней Анголы и Сомали в 2021 г. [180 states] общее количество государств, ее ратифицировавших, достигло 180 [List of standard-setting], однако, например, в России и США Конвенция не принята [Драпеко рассказала 2011]. Крупнейшей из стран, присоединившихся к Конвенции, стала Китайская Народная Республика (КНР). Китай ратифицировал Конвенцию в 2004 г., с тех пор реестр объектов регулярно обновляется. По количеству объектов НКН в перечне ЮНЕСКО Китай занимает первое место с 43 объектами, признанными организацией [Китайские объекты 2023]. При этом с 2011 г. в Китае действует собственный закон о нематериальном культурном наследии. В рамках данного раздела будут проанализированы подходы и основные термины в законодательстве КНР по вопросам нематериального культурного наследия.

В Китае сохранение «нематериального культурного наследия» (кит. 非物质文化遗产) является частью государственной политики и рассматривается экспертами как часть политики «мягкой силы» при продвижении китайской культуры за рубежом [Цзи Юэшэн 2016]. Работа по сохранению наследия в Китае началась до принятия Конвенции ЮНЕСКО. В 2003 г. в стране появились Группа и экспертный комитет по защите нематериальной культуры Китая, были реализованы пилотные проекты по защите и организованы различные формы учебных курсов [Лю Куйли 2007: 36]. В 2004 г. Китай одним из первых присоединился к конвенции ЮНЕСКО. Согласно принятому в 2005 г. «Циркулярю об усилении охраны культурного наследия» [国务院关于加强文化速产保护的通知] в Китае установлена четырехуровневая система охраны объектов НКН: государственная, уровня провинции, уровня муниципалитета, уровня уезда. Общей организацией работы занимается созданный в 2006 г. Китайский центр охраны нематериального культурного наследия. С этого же времени в Китае под грифом Китайской академии общественных наук (КАОН) издается журнал «Нематериальное культурное наследие» (кит. 中华人民共和国非物质文化遗产保护).

По последним данным, в Китае на сегодняшний день зафиксировано свыше 100 тысяч объектов НКН всех уровней, из которых 1557 имеют статус национальных и 43 включены в перечень ЮНЕСКО. Последний, пятый, список объектов НКН был обновлен и опубликован в 2021 г. [Пятый список объектов 2021]. В марте 2022 г. в Пекине открылся первый в Китае Музей нематериального культурного наследия национального

*В Музее нематериального культурного наследия.
г. Пекин КНР, 2025*

Фото М. С. Каменских

уровня (кит. 中国非物质文化遗产馆). В экспозиции демонстрируется 1300 произведений искусства, при этом 80% экспонатов представлены публике впервые. Музей также модернизирует работу сайта о нематериальном культурном наследии Китая¹.

Понятие нематериального культурного наследия закреплено в законе КНР «О нематериальном культурном наследии» (кит. 中华人民共和国非物质文化遗产法), принятом 25 февраля 2011 г. В перечень возможных объектов закон включает: устные традиции и формы выражения, в т. ч. язык в качестве носителя нематериального культурного наследия; традиционные изящные искусства, каллиграфия, музыка, танец, театр, сказительство, акробатика; традиционные ремесла, медицина, способы летоисчисления; традиционные праздники и обряды, традиционные виды спорта и развлечений; иное нематериальное культурное наследие [Закон 2011]. Эта классификация обоснована директором Фонда нематериального культурного наследия Китая Ван Вэньчжаном [Ван Вэньчжан

¹ <https://www.ihchina.cn>

2006]. При этом в научном сообществе существует несколько подходов к определению и классификации объектов НКН [Чэнь Лилун 2022: 94]. Стоит обратить внимание на то, что подход к классификации в целом ориентируется на стандарты Конвенции ЮНЕСКО, но значительно дальше от него, чем, например, российский закон. Закон КНР имеет ряд особенностей. В нем, в частности, регулируется функционирование института «репрезентативных наследников» (кит. 代表性传承人) – носителей традиции НКН, что соответствует российскому пониманию «носителя наследия». В ст. 29 закона говорится об институте «характерных наследников» и о критериях, которым они должны соответствовать. Закон включает инструменты обеспечения материальной поддержки для представителей. Данные лица должны обладать превосходными знаниями и умениями (кит. 熟练掌握其传承的非物质文化遗产), иметь представленность в определенной местности (кит. 较大影响), вести активную работу по распространению наследия (кит. 积极开展传承活动). Репрезентативные наследники получают годовое пособие от правительства КНР и провинции на деятельность, связанную с сохранением традиции. Причем категория, аналогичная российскому понятию «хранитель наследия», в законе КНР отсутствует, законодатель определяет ответственными за эту работу органы власти соответствующего уровня. Закон в КНР функционирует уже более 10 лет, а это требует определенных корректировок с учетом изменяющегося мира, внутренних и внешних вызовов. Стоит отметить, что интерес к тематике нематериального культурного наследия в Китае в последние два года значительно возрос со стороны политиков и ученых [Попова, Фоменко 2022].

Сегодня опыт, накопленный Китаем в деле сохранения нематериального этнокультурного достояния, активно осмысливается китайскими исследователями и специализированными научными изданиями. Один из наиболее авторитетных исследователей нематериального культурного наследия, профессор Пекинского педагогического университета Гао Нэйчжун, в статье «Защита нематериального культурного наследия в Китае и конец культурной революции» охарактеризовал новое видение политики по сохранению нематериального культурного наследия в Китае. Автор рассуждал о том, что интерес к собственному нематериальному наследию в Китае может считаться завершением культурной революции, которая началась в 1919 г. Ее целью было овладение западными технологиями и знаниями, а также отказ от всего патриархального. Т. н. «4 старых» “四旧” (старые идеи 旧思想, старая культура 旧文化,

старые обычаи 旧风俗 и старые привычки 旧习惯) должны были уступить место новым идеалам и ценностям. Но теперь, когда Китай занимает прочное место мирового лидера и сам производит технологии и новые знания, необходимость следования принципам «культурной революции» уже не так актуальна [Гао Нэйчжун 2013: 144]. Соответственно, следующий шаг в культурном развитии Китая – это опора на собственные культурные нормы. Поэтому сейчас, по мнению ученого, статус нематериального культурного наследия меняется: «Когда-то, за исключением редких отдельных явлений, эти предметы, изначально принадлежавшие национальной и народной культуре, никогда не пользовались таким высоким уважением со стороны основных средств массовой информации и официальных институтов, как сегодня». Гао Нэйчжун отмечает, что только в Китае удалось добиться эффекта, при котором популяризация нематериального культурного наследия привела к важным социальным изменениям и улучшила жизнь многих людей. По его словам, сегодня нематериальное культурное наследие «стало приносить честь, благосостояние и возможность зарабатывать на жизнь» [Гао Нэйчжун 2013: 143–152]. Благодаря закону и этой политике меняется сам образ народной, или «низкой» культуры. «Таким образом, с помощью этого механизма народные культурные проекты трансформируются из негативных в позитивные, образуя путь к установлению культуры идентичности на местном и национальном уровнях», – заключает Гао Нэйчжун [Гао Нэйчжун 2013: 150]. В своих трудах автор вводит понятие «культурной экологической среды» (кит. «文化生态») как особой среды, где может функционировать и развиваться нематериальное наследие. В проекте закона о нематериальном культурном наследии Китая 2025 г. данная категория также обозначена.

В 2020 г. в первом выпуске журнала «Нематериальное культурное наследие Китая» Гао Нэйчжун опубликовал программную статью «Особенности практики по охране нематериального культурного наследия в Китае». В тексте автор вновь актуализировал тезис, что 2020 год по значимости может быть приравнен к 2019 году и символизирует новый этап перехода от «культурной революции» к культурной политике с опорой на собственное этнокультурное достояние. Поэтому защита нематериального культурного наследия, по его мнению, это не только явление культуры, но важное социальное движение в современном Китае, «созданное в результате сотрудничества государственных ведомств, интеллектуальных кругов и народа» [Гао Нэйчжун 2020: 49]. Благодаря

финансовой поддержке нематериальное культурное наследие становится важной частью хозяйственного развития отдельных отраслей и территорий, дает импульс к развитию медицины, ремесленного производства, туризма, искусства и многих других сфер [Гао Нэйчжун 2020: 52]. «Видно, что защита нематериального культурного наследия в Китае – это не просто культурная работа, а стратегическая работа, которая полностью интегрирована в экономическое и социальное развитие Китая и влияет на общую ситуацию», – заключает Гао Нэйчжун [Гао Нэйчжун 2020: 53].

Еще одна обсуждаемая китайскими учеными тема – дискуссии по поводу термина «наследие». Профессор Хэ Сюэцинъ в «Теоретических размышлениях об охране нематериального культурного наследия» задается вопросом о сути и содержании термина «наследие». Он выделяет четыре критерия, которые должны включать в себя объекты наследия: «Живость» (活态性), «Народность» (民间性), жизнь (生活性), экологичность (生态性) [Хэ Сюэцинъ 2005: 103–109]. Следуя утилитарным представлениям о назначении наследия, он отмечает, что «защита наследия не должна ставиться в зависимость от препятствий экономическому развитию или снижения качества жизни людей». Гао Нэйчжун в своей последней статье выдвигает пять основных составляющих китайского нематериального наследия: «ориентация на людей» (以人民为中心的理念与实践), «инновации в системе и механизмах» (体制、机制的创新), «сочетание международного и китайского законодательства» (公约》精神与国情结合), «современное управление сферой культуры» (文化领域的现代治理), «всестороннее участие в социально-экономическом развитии» (全面介入社会经济发展) [Гао Нэйчжун 2020: 51–53]. И Гао Нэйчжун, и Хэ Сюэцинъ вводят понятие «культурного суверенитета» (文化主权) как необходимой составляющей развития любого государства в современном глобальном мире. «Культурный суверенитет является духовной основой политической независимости национального государства, если последний является его внешним символом, то первый является его внутренней душой», – заключает Хэ Сюэцинъ [Хэ Сюэцинъ 2005: 105].

Значительный вклад в изучение нематериального культурного наследия в новую эпоху вносит и действующий Председатель Союза фольклористов Китая, заместитель председателя Государственной комиссии по нематериальному культурному наследию при Министерстве культуры КНР академик Лю Куйли. Свой взгляд он изложил в статье «О защите нематериального культурного наследия Китая в условиях глобализации».

Говоря о сути «наследия», он отмечает внутреннее противоречие этого феномена. С одной стороны, стандартный язык и прогресс – это требование времени, с другой – для сохранения наследия приходится отходить от нормы официальной культуры. И суть политики в этом направлении должна заключаться в постоянном поиске баланса [Лю Куйли 2007: 27]. В отличие от Гао Нэйчжуна, он рассматривает движение по защите нематериального культурного наследия как следствие «интереса к культуре» (кит. 文化热), который возник в 1980-е гг. в качестве реакции на неудавшуюся попытку построения глобального общества: «Попытка создать новый культурный мир из ничего не дала желаемых результатов. Сегодняшние национальные размышления и пробуждение достались очень болезненной ценой. Научившись на болезненном опыте, люди начали пересматривать и анализировать наше традиционное национальное культурное наследие с беспрецедентным энтузиазмом и разумностью» [Лю Куйли 2007: 27]. Сохранение нематериального культурного наследия, по логике автора, необходимо, чтобы противостоять западной культуре и ценностям, которые разрушают государства: «Спасение и защита народного культурного наследия, наследование и развитие прекрасных традиций национальной культуры стало общим стремлением людей... Аналогично, если в сфере человеческой культуры будут только Кока-Кола, Голливуд, компьютеры и прочее, то наша мировая культура будет очень однообразной, а мир станет серым и даже культурно и духовно сморщенным миром», – делает вывод Лю Куйли [Лю Куйли 2007: 28–29].

Таким образом, понятие нематериального этнокультурного достояния в современном Китае имеет ряд особенностей. Для китайских ученых характерно выстраивать генетические парадигмы движения за сохранение нематериального наследия и рассматривать его как этап единого культурного процесса. Китайские авторы также отмечают, что фиксация новых объектов нематериального культурного наследия – не только работа ученых, это общенациональное социальное движение. Кроме этого, представление о наследии сопровождается убеждением, что его сохранение не должно препятствовать прогрессу и улучшению жизни людей, а развитие территорий и туризма в местах объектов НЭД является позитивным фактором.

В последние два года тематика нематериального культурного наследия и необходимости его сохранения в КНР, как и в России, актуализировались. На тему нематериального наследия в последние два года в КНР сделано несколько резонансных заявлений и принят ряд документов,

свидетельствующих о готовящейся корректировке законодательства. 13 августа 2021 г. были опубликованы «Мнения о дальнейшей работе по усилению защиты нематериального культурного наследия» (кит. «关于加强非物质文化遗产保护工作的意见»). В этом тексте отмечено, что нематериальное культурное наследие является «базой для непрерывного развития китайской цивилизации» (кит. 中华文明绵延传承的生动), для чувства «принадлежности к народу» (кит. 民族情感) и сохранения «национального единства» (кит. 维系国家统一). В документе сформулировано 20 основных принципов по усилению работы в сфере НКН, объединенных в четыре параграфа: общие требования; система изучения, фиксации и защиты НКН; защита объектов НКН; популяризация НКН [Сообщение Госсовета 2021].

В октябре 2021 г., после внесения в Список ЮНЕСКО традиций приготовления китайского чая – 43-го объекта НКН в этом перечне, председатель КНР Си Цзиньпин выступил с заявлением, где подчеркнул, что необходимо «провести серьезную работу по систематической защите нематериального культурного наследия, чтобы лучше удовлетворять растущие духовные и культурные потребности людей и способствовать культурной уверенности в себе» [Си Цзиньпин 2021]. На состоявшейся 5 марта 2023 г. очередной сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) премьер-министр КНР Ли Цян призвал «активно содействовать творческой трансформации и инновационному развитию нематериального культурного наследия». Также высказывались мнения, что необходимо корректировать политику в этой области и уходить от роста количества объектов в сторону их сохранения и внутреннего содержания [Содействие 2024]. В декабре 2023 г. Министерство культуры и туризма разработало план работ по внесению изменений в закон, создало руководящую группу и экспертную консультативную группу. После проведения полевых исследований, семинаров, тематических исследований и коллективной подготовки был сформирован первоначальный проект. В 2024 г. XIV сессией Постоянного комитета Всекитайского совета народных представителей организованы проверки исполнения закона о нематериальном культурном наследии, высказана рекомендация ускорить работу по его изменению и усилить законодательно-правовую защиту в этой сфере.

Летом 2025 г. правительством КНР был представлен «Проект поправок к Закону о нематериальном культурном наследии Китайской Народной Республики». Проект был опубликован на сайте правительства, его публичное обсуждение приветствовалось и поощрялось. В новом за-

конопроекте, помимо уточнений и регламентации процедуры сохранения объекта НКН и ужесточения требований к репрезентативным наследникам и правительствам провинций по формированию реестров, добавлены положения об интеграции сферы НКН с туризмом, включении НКН в стратегии национального развития, международный обмен и сотрудничество в сфере НКН. В определение понятия НКН добавлено, что оно является важной составной частью «превосходной традиционной культуры Китая». К мерам работы с НКН добавлены исследование объектов и их популяризация. В проект закона включены меры по поощрению и поддержке применения науки и технологий в области охраны НКН, а также положения, касающиеся информатизации и цифровизации (Статья 11), введено понятие «национального культурно-экологического заповедника» как отдельного территориально ограниченного локуса с яркой спецификой, сохраняющего целостность формы и содержания и в связи с этим нуждающегося в комплексной охране (Статья 32). Как сообщается в пояснительной записке к законопроекту, «внесение изменений в закон о НКН руководствуется концепцией Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху, всесторонне претворяет в жизнь дух XX съезда КПК, основано на глубоком изучении важных высказываний и указаний Генерального секретаря Си Цзиньпина по вопросам охраны нематериального культурного наследия, на изучении и постижении основной сути взгляда Си Цзиньпина на культуру и мнение Си Цзиньпина о верховенстве закона»². Принятие закона ожидается до конца 2025 г.

Таким образом, в КНР, несмотря на ратификацию Конвенции ООН, существуют собственная модель работы и законодательная база в сфере сохранения нематериального культурного наследия. Базовые принципы собственной модели были сформулированы более 10 лет назад. За это время количество объектов превысило 100 тысяч, что приводит к дискуссии о пересмотре приоритетов политики от количественного роста к качественному сохранению. До конца 2025 г. ожидается принятие существенных поправок в действующий закон. Можно с уверенностью предположить, что в ближайшие несколько лет тематика нематериального этнокультурного достояния (наследия) в Китае будет играть важную роль в политической повестке в рамках выстраивания собственной модели идентичности в многополярном мире.

² Из Проекта поправок к Закону о нематериальном культурном наследии Китайской Народной Республики. На момент написания книги проект закона был удален из сети Интернет.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

180 states – 180 States Parties now achieved: Angola and Somalia join the 2003 Convention! [Электронный ресурс]: ООН. – URL: <https://ich.unesco.org/en/news/180-states-parties-now-achieved-angola-and-somalia-join-the-2003-convention-13283> (дата обращения: 24.04.2024).

List of standard-setting – List of standard-setting instruments adopted by Unesco or under its auspices [Электронный ресурс]: UNESCO. – URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000378425_eng/PDF/378425eng.pdf.multi.page=11 (дата обращения: 24.04.2024).

Ван Вэньчжан 2006 – Ван Вэньчжан (王文章). Обзор нематериального культурного наследия. Пекин: Издательство культуры и искусства, 2006. – 464 с.

Гао Нэйчжун 2005 – Гао Нэйчжун (高丙中). Теоретические размышления об охране нематериального культурного наследия // Вестник Академии общественных наук провинции Цзянси. 2005. № 2. С. 103–109.

Гао Нэйчжун 2013 – Гао Нэйчжун (高丙中). Защита нематериального культурного наследия в Китае и конец культурной революции // Эра открытости. 2013. № 5. С. 143–152.

Гао Нэйчжун 2020 – Гао Нэйчжун (高丙中). Особенности практики по охране нематериального культурного наследия в Китае // Нематериальное культурное наследие. 2020. № 1. С. 49–53.

Драпеко рассказала 2011 – Драпеко рассказала, почему РФ не приняла конвенцию ООН об охране нематериального культурного наследия [Электронный ресурс]: Парламентская газета. – URL: <https://www.rpr.ru/social/drapeko-rasskazala-pochemu-rf-ne-prinyala-konvenciyu-oon-ob-okhrane-nematerialnogo-kulturnogo-naslediya.html> (дата обращения: 25.09.2023).

Закон 2011 – Закон Китайской Народной Республики «О нематериальном культурном наследии» (кит. 中华人民共和国非物质文化遗产法) [Электронный ресурс]: Правительство КНР. – URL: https://www.gov.cn/flfg/2011-02/25/content_1857449.htm (дата обращения: 11.03.2025).

Китайские объекты 2023 – Китайские объекты, включенные в список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО [Электронный ресурс]: Журнал «Китай». – URL: http://www.kitaichina.com/rshehui/202307/t20230713_800336704.html (дата обращения: 11.03.2024).

Конвенция 2003 – Конвенция об охране нематериального культурного наследия [Электронный ресурс]: ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (дата обращения: 24.04.2024).

М. С. Каменских, В. Л. Кляус, А. В. Черных
ОПЫТ КИТАЯ В ПОЛИТИКЕ СОХРАНЕНИЯ
НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Лю Куйли 2007 – Лю Куйли. О защите нематериального культурного наследия Китая в условиях глобализации // Вестник Китайской академии общественных наук провинции Хэнань. 2007. Вып. 15. № 1. С. 25–34.

Попова, Фоменко 2022 – Попова А. В., Фоменко Е. Г. Место нематериального культурного наследия в государственной политике КНР // Культура и искусство. 2022. № 11. С. 42–53.

Пятый список объектов 2021 – Государственный совет опубликовал «Пятый список репрезентативных объектов нематериального культурного наследия» (кит. 国务院印发 2021 – 国务院印发《关于公布第五批国家级非物质文化遗产代表性项目名录的通知》) [Электронный ресурс]: Правительство КНР. – URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-06/10/content_5616628.htm (дата обращения: 11.03.2024).

Си Цзиньпин 2021 – Си Цзиньпин дал важные указания о защите нематериального культурного наследия (кит. 习近平对非物质文化遗产保护工作作出重要指示强调) [Электронный ресурс]: Правительство КНР. – URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-12/12/content_5731508.htm (дата обращения: 11.03.2025).

Содействие 2024 – Содействие глубокой интеграции культуры и туризма в целях сохранения и развития культурного наследия – депутаты и члены комитетов предлагают свои предложения по обогащению духовной и культурной жизни народа (кит. 促进文旅深度融合推动文化传承发展就丰富人民群众精神文化生活，代表委员这样建议) [Электронный ресурс]: Нематериальное культурное наследие Китая. – URL: https://www.ihchina.cn/news_details/29038.html. (дата обращения: 03.09.2025).

Сообщение Госсовета 2021 – Сообщение Государственного совета об усилении защиты культурных ценностей (кит. 国务院关于加强文化遗产保护的通知) [Электронный ресурс]: Правительство КНР. – URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2006/content_185117.htm (дата обращения: 11.03.2024).

Хэ Сюэцзинь 2005 – Хэ Сюэцзинь. Размышления о сохранении нематериального культурного наследия // Общественные науки провинции Цзянси. 2005. № 2. С. 103–109.

Цзи Юэшэн 2016 – Цзи Юэшэн. Охрана нематериального культурного наследия как приоритет государственной политики КНР // Вестник МГЛУ. 2016. Выпуск 2 (741). С. 330.

Чэнь Лилун 2022 – Чэнь Лилун. Охрана нематериального культурного наследия в Китае и России: опыт сравнительного анализа // Культурная жизнь юга России. 2022. № 2 (85). С. 93–100.

Бай Гуйси (柏贵喜), Ли Тэ (李特)

**СОХРАНЕНИЕ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КИТАЯ
НА МЕСТНОМ УРОВНЕ: ОПЫТ ПРОВИНЦИИ ХУБЭЙ**
(кит. 中国非物质文化遗产保护工作的地方实践：
湖北省的经验)¹

**I. История и современное состояние
нематериального культурного наследия
провинции Хубэй**

1. История

Возникновение и сохранение нематериального культурного наследия имеет свои исторические корни. Традиции провинции Хубэй, основу которых составляют археологические культуры «Ба» и «Чу», играют важную роль в формировании и развитии нематериального культурного наследия провинции.

Культура Чу

Культура Чу², берущая начало от культуры Чжоу³, – это собирательное название материальной и духовной культуры государства Чу, одного из государств на юге Китая в доциньский период, являвшегося важнейшей составляющей китайской цивилизации. Культура Чу, названная в честь одноименного государства и его жителей, достигла особого расцвета в провинции Хубэй, откуда и произошло ее название «культура золотой Чу»⁴.

¹ Перевод текста осуществлен ведущим научным сотрудником Института гуманитарных исследований УрО РАН М. С. Каменских. В случае необходимости в сносках даны примечания переводчика (Прим. пер.). По согласованию с автором текст прошел литературную и редакторскую обработку, некоторые фрагменты оригинала текста не включены в итоговый перевод.

² Царство Чу – одно из крупнейших в Китае периода «воюющих царств» V–III вв. до н. э. Один из реальных претендентов на объединение Китая в единое государство. (Прим. пер.).

³ Государство Чжоу было образовано в XI в. до н. э. (Прим. пер.).

⁴ В ориг. – 金楚 (Цзинь Чу). (Прим. пер.).

Отличительные черты культуры Чу сохранились до наших дней и оказали глубокое влияние на нематериальное культурное наследие Хубэя. Развитие культуры Чу можно разделить на пять этапов: зарождение, рост, расцвет, застой и трансформация [Чжан 1987: 3]. Культура Чу сформировалась в результате непрерывного развития и роста народа Чу и его племен на основе интеграции культур других этнических групп. В «Исторических записках», в разделе «Дом княжества Чу», говорится: «Предки Чу произошли от императора Чжуаньсюя Гаояна. Гаоян был внуком императора Хуан-ди и сыном Чанъи» [Сыма Цянь 1959: 1689]. Это означает, что культура Чу содержит элементы, близкие к наследию государства Ся⁵. Предки Чу получили дворянство от правящей семьи Чжоу за свой вклад в развитие императорской семьи и жили на южном берегу реки Дань. Хотя их дворянский титул не был высоким, это ознаменовало начало основания государства Чу и развития его культуры. С этого момента «Чу» стало официальным названием государства и названием племени [Чжан 1987: 13].

Ранняя культура Чу была создана коренными народами региона Цзянхань⁶ совместно с различными южными государствами эпохи Чжоу, причем жители Чу составляли основную часть. За почти 800 лет развития культуры Чу появилось множество памятников культуры. Руины Паньлунчэн, гробница Сюнцзя и Цзинаньчэн на территории современной провинции Хубэй являются важными репрезентативными памятниками культуры Чу. Принято считать, что культура Чу имеет шесть ключевых элементов: 1) выплавка и литье бронзы, причем производство бронзовых изделий достигло своего пика в это время, примером чего являются колокольчики Цзэнхоуи⁷; 2) шелкоткачество и вышивка, большое количество шелковых тканей было обнаружено в гробнице на горе Машань в Цзянлине провинции Хубэй; 3) технология лакирования, включая лакированные деревянные изделия, такие как барабаны в форме птиц, украшенные тиграми, расписные деревянные резные ширмы и лакированные чаши, найденные при раскопках в Цзинчжоу и Суйчжоу (провинция Хубэй); 4) философия Лао-цзы и Чжуан-цзы, представленная их произведениями «Лао-цзы»

⁵ Легендарное государство (2070–1600 гг. до н. э.), с которого начинается официальная китайская история. Его существование не доказано. (Прим. пер.).

⁶ Междуречье рек Янцзы и Ханьшуй. (Прим. пер.).

⁷ Кит. 曾侯乙 – один из наиболее известных объектов культурного наследия юга Китая. История колокольчиков насчитывает свыше 2400 лет. Найденные в 1978 г. колокольчики издавали звук, в связи с чем сегодня традиция их изготовления активно популяризируется. (Прим. пер.).

и «Чжуан-цзы»⁸; 5) поэзия Цюй Юаня⁹ и проза Чжуан-цзы; 6) чужские искусство, музыка и танцы.

Культура Ба

К западу от основного ареала культуры Чу возникла другая важная цивилизация: культура Ба (кит. 巴). Культура Ба была распространена преимущественно в приграничных районах Чунцина и провинций Хубэй, Сычуань и Шэньси. Центр находился в западной части Хубэя и восточной части Чунцина. Автономный округ Эньши Туцзя-Мяо провинции Хубэй, а также город Ичан (особенно районы Чанъян и Уфэн) являются важными районами культуры Ба. Поскольку этот обширный регион в совокупности был известен как Ба, различные древние этнические группы, населявшие его и процветавшие там, также все вместе называются «ба». Это дало начало таким понятиям, как народ ба, царство Ба и культура Ба.

Принято считать, что древний народ ба делился на две ветви: племена линьцзюнь (кит. 廩君), населявшие гору Уло Чжунли (современный уезд Чанъян провинции Хубэй) в бассейне реки Цинцзян, и племена бандунь (кит. 板楯), обитавшие в бассейнах рек Цзялин и Цюйцзян. Народ туцзя, ныне распространенный на юго-западе провинции Хубэй, в основном является потомками этих племен. Культура Туцзя (кит. 土家) отражает это наследие культуры Ба, и два типичных обычая народа ба до сих пор сохраняются [Бай Гуйси 2011: 6]. Первое – это помещенный в святилище белый тигр, известный как «сидящий белый тигр». Его культ связан с обычаем поклонения и уважения к белому тигру у народа линьцзюнь. Второе – традиция вырезания изображения белого тигра на входной двери для отпугивания чужаков и защиты дома. Этот обычай отражает сложные верования народа бандунь, который не только охотился на белого тигра, но и почитал его [Тан Цзихэ 2018: 4–19]. Кроме того, культура Ба создала развитую материальную культуру, среди памятников которой сохранились бронзовое оружие (мечи, топоры и копья с узором в виде тигра) и музыкальные инструменты. Народ ба рано освоил методы добычи соли и выплавки киновари (ртутного сырья), сделав соляную промышленность ключевым элементом своей экономики, о чем свиде-

⁸ Лао-цзы и Чжуан Чжоу (Чжуан-цзы) – легендарные основоположники даосской философии, трактаты которых составили основу даосского канона. (Прим. пер.).

⁹ Цюй Юань – один из наиболее известных китайских поэтов древности, последовательный сторонник независимости Чу. В знак протеста против его захвата империей Цинь поэт Цюй Юань покончил с собой. День его смерти в Китае отмечается как национальный праздник нематериального культурного наследия. (Прим. пер.).

тельствуют памятники соляного промысла в районе «Трех ущелий»¹⁰. Что касается погребальных обычаев, некоторые племена ба практиковали захоронение в лодочных или подвесных гробах, что отражало их образ жизни, связанный с рекой, и уникальные верования. Бронзовые музыкальные инструменты (колокольчики и звонницы) и танцевальные инструменты (гонги) также отражают важную роль песен и танцев на войне и в ритуалах.

Культура Ба-Чу

Благодаря географической близости культуры Ба и Чу взаимопроникали и смешивались на протяжении тысячелетий, образуя гибридную культуру, которая не была ни чисто баской, ни чисто чуской, проявляясь как «Чу внутри Ба и Ба внутри Чу»: или как культура «Ба-Чу». Это смешение двух культур выражается в следующих аспектах. Во-первых, захоронения чу или ба можно найти на всем ареале этих культур; отдельные артефакты чу или ба можно найти в захоронениях обоих царств. Включение большей части земель ба в государство Чу, когда большинство ба стали подданными Чу, по сути, привело к интеграции ба в культуру Чу и стало важной основой для развития последней. Многочисленные объекты нематериального культурного наследия в провинции Хубэй отражают остатки культуры Ба-Чу. В танцевальной погребальной традиции все еще можно найти отголоски «Девяти песен»¹¹, исполняемых сегодня народом туцзя на юго-западе Хубэя. Танцевальные движения, такие как «Свирепый тигр, спускающийся с горы» и «Феникс, расправляющий крылья», включают в себя элементы поклонения белому тигру народа ба и фениксу народа чу [Янь Вэйсинь 1998].

Обряд народности туцзя «саеэрхэ»¹² символизирует похороны и прославляет жизнь. Быстрый танец и пронзительное пение воплощают открытый взгляд народа ба на жизнь и смерть, а также отражают наследие древней культуры Чу. В литературе и фольклоре именно на основе интеграции культур Ба и Чу Цюй Юань создал свою поэтическую традицию. Сегодня обычаи Праздника драконьих лодок в родном городе Цюй Юаня включают в себя такие мероприятия, как гонки на этих лодках,

¹⁰ «Три Ущелья» (кит. 长江三峡) – район порогов реки Янцзы на границе провинций Хубэй и Сычуань. Одно из наиболее узнаваемых и живописных мест в китайской культуре. (Прим. пер.).

¹¹ «Девять песен» (кит. 九歌) – сборник древних песен, воспевающих подвиги мифического императора Юя. (Прим. пер.).

¹² Кит. 撒叶儿嗬, погребальный песенно-танцевальный жанр юга Китая. Букв. «выпускать листья». (Прим. пер.).

приготовление рисовых пельменей и др. Более того, «Чжучжицы» («Стихи о бамбуковых ветвях»)¹³, введенные литературу поэтом империи Тан¹⁴ Лю Юйси, по сути, представляют собой квинтэссенцию культуры Ба-Чу. Традиционные узоры парчи туцзя «Силанькапу» с тотемом туцзя – фениксом и цветочными мотивами в стиле царства Чу, являются ярким примером ткачества Ба-Чу. В узорах лакированных изделий часто встречаются тотемы Ба-Чу, такие как тигр и феникс, что демонстрирует наследие этой культуры через лаковое искусство.

2. Текущее состояние

Провинция Хубэй обладает древней культурной традицией и богатым нематериальным культурным наследием (НКН). По состоянию на 2025 г. в провинции Хубэй насчитывалось 145 объектов НКН национального и 763 объекта провинциального уровней, включающих в себя 10 категорий: народная литература, традиционная музыка, традиционные танцы, традиционная драма, китайская опера («Цюйи»), традиционное изобразительное искусство, традиционные ремесла, традиционная медицина, фольклор, традиционные виды спорта, развлечения и акробатика. В провинции Хубэй насчитывается 141 репрезентативный наследник национального уровня и 787 уровня провинции. Кроме того, в провинции Хубэй созданы одна национальная и 13 провинциальных экспериментальных зон культурной и экологической защиты, пять национальных демонстрационных баз по защите нематериального культурного наследия и 22 исследовательских центра нематериального культурного наследия. Эти объекты НКН, зоны культурной и экологической защиты всех уровней, демонстрационные базы и исследовательские центры в совокупности составляют основу системы защиты нематериального культурного наследия провинции Хубэй. Можно выделить несколько наиболее значимых объектов НКН провинции Хубэй. К памятникам народной литературы провинции Хубэй можно отнести следующие произведения: «Легенда о Дун Юне», «Легенда о Цюй Юане», «Легенда о Ван Чжаоцзюне», «Легенда об императоре Янь и Шэньнуне», «Народные сказки Уцзягоу», «Легенда о Башне Желтого Журавля» и «Легенда о Тьме». Образцы традиционной музыки провинции Хубэй включают в себя

¹³ «Чжучжицы» (竹枝詞, «Стихи о бамбуковых ветвях») – жанр традиционной китайской поэзии, использовавшийся для описания культуры и нравов неханьских народов Китая. Преимущественно юго-запада. (Прим. пер.).

¹⁴ Империя Тан (кит. 唐) существовала в 618–907 гг. Время Тан считается одним из периодов наивысшего расцвета китайской цивилизации, особенно в части развития литературы и поэзии.

даосскую храмовую музыку горы Удан, народную духовую и ударную музыку провинции Чжицзян, струнную музыку провинции Ичан, народные песни Синшань, традицию пения и игры на инструментах «хаоцао»¹⁵, струнную музыку местности Лаохэкоу, народные песни горы Машань, искусство игры на ударных инструментах и др.

Среди характерных традиционных танцев провинции Хубэй можно выделить погребальные танцы народа туцзя (кит. 土家族撒叶儿嗬), «Жоуляньсян» (кит. 肉连响), «Гаолун» (кит. 高龙), «Байшоу» (кит. 摆手舞), «Фонарь Феникса Юньян» (кит. 郧阳凤凰灯), «Цветок Мачэн Тяо» (кит. 麻城花挑) и танец «Восемь соковищ медного колокольчика» (кит. 八宝铜铃舞) народа туцзя. Традиционными операми для Хубэя считаются «ханьская опера» (кит. 汉剧), «пекинская опера» (кит. 京剧), «Чуская опера» (кит. 楚剧), опера «Цветочный барабан» (кит. 花鼓戏), «хуанмэйская опера» (кит. 黄梅戏), театр теней (кит. 皮影戏), «скрипичная опера» (кит. 提琴戏), опера «Нуо» (кит. 侗戏), опера «Сбор чая» (кит. 采茶), «Ханьгун Эрхуан» (кит. 汉调二簧)¹⁶ и др. Отдельно выделяется жанр Цюйи (кит. 曲艺). Это общее название различных китайских народных сказительских и певческих жанров, уникальная форма исполнительского искусства, которая развивалась на протяжении длительного периода времени на основе устного творчества и пения. Среди разновидностей цюйи в Хубэе можно назвать «Ханьчуаньское поучение» (кит. 汉川善书), «Хубэйские предания» (кит. 湖北评书), «Хубэйский барабан» (кит. 湖北大鼓), «Хубэйские песенки» (кит. 湖北小曲), «Южные песни» (кит. 南曲), «Эньшийский янцинь»¹⁷ (кит. 恩施扬琴), «Песни вдовцов» (кит. 鼓盆歌) и «Саньбан гу»¹⁸ (кит. 三棒鼓) и др.

К традиционным видам спорта в провинции Хубэй относятся боевые искусства горы Удан (кит. 武当) и Юэцзяцюань (кит. 岳家拳)¹⁹.

Традиционное изобразительное искусство Хубэй охватывает различные наименования, созданные большим количеством авторов. Их можно разделить на четыре основные категории: народная живопись, народная скульптура, народные ремесла и народная архитектура. Сюда относятся

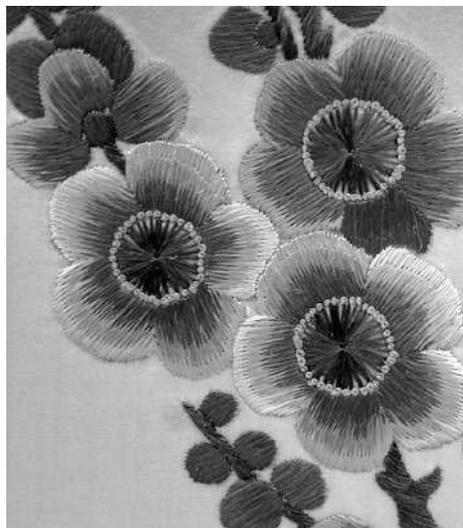
¹⁵ Хаоцао (кит. 薅草锣鼓), букв. – «полоть траву», традиция пения и игры на ударных инструментах, сложившаяся у народа туцзя в рамках сельскохозяйственных работ, когда крестьяне во время работы в поле играли на барабанах и пели одновременно. (Прим. пер.).

¹⁶ Названа в честь исполнительской традиции «Эрхуан», которая пришла в Хубэй из Шэньси по реке Ханьшуй. (Прим. пер.).

¹⁷ Янцинь (кит. 扬琴) – китайский струнный музыкальный инструмент наподобие цимбал. (Прим. пер.).

¹⁸ Саньбангу (三棒鼓) – барабан с тремя палочками. (Прим. пер.).

¹⁹ Вид боевых искусств без использования оружия, названный в честь генерала эпохи Сун Юэ Фэя (1103–1142). (Прим. пер.).

Вышивка ханьсюй. г. Ухань КНР, 2025

Фото М. С. Каменских

вырезка из бумаги, няньхуа²⁰, глиняные фигурки и скульптуры, вышивка, ткачество, создание воздушных змеев, игрушек и декорирование жилых зданий, которые широко распространены среди различных этнических групп. В Хубэе представлены такие ремесла, как вырезка из бумаги, резьба по камню Даэ (кит. 大冶石雕), сахарные скульптуры «тяньмэнь» (кит. 天门糖塑), Хуанмэйская вышивка крестом (кит. 黄梅挑花), Хунъянская вышивка (кит. 红安绣活), аппликация на ткани Янсинь (кит. 阳新布贴), резные модели кораблей по дереву в Ухане (кит. 武汉木雕船模), новогодние гравюры на дереве Лаохэкоу (кит. 老河口木版年画) и ханьская вышивка (кит. 汉绣).

К традиционным ремеслам Хубэй относятся техника строительства домов на сваях народа туцзя (кит. 土家族吊脚楼营造技艺), техника гравировки по свинцу и олову, техника росписи лакированных изделий в чуском стиле (кит. 楚式漆器髹饰), техника производства бронзовых гонгов гаохунтай (кит. 高洪太铜锣制作技艺), ручные работы из керамики в гончарных мастерских уезда Цичунь, техника изготовления воздушных змеев и плетение парчи народа туцзя (кит. 土家族织锦) и др. Характерные примеры традиционной медицины Хубэя – искусство изготовления глазных капель «Майинлун» (кит. 马应龙眼药), искусство приготовления

²⁰ Разновидность китайского лубка. (Прим. пер.).

эликсира Ся (кит. 夏氏丹药) и даосская медицина горы Удан. К числу типичных народных праздников и обычаев провинции Хубэй относятся Праздник драконьих лодок в родном городе Цюй Юаня – местности Сисэ, ярмарка храма горы Удан, фестиваль в честь Шэньнуна²¹ в городе Сюйчжоу, ярмарка храма Ханьян Гуйюань (кит. 汉阳归元), ярмарка храма Даньян Гуаньлин (кит. 当阳关陵) и культ богини Лейцзу²².

3. Характеристики

В целом нематериальное культурное наследие провинции Хубэй обладает такими базовыми характеристиками, как многонациональность, локальность, интеграция и всеобъемлющий характер²³.

Многонациональность

Многонациональность означает, что объект нематериального культурного наследия не принадлежит одной этнической группе, а создается, наследуется и используется совместно двумя или более этническими группами. Провинция Хубэй является родиной многих народов. Этнические группы туцзя, мяо, дун и бай создали богатую и разнообразную культуру благодаря своему многовековому опыту жизни и быта. Нематериальное культурное наследие провинции Хубэй создается, распространяется и является общим для всех этнических групп. Оно воплощает мудрость, мировоззрение, ценности, эстетику и эмоциональное самовыражение этих различных этнических групп. Например, традиционная техника заваривания чая «Эньши Юйлу», широко распространенная в городе Эньши. Народности туцзя, мяо и хань владеют этой техникой и активно выращивают и производят чай, распространяя чайную культуру. Кроме того, Праздник свиданий народа туцзя и строительство домов на сваях – это также совместные творения народностей туцзя, хань, мяо и дун.

Региональность

Каждая этническая группа, как правило, имеет свои особые места проживания и деятельности. Природная среда каждого региона оказывает значительное влияние на эту этническую группу, формируя ее культурную идентичность [Ван Вэньчжан 2013: 58]. Техника строительства

²¹ Один из древних мифических божественных персонажей Китая, покровитель земледелия и медицины. (Прим. пер.).

²² Лейцзу (кит. 嫫祖) – супруга мифического императора Хуанди, почиталась как родоначальница шелководства. (Прим. пер.).

²³ В оригинале – 多民族性、地域性、交融性、综合性等基本特性. (Прим. пер.).

домов на сваях туцзя распространена в районе горы Улин провинции Хубэй. Благодаря высоким горам и глубоким долинам в этом регионе, а также на ограниченном количестве равнинных участков развилась уникальная техника строительства домов на сваях. Местные жители изобрели конструкцию с «высоким столбом», конструкцию домов со «сквозными балками» и «ракетные» сваи. Эти технологии позволили решить проблемы строительства конструкций с точки зрения плоскостей, углов и несущих конструкций, преодолевая существенные сложности в строительстве горных жилищ при ограниченном рельефе местности. Песенная традиция «Сицзян хаоцзы» (кит. 峡江号子, по названию местности) в основном практикуется в бассейне реки Янцзы и ее притока, реки Шэньнунси, в уезде Бадун. Это и разновидность песни, исполняемой лодочниками на реке Янцзы, и нематериальное культурное наследие, уникальное для этой местности.

Интеграция

Интеграция нематериального культурного наследия провинции Хубэй проявляется в двух аспектах. Во-первых, в слиянии различных видов искусства. Например, наньцзюй, также известный как сысянь («шелковая нить»), популярный в районе Чанъян провинции Хубэй, является вариантом народной музыки Хубэя и был широко представлен в периоды Цяньлун и Цзяцин во времена империи Цин. Наньцзюй, с его элегантными текстами и простой музыкой, сочетает в себе элементы культуры Туцзя и кукольного театра теней. Он имеет долгую историю и широко известен в результате культурного и художественного обмена между этническими группами туцзя и хань. Во-вторых, это слияние многоэтнических культурных особенностей. Например, «саньбангу», также известный как «цветочный барабан туцзя», является формой народного искусства, популярной в приграничных районах Хунани, Хубэя, Чунцина и Гуйчжоу, особенно в уезде Лайфэн. К концу империи Цин²⁴ он слился с цветочным барабаном Фэнъян, превратившись в певческое исполнительское искусство, сочетающее в себе акробатику и вокальное исполнение. Эта форма искусства получила большое распространение.

Универсальность

Нематериальное культурное наследие является неотъемлемой частью жизни, продуктом окружающей среды и культуры данной эпохи. Это коллективное творение, охватывающее литературу, танец, музыку

²⁴ Империя Цин (кит. 清) существовала с 1644 по 1911 г. (Прим. пер.).

и изобразительное искусство и т. п. Оперы «Бадун Тан» (кит. 巴东堂), «Фонари Эньши», «Хэфэн Ноюань» (кит. 鹤峰雉愿), «Юг», «Хэфэн Люцзы» (кит. 鹤峰柳子) известны как «Пять золотых цветов» (кит. 五朵金花) традиционной оперы народа туцзя. Они являются любимыми операми всех этнических групп юго-западной провинции Хубэй и широко исполняются среди них. Стили пения, репертуар, инструменты, костюмы и историческое происхождение «Пяти золотых цветов» отражают интеграцию культуры Хань с местными культурами Туцзя и Мяо, а также региональными особенностями юго-западного Хубэя, что приводит к целостному и комплексному представлению.

II. Основные практики и достижения в области сохранения нематериального культурного наследия

Провинция Хубэй опирается на наследие традиционной культуры Китая, содействуя сильному в культурном отношении развитию. Значимость репрезентативных наследников является еще одной ключевой задачей в работе провинции Хубэй по охране нематериального культурного наследия, закладывая основу для нормализации и устойчивого сохранения нематериального культурного наследия. Репрезентативными наследниками объектов нематериального культурного наследия служат лица, несущие ответственность за наследование объектов НКН на всех уровнях, демонстрирующие репрезентативность в конкретной области и оказывающие значительное влияние в определенном регионе. Эти наследники утверждаются и публично признаются органами власти в сфере культуры всех уровней. 1 марта 2020 г. официально вступили в силу «Меры по выявлению и управлению репрезентативными наследниками нематериального культурного наследия национального уровня»²⁵ (далее именуемые «Меры»), разработанные в соответствии с Законом Китайской Народной Республики о нематериальном культурном наследии и другими соответствующими законами и нормативными актами. В «Мерах» подробно описаны процедуры оценки и управления носителями нематериального культурного наследия национального уровня, а также преимущества и обязанности, которые они получают и выполняют. Эти меры обеспечивают более детальное соблюдение нормативных требований в вопросах, связанных с наследниками, в рамках усилий Китая по защите нематериального культурного наследия. Аналогичным

²⁵ В оригинале – 国务院办公厅关于加强我国非物质文化遗产保护工作的意见. Текст закона доступен в сети Интернет: https://www.ihchina.cn/news_1_details/20789.html.

образом «Положения о нематериальном культурном наследии провинции Хубэй», в соответствии с действующими национальными законами и нормативными актами и с учетом специфики провинции Хубэй, устанавливают критерии отбора репрезентативных наследников, репрезентативных объектов нематериального культурного наследия в провинции Хубэй. Эти критерии включают в себя: знание наследником нематериального культурного наследия; репрезентативность в конкретной области и бытование в рамках региона; обязательства, такие как передача навыков посредством ученичества, обучения и организации школ для подготовки новых наследников; права, которыми они могут пользоваться. Например, участие в таких видах деятельности, как передача искусства, демонстрация навыков, художественное творчество, лекции и научные исследования, а также получение субсидий на наследство в соответствии с действующими нормативными актами. В настоящее время провинция Хубэй объявила о создании шести групп по 141 представителю нематериального культурного наследия национального уровня и шести групп по 787 представителей нематериального культурного наследия провинциального уровня.

Создание культурно-экологической защитной зоны в районе горы Улин (юго-запад провинции Хубэй). В 2006 г. в «Концепции Национального плана развития культуры на 11-ю пятилетку» впервые была предложена концепция создания культурно-экологической защитной зоны национального уровня. В следующем году была официально учреждена первая в стране экспериментальная культурно-экологическая защитная зона национального уровня – Южно-Фуцзяньская экспериментальная культурно-экологическая защитная зона²⁶. К 2025 г. по всему Китаю будут созданы 24 культурно-экологические защитные зоны национального уровня и две экспериментальные культурно-экологические защитные зоны национального уровня²⁷. В августе 2014 г. Министерство культуры одобрило создание культурно-экологической защитной зоны туцзя и мяо в районе горы Улин (юго-запад провинции Хубэй). 10 июня 2025 г. Министерство культуры и туризма утвердило создание Культурно-экологической защитной зоны народностей туцзя и мяо в районе горы Улин (юго-запад провинции Хубэй) (далее именуемой «Защитная зона»). Зона, расположенная на территории автономного округа Эньши Туцзя, Мяо и города Ичан провинции Хубэй, является культурно-экологической защитной зоной национального уровня. Она обеспечивает

²⁶ В оригинале – 闽南文化生态保护实验区. (Прим. пер.).

²⁷ Кит. 国家级文化生态保护区 и 国家级文化生态保护实验区 соответственно. (Прим. пер.).

комплексную защиту культурных форм, обладающих глубоким историческим и культурным наследием, хорошо сохранившимся наследием, значительной ценностью и самобытными характеристиками. Следуя принципу «не забывать происхождение и усиливать защиту»²⁸, зона уделяет первостепенное внимание сохранению подлинности, целостности и преемственности нематериального культурного наследия. Цели ее создания включают: поддержание устойчивого баланса в культурно-экологической среде и защиту окружающей среды, от которой зависит нематериальное культурное наследие; содействие культурно-экологическому восстановлению и созданию культурного пространства, способствующего сохранению и развитию культурного наследия; содействие процветанию и развитию культур Туцзя и Мяо на юго-западе провинции Хубэй; содействие интеграции традиционной этнической культуры с современной цивилизацией и создание культурной экосистемы, в которой люди, культурное наследие и природа гармонично сосуществуют. Следуя принципу «видеть людей, видеть предметы, видеть жизнь»²⁹, зона применяет различные подходы к научной охране репрезентативных объектов нематериального культурного наследия, наследников и культурных пространств в основных, ключевых и общих зонах. Специальная охрана охватывает пять направлений: во-первых, охрана репрезентативных объектов нематериального культурного наследия; во-вторых, охрана наследников нематериального культурного наследия; в-третьих, охрана культурных пространств; в-четвертых, охрана важного материального культурного наследия; и, в-пятых, охрана экологической среды.

Строительство Национального культурного парка реки Янцзы. В 2013 г. на третьем пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Китая 18-го созыва впервые было предложено создать «национальные парки». В мае 2017 г. Главное управление Центрального Комитета КПК и Государственный совет КНР опубликовали «Программу развития и реформирования национальной культуры на 13-ю пятилетку», в которой было прямо предложено строительство ряда национальных культурных парков для создания важных символов китайской культуры, в частности, развитие национальных культурных парков как одного из важнейших национальных культурных проектов. В январе 2022 г. было одобрено создание Национального культурного парка реки Янцзы. Провинция Хубэй расположена в самом сердце

²⁸ В оригинале – 不忘本来、加强保护, – 见人见物见生活. (Прим. пер.).

²⁹ В оригинале – 见人见物见生活. (Прим. пер.).

этого парка. Создание Национального культурного парка реки Янцзы обеспечивает систематическую поддержку и открывает значительные возможности для содействия защите, наследованию и развитию нематериального культурного наследия провинции Хубэй. Значение Национального культурного парка реки Янцзы для защиты нематериального культурного наследия заключается в ряде аспектов. В первую очередь, он обеспечивает систематическую и комплексную поддержку защиты нематериального культурного наследия Хубэя. Перевод строительства национальных культурных парков на уровень национальной стратегии означает, что охрана нематериального культурного наследия получит более надежную правовую защиту, более унифицированное планирование и управление, а также более устойчивые инвестиции в ресурсы. Все это способствует интеграции ресурсов и межрегиональному сотрудничеству. Строительство Национального культурного парка реки Янцзы разрушает административные барьеры и содействует скоординированной интеграции и совместной охране ресурсов нематериального культурного наследия в провинции Хубэй и в других провинциях и городах вдоль бассейна реки Янцзы. Это способствует инновационному наследию и возрождению. К тому же повышается узнаваемость и влияние нематериального культурного наследия. При использовании общего бренда Национального культурного парка нематериальное культурное наследие Хубэя получило более высокую выставочную площадку и каналы распространения.

III. Ключевые моменты

1. Придание большего значения

С начала нового века охране нематериального культурного наследия в нашей стране уделяется беспрецедентное внимание. С момента присоединения к Конвенции ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия в 2004 г. Китай стал уделять первостепенное внимание охране нематериального культурного наследия, рассматривая его как важнейшую меру сохранения и развития выдающейся традиционной культуры Китая. В 2011 г. вступил в силу «Закон Китайской Народной Республики о нематериальном культурном наследии», обеспечивающий общую координацию охраны нематериального культурного наследия посредством национальных законов и нормативных актов. Под единым руководством партии и государства провинция Хубэй придает большое значение охране нематериального культурного наследия. Во-первых, при Департаменте культуры и туризма провинции Хубэй создан отдел

нематериального культурного наследия, а при Народном художественном музее – Центр охраны нематериального культурного наследия провинции Хубэй, отвечающий за организацию и реализацию мероприятий по охране нематериального культурного наследия по всей провинции. Во-вторых, в 22 университетах и научно-исследовательских институтах провинции были созданы исследовательские центры нематериального культурного наследия провинции Хубэй. Используя исследовательские возможности и сильные стороны каждого университета, эти центры проводят исследования нематериального культурного наследия в различных областях, оказывая всестороннюю академическую поддержку усилиям по защите нематериального культурного наследия провинции Хубэй. В-третьих, были созданы культурно-экологическая зона защиты культурного наследия народов туцзя и мяо в районе горы Улин (юго-запад провинции Хубэй) (национального уровня) и 13 культурно-экологических зон защиты провинциального уровня. Провинция Хубэй активно осуществляет систематическую защиту многоэтнического нематериального культурного наследия, его репрезентативных наследников и связанных с ними природных экосистем, исторических мест и другого культурного наследия в выделенных районах путем создания культурно-экологических зон защиты на всех уровнях. В-четвертых, были созданы пять общенациональных и 19 провинциальных демонстрационных центров для продуктивной защиты нематериального культурного наследия. Цель этих центров – преобразование ресурсов нематериального культурного наследия в культурные продукты и получение экономической выгоды посредством производства, распространения и продажи, способствуя развитию смежных отраслей и достижению скоординированного развития между охраной нематериального культурного наследия, экономикой и обществом.

2. Ориентация на комплексную и систематическую защиту

Статья 26 «Закона Китайской Народной Республики о нематериальном культурном наследии» четко гласит: «Для конкретных территорий, где сосредоточены репрезентативные, самобытные объекты нематериального культурного наследия, сохраняющие свою форму и содержание, местные органы управления культурой могут разрабатывать специальные планы охраны, которые после утверждения местным народным правительством будут реализованы для региональной комплексной охраны» [Закон КНР 2011]. Комплексная охрана нематериального культурного наследия подразумевает охрану всех аспектов и форм немате-

риального культурного наследия, включая его наследников, среду обитания и навыки, на которых они основаны [Ма Шандэ 2020: 109–111]. Комплексная охрана НКН включает два аспекта: во-первых, охрану целостности важных структур и характеристик самого нематериального культурного наследия; во-вторых, охрану целостности объектов нематериального культурного наследия и окружающей природной и культурной среды. Систематическая охрана нематериального культурного наследия является дальнейшим развитием комплексной охраны. Подчеркивается важность скоординированной реализации всех аспектов: наследования, развития и использования НКН, совершенствования охраны объектов НКН и создания модели устойчивого развития, которая координирует нематериальное культурное наследие с экономическим, социальным, экологическим и национальным развитием [Пань Лушэн 2025: 14–21]. Создание культурно-экологических зон охраны в провинции Хубэй, например культурно-экологическая зона охраны туцзя и мяо в районе горы Улин (юго-запад провинции Хубэй), является моделью для комплексной и систематической охраны нематериального культурного наследия. Благодаря развитию культурно-экологических зон провинция Хубэй усовершенствовала свои институты охраны, укрепила свои системы и рабочие механизмы, улучшила свою инфраструктуру, дополнительно оптимизировала систему инвентаризации и повысила эффективность деятельности по передаче наследия репрезентативными наследниками. Культурно-экологическая среда была еще больше восстановлена, человеческая и природная среды стали более гармоничными, а практика нематериального культурного наследия была устойчивой и динамичной, с сохранением ее основных практик. Фундаментальные культурные коннотации были соблюдены, а культурный дух, сочетающийся с современными ценностями, получил поддержку. Права соответствующих сообществ, групп и отдельных лиц на практику, наследование и воссоздание были соблюдены, что позволило сохранить и даже расширить круг наследников, которые смогут в полной мере воспользоваться преимуществами защиты культурного наследия.

3. Важность разработки стандартов нематериального культурного наследия

С принятием в 2011 г. Закона Китайской Народной Республики «О нематериальном культурном наследии» Китай вступил в эпоху «стандартизации» в области защиты нематериального культурного наследия,

руководствуясь законами, нормативными актами, а также различными стандартами и нормами. Стандартизация – это неизбежный выбор для качественного развития охраны нематериального культурного наследия в Китае в новую эпоху. Она имеет большое значение для реализации концепции качественного развития, дальнейшего углубления работы по охране нематериального культурного наследия и разрешения многочисленных практических противоречий в этой области. Стандарты защиты нематериального культурного наследия представляют собой сложную систему институциональных, иерархических, многоуровневых и процедурных стандартов [Бай Гуйси, Ван Тун 2020: 52–56].

Подлинное «наследование» традиционной культуры нашей страны началось в 2001 г. с включением китайской оперы Куньцзюй в первый Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО. «Наследование» означает преобразование традиционной культуры в «культурное наследие» посредством создания системы подачи заявок и регистрации объектов наследия, а также наделения ее правовыми и институциональными атрибутами для наследования и защиты на основе «целей защиты». Таким образом, наследование фактически представляет собой процесс легализации и институционализации.

Установление стандартов нематериального культурного наследия имеет большое значение для наследования, защиты и управления нематериальным культурным наследием, повышения качества и стандартизации охраны нематериального культурного наследия, защиты прав владельцев культурного наследия и содействия защите прав интеллектуальной собственности на нематериальное культурное наследие. В частности, создание ряда институциональных рамок для стандартизации критериев оценки и процессов в ходе широкомасштабного процесса подачи и утверждения заявок на репрезентативные проекты, репрезентативных наследников и зоны культурной экологической защиты позволяет эффективно избежать управленческих недоразумений. Провинция Хубэй активно разрабатывает и формирует стандартную систему наследования и охраны нематериального культурного наследия. В 2014 г. Отдел нематериального культурного наследия Департамента культуры и туризма провинции Хубэй поручил центрам нематериального культурного наследия более 10 университетов разработать «Стандарты охраны нематериального культурного наследия провинции Хубэй». Эти стандарты охватывают

10 категорий нематериального культурного наследия и устанавливают основные нормы для изучения, учета, охраны, наследования, распространения, использования, исследования и управления нематериальным культурным наследием Хубэя.

4. Интеграция культуры и туризма

Интеграция культуры и туризма подразумевает слияние сферы культуры и туризма для создания богатых, самобытных туристических продуктов и услуг. Нематериальное культурное наследие является важной составляющей выдающейся традиционной культуры Китая. Всестороннее изучение уникальных особенностей нематериального культурного наследия и его интеграция в туристическую деятельность позволят добиться органичного слияния культурных инициатив и туризма, способствуя защите, наследованию и использованию нематериального культурного наследия.

Провинция Хубэй придает большое значение интеграции культуры и туризма в своих усилиях по защите нематериального культурного наследия. Основная цель – интегрировать глубоко укоренившееся нематериальное культурное наследие в современную жизнь и потребление туристических услуг посредством творческого и инновационного развития. Это выходит за рамки простой демонстрации, акцент делается на опыте, взаимодействии и развитии производства. Конечная цель – «использовать культуру для формирования туризма и использовать туризм для продвижения культуры»³⁰, что позволит возродить нематериальное культурное наследие, эффективно охраняя его, а также привнесет культурный импульс в качественное развитие местной экономики и общества. Провинция Хубэй, продвигая глубокую интеграцию культуры и туризма, постоянно содействует защите нематериального культурного наследия и изучает следующие подходы.

Во-первых, работа фокусируется на живом наследии и обновлении опыта нематериального культурного наследия, делая акцент на иммерсивных впечатлениях и динамичных экспозициях, чтобы сделать нематериальное культурное наследие «соответствующим, осязаемым и эмпирическим». Например, в Чайной плантации Ванму в уезде Чжуси провинции Хубэй посетители могут попробовать вручную обжарить

³⁰ Кит. 以文塑旅、以旅彰文. (Прим. пер.).

чай, увидеть весь процесс от сбора до производства, понимая, что чайная культура – это не только искусство питья, но и средство, связывающее природу, традиции и современность.

Во-вторых, делается акцент на инновационной трансформации и молодежном самовыражении, с целью сохранить нематериальное культурное наследие «живым» в настоящем. Внедряя современную эстетику, используя популярные среди молодежи методы коммуникации (такие как короткие видеоролики и прямые трансляции), а также разрабатывая культурные и творческие продукты, осуществляется привлечение молодых репрезентативных наследников. Например, серия мероприятий «Дня культурного и природного наследия» провинции Хубэй в 2025 г. под названием «Знатоки Хубэя, возрождение нематериального культурного наследия» продемонстрировала особенности культуры Цзинчу через попурри из народных песен, включающее такие классические произведения, как «Приветственная мелодия», «Мелодия драконьей лодки» и «Сестра Хуан Сыцзе». Показ мод, посвященный нематериальному культурному наследию провинции Хубэй, с участием наследников НКН и профессиональных моделей наглядно проиллюстрировал наследие и развитие нематериального культурного наследия провинции Хубэй в современном контексте.

В-третьих, работа направлена на расширение цифровых возможностей, использование интернет-платформ для продвижения и продаж, а также применение цифровых технологий для обогащения форматов презентации и расширения границ распространения и развития нематериального культурного наследия. Центр нематериального культурного наследия уезда Цяньцзян провинции Хубэй организовал и провел ряд мероприятий, включая «Культурные мероприятия в честь Праздника весны и Фестиваля фонарей», «Выставку нематериального культурного наследия в честь Дня культурного и природного наследия», «Фестиваль облачных фонарей в честь праздника Цяньцзян – Циси», «Классические теневые представления в честь Дня независимости и Праздника середины осени» и «Празднование праздника двойной девятки и исполнение народных песен Цяньцзян». Прямая онлайн-трансляция этих мероприятий собрала около 10 миллионов просмотров и широко освещалась национальными и провинциальными СМИ, включая Министерство культуры и туризма, организацию «Культура и туризм Китая», общество «Изучение сильной нации» (кит. 学习强国), Национальное радио Китая и радиостанцию «Голос Хубэя».

В-четвертых, необходимо поддерживать возрождение села и улучшать условия жизни населения. Организуя мастерские по нематериальному культурному наследию, развивая туризм, связанный с нематериальным культурным наследию, и продвигая «занятость по месту жительства», мы будем способствовать развитию местной экономики и повышению доходов населения, обеспечивая более широкую аудиторию преимуществами защиты нематериального культурного наследия. Мастерская по нематериальному культурному наследию «Удан Фэн Шэньсянье Лянфэнь» в Даньцзянкоу провинции Хубэй разработала 22 стандартизированных производственных процесса и создала кооператив для организации сельских жителей, профессионально занимающихся выращиванием продукции. К 2024 г. объем продаж продукции «Шэньсянье» превысил 10 миллионов юаней, что увеличило доход более 490 семей.

5. Актуальность обучения репрезентативных наследников нематериального культурного наследия

Программа исследований и подготовки кадров в области нематериального культурного наследия Китая (далее именуемая «Программа исследований и подготовки кадров») является ключевой задачей, изложенной в «Основных положениях 13-го Национального пятилетнего плана развития и реформ в сфере культуры». Цель программы – предоставление университетских академических и преподавательских ресурсов для поддержки усилий по защите нематериального культурного наследия. Программа организует обучение в университетах руководителей проектов в области нематериального культурного наследия, специалистов-практиков и других наследников для систематического изучения профессиональных знаний, исследовательских навыков и методов, а также участия в обменах опытом, дискуссиях и практической работе. Цель программы – «укрепление основ, расширение горизонтов и углубление знаний», повышение культурной уверенности наследников, улучшение их профессиональных и технических возможностей, а также расширение их возможностей в области устойчивого развития. Тем самым комплексно повышается уровень сохранения и передачи нематериального культурного наследия. Программа также способствует накоплению академических и научных исследований в участвующих университетах, совершенствует развитие соответствующих дисциплин и укрепляет роль университетов в культурном наследии и инновациях.

С момента запуска в 2015 г. программа достигла своей цели – обучить 100 000 человек в период 13-й пятилетки, постепенно создавая стандартизованную систему обучения, рабочие механизмы и модель управления, что принесло значительные результаты.

Эта программа не только эффективно мобилизовала многие университеты к участию в работе по сохранению нематериального культурного наследия и придала новый импульс этому делу, но и расширила круг наследников, способствовала распространению подходов к сохранению, усовершенствовала облик традиционных ремесел, а также повысила устойчивость некоторых проектов. Кроме того, программа сыграла положительную роль в возрождении традиционных ремесел, продвижении наследия Цюйи и содействовала борьбе с бедностью. Ее социальное влияние продолжает расти, она стала основным стратегическим инструментом в области сохранения нематериального культурного наследия. В соответствии с требованиями «совершенствования системы охраны и наследования нематериального культурного наследия», изложенными в «Основных положениях 14-го пятилетнего плана национального экономического и социального развития Китайской Народной Республики и долгосрочных целях на период до 2035 года», а также в целях дальнейшего повышения систематичности, стандартизации и эффективности подготовки наследников, программа официально была переименована в «Программу подготовки наследников нематериального культурного наследия Китая на период с 2021 по 2025 год». Она будет и далее реализовываться Министерством культуры и туризма, Министерством образования и Министерством людских ресурсов и социального обеспечения совместно. Провинция Хубэй активно откликнулась на эту инициативу и изучила эффективные подходы к подготовке наследников нематериального культурного наследия. С июня по август 2015 г. Хубэйский колледж народных ремесел, один из 17 учебных заведений страны, участвующих в программе, успешно провел обучение носителей ремесленного мастерства нематериального культурного наследия при поддержке Министерства культуры, а также провинциальных и муниципальных органов культуры. Эта программа постепенно сформировала рабочий механизм, характеризующийся государственной поддержкой, интеграцией школ и учреждений, одновременно с исследованиями и обучением, а также инновационными прорывами, и создала модель обучения, ориентированную на выдающихся личностей. В тот же период Центральный университет национальностей юга Китая, выступающий в качестве пилотного

объекта обучения вырезанию из бумаги, провел месячную обучающую программу для носителей нематериального культурного наследия Китая, что еще больше обогатило содержание и формат обучающей программы вуза. По состоянию на сентябрь 2025 г. Центральный университет национальностей юга Китая провел 10 обучающих семинаров по вырезанию из бумаги, лакированию, изготовлению парчи туцзя и танцу туцзя. Среди других участвующих учреждений провинции Хубэй – Уханьский текстильный университет и Хубэйский институт искусств.

Таким образом, в провинции Хубэй создана и реализуется системная работа по сохранению, изучению и обеспечению современного развития объектов нематериального культурного наследия.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бай Гуйси 2011 – Бай Гуйси (柏贵喜). Трансформация и развитие: исследование социальных и культурных изменений народности туцзя на современном этапе. Пекин: Национальности, 2011. – 252 с.

Бай Гуйси, Ван Тун 2020 – Бай Гуйси (柏贵喜), Ван Тун (王通). Создание стандартной системы наследования и защиты нематериального культурного наследия нашей страны // Журнал Центрального университета национальностей юга Китая (гуманитарные и социальные науки). 2020. № 40 (04). С. 52–56.

Ван Вэньчжан 2013 – Ван Вэньчжан (王文章). Введение в нематериальное культурное наследие. Пекин: Educational Science Press, 2013. – 438 с.

Закон КНР 2011 – Закон Китайской Народной Республики о нематериальном культурном наследии (Указ Председателя Китайской Народной Республики № 42), вступил в силу 1 июня 2011 г. [Электронный ресурс]: Правительство КНР. – URL: https://www.gov.cn/flfg/2011-02/25/content_1857449.htm (дата обращения: 11.03.2025).

Ма Шандэ 2020 – Ма Шандэ (马盛德). Комплексная защита нематериального культурного наследия и создание культурно-экологических зон защиты // Китайские ремесла. 2020. № 6. С. 109–111.

Пань Лушэн 2025 – Пань Лушэн (潘鲁生). Меры по систематической защите нематериального культурного наследия // Нематериальное культурное наследие Китая. 2025. № 1. С. 14–21.

Сыма Цянь 1959 – Сыма Цянь (司马迁). Исторические записки. Т. 5. Династия Хань. Пекин: Книжная компания «Чжунхуа», 1959. – 2500 с.

Бай Гуйси, Ли Тэ
СОХРАНЕНИЕ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КИТАЯ
НА МЕСТНОМ УРОВНЕ: ОПЫТ ПРОВИНЦИИ ХУБЭЙ

Тан Цзихэ 2018 – Тан Цзихэ (谭继和). О культуре Ба // Форум китайской культуры. 2018. № 9. С. 4–19.

Чжан 1987 – Чжан Чжэнмин (张正明). История культуры Чу. Шанхай: Шанхайское народное издательство, 1987. – 780 с.

Янь Вэйсинь 1998 – Янь Вэйсинь (鄢维新). Культура ба-чу: древняя и новая тема // Журнал Центрального университета национальностей юга Китая (издание по философии и социальным наукам). 1998. № 1. С. 62–64.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАЙ ГУЙСИ (柏贵喜),

профессор и научный руководитель Центрального университета национальностей юга Китая, почетный профессор Кашгарского университета (Синьцзян); научный сотрудник Исследовательской базы китайской национального Совета Комитета по делам национальностей Китая
(г. Ухань, Китайская Народная Республика)

ВАЙМАН Дмитрий Игоревич,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований УрО РАН – филиала ФГБУН «Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН»
(г. Пермь, Россия)

ВОЛОДИНА Татьяна Васильевна,

доктор филологических наук, заведующая отделом фольклористики и культуры славянских народов Института искусствоведения, этнографии и фольклора имени Кондрата Крапивы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси
(г. Минск, Республика Беларусь)

ВОСТРОКНУТОВ Артем Викторович,

кандидат исторических наук, доцент Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (г. Пермь, Россия); старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований УрО РАН – филиала ФГБУН «Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН»
(г. Пермь, Россия).

ДОБЖАНСКАЯ Оксана Эдуардовна,

доктор искусствоведения, профессор кафедры искусствоведения Арктического государственного института культуры и искусств
(г. Якутск, Россия)

ДОБРОВОЛЬСКАЯ Варвара Евгеньевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и славянского искусствоведения Института славянской культуры Российского государственного университета им. А. Н. Косыгина
(г. Москва, Россия)

КАМЕНСКИХ Михаил Сергеевич,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований УрО РАН – филиала ФГБУН «Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН»
(г. Пермь, Россия); старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН им. Н. Н. Миклухо-Маклая
(г. Москва, Россия)

КЛЯУС Владимир Леонидович,

доктор филологических наук, заведующий отделом фольклора
Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН
(г. Москва, Россия)

КОЖАНОВА Наталья Григорьевна,

ведущий специалист этноцентра Пермского дома народного
творчества «Губерния»
(г. Пермь, Россия)

ЛИ ТЭ (李特),

докторант Центрального университета национальностей юга Китая
(г. Ухань, Китайская Народная Республика)

ПУРТОВА Тамара Валентиновна,

кандидат искусствоведения, профессор, заслуженный деятель
искусств Российской Федерации, директор Государственного
Российского Дома народного творчества имени В. Д. Поленова
(г. Москва, Россия)

РУСАНОВА Мери Вахтанговна,

заслуженный работник культуры РФ,
первый заместитель директора Государственного
Российского Дома народного творчества имени В. Д. Поленова
(г. Москва, Россия)

САННИКОВА Татьяна Марковна,

директор Пермского дома народного творчества «Губерния»
(г. Пермь, Россия)

ЧЕРНЫХ Александр Васильевич,

доктор исторических наук, член-корр. РАН,
директор Института гуманитарных исследований УрО РАН –
филиала ФГБУН «Пермский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения РАН» (г. Пермь, Россия);
профессор Пермского государственного
гуманитарно-педагогического университета (г. Пермь, Россия);
ведущий научный сотрудник Института этнологии
и антропологии РАН им. Н. Н. Миклухо-Маклая
(г. Москва, Россия)

ЧЕРНЫШЕВА Юлия Сергеевна,

научный сотрудник Института гуманитарных исследований
УрО РАН – филиала ФГБУН «Пермский федеральный
исследовательский центр Уральского отделения РАН»
(г. Пермь, Россия)

НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ
ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ
ДОСТОЯНИЕ

концепции
и практики

12+

Редактор – *А. В. Казаков*
Дизайн и верстка – *Л. Г. Пенягина*
Корректор – *И. И. Плотникова*
Координатор проекта – *Г. Ю. Цыганкова*

© Коллектив авторов, 2025
© ООО «Издательство «Маматов», 2025

ISBN 978-5-91076-301-6

Издательство «Маматов»
192212, Санкт-Петербург,
ул. Белградская, д. 24 «А» – 20
www.mamatov.ru

Подписано в печать 13.11.2025.
Формат 70x100/16. Гарнитура Deca Sans.
Тираж 500 экз. Заказ № 327885

Отпечатано с готовых файлов ИП Дудкин В. А.
614064, г. Пермь, ул. Усольская, 15, корпус 3